ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

«НАУКА»
1993

Многопрофильный концерн

"Гермес"

объявляет конкурс на лучшие социально-экономические исследования, программы, прогнозы

ПРИЗОВОЙ ФОНД — БОЛЕЕ 20 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ

Первая премия — 10 миллионов рублей.
Две вторые премии — по 3 миллиона рублей каждая.
Три третьих премии — по 1 миллиону рублей каждая.
Тридцать промежуточных премий — по 100 тысяч рублей каждая.

Основные конкурсные темы:

«Социально-экономическое положение России или отдельного региона (области, района, города, поселка, деревни)»

«Пути экономического и духовного возрождения России»

«Усовершенствование органов власти и народного самоуправления»

«Пути интеграции России в мировую экономику»

«Проблемы нефтегазового комплекса СНГ (отдельного региона, объединения, управления, предприятия) и пути их решения»

«Профсоюз "Гермес" — каким он должен быть?»

ВАШИ ИДЕИ НУЖНЫ РОССИИ!

Работы принимаются до 31 января 1994 года.

Итоги подводятся ежеквартально с вручением промежуточных премий, информация публикуется в прессе.
Премии вручаются в виде акций (из расчета их рыночной стоимости) и материальных ценностей.

Окончательное подведение итогов конкурса и вручение главных призов — во II квартале 1994 г.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
«Гермес» не вступает в переписку с авторами и не оказывает консультативной помощи.

Гарантируется конфиденциальность информации.
Допускается использование псевдонимов.

Работы на конкурс отправлять только почтой по адресу:
103051, г. Москва, а/я 164, «Гермес».

Ранее «Гермес» провел конкурс «Эзотерические знания о "Гермесе" и объявил конкурс на лучший цикл публикаций о Гермесе и "Гермесе" («Известия», № 126, 1992 г.). Общий призовой фонд этих конкурсов — 10 миллионов рублей.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1(204)

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

МОСКВА 1993 "НАУКА"

Редакционный совет

член-корр. АН России *С.С. Аверинцев* (председатель), д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*, д.и.н. *О.Д. Берлев*, акад. *Т.В. Гамкрелидзе*, *д.и.н. И.М. Дьяконов*, акад. АН Армении *С.Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*, д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*, д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д. филол. н. *В.П. Нерознак*, акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, акад. АН Армении *Г.Х. Саркисян*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор),

Ю.В.Андреев, *Е.В.Антонова*, *Л.С.Баюн*, *Ю.Г.Виноградов* (зам. главного редактора), *М.Л. Гаспаров*, *Г.Г. Гиоргадзе*, *В.А. Головина*, *Е.С. Голубцова*, *М.А.Дандамаев* (зам. главного редактора), *С.Г.Карпюк* (ответственный секретарь), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*, *В.И. Кузищин* (зам. главного редактора), *Л.П. Маринович*, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*, *В.М. Смирин*, *М.К. Трофимова*, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *E. Frolov*, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*, *A. Podosinov*, *D. Raevsky*, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*, *M. Trofimova*, *V. Ukolova*, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

S. Averintsev (Chairman), *V. Abaev*, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*, *Vyach. Vs. Ivanov*, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livshits*, *I. Mayak*, *G. Melikishvili*, *V. Neroznak*, *G. Pugachenkova*, *S. Yeremyan*, *G. Sarkisyan*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

© Издательство "Наука",
"Вестник древней истории", 1993 г.

© 1993 г.

Хайнц Бехерт

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДАТИРОВКЕ ПАРИНИРВАНЫ БУДДЫ И ИСТОКИ ТХЕРАВАДСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Даты жизни Будды — спорная проблема. В биографии Будды нет датировок, которые единодушно принимали бы все основные буддийские традиции и применяли все исследователи. Специалисты так и не смогли прийти в этом вопросе к согласию. Хотя большинство и буддийских источников, и исследователей едино в том, что Будда скончался в возрасте 80 лет, Паринирвана, кончина Будды, традиционно датируется временем от 2420 до 290 г. до н.э. в переводе на христианское летосчисление. Это обстоятельство не только сильно путает исследователя, но и становится для современных буддистов камнем преткновения на пути к экуменическому сотрудничеству, и потому вопрос о хронологии широко дискутируется в кругах международного буддийского движения и предпринимаются попытки достичь единого мнения в вопросах, касающихся буддийской эры.

Вопрос о датах жизни Будды и его современников не менее важен и для историков. Он остается первостепенной задачей для индийской, да и мировой историографии, почему неоднократно и предпринимались попытки достичь консенсуса. Однако южноазиатские и европейские ученые, с одной стороны, и японские — с другой, так и не пришли к соглашению. Большинство западных и многие южноазиатские ученые использовали примерно с середины XIX в. и до недавнего времени хронологию, согласно которой «Будда умер вскоре после 480 г. до н.э.», как сказано в «Кембриджской истории Индии»[1].

Эта хронология опирается на сведения о том, что Паринирвана Будды произошла за 218 лет до вступления на престол царя Ашоки. Сведения эти содержатся в палийских хрониках Дипавамсы и Махавамсы, составленных сингальскими авторами на Шри Ланке в IV — начале VI в. н.э., и в «Саманта-пасадике» Буддхагхоши, отражающей ту же традицию. Однако датировка Паринирваны Будды, вычисляемая на основе этих памятников и принимаемая сингальскими буддистами на Шри Ланке и тхеравадскими буддистами в Юго-Восточной Азии, приходится не на 477 или 480 г. до н.э., но на 544 г. до н.э. Это и есть точка отсчета буддийской эры (эра Буддхасасана), используемой всеми тхеравадскими общинами в Южной и Юго-Восточной Азии[2]. Эту эру можно условно назвать первоначальной или «неисправленной долгой хронологией» или «южнобуддийской хронологией», тогда как хронология, используемая современными западными учеными, известна под названием «исправленной долгой хронологии».

---

[1] *Charpentier J.* The History of the Jains // The Cambridge History of India. V. 1. Cambr., 1922. P. 156.

[2] Расхождение на один год между буддийским календарем Шри Ланки, Бирмы, Индии и Непала, с одной стороны, и Таиланда, Камбоджи и Лаоса— с другой, не связано с различием точки отсчета. Причина здесь чисто техническая: на Шри Ланке, в Бирме, Индии и Непале год Паринирваны Будды считается первым, в то время как буддисты Таиланда, Камбоджи и Лаоса считают его нулевым.

В первый период европейских исследований буддизма, на заре XIX в. ученые в основном следовали неисправленной «южнобуддийской» или тхеравадской хронологии, принимая за точку отсчета 544 г. до н.э. Из известных в то время традиционных датировок эта была позднейшей и потому, видимо, внушала наибольшее доверие. Однако уже Джордж Тёрнор во введении к своему эпохальному изданию и переводу «Великой хроники» Цейлона, или Махавамсы, опубликованном в 1837 г., отметил расхождение почти в 60 лет между датами правления маурийского царя Чандрагупты, сообщаемыми этой традицией, и датами, устанавливаемыми благодаря идентификации Чандрагупты с Сандракоттом греческих авторов, предложенной сэром Уильямом Джонсом в 1793 г. Тёрнор заключил, что даты правления царей Чандрагупты и Ашоки в хронике чересчур удревнены. Тем не менее он принял на веру сведения Махавамсы о том, что между смертью Будды и восшествием на престол Чандрагупты Маурьи прошло 168 лет, а между тем же событием и помазанием на царство Ашоки — 218 лет[3]. На этих основаниях Тёрнор и построил то, что впоследствии было названо «исправленной долгой хронологией». В дальнейшем она была подтверждена дешифровкой надписей Ашоки и идентификацией упоминаемых в них греческих правителей.

Как я уже упоминал, «исправленная долгая хронология», где расхождения были минимальны (скажем, дата кончины Будды определялась временем от 486 до 477 г. до н.э.), послужила краеугольным камнем индийской хронологии вообще. Большинство приблизительных датировок древнеиндийских литературных произведений зависит именно от предлагаемой этой хронологией даты смерти Будды, которую многие считали первой исторической датой в индийской истории. Однако в буддийских санскритских произведениях и их переводах мы встречаем хронологическую традицию, совершенно отличную от той, что отражена в тхеравадских источниках. Это так называемая краткая хронология, согласно которой смерть Будды произошла всего лишь за сто лет до помазания Ашоки на царство. В то время как канонические, псевдоканонические и большинство постканонических произведений буддийской санскритской традиции придерживаются именно цифры 100, в китайской версии трактата Васумитры о расколах («Самаябхедопарачанаачакра») мы находим число 116 (вариант «160»), в трактате Бхавьи «Никаябхедавибхангавьякхьяна» — «160», а также некоторые другие варианты в поздних источниках. Эта «краткая хронология» не дает однако, хронологической системы подобно тому, как это делает «долгая хронология».

Индийские традиции содержат только относительную хронологию, например разрыв во времени между Нирваной Будды и эпохой царя Ашоки или царя Канишки. В материковой Индии в древности не существовало непрерывной буддийской историографической традиции. Поэтому у средневековых индийских буддистов не было надежных сведений относительно разрыва во времени между эпохой Ашоки или Канишки и их собственной — соответственно у них не было общепринятого способа определения длительности интервала между их эпохой и Нирваной. Если, вычисляя хронологию маурийской эпохи, они использовали сведения индуистских пуран, датировки получались относительно ранними. На этом же основываются различия китайских и тибетских попыток вычислить дату Нирваны в их собственных хронологических системах. В этом отношении индийская традиция коренным образом отличается от традиции тхеравадинов, которая с достаточно раннего времени отражает последовательную хронологическую систему.

Эта так называемая краткая хронология и ее варианты являются отправной точкой вычисления дат жизни Будды для ведущих современных японских ученых. При вычислениях они используют примерно ту же методику, что и при-

[3] *Turnour George.* The Mahávanso in Roman Characters. V. 1. Colombo, 1837. P. XLVIII—L.

верженцы «исправленной долгой хронологии», т.е. прибавляют 100 или 116 лет и т.д. к дате восшествия царя Ашоки на престол, установленной современными историками, и получают таким образом 368 или 386 и др. годы до н.э. В своем докладе на симпозиуме 1988 г. о датах жизни Будды Акира Хиракава предположил, что Ашока жил приблизительно через сто лет после смерти Будды, поскольку именно эта датировка содержится в большинстве источников Трипитаки, и аргументы в ее поддержку могут быть приведены также с точки зрения развития сангхи. Хадзиме Накамура, однако, в своем докладе на той же конференции настаивал, что дату Нирваны следует отсчитывать от даты, имеющейся в китайской версии «Самаябхедопарачаначакры» Васумитры, где говорится, что между смертью Будды и появлением Ашоки прошло 116 лет. Эту теорию, согласно которой Нирвана приходится на 383 г. до н.э., Накамура предложил еще в 1955 г. Его вычисления основаны, однако, на сравнительно позднем тексте и противоречат данным других, ранних источников[4].

Когда автору этой статьи пришлось столкнуться с расхождением взглядов ученых, получивших западное и японское образование, у него возник соблазн проверить достоверность западной или «индологической» хронологии. В процессе этого исследования я пришел к выводу, что аргументы в пользу правильности столь широко распространенной «исправленной долгой хронологии» никак нельзя считать убедительными.

2. Анализ исправленной долгой хронологии. Как уже говорилось, достоверность исправленной долгой хронологии, относящей смерть Будды приблизительно к 480 г. до н.э., базируется исключительно на априорном предположении, что сведения о количестве лет, прошедших со времени Нирваны до воцарения Ашоки, а именно 218, точны и правильны. В исследовании, опубликованном в 1953 г., Андре Баро собрал и рассмотрел все доводы в пользу принятия «исправленной долгой хронологии»[5]. Хотя профессор Баро уже не считает исправленную долгую хронологию достоверной, я думаю, позволительно будет обратиться к аргументам в ее пользу в том виде, в каком они приводятся в его работе. Это сделано единственно для удобства, поскольку упомянутая работа представляет лучший из имеющихся обзор всех аргументов в пользу данной хронологии. Добавляю я к этому и некоторые собственные замечания[6].

1. Во всех редакциях Винаяпитаки (единственное исключение — версия махасангхиков) отмечается, что собор в Вайшали, проводившийся в царствование Дхармашоки, проходил через 100 (или 110) лет после Паринирваны. Тем самым краткая хронология, согласно которой Дхармашока короновался в 100 г. после Паринирваны, должна быть ошибочной[7].

Представляется, однако, что слова о ста годах после Паринирваны применительно к собору в Вайшали употреблены не для обозначения точного отрезка времени, но как круглая цифра для обозначения неопределенно долгого времени[8].

2. Так называемая История Хотана (Li-yul-gyi lo-rgyus) относит царствование

---

[4] Обзор японских исследований о датировках жизни Будды см. *Nakamura Hajime.* Indian Buddhism, A survey with bibliographical notes. Tokyo, 1980. P. 13—15; ср. особенно *Хакудзи Уи.* Буцумецу нендай рон (О дате смерти Будды) // Гендай буккё. Июнь — август 1924; *Хадзиме Накамура.* Маурия-отё но нендай ни цуйте (Дата династии Маурьев) // Тохогаку. 1955. 10. С. 1—16.

[5] *Bareau André.* La date du Nirvāna // JA. 1953. 241. P. 27—62. Однако в статье: Quelques considérations sur le probleme posé par la date du Parinirvāna du Buddha // The Dates of the Historical Buddha. Die Datierung des historischen Buddha / Ed. H. Bechert. Pt 1. Göttingen, 1991. A. Баро предлагает датировать Паринирвану Будды временем около 400 г. до н.э., т.е. примерно на 80 лет позже, чем принято в исправленной долгой хронологии.

[6] Это резюме дискуссии; см. публикацию: *Bechert H.* Die Lebenszeit des Buddha — das älteste feststehende Datum der indischen Geschichte? // Nachrichten der Akad. d. Wiss. in Göttingen. Phil.-hist. Kl. 1986. № 4. S. 150—168; см. также *idem.* The Date of the Buddha Reconsidered // Indologica Taurinensia. 1982. 10. P. 29—36.

[7] *Bareau.* La date du Nirvāna. P. 27—29.

[8] Подробнее см.: *Bechert.* Die Lebenszeit...

Дхармашоки к 234 г. после Паринирваны, что не так уж сильно отличается от цейлонской датировки (218 г. эры Будды)[9].

Однако текст этот довольно поздний и составлен, видимо, в VII в. н.э. Тем самым весьма вероятно, что эта хронологическая информация в конечном счете восходит к какому-либо тхеравадскому источнику. В Центральную Азию это влияние могло прийти через святые места буддизма, особенно через Бодх Гайю[10].

3. Список индийских царей в цейлонских источниках частично совпадает со списком царей в пуранах и джайнских источниках[11], и это считается подтверждением достоверности цейлонской традиции.

Однако в остальном эти традиции демонстрируют фундаментальные различия, так что вряд ли эти вычисления опираются на заслуживающие доверия исторические источники.

4. Известно, что Махавира был современником Будды. Нирвану Махавиры Герман Якоби и Ярл Шарпантье относят на основании данных Хемачандры к 468 г. до н.э. Это в целом соответствует исправленной цейлонской датировке Нирваны Будды[12].

Однако в джайнской хронологии много проблем. Шветамбары считают, что Махавира умер в 528 г. до н.э., дигамбары — что в 510. Встречающаяся в современных научных публикациях дата 468 г. до н.э. основана на довольно сложных расчетах Германа Якоби, Ярла Шарпантье и др., а эти ученые черпали сведения в основном из произведений Хемачандры и Мерутунги, двух довольно поздних авторов.

И в самом деле, если пересмотреть различные попытки индийских и западных ученых установить хронологию Махавиры, мы столкнемся со многими несообразностями. Герман Якоби утверждал, что он опроверг содержащееся в трех сутрах Типитаки («Пасадикасуттанта» и «Сангитисуттанта» Дигханикаи и «Самагамасуттанта» Маджхиманикаи) утверждение, будто Нигантха Натапутта, т.е. Махавира, скончался раньше Будды. При этом он опирается на чисто хронологический аргумент, а именно на дату 484 г. до н.э., которую он вычисляет для Нирваны Будды, и на дату 477 г. до н.э. для Нирваны Махавиры, вычисленную по Паришиштапарвану Хемачандры. Обе даты отсчитываются от восшествия на престол Чандрагупты, т.е. отсчитываются 162 года согласно цейлонским буддийским хроникам, но только 155 лет согласно Хемачандре[13]. Таким образом, аргументация Якоби — типичный порочный круг, в котором результат определяется недоказанным предположением. К.Р. Норман недавно пытался вдохнуть новую жизнь в гипотезу Якоби в связи с теорией А.Л. Бэшема о том, что ранние буддисты спутали Махавиру и Маккхали Госалу[14], что само по себе мало вероятно. Бэшем, считая, что Нирвана Будды относится к 483 г. до н.э., поскольку это соотносится с его «общей хронологической схемой»[15], в своей монографии совершенно не рассматривает возможность иных хронологических подсчетов. Он полагает также, что поздние буддисты могли наме-

---

[9] *Bareau.* La date du Nirvāna. P. 51.

[10] Ср. *Bechert.* Die Lebenszeit... S. 166.

[11] Ср. *Bareau.* La date du Nirvāna. P. 31—36, 60 f.

[12] Ibid. P. 53—56.

[13] Теорию Якоби см.: *Jacobi H.* Buddhas und Mahāvīras Nirvāṇa und die politische Entwicklung Magadhas zu jener Zeit (1930) // Kleine Schriften / Ed. B. Kölver. V. 2. Wiesbaden, 1970. S. 803—814. См. более подробно о теориях относительно времени жизни Махавиры: *Bechert.* Die Lebenszeit... S. 141—144; *idem.* A Remark on the Problem of the Date of the Mahāvīra // Indologica Taurinensia. 1983. 11. P. 287—290.

[14] *Norman K.R.* Observations on the Dates of the Jina and the Buddha // The Dates of the Historical Buddha; *Basham A.L.* History and Doctrines of the Ājivikas. L., 1951. P. 75. Эту теорию уже выдвигал Шарпантье: *Charpentier J.* The Date of Mahavira // Indian Antiquary. 1914. 43. P. 128 f.

[15] *Basham.* Op. cit. P. 74; *Charpentier.* Op. cit.

ренно изменить имена своих ранних учителей[16], не приводя, впрочем, никаких убедительных аргументов в пользу этого малоправдоподобного предположения.

Жан Филлиоза отметил, что о восшествии Чандрагупты на престол в 313 г. до н.э. сообщают не только джайнские, но и западные источники[17]. В связи с этим он делает вывод, что джайнская хронология основывается на древней и надежной традиции. Однако точность датировки воцарения Чандрагупты не доказывает, что у джайнских авторов была столь же надежная хронологическая информация и по более раннему периоду, и не дает нам права использовать эту информацию для установления дат жизни Махавиры.

Баро в своей работе 1953 г. уже касался вопроса о достоверности хронологической информации, содержащейся в джайнских источниках, и пришел к выводу, что «решающим аргументом» в ее пользу является ее соответствие обычно принимаемой датировке Нирваны Будды, ок. 480 г. Тем самым мы вновь попадаем в порочный круг, и использование этого аргумента для вычисления точной даты Паринирваны Будды становится невозможным[18].

5. Некоторые ученые ссылаются на «Точечную летопись» как на дополнительное свидетельство в пользу «долгой хронологии», но проф. Баро справедливо отмечает, что, как признал Дз. Такакусу, традиция эта, по-видимому, возникла на Цейлоне и потому не является самостоятельным источником[19]. Некоторые вопросы, связанные с «Точечной летописью», будут рассмотрены ниже.

6. Тибетский историк Сурешаматибхадра (lHa-dbaṅ-blo-gros-bzaṅ-po) отмечает, что в Тибете была известна традиция, датировавшая Паринирвану Будды 545 г. до н.э., т.е. временем, практически совпадающим с датировкой неисправленной Цейлонской хронологии[20].

Подсчеты эти основаны на данных кашмирского монаха Шакьяшрибхадры, по которым вычисляется дата 544 г. до н.э. Эта хронология основана на тхеравадской традиции и не может считаться самостоятельным источником[21].

7. Бхавья отмечает 137 г. буддийской эры как год первого великого раскола согласно традиции Саммития. Если добавить к этой цифре 69 лет, на которые приходятся царствования Махападмы, Чандрагупты и Биндусары, мы получим 206 год после Паринирваны Будды как год воцарения Дхармашоки, что не столь уж далеко от датировки, сохранившейся в цейлонской традиции[22]. Однако и этот аргумент содержит чересчур много недоказанных предположений для того, чтобы быть убедительным.

8. Шарипутрапариприччха (текст школы махасангхиков) датирует первый раскол внутри этой школы II веком буддийской эры. Этот текст, однако, относит преследование буддистов Пушьямитрой ко времени, предшествующему первому расколу. Если принять 140 г. буддийской эры в качестве даты первого раскола, который должен был произойти до Ашоки, и не обращать внимания на явную путаницу в тексте, Паринирвану Будды можно будет датировать временем около 400 г. до н.э.[23]

Однако же из текста вычисляется не 400, но 290 г. до н.э. Такой расчет и лежит в основе одной из систем хронологии, упоминаемой тибетскими ис-

---

[16] *Basham.* Op. cit. P. 75.

[17] *Filliozat Jean.* La date de l'avénement de Candragupta roi du Magadha // Journal des Savants. 1978. P. 175—184.

[18] *Bareau.* La date du Nirvāna. P. 56.

[19] Ibid. P. 53.

[20] Ibid. P. 51 f.

[21] См. *Schlagintweit Emil.* Die Berechnung der Lehre. Eine Streischrift zur Berichtigung der buddhistischen Chronologie, verfasst im Jahre 1591 von Sureśamatibhadra. Aus dem Tibetischen übersetzt (und mit einer Ausgabe des Textes versehen) // Abhand. d. Bayerischen Akad. d. Wiss. 1. Cl. XX. 3. 1896. P. 593 f. Анализ этой хронологии см.: *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 154 f; *Grönbold G.* Das datum des Buddha nach tantrischen Texten // The Dates of the Historical Buddha.

[22] *Bareau.* La date du Nirvāna. P. 37 f.

[23] Ibid. 38 f.

точниками, но отвергаемой ими как ошибочной. Современные исследователи следуют почти такой же схеме рассуждений: датировка Паринирваны Будды 290 годом не может быть верной, поэтому текст необходимо интерпретировать таким образом, чтобы получить приблизительно 400 год. Рассуждения такого рода глубоко ошибочны, поскольку составители текста не обладали историческими знаниями современных ученых и соответственно у них не было причин, которые могли бы помешать отнести Паринирвану Будды к 290 г. до н.э.[24]

9. Флит и другие пытались датировать Нирвану с помощью астрономических вычислений. Здесь достаточно сослаться на критические замечания Баро по поводу этих крайне ненадежных аргументов[25].

Существуют и другие трудности и противоречия, возникающие в случае признания надежности исправленной цейлонской хронологии. Большинство из них было отмечено и рассмотрено различными учеными:

А. Первая трудность связана с неверным вычислением времени царствования Ашоки в цейлонских хрониках. Эта проблема уже упоминалась и будет рассмотрена ниже. Будет показано, что эта ошибка в расчетах бросает тень и на достоверность сведений о том, что Ашока вступил на престол в 218 г. буддийской эры.

Б. Существуют в ранней буддийской традиции списки так называемых патриархов. Неоднократно отмечалось, что для этих списков характерна «необычно большая продолжительность жизни древнейших патриархов, если вычислять ее в соответствии с долгой хронологией»[26]. Более пространный список «Учителей Абхидхаммы» есть позднейшее расширение древнего списка тхеравадских «патриархов»; исторического значения он не имеет[27]. Следовательно, сторонники исправленной долгой хронологии должны объяснить, почему списки патриархов не соответствуют их хронологии. Ведь списки во всех трех главных традициях, а именно в тхераваде или палийской школе, у сарвастивадинов и мула-сарвастивадинов явно независимы друг от друга[28], но все они слишком коротки для того, чтобы соответствовать исправленной долгой хронологии, т.е. промежутку в 218 лет между Паринирваной и воцарением Ашоки.

Огромное значение преемственности учителей в буддизме хорошо известно, и известно также, что хронологические данные в индийской традиции зачастую ненадежны. Имена так называемых патриархов, но не даты их жизни, содержатся в каноническом тексте Винаи, и историчность некоторых из них подтверждается независимыми источниками. Хронологические сведения, однако, содержатся в постканонических источниках, и потому, вероятнее всего, имена патриархов переданы совершенно правильно, но даты их жизни неверны.

То же, между прочим, относится и к джайнской традиции. Эрнст Лойманн, один из крупнейших специалистов по джайнизму, справедливо заметил, что, как правило, списки тхер предполагают надежную, тщательно передававшуюся традицию[29]. Якоби заметил, что список патриархов (sthavirāvalī) слишком короток для того, чтобы соответствовать джайнской хронологии, установленной им, и попытка совместить этот список и хронологию Якоби приводит к «совер-

---

[24] См.: *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 155 f., 166 f.; относительно соответствующей тибетской традиции см. *Macdonald A.* Préambule à la lecture d'un Rgya-Bod yig-chaṅ // JA. 1963. 251. P. 67, 121 f. Note 58.

[25] *Bareau.* La date du Nirvāna. P. 56.

[26] *Rhys Davids T.W.* On the Ancient Coins and Measures of Ceylon. L., 1877. P. 44—56. (§ 94—124); *Kern H.* Manual of Indian Buddhism. Strassburg, 1898. P. 108 f.; *Geiger W.* The Mahāvaṃsa or the Great Chronicle. L., 1912. P. XX—XXII, XLVII—L; *Franke R.* Dīghanikāya: Das Buch der langen Texte des buddhistischen Kanons. Göttingen, 1913. P. XLV; *Thomas E.J.* Theravādin and Sarvāstivādin Dates of the Nirvāṇa. B.C. Law Volume. Pt 2. Poona, 1946. P. 19 f.; *Frauwallner E.* The Earliest Vinaya and the Beginnings of Buddhist Literature. Roma, 1956. P. 166.

[27] *Lamotte E.* Histoire du bouddhisme Indien. Louvain, 1958. P. 226.

[28] Ср.: *Frauwallner.* Op. cit. P. 56 f., 166—169; *Lamotte.* Op. cit. P. 222—232.

[29] *Leumann E.* Zwei weitere Kālaka-Legenden // ZDMG. 1883. 37. S. 502.

шенно абсурдным» результатам[30]. Как это ни удивительно, Якоби, высоко оценивавший надежность стхавиравали[31], пришел в данном случае «к выводу, что список тхер сохранился не полностью; тхер должно было быть гораздо больше, чем упомянуто в Тхеравали»[32]. Этот вывод Якоби основан на некритической вере в хронологическую информацию, содержавшуюся в его источниках. Стоит, однако, вспомнить и другое утверждение Якоби, сделанное на той же самой странице: «Важнейший недостаток, подрывающий доверие к ранним джайнским источникам, — путаница, характерная для их хронологической системы»[33].

Тем самым вряд ли можно избежать вывода о том, что стхавиравали заслуживает большего доверия, чем приписываемые учителям даты жизни. Это означает, что дата смерти Махавиры должна быть отнесена ко времени, значительно более позднему, нежели в хронологии Якоби. Ситуация схожа с той, что сложилась в буддийской традиции. К счастью, тот факт, что Будда и Махавира были современниками, не подлежит сомнению, и это наблюдение является дополнительным аргументом в пользу более поздней датировки Нирваны Будды.

В. Буддизм при Ашоке, видимо, существенно не отличался от буддизма, существовавшего непосредственно после Нирваны Будды. Разногласия и размежевание внутри сангхи, по-видимому, ограничивались вопросами правильной интерпретации монашеских установлений. Конечно, выведение хронологических расчетов из приблизительной скорости изменения духовных концепций, философских понятий и религиозной практики проблематично, поскольку не только в последние века, но и в более ранние эпохи истории культуры существовали периоды как ускоренных, так и медленных изменений. Однако сравнительная быстрота мифологического преобразования исторических лиц до недавнего времени оставалась довольно обычным явлением и в Индии, и в других местах. Маловероятно, хотя и не исключено, чтобы буддийское учение и монашеские установления оставались столь статичными на протяжении двухсот с лишним лет, особенно если вспомнить для сравнения высокую скорость позднейших изменений в индийском буддизме и развитие других религиозных традиций. Во всяком случае, одного столетия было бы вполне достаточно для того, чтобы наблюдаемые изменения произошли.

Г. Тенденция провозглашения основателя традиции жившим в глубокой древности свойственна всем периодам индийской — и не только индийской — истории. Если предположить, что традиция, относившая помазание Ашоки к 218 г. буддийской эры, была уже известна индийским буддистам, необходимо объяснить, почему они изобрели краткую хронологию, которая относит Нирвану Будды к гораздо более позднему времени.

3. Хронология «Точечной летописи». В 1884 г. Бунъю Нандзё сообщил Максу Мюллеру о сведениях относительно существовавшей в конце VI в. в Кантоне рукописи, из которой может быть вычислена «подлинная дата Нирваны Будды»[34]. Эта традиция восходит к монаху Сангхабхадре, который перевел на китайский Самантапасадику, комментарий на Винаяпитаку тхеравадинов. Именно в этом контексте в китайских источниках упоминается рукопись Винаи, в которой Упали, первый патриарх тхеравадской традиции, якобы проставлял по точке за каждый год, прошедший после смерти Будды. Его преемники по-

---

[30] *Jacobi H.* (ed.) Sthaviravalicarita or Pariśiṣṭaparvan, Being an Appendix of the Triṣaṣṭiśalākāpapuruṣacarita by Hemacandra. 2nd ed. Calcutta, 1932. Introduction. P. XVII.

[31] Ibid. P. XVI.

[32] Ibid. P. XVIII.

[33] Ibid. P. XVIII.

[34] The true Date of the Buddha's Death. The Academy. 1884. March 1. Correspondence № 617. P. 152—153. Относительно оценки Мюллером этих сведений см.: *Müller M.* A true Date of Buddha's Death // Indian Antiquary. 1884. 13. P. 148—151.

ступали так же; и, как сообщается в 489 г. н.э., в этой книге было 975 точек. Отсюда и была вычислена дата Паринирваны Будды — 486 г. до н.э.[35]

Из традиций, касающихся этой рукописи, явствует, что хронология «Точечной летописи» изначально основана на тхеравадской традиции, что отметил уже Дз. Такакусу в 1896 г.[36] «Точечная летопись» была главным аргументом теории о том, что современной тхеравадской хронологии, считающей началом буддийской эры 544 г. до н.э., предшествовала более ранняя, где началом буддийской эры служил 486 г. до н.э. Было, однако, доказано, что эта теория ошибочна, поскольку современная тхеравадская хронология существовала на Шри Ланке уже в I в. до н.э.

«Точечная летопись» ни при каких обстоятельствах не может считаться аутентичным источником для определения времени жизни исторического Будды. Мы знаем наверняка, что во время Нирваны Будды никакой рукописи Винаи еще не существовало, палийская Трипитака передавалась изустно, пока не была записана при царе Ваттагамани в I в. до н.э. С другой стороны, почти полное совпадение хронологии «Точечной летописи» с «исправленной долгой хронологией» нуждается в объяснении.

Объяснение казалось простым до тех пор, пока можно было утверждать, что до появления тхеравадской эры, отсчитывающейся от 544 г. до н.э., существовали более ранние цейлонские эры, начинавшиеся в 486 или 483 гг. до н.э. Поскольку мы знаем, однако, что на Шри Ланке после выхода из употребления краткой хронологии засвидетельствована только одна, тхеравадская эра, начинающаяся с 544 г. до н.э. (см. ниже, § 5 и 6), хронология «Точечной летописи» должна выводиться из нормативной тхеравадской хронологии. В Ch'u san tsang chi chi (Taisho, № 2145) перевод Самантапасадики Сангабхадры датирован, как отметил Эггермонт, седьмым годом двенадцатилетнего цикла. Поэтому мне кажется весьма вероятным предположение Эггермонта, что первоначально в рукописи отмечались только годы внутри циклов, а точки, отмечающие общее количество циклов, были добавлены позже[37]. Я склонен пойти еще дальше и предположить, что составитель или редактор рукописи пропустил некоторые обозначения более продолжительных циклов. Если добавить пять двенадцатилетних циклов или один шестидесятилетний, получим 546 г. до н.э., что почти идентично известной тхеравадской хронологии (544 г. до н.э.)[38].

4. Ошибка в хронологических расчетах в ланкийских источниках. Долгая хронология, считающая 544 г. до н.э. началом буддийской эры, традиционно использовалась всеми адептами буддизма тхеравады и рекомендована в настоящее время Всемирным Братством буддистов всем буддистам мира. Как отмечалось выше, традиция эта не может служить надежной основой для вычисления дат жизни исторического Будды, поскольку она удревняет время правления Чандрагупты, Маурьи и Ашоки приблизительно на 60—70 лет. Мы уже видели, как после исследования Джорджа Тёрнора 1837 г. западные ученые с целью избежать этого противоречия создали исправленную Долгую хронологию. Эта «исправленная» хронология основывается на априорном предположении, будто мы вправе положиться на информацию о том, что Ашока был помазан на царство в 218 г. буддийской эры, хотя тхеравадская традиция относительно дат жизни Ашоки неверна. Тем самым подразумевается, что после Ашоки в ланкийские источники вкрались неверные расчеты. Однако, если традиционные даты жизни Чандрагупты и Ашоки в ланкийской хронологии неверны,

---

[35] Подробнее см.: *Eggermont P.H.L.* The Chronology of the Reign of Asoka Moriya. Leiden, 1956. P. 132—143; *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 137 ff.; *Durt H.* La date du Buddha en Corée et au Japon // The Dates of the Historical Buddha.

[36] *Takakusu J.* Pāli Elements in Chinese Buddhism, a Translation of Buddhaghosa's Samantapāsādikā, a Commentary on the Vinaya, Found in the Chinese Tripiṭaka // JRAS. 1896. P. 436 f.

[37] *Eggermont.* Op. cit. P. 139 f.

[38] Подробнее см.: *Bechert.* Die Lebenszeit... S. 134—170.

сомнительно, чтобы сведения о количестве лет, прошедших со времени Паринирваны Будды до воцарения Ашоки были достоверны. Еще более проблематичным становится упомянутое допущение, если вспомнить, что индийская хронологическая традиция не содержит никаких других реальных сведений о периоде, предшествовавшем походу Александра в Индию, продолжавшемуся, как нам известно исключительно из греческих источников, с 327 по 324 г. до н.э.

Правда, Дон Мартино де Сильва Викремасингхе нашел выход из этой дилеммы, предложив гипотезу, согласно которой буддийская эра, отсчитывающаяся от 544 г. до н.э., была принята не ранее середины XI в., а до этого на Шри Ланке пользовались буддийской эрой, отсчитываемой от 483 г. до н.э.[39] Эта гипотеза основывалась на предполагаемом синхронизме между правлением цейлонского царя Удайи III и изготовлением Танджурской надписи царя Раджендры Чоладэвы[40]. Е. Хульцш, однако, доказал в 1913 г., что это предположение было ошибочным[41]. Тогда Викремасингхе модифицировал свою теорию, заявив, что эра 483 г. преобладала только до начала VIII в., но исследования Сильвена Леви и затем Сенерата Паранавитаны детально продемонстрировали неприемлемость такой точки зрения[42]. Еще в 1900 г. Сильвен Леви установил на основе сопоставлений с китайскими источниками, «что хронология Махавамсы, исходящая из даты Паринирваны Будды — 543 г. до н.э., является надежной по крайней мере для событий IV в. н.э.»[43]. Поэтому во введении к своему переводу Чулавамсы Вильгельм Гайгер сформулировал иную гипотезу, а именно, что переход от якобы принятой прежде эры 483 г. до н.э. к эре 544 г. до н.э. «падает на самый ранний период, описываемый в Чулавамсе, т.е. на конец IV в. н.э.»[44].

Однако под влиянием аргументов Г.К. Мендиса, работавшего с ним в Мюнхене, Вильгельм Гайгер вновь изменил свою точку зрения и признал, что его хронологические расчеты, предложенные в переводе Чулавамсы, могут быть ошибочными и что эра 544 г. с самого начала лежит в основе цейлонских хроник[45].

Позже Сенерат Паранавитана окончательно опроверг гипотезу о существовании на Шри Ланке более ранней буддийской эры, начинавшейся с 486 или 483 г. до н.э., установив, что эра 544 г. до н.э. использована уже в так называемой надписи Басаваккулама царя Упатиссы I, датированной 941 г. буддийской эры, т.е. 398 г. н.э.[46]

Затем Абайя Арьясингхе сообщил, что им обнаружено еще более раннее эпиграфическое свидетельство использования тхеравадской буддийской эры в наскальной надписи Вевалтанна[47]. Он трактует три до сих пор удовлетворительно

---

[39] *Don Martino de Zilva Wickremasinghe.* Kiribat-vehera Pillar Inscription // Epigraphia Zeylanica. V. 1. 1904—1912. P. 155—158; ср. *Geiger.* The Mahāvaṃsa. P. XXVIII—XXXI.

[40] *Geiger.* Op. cit. P. XXX.

[41] *Hultzsch E.* Contributions to Singhalese Chronology // JRAS. 1913. P. 517—531.

[42] См.: *Senerat Paranavitana.* Chronology of Ceylon Kings. Appendix to Ṭāmgo: a Vihāra Pillar Inscription // Epigraphia Zeylanica. 1955. V. 5. P. 86—111.

[43] Соответствующие разделы статьи Сильвена Леви 1900 г. были переведены и дополнены новым материалом Джоном М. Сеневератне: *Seneveratne J.M.* Chino-Sinhalese Relations in the Early and Middle Ages // Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society 24. № 68. 1915/16. P. 74—118; приведенную цитату см. с. 112.

[44] *Geiger W.* Cūlavaṃsa Being the More Recent Part of the Mahāvaṃsa. V. 2. L., 1930. P. V.

[45] В своей посмертно изданной работе «Culture of Ceylon in Mediaeval Times» (Wiesbaden, 1960), законченной в 1940 г., Вильгельм Гайгер утверждал, что приводимые в его переводе Чулавамсы даты ни в коем случае не бесспорны, но он временно продолжает пользоваться ими исключительно для удобства (p. XXII). Когда я готовил этот текст к печати, г-жа Магдалена Гайгер сообщила мне о взглядах ее покойного супруга на этот предмет. Я вновь обратил на это внимание читателей в редакционном предисловии ко второму изданию книги (Штутгарт, 1966, с. XX).

[46] *Senerat Paranavitana.* New Light on the Buddhist Era in Ceylon and Early Sinhalese Chronology // University of Ceylon Review. 1960. 18. P. 129—155.

[47] Эта надпись была впервые опубликована Доном Мартино де Сильва Викремасингхе (*Don Martino de Zilva Wickremasinghe.* Ritigala Inscription // Epigraphia Zeylanica. 1904—1912. V. 1. P. 150—153).

не объясненных символа как цифры, датирующие надпись 510 г. буддийской эры, что соответствует 34 г. до н.э.[48] Таким образом, построения Викремасингхе, вне всякого сомнения, разрушились.

Одной из причин широкого распространения долгой хронологии была дата 218, казавшаяся более достоверной по сравнению с круглой датой 100 краткой хронологии. Вильгельм Гайгер первоначально считал, что датировка воцарения Дэванампатиссы «236 годом после Паринирваны относится... к отдельным достоверным датам, передававшимся традицией из поколения в поколение, которые... должны составить костяк сингальской хронологии»[49]. Эту точку зрения недавно повторил Генъити Ямадзаки, утверждающий, «что число 218 кажется более древним, чем список патриархов», и что «число 218 датируется более ранним временем, чем изобретение синхронизации Виджайя-Нирвана» (т.е. традиции, согласно которой Виджайя, первый сингальский царь, высадился на Шри Ланке в день Паринирваны Будды)[50].

Однако для того чтобы судить о надежности хронологической информации, касающейся наиболее раннего периода, мы должны задаться вопросом о том, когда и как в хронологические расчеты ланкийских источников вкралась ошибка и родилась тхеравадская хронология. Как было показано выше, использование современной тхеравадской хронологии засвидетельствовано уже для I в. до н.э. Г. Мендис и С. Паранавитана показали, что хронологическую ошибку в ланкийских источниках следует искать в вычислениях датировок правления царей между Дэванампиятиссой и Дуттхагамани и никак не позже[51].

Между прочим, на это обстоятельство в 1877 г. обратил внимание Т.В. Рис Дэвидс[52]. Анализируя летописную хронологию, он пришел к выводу, что из трех датировок — а именно 161 г. до н.э. — восшествие Дуттхагамани на престол, 146-летний промежуток между воцарением Дэванампиятиссы и Дуттхагамани и 236-летний промежуток между Паринирваной Будды и воцарением Дэванампиятиссы — «первая дата, 162 г. до н.э., верна, но промежуток в 146 лет был в действительности явно лет на 60 короче» и «236-летний промежуток также весьма сомнителен»[53]. Рис Дэвидс считает «последовательность или списки царей Магадхи и Цейлона, свидетельствующие в пользу этих датировок, недостоверными». Он настаивает на том, что список тхер от Гаутамы до Махинды (но не приписываемые им даты жизни) в основном заслуживает доверия. Опираясь на реконструкцию предполагаемой более ранней хронологической системы,

[48] *Abaya Aryasinghe.* The Earliest Lithic Reference to Buddha Era. Daily News (Colombo). May 3. 1987. P. 23. Об этой заметке мне любезно сообщил профессор Петер Шальк (Упсала). Арьясингхе ссылается на открытие Сенератом Паранавитаной того обстоятельства, что три недешифрованных знака брахми, содержащихся в этой надписи, должны читаться справо налево (Inscription of Ceylon. V. 1. Colombo, 1970. P. 21. № 269), и соглашается с более ранним предположением Викремасингхе о том, что они представляют собой цифры. Однако именно он первым предположил, что эти цифры образуют число 510. Он также показал, что палеография надписи вполне соответствует 510 г. современной тхеравадской эры.

[49] *Geiger W.* The Trustworthiness of the Mahāvaṃsa // Indian Historical Quarterly. 1933. 9. P. 211. Repr.: Kleine Schriften zur Indologie und Buddhismuskunde / Ed. H. Bechert. Wiesbaden, 1973. P. 289.

[50] *Gen'ichi Yamazaki.* The Lists of the Patriarchs in the Northern and Southern Legends // The Dates of the Historical Buddha.

[51] См.: *Mendis G.C.* The Chronology of the Early Pāli Chronicles of Ceylon // University of Ceylon Review. 5. № 1. 1947. P. 39—54, особ. 50—53; ср. *idem.* The Reply (to B.M. Barua) // University of Ceylon Review. 5. № 2. 1950. P. 69—70; см. также: *Paranavitana.* New Light on the Buddhist Era in Ceylon... P. 129—155; cf. *idem.* University of Ceylon History of Ceylon / Ed. H.C. Ray. V. 1. Colombo, 1959—1960. P. 843—850. Библиографическая информация относительно споров по поводу ранней цейлонской хронологии, опубликованных между 1931 и 1961 гг. собрана Содо Мори: *Sodō Mori.* Review of F. Lottermoser, Quoted Verse Passages in the Works of Buddhaghosa. Bukkyō Kenkyū (Буддийские исследования). 1985. 15. P. 137—139. В работе того же автора (*Sodō Mori.* Pari-bukkyō chūshaku-bunken no kenkyū: Attakatā no jōzabuteki yōsō, A Study of the Pāli Commentaries: Theravādic Aspects of the Aṭṭhakathās, Tokyo, 1984. P. 319—338) рассматриваются новые теории относительно хронологии сингальских царей. В книге используется хронология Паранавитаны.

[52] *Rhys Davids.* On the Ancient Coins... P. 38—60 (On the Ceylon of Gautama's Death).

[53] Ibid. P. 55. § 124.

он вычисляет для помазания Ашоки дату 150 г. буддийской эры (вместо 218 г. по долгой хронологии) и 168 г. буддийской эры для собора в Патне и введения буддизма на Цейлоне (вместо 236 г.). Однако я не думаю, чтобы реконструкция Рис Дэвидса отражала надежную хронологию.

Как было отмечено выше, ранняя хронология Шри Ланки была пересмотрена Г. Мендисом[54]. Получившаяся в результате хронология цейлонских царей используется во всех позднейших ланкийских научных исследованиях, например в University of Ceylon History of Ceylon (Colombo, 1960). Правление Дуттхагамани соответственно датируется 161—137 гг. до н.э., а не 101—77, как в публикациях авторов, принимающих хронологическую теорию Викремасингхе. Было также показано, что достоверная хронологическая информация появляется в ланкийских источниках в эпоху, соответствующую правлениям царей Дуттхагамани и Ваттагамани, в то время как все более ранние даты — явно округлены и искусственны[55]. Сведения о более древней эпохе черпались из устной традиции, и хронологические расчеты основывались на примерных оценках или вымысле составителей древнейших цейлонских исторических трудов, легших в основу существующих в настоящее время источников — при помощи таких расчетов ранние ланкийские историографы относили смерть Будды к 544 г. до н.э. Можно с полной уверенностью заявить, что ни в одном документе, относящемся к древней сингальской традиции, нет и следа хронологии, начинающейся в 483 или 486 г. до н.э.

Таким образом, вряд ли можно присоединиться к точке зрения, согласно которой дата восшествия на престол царя Дэванампиятиссы, 236 г. буддийской эры, адекватно передавалась из поколения в поколение и потому заслуживает доверия. В этом контексте мне хотелось бы процитировать замечание Т.В. Рис Дэвидса: «Если даты правления Ашоки в цейлонских хрониках чересчур удревнены, можно ли тем не менее доверять содержащимся в этих хрониках сведениям о том, что от начала буддийской эры до Ашоки прошло 218 лет? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, однозначен — нельзя»[56].

5. Следы краткой хронологии в Дипавамсе. По крайней мере в одном тхеравадском источнике есть следы «краткой хронологии». Они содержатся в двух пассажах Дипавамсы. Хотя Герман Ольденберг с помощью своих дополнений переосмысливает эти пассажи в духе соответствия долгой хронологии[57], их правильное значение было выявлено Хендриком Керном, Э.Дж. Томасом, Г. Мендисом и П.Х.Л. Эггермонтом[58].

Гайгер справедливо охарактеризовал Дипавамсу «не как нечто цельное, а скорее как совокупность фрагментов»[59], а именно «собрание стихов из произведений типа Аттхакатха или Порана»[60]. Это компиляция выдержек по крайней

---

[54] *Mendis.* The Chronology... P. 39—54.

[55] Ibid. P. 43; *Frauwallner E.* Die ceylonesischen Chroniken und die erste buddhistische Mission nach Hinterindien (1952) // Kleine Schriften / Ed. G. Oberhammer, E. Steinkellner. Wiesbaden, 1982. S. 672. Это может объясняться обстоятельствами возникновения ранней буддийской историографии на Шри Ланке. Ср.: *Bechert H.* Zum Ursprung der Geschichtsschreibung im indischen Kulturbereich // Nachrichten der Akad. d. Wiss. in Göttingen, Phil.-hist. Kl. 1969. S. 35—38; *idem.* Beginnigs of Buddhist Historiography: Mahāvaṃsa and Political Thinking, Religion and Legitimation of Power in Sri Lanka / Ed. B.L. Smith. Chambersburgh, 1978. P. 1—12; *Perera F.* The Early Buddhist Historiography of Ceylon, Phil. Diss. Göttingen, 1979.

[56] *Rhys Davids T.W.* The Early History of the Buddhists // The Cambridge History of India. V. 1. Cambr., 1922. P. 171. Тот же текст см. *Rhys Davids.* On the Ancient Coins... P. 44 (§ 98).

[57] The Dīpavaṃsa: An Ancient Buddhist Historical Record / Ed. and transl. by H. Oldenberg. L., 1879. P. 15, 119, 142.

[58] *Kern.* Manual of Indian Buddhism. P. 108. Not. 4; *Thomas.* Theravādin and Sarvāstivādin Dates... P. 18—22; *Mendis.* The Chronology... P. 48 f.; *Eggermont P.H.L.* New Notes Aśoka and His Successors, III // Persica. 1970/71. 5. P. 69—71.

[59] *Geiger W.* The Dīpavaṃsa and the Mahāvaṃsa and their Historical Development in Ceylon. Colombo, 1908. P. 5.

[60] *Idem.* The Trustworthiness... P. 213.

мере из двух более ранних источников, противоречия между которыми устранялись не всегда[61]. Так же как в классической сингальской литературе, в этих ныне не сохранившихся источниках древнесингальская проза перемежалась палийскими стихами[62].

По всей видимости, именно о Дипавамсе говорится во вводных стихах Махавамсы (Mhv. I, 2), написанных Моханамой, как о более старом сочинении (porāṇehi kato p'eso), сменяемом Махавамсой[63]. О сходстве структуры утраченных древнесингальских сочинений, легших в основу хроник, с классическими образцами сингальской прозы в том, что касается использования пали и сингальского, свидетельствует наличие прозаических отрывков в Дипавамсе[64]. Классическая сингальская проза пересыпана палийскими и санскритскими стихами и палийскими прозаическими отрывками, но никогда — сингальскими стихами. Скорее всего эта условность восходит к эпохе ныне утраченных произведений древнесингальской литературы.

В Дипавамсе содержатся лишь два свидетельства краткой хронологии (I.24—27 и 5.55—59), в то время как в остальном тексте вычисления производятся в соответствии с долгой хронологией. В обоих случаях речь идет о пророчестве Будды, о том, что Могалипутта Тисса созовет третий собор через 118 лет после Паринирваны Будды. Поскольку собор состоялся на 18-м году правления Ашоки, последний должен был вступить на престол в 100-м году после нирваны.

В Дипавамсе I.24—27 читаем:

anupādā parinibbāyi suriyo atthaṃgato yathā.
parinibbute catumāse hessati paṭhamasaṃgaho, (24)
tato paraṃ vassasate vassān' aṭṭhārasāni ca /
tatiyo saṃgaho hoti pavattatthāya sāsanaṃ.(25)
imasmiṃ Jambudīpamhi bhavissati mahīpati /
mahāpuñño tejavanto sokadhammo 'ti vissuto (26)
tassa ranno Asokassa putto hessati paṇḍito /
Mahindo sutasampanno Laṅkādīpaṃ pasādayaṃ (27)

---

[61] *Frauwallner E.* Über den geschichtlichen Wert der Alten ceylonesischen Chroniken // Nachgelassene Werke / Ed. Ernst Steinkellner. Pt 1. Wien, 1984. P. 7—33.

[62] См.: The Dīpavaṃsa / Ed. H. Oldenberg. P. 4; *Geiger.* The Dīpavaṃsa... P. 45; *Bechert.* Zum Ursprung... P. 32. Я не могу согласиться с предположением К.В. Нормана, что «есть некоторые данные в пользу того, что по меньшей мере некоторые стихи в древнесингальских исторических памятниках Цейлона были написаны не на пали, а на ином среднеиндийском языке», поскольку имеющиеся в настоящее время данные не могут считаться убедительными. В частности, я не могу принять теорию Нормана о том, что эти материалы были частично составлены на (несингальском) диалекте, в котором «и уа, и са давали уа». Относительно этой теории см.: *Norman K.R.* The Rôle of Pāli in Early Sinhalese Buddhism // Buddhism in Ceylon and Studies on Religious Syncretism in Buddhist Countries / Ed. H. Bechert. Göttingen, 1978. P. 36; *Norman K.R.* Pāli Literature. Wiesbaden, 1983. P. 115 ff., 118.

[63] Вначале Гайгер интерпретировал этот пассаж в соответствии с Махавамса-тикой, а именно, что в виду имелась Сихалаттхакатха-Махавамса, основной источник Махавамсы, однако затем он изменил свою точку зрения. См.: *Geiger W.* A Short History of Ceylon // Indian Historical Quarterly. 1926. 2. P. 3; repr.: *idem.* Kleine Schriften zur Indologie und Buddhismuskunde / Ed. H. Bechert. Wiesbaden, 1973. P. 435; *idem.* Die Quellen des Mahāvaṃsa // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. 1929. 7. P. 259; repr.: *idem.* Kleine Schriften. P. 273; *idem.* The Trustworthiness... P. 206; repr.; *idem.* Kleine Schriften. P. 284. Приведенной выше интерпретации Гайгер придерживался с 1926 г. до конца жизни (см.: The Trustworthiness, опубликованную в 1933 г.). Замечание Гайгера в его переводе Чулавамсы 38.59 (I, с. 35, прим. 2), которое цитируют, пытаясь показать, что Гайгер изменил свою точку зрения в 1929 г., к этому вопросу не относится. Гайгер лишь заявляет, что в Чулавамсе 38.59 отмечено «чтение Дипавамсы» (бывшей единственной палийской хроникой на Ланке во времена Дхатусены, когда Махавамса Маханамы еще не была создана), а не *составление* хроники. При том, что автор Махавамсы, бесспорно, использовал в качестве основного источника Сихалаттхакатху-Махавамсу, это само по себе не исключает, а скорее подтверждает, что автор Махавамсы хотел заменить проблематичную Дипавамсу новой хроникой, которая соответствовала бы художественным критериям того времени. К.Р. Норман воскрешает раннюю интерпретацию, поскольку она соответствует Тике (Pāli Literature... P. 117). Тика, между тем, была составлена гораздо позже, и ей не во всем можно следовать.

[64] *Norman.* Pāli Literature. P. 116. Not. 78.

Ольденберг переводит:

«24. Я достигну полной Парииббаны, как заходящее Солнце. Через четыре месяца после Парииббаны будет созван первый собор; 25. Сто и восемнадцать лет спустя ради распространения учения пройдет третий собор. 26. Тогда Джамбудипой будет править весьма добродетельный, славный царь, известный как Дхаммасока. 27. У этого царя Ашоки будет сын, мудрец Махинда, высокоученый, обративший острова Ланки (в истинную веру)»[65].

Эти стихи — часть пророчества о будущем буддийской религии и острова Шри Ланка, довольно обычного способа повествования об исторических событиях в ранних буддийских источниках. Поскольку отрывок из Дипавамсы упоминает только первый и третий соборы, Герман Ольденберг предположил, что между второй строкой 24 и первой строкой 25 стиха содержалось впоследствии утерянное упоминание о втором соборе, соответственно он в примечании переосмысляет этот отрывок следующим образом: «В рукописях не хватает упоминания о втором соборе, созванном через сто лет после смерти Будды; о третьем соборе говорится, что он состоялся через 118 лет после второго»[66]. Таким образом, он пытается приспособить понимание отрывка к долгой хронологии. Но, как уже указывал Хендрик Керн, это неверно[67], поскольку согласно тхеравадской традиции, содержащейся в других отрывках Дипавамсы и Махавамсе, а также и в прочих тхеравадских источниках, третий собор был созван не через 118, а через 136 лет после второго, т.е. через 18 лет после воцарения Ашоки. Однако число 118 вполне соответствует краткой хронологии, и нет никаких свидетельств пропуска в тексте Дипавамсы. Кроме того, нет никаких причин, по которым второй собор мог бы быть упомянут в этом отрывке. Пророчество представляет собой обобщенное предсказание событий вокруг будущего обращения Шри Ланки в буддизм сыном Ашоки Махиндой, а к этому событию второй собор отношения не имел. По всем этим соображениям интерпретация отрывка Ольденбергом должна считаться ошибочной.

В тексте Махавамсы мы не находим точной параллели этому отрывку, следовательно, мы должны предположить, что он не принадлежит к традиции Махавихари. В традициях других монастырей хронология, не соответствующая долгой, могла сохраниться в то время, когда последняя уже употреблялась монахами Махавихары. Так или иначе, если трактовать отрывок единственным образом, при котором он имеет смысл, именно в том виде, в каком приведен в тексте, ясно, что он содержит точную и адекватную информацию, вычисленную согласно краткой хронологии, а именно датировку третьего собора 118 годом буддийской эры.

В Дипавамсе 5.55—59 мы находим и второй отрывок, идентифицируемый как упоминание о краткой хронологии. Эти стихи — пророчество, которым Будда предрекает появление Тиссы Моггалипутты, который возглавит Третий Собор. Хронологическая информация в них содержится следующая: «anāgate vassasate vassān' aṭṭhārasāni ca»— «в будущем, через сто и восемнадцать лет».

В своем переводе Ольденберг ссылается на Махавамсу и прибавляет в скобках: «Во время Второго Собора Тхеры предвидели последующие события»[68]. Очевидно, он полагал, что 118 лет должны отсчитываться от даты Второго Собора. В соответствующем отрывке из Махавамсы читаем, что мудрецы на Втором Соборе говорили так: «Когда пройдут сто и восемнадцать лет, начнется упадок веры. Мы не доживем до этого (времени). Вы, о монахи, не участвовали в этом и потому заслуживаете наказания, и наказание ваше будет таким: чтобы учение ярко сияло и впредь, Брахма Тисса, великий мудростью,

---

[65] The Dīpavaṃsa. P. 119.
[66] Ibid. P. 119. Note 2.
[67] *Kern.* Op. cit. P. 108.
[68] The Dīpavaṃsa. P. 142.

возродится в семье брахмана Моггали. С течением времени один из вас примет у мальчика монашеские обеты, другой ревностно обучит его слову Самбудды» (Махавамса. 5.100—103)[69].

Однако цифра 118 в этом отрывке Махавамсы относится не к Тиссе Моггалипутте, как в Дипавамсе, но к дате начала «упадка веры». Эта датировка Махавамсы совпадает с традиционной датировкой воцарения Ашоки по долгой хронологии.

Если мы внимательно рассмотрим отрывок из Дипавамсы, то увидим, что интерпретация внутренне противоречива: число 118 интерпретируется как дата рождения Тиссы Моггалипутты[70], это, однако, невозможно, поскольку в юном 18-летнем возрасте он вряд ли мог возглавить Третий Собор, который был созван спустя 18 лет, а именно через 136 лет после Второго, согласно принятой Ольденбергом долгой хронологии. Более того, в тексте Дипавамсы нет ни малейшего указания на то, что содержащееся в стихах 5.55—59 предсказание было произнесено старейшинами Второго Собора.

Таким образом, пророчество, о котором повествует этот отрывок Дипавамсы, относится не к дате рождения, а к дате важнейшего события в жизни Моггалипутты Тиссы, а именно его руководству Третьим Собором. Выражено это, конечно, недостаточно ясно, но такое случается и во многих других отрывках из Дипавамсы. Это может объясняться происхождением Дипавамсы, рассмотренным выше. Как бы то ни было, число 118 в Дипавамсе (5.55) должно отсчитываться от Паринирваны Будды и относится к Третьему Собору. Таким образом, этот пассаж также свидетельствует об использовании краткой хронологии.

Автор Махавамсы попытался переосмыслить всю хронологическую информацию в имевшихся у него источниках в соответствии с долгой хронологией. Хотя в только что рассмотренном втором случае между соответствующими пассажами в двух хрониках нет полного соответствия, цитированный выше отрывок Махавамсы (5.96—103), по-видимому, связан с пассажем из Дипавамсы. Очевидно, Маханама использовал тот же способ переосмысления, который впоследствии применил Ольденберг, поскольку оба использовали долгую хронологию. Переосмысление Маханамы, конечно, не имеет отношения к первоначальному значению соответствующих отрывков в Дипавамсе, которое было объяснено выше.

6. Происхождение долгой хронологии. Другая важнейшая проблема, касающаяся достоверности «исправленной долгой хронологии», состоит в упомянутых выше явных хронологических несообразностях в ācāryavaṃparā (список учителей) тхеравадинов от смерти Будды до Моггалипутты Тиссы, современника царя Ашоки, и в столь же невозможных датировках правлений сингальских царей вплоть до Дэванампиятиссы. Последовательность Тхеравадских учителей состоит всего из пяти имен: Упали, Дасака, Сонака, Сиггава и Моггалипутта Тисса. О несовместимости этих списков с долгой хронологией уже говорили Т.В. Рис Дэвидс, Хендрик Керн и многие другие специалисты[71]. Однако если вычислять на основе краткой хронологии, число учителей и царей, отраженное в наших источниках, очень хорошо укладывается в приблизительно столетний период[72]. Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что долгая хронология была изобретена в то время, когда эти списки уже стали частью освященной традиции. Поэтому с изобретением долгой хронологии установившиеся списки не могли быть изменены, и вместо этого пришлось вычислить новые, хотя и нереальные, датировки жизни тхеравадских учителей (так называемых патриархов) и царей. Это наблюдение — весомый аргумент в пользу гипотезы о вторичном происхождении долгой хронологии.

[69] Перевод Гайгера (*Geiger.* The Mahāvaṃsa... P. 34 f.).

[70] The Dīpavaṃsa. (прим. 57). P. 142. Прим. 1: «Далее следует рассказ о рождении и обращении Тиссы Моггалипутты, который председательствовал на Третьем Соборе».

[71] См. выше прим. 26.

[72] *Kern.* Op. cit. P. 109; *Eggermont.* Op. cit. P. 77.

Теперь возникает вопрос о том, как возникла долгая хронология, или, точнее говоря, каким образом долгая хронология сменила на древней Ланке краткую.

Первым попытался дать объяснение Хендрик Керн, который объяснил количество лет тем, что они отражают годы жизни пятерых учителей[73]. Однако я предложил бы иное объяснение[74]. Очевидно, долгая хронология была разработана в результате попытки приспособить традиционную краткую хронологию к нуждам существовавших тогда в сингальской историографии новых тенденций. Третий Собор и обращение сингальского народа в буддизм Махиндой имели место, согласно краткой хронологии, в 118 г. буддийской эры. По долгой хронологии два этих ключевых события датируются 236 г. буддийской эры, т.е. число лет было просто-напросто удвоено. Считалось, что Собор был созван на 18-м году правления Ашоки, так что следует отсчитать 18 лет от 236 г. буддийской эры, чтобы получить дату помазания Ашоки на царство, а именно 218 год буддийской эры. 18, по-видимому, «священное число»[75], но это обстоятельство в контексте нашего исследования, т.е. для понимания последующей истории хронологических традиций, значения не имеет.

Новые расчеты, по-видимому, были со стороны ранней сингальской историографии и агиографии сознательным «исправлением», служившим нескольким целям. Основной причиной «исправления» должно было быть несоответствие краткой хронологии сведениям о том, что Второй Буддийский Собор был созван в 100 г. буддийской эры. Когда хронологические традиции ранних тхеравадинов были упорядочены, редакторы столкнулись с датой «100 год буддийской эры», которую дает для Второго Собора Винаяпитака, бывшая для них авторитетным источником. Авторы ранних хроник, как и современные специалисты, ошибочно сочли эту дату точным хронологическим указанием. Соответственно, редакторам хронологической традиции пришлось устранить хронологическое совпадение — 100 год буддийской эры как дата коронации Ашоки в постканонических буддийских традициях и 100 г. буддийской эры как дата Второго Собора в канонической Винае, поскольку они не могли датировать оба этих события одним годом. Очевидно, предпочтение должно было быть отдано канонической традиции. При этом древние редакторы рассуждали по тому же принципу, который около двух тысячелетий спустя использовал А. Баро в своем исследовании 1953 г. (ср. выше, § 2). Ранние тхеравадины решили проблему путем описанного выше «исправления», т.е. удвоения временного промежутка между Нирваной Будды и Третьим Собором. При таком «исправлении» стало возможным предложить согласованную систему[76].

Судя по тому обстоятельству, что в двух приведенных выше отрывках из Дипавамсы используется краткая хронология, в то время как во всех прочих случаях — долгая, эта новая хронология не стала общепринятой, но широко использовалась во время составления Махавамсы.

Однако с этим «исправлением» хронологии возникли и явные хронологические несообразности, а именно, слишком долгая продолжительность жизни старейших из так называемых патриархов, и немыслимые датировки правлений

---

[73] *Kern.* Op. cit. P. 108.

[74] В более раннем сообщении я предложил объяснение в контексте сингальской историографии; ср.: *Bechert H.* The Date of the Buddha Reconsidered // Indologica Taurinensia. 1982. 10. P. 34 f. Однако теперь я понимаю, что синхронизм Виджайя-Будда был сконструирован вне зависимости от хронологического «корректирования» традиции. Он, по-видимому, старше, чем долгая хронология.

[75] О важности числа «18» см.: *Stein O.* The Numeral 18 // Kleine Schriften / Ed. F. Wilhelm. Stuttgart, 1985. P. 515—553; *Gananath Obeyesekere.* Myth, History and Numerology in the Buddhist Chronicles. The Date of the Historical Buddha.

[76] Относительно дискуссии о корректировании датировок правлений древнесингальских царей, ставшем необходимым вследствие принятия долгой хронологии, см. *Eggermont.* Op. cit. P. 75—80. Примерно так же составители «исправленной» хронологии, видимо, скорректировали даты жизни учителей в ācāryaparampará Тхеравадинов.

древних цейлонских царей. Наблюдения над хронологическими несообразностями в сингальской традиции лежат и в основе новой хронологической теории, предложенной ланкийским буддийским автором, Г.Х. де Зойса, приверженцем «правильной буддийской веры», начинающейся с 384 г. до н.э. Хотя не со всеми его аргументами в пользу этой новой хронологии можно согласиться, он несомненно прав, отвергая традиционную хронологию из-за очевидных несообразностей в хронологических сведениях, содержащихся в сингальских хрониках[77].

Как мы видели выше, в § 4, впервые тхеравадская хронология засвидетельствована в надписи I в. до н.э. Ко времени составления Махавамсы она уже была принята как единственно возможная буддийская хронология. Ее стали использовать как буддийскую хронологию все последователи тхеравадской традиции, включая буддистов Бирмы, Таиланда и ряда других буддийских стран. В средневековье о ней узнали и стали ее использовать буддисты других направлений в Индии, Центральной и Юго-Восточной Азии.

7. Этьен Ламотт и дата Паринирваны. В процессе моих исследований относительно даты Паринирваны я обнаружил, что покойный Монсеньер Этьен Ламотт не принял на веру общепринятое среди западных ученых мнение относительно даты Паринирваны, хотя он и использовал их вычисления в качестве рабочей гипотезы. Ламотт, возможно, величайший авторитет во всем, что касается раннего индийского буддизма среди ученых его поколения, объясняет в своей «Истории индийского буддизма», опубликованной в 1959 г.: «Согласно единодушно принимаемой традиции, Будда прожил восемьдесят лет, но дата его Нирваны, т.е. смерти, до сих пор достоверно не установлена... В древних документах засвидетельствованы две хронологии: долгая, согласно которой между Нирваной и воцарением Ашоки прошло 218 лет (дата Нирваны — ок. 486 г. до н.э.), и краткая, по которой между этими событиями прошло сто лет (дата Нирваны — ок. 368 г. до н.э.) ...Современный историк может равным образом сделать выбор в пользу долгой или краткой хронологии...»[78].

К сожалению, соображения Ламотта относительно буддийской хронологии не были должным образом приняты во внимание в позднейших исследованиях. Так, А.К. Уордер, широко черпавший материал из «Истории» Ламотта, в этом отношении не разделил его сомнения. Он утверждает, что исследования Баро и Эггермонта, «как кажется автору настоящей работы (т.е. А.К. Уордеру — *Х.Б.*), практически бесспорно установили дату 486 г. до н.э.»[79].

8. Рюсё Хиката о датах жизни Будды. Рюсё Хиката не так давно написал о датах жизни Будды исследование, опубликованное в 1980 г. по-японски[80] и в 1985 г. в английском переводе[81]. Он выдвинул теорию, по которой Будда жил приблизительно с 480 по 400 г. до н.э., т.е. лет на 80 позже, чем вычисляется по исправленной долгой хронологии; профессор Хиката считает тхеравадскую традицию хронологии Будды необоснованной и потому опирается в своих расчетах на так называемую северную традицию, в которой он выделяет четыре варианта: 1) источники, датирующие помазание Ашоки 100 г. после Нирваны; 2) источники, датирующие это событие 116 г. после Нирваны; 3) источники, датирующие его 160 г. после Нирваны, и 4) источники, датирующие его «более чем 100 годами» после Нирваны.

В своей оценке этих источников он использует теории хронологической кор-

---

[77] *De Zoysa G.H.* Sinhala aryans 424 AC. Anuradhapura, 1986. P. 205—213; *idem.* Correct Buddhist Era, 544 BC, 483 BC or 384 BC. Anuradhapura, 1985. См. также: *Kieffer-Pülz P.* Die Datierung des Buddha in der buddhistischen Erneuerungsbewegung. The Dates of the Historical Buddha.

[78] *Lamotte.* Histoire du bouddhisme Indien... P. 13—15.

[79] *Warder A.K.* Indian Buddhism. Delhi, 1970. P. 44.

[80] *Ryūshō Hikata.* Shakamuni no seizon-nendai («О времени жизни Шакьямуни»), Nihon gakushiin kiyo (Записки Японской академии).

[81] *Ryūshō Hikata.* On the Period of Life-time of Sākyamuni, Studies in Buddhism and Buddhist culture, Naritasan, 1985 (Monograph Series of the Naritasan Institute for Buddhist Studies, 1). P. 1—20.

реляции буддийских соборов и расколов. Он предлагает смелую гипотезу для устранения явных противоречий в источниках, повествующих о первом великом расколе и Втором Соборе. Принимая аргументацию Баро о том, что краткая хронология (100 лет после Нирваны) неверна, поскольку 100 лет после Нирваны, согласно древнейшим источникам, это и дата собора в Вайшали, он ссылается на Никаябхедавибхангавьякхьяну Бхавьи. В этом произведении есть два варианта датировки раскола: 116 г., а также 160 г. после Нирваны. Хаката утверждает далее, что в надписях Ашоки, датированных временем ранее 27 г. царствования, нет никаких упоминаний о расколе внутри буддийской сангхи. Только в знаменитом «Эдикте о расколе» содержится предостережение против раздробления сангхи. Хиката утверждает, что «Эдикт о расколе» относится не к великому расколу сангхи, а сам великий раскол произошел между 27-м годом правления Ашоки и его смертью, т.е. между 242 и 232 гг. до н.э. Хиката, однако, не приводит каких-либо убедительных доводов в пользу этих смелых заявлений. По его мнению, дата 116 г. после Нирваны, которым датируется раскол в Никаябхедавибхангавьякхьяне, дата, сыгравшая ранее важную роль в хронологических расчетах японских специалистов, должна быть ошибочной, и следует принять вариант 160 г. после Нирваны. Если раскол произошел между 242 и 232 гг. до н.э., Нирвана Будды должна датироваться временем между 402 и 392 гг. до н.э.

Опровергнуть эту гипотезу не столь уж сложно, поскольку приводятся в основном аргументы ex silentio, вроде отсутствия упоминаний о расколе сангхи в ранних надписях Ашоки. Аргументы такого рода, однако, как правило, не слишком убедительны. Дата 100 г. после Нирваны (и ее, очевидно, вторичный вариант 110 г. после Нирваны) для Второго Собора не является точной хронологической информацией, это просто круглая цифра. Значение Никаябхедавибхангавьякхьяны как источника его хронологии практически также равно нулю. Это произведение — компиляция VI в. н.э., в которой приводятся списки школ и хронологические сведения из более ранних текстов. Чтение 160 может быть легко объяснено как результат ошибки писца, что уже и было сделано А. Баро. Что касается деталей, я отсылаю читателя к соответствующим замечаниям во «Времени жизни Будды»[82].

Можно с уверенностью утверждать, что попытка Р. Хикаты определить дату Нирваны Будды не основана на сильных аргументах.

9. Даниэль Шлюмберже и Паоло Даффина о датах жизни Будды. Д-р Хлодвиг Х. Верба обратил мое внимание на очерк Паоло Даффина, последняя часть которого посвящена проблемам дат жизни Будды[83]. Даффина предлагает, чтобы ранняя индийская хронологическая традиция была «полностью отвергнута как ввиду ее искусственности, так и потому, что она ни в одной составляющей не находит соответствия во внешних по отношению к ней источниках»[84]. В полемической ремарке Даффина обвиняет меня в том, что я оставил без внимания важный очерк Даниэля Шлюмберже[85]. Даффина, присоединяясь к мнению Шлюмберже, утверждает, что в моих статьях 1982 и 1986 г. я предпринял лишь «довольно робкую и несколько скучную попытку пересмотреть традиционную хронологию Нирваны, не сумев свернуть с колеи, проложенной традицией»[86]. Шлюмберже также критикует Ламотта за его цитированное выше (§ 7) замечание

---

[82] *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 170—175.

[83] *Daffinà P.* Senso del tempo e senso della storia: Computi cronologici e storicizzazione del tempo // Revista degli Studi Orientali. 1987. 61 (опубликовано в 1988 г.) P. 1—71; к нашей проблеме относится раздел «I problemi cronologici dell'India Antica e la data del Nirvāṇa». P. 50—70.

[84] *Daffinà.* Op. cit. P. 70.

[85] *Schlumberger D.* Communication: Dela pensée grecque à la pensée bouddhique, Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres: Comptes rendus, 1972. P. 188—198. Работа Шлюмберже действительно ускользнула от моего внимания, но я могу вновь заявить, что эта хронологическая гипотеза не была абсолютно новой.

[86] *Daffinà.* Op. cit. P. 70.

о том, что современный историк может равным образом сделать выбор в пользу долгой или краткой хронологии[87], ошибочно полагая, будто оно подразумевает правильность одной из них. Он утверждает, что все, что писалось о буддизме до Ашоки, есть не что иное, как «гипотетическая проекция в прошлое недатируемых данных буддийской традиции»[88]. Он предполагает, что «можно было бы считать это событие еще более поздним» (чем предлагает краткая хронология)[89]. Такая возможность не только признается в замечании Ламотта (если его правильно понимать), но в ее пользу высказывались и другие авторы, особенно Эггермонт[90], да и я сам, между прочим, придерживался того же мнения уже в 1986 г.[91] Я согласен со Шлюмберже в том, что хронологические связи индийской и греческой философий следует пересмотреть[92], но я не согласен с его смелыми теориями и логическими выводами из надписей Ашоки и из сравнения учений Будды и Эпикура. В этом отношении я могу сослаться на справедливую критику статьи Шлюмберже Жаном Филлиоза и на замечания Вильгельма Хальбфасса[93]. Что же касается дат жизни Будды, похоже, что Даффина совершенно не понял смысла моей статьи 1986 г.

Хотелось бы также сказать еще об одном спорном моменте — оценке Даффина отрывка из записок Фа Сяня о его пребывании на Шри Ланке в 410—411 гг. н.э. Фа Сянь сообщает, что в воззвании, прочитанном во время празднества в честь священной реликвии, Зуба Будды в Анурадхапуре, было сказано, что со времени Паринирваны Будды прошло 1497 лет[94]. Судя по этим сведениям, дата Паринирваны — 1087/1086 гг. до н.э. Исключительно на числе 1497 в тексте Фа Сяня Даффина основывает свое утверждение, что во времена Фа Сяня Дипавамса еще не могла существовать, а возникла значительно позже. Свидетельство Фа Сяня, утверждает он, «делает не только возможной, но и необходимой гипотезу о том, что составление Дипавамсы произошло через много лет после приезда Фа Сяня на остров»[95]. Он не обращает внимания на все прочие сведения о ланкийской древней истории, известные со времени появления работ Германа Ольденберга, Вильгельма Гайгера, Г. Мендиса, Эриха Фраувальнера, Сенерата Паранавитаны и многих других ученых, и он как бы верит в непогрешимость каждого слова в записках Фа Сяня. Утверждая, что для датировки можно опираться только на такой источник, как надписи, он полностью игнорирует эпиграфические данные со Шри Ланки; со времени открытия Паранавитаной надписи Басаваккулама, датированной 941 г. после Нирваны, т.е. 398 г. н.э., у нас появилось несомненное эпиграфическое свидетельство использования буддийской эры, отсчитываемой от 544 г. до н.э., до пребывания Фа

---

[87] *Lamotte.* Op. cit. P. 15.

[88] *Schlumberger.* Op. cit. P. 189.

[89] Ibid. P. 190.

[90] Эггермонт утверждал, что «буддизм при Ашоке был еще молод»; New Notes on Aśoka and his Successors II // Persica. 1969. 4. P. 97; цитируется: *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 137. Работа Эггермонта, видимо, не попала в поле зрения Шлюмберже и Даффина.

[91] *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 165: «В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что смерть Будды следует датировать по меньшей мере одним или двумя десятилетиями ранее похода Александра».

[92] См. *Bechert.* The Date... P. 36.

[93] См. наблюдения Жана Филлиоза в «Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres: Comptes rendus 1972. P. 198 f. и *Halbfass W.* The Buddha and Epicurus. The Dates of The Historical Buddha. Pt 2 (in print).

[94] Ср.: The Travels of Fa-hsien, or Records of Buddhistic Kingdoms / Transl. H.A. Giles. 3rd ed. L., 1959. P. 70 f.

[95] *Daffinà.* Op. cit. P. 62. В качестве единственного дополнительного аргумента Даффина ссылается на манипуляцию с датами эпохи до Ашоки в Дипавамсе и на мои рассуждения о целях древнейшей сингальской историографии (см. выше, прим. 55). Однако он, очевидно, не понимает, что этими самыми рассуждениями я надеялся показать, что в определенный период, ок. II—I вв. до н.э., на Шри Ланке гораздо раньше, чем в Индии, появилась историография и начиная с этого периода появились записи по истории острова. Эта историографическая традиция включала и хронологическую информацию.

Сяня на Шри Ланке[95]. Даффина, очевидно, прошел мимо этой информации, о которой он мог узнать из соответствующей ссылки в моем очерке 1986 г.[97] Таким образом, Даффина неправ, заявляя, что «на Цейлоне во времена Фа Сяня считали, что прошло 1497 лет со смерти Будды»[98].

Что касается загадки, которую представляет число 1497, сам Даффина предлагает ключ к ее решению: в записках Фа Сяня есть еще одно упоминание о дате Паринирваны, согласно которому, как справедливо предположил Даффина, это событие произошло за 300 лет до времени чжоуского Пин Вана, т.е. около 1170 г. до н.э.[99] Эта датировка не слишком отличается от той, что приводится в главе Фа Сяня о Цейлоне. Даффина утверждает, что это совпадение должно быть случайным, возможно, потому, что оно не согласуется с его теорией. Однако Фа Сянь мог неверно понять или неправильно запомнить дату, упомянутую в воззвании, прочитанном в Анурадхапуре. В своем тексте он мог использовать вычисление даты смерти Будды, известное ему из китайской традиции. Это решение загадки предложили Балагалле Вималабуддхи[100] и Акира Хиракава[101]. Джон Сеневиратне предложил иное объяснение, которое, однако, основывается на простом совпадении[102]. Как бы то ни было, нет сомнения в том, что вывод Даффина неверен.

10. Эпиграфические данные относительно истинных дат жизни Будды? К концу XIX в. некоторые специалисты сочли, что сведения о дате Нирваны Будды содержатся в так называемом первом Малом наскальном эдикте царя Ашоки. В этой надписи содержится число 256, которое Георг Бюлер вначале интерпретировал как число лет, прошедших после Нирваны[103]. Однако Ф. Томас доказал, что интерпретация Бюлера ошибочна, а число 256 относилось к самому Ашоке. Томас понимал текст в том смысле, что во время путешествия царя прошло 256 ночей[104]. Позже Джон Ф. Флит предположил, что Ашока приказал выбить этот эдикт после того, как он отрекся от трона и уединился, на 256-й день уединения. Флит утверждал, что эта дата не была выбрана случайно, а отражала число лет, прошедших по смерти Будды, чтобы царь ко времени появления эдикта провел в одиночестве столько дней, сколько прошло лет после Нирваны[105]. Если бы рассуждения Флита были справедливы, во времена Ашоки должна была бы существовать традиция относительно Нирваны Будды, полностью или примерно совпадающая с исправленной долгой хронологией.

Однако уже Вильгельм Гайгер[106] и Луи де ла Валле Пуссен[107] предостерегали

---

[96] См. выше, § 4, и статьи Паранавитаны, упоминавшиеся выше, прим. 42 и 46.

[97] *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 136. Not. 28, 30.

[98] *Daffinà.* Op. cit. P. 61.

[99] Ibid. P. 60.

[100] Ballagallē Vimalabuddhi Bauddha rājadhāni piḷibaňda toraturu nam vū Fāhiyan-gē dēśāṭana vārtāva. Colombo, 1958. P. 164.

[101] *Akira Hirakawa.* An Evaluation of the Sources on the Date of the Buddha // The Dates of the Historical Buddha.

[102] *Seneviratne J.M.* Fa-Sian and the Date of the Buddha's Death // Royal Asiatic Society Ceylon Branch: Ceylon Notes and Queries 6 (June 1916). P. CVII: «Если тогда, в 412 г. н.э., прошло 1497 лет с того времени, как Будда достиг Паринирваны, т.е. начался 1498 г. буддийской эры, дата смерти Будды, по Фа Сяню, будет (1498–412)=1086. Интересно то обстоятельство, что число, приводимое Фа Сянем, ровно в два раза больше того, которого придерживаются сингальская, бирманская и сиамская традиции — 543 г. Однако, как указал проф. Генъити Ямадзаки, Фа Сянь не мог знать даты 543 г., поскольку она вычисляется по христианскому летосчислению, которого он, естественно, не знал.

[103] *Bühler G.* The Siddapura Edict of Asoka // Epigraphia Indica. 1894/95. 3. P. 132—142.

[104] *Thomas F.W.* Les vivāsāḥ d'Asoka // JA. 1910. P. 507—522.

[105] *Fleet J.F.* The Last Words of Aśoka // JRAS. 1909. P. 981—1016; 1910. P. 1301—1308; Ср. также: *idem.* The conversion of Asoka // JRAS. 1908. P. 486—498.

[106] *Geiger.* The Mahāvaṃsa. P. XXVIII.

[107] *de La Vallée Poussin L.* Indo-européens et Indo-iraniens, L'Inde jusque vers 300 av. J.-C. P., 1924. P. 242.

против принятия фантастических спекуляций Флита, хотя и не могли объяснить, что означает в надписи число 256. «Загадку 256 ночей» разрешил Жан Филлиоза в 1949 г.: это количество ночей, вычисленное в соответствии с индийским календарем, во время которых буддийские монахи в соответствии с правилами Винаи могли путешествовать[108]. Хотя К.Р. Норман[109] и Гарри Фальк[110] недавно предложили иные объяснения этого числа, которые я здесь не собираюсь обсуждать, поскольку они не увязывают это число с датой Паринирваны, очевидно, что число 256 в надписи никоим образом не связано с датой смерти Будды.

11. Буддийская эра в буддийском мире. Датировка жизни Будды — проблема не только для историков, она была и остается значимой и для последователей буддизма. Мы знаем о важности различных буддийских хронологий для буддийской эсхатологии и мессианизма. Последнее проявление этого — распространение тхеравадской эры, отсчитываемой от 544 г. до н.э. международным буддийским движением, представленным «Всемирным содружеством буддистов». Распространилась она с явно мессианским подтекстом. Всемирный буддийский конгресс был организован по инициативе всецейлонского буддийского конгресса в Коломбо в 1950 г. с надеждой на то, «что когда в 1956 г. наступит 2500 год со дня кончины Будды, весь мир воспримет буддийский образ жизни», как было сформулировано в официальном отчете о конференции[111]. Уже на этой конференции было внесено предложение, «чтобы вышеназванное Всемирное Сообщество буддистов приняло 2494 год как установленный год буддийской эры с сего дня (т.е. с 1950 г. н.э.) и... чтобы копия этой резолюции была разослана всем буддийским организациям и обществам для информации и принятия»[112]. Затем резолюция была отложена для рассмотрения, комитет экспертов, сформированный после Второй конференции Всемирного содружества буддистов[113] высказался в пользу тхеравадской эры, принятой в резолюции третьей конференции в 1954 г.[114]

Несмотря на эти попытки достичь прочного согласия относительно буддийской эры, вопрос остается спорным не только в научном, но и в «буддийском» мире.

В качестве примера можно процитировать публикации современного буддийского автора со Шри Ланки Г.Х. де Зойса, чья теория уже упоминалась выше, § 6. Он недавно предложил иную, т.е. «правильную буддийскую эру», отсчитываемую от 384 г. до н.э.[115] Его теория широко обсуждалась на Шри Ланке, например в воскресной коломбской газете «Siḷumiṇa» от 9 августа 1987 г.[116] В качестве основного аргумента для этого «исправления» буддийской эры де Зойса ссылается на упоминавшиеся выше явные несообразности в хронологических расчетах ранних сингальских хроник.

12. Выводы. Из имеющихся материалов просто напрашивается вывод о том, что в пользу исправленной долгой хронологии практически нет данных, и в то же время многое указывает на более позднюю дату Паринирваны Будды.

В таком случае возникает вопрос, не следует ли принять краткую хроно-

---

[108] *Filliozat J.* L'énigme des 256 nuits d'Asoka // JA. 1949. V. 237. P. 143—153.

[109] *Norman K.R.* Notes on the Ahraur Version of Aśoka's First Minor Rock Edict // Indo-Iranian Journal. 1983. 26. P. 280—282.

[110] *Falk H.* Die 256 Nächte Aśokas // ZDMG. 1990. 140. P. 96—122.

[111] The World Fellowship of Buddhists: Report on the Inaugural Conference. Colombo, 1950. P. 1.

[112] Ibid. P. 85.

[113] World Fellowship of Buddhists: WFB Resolution from the First to the Twelfth General Conferences, Bangkok, 1980. P. 5 (Res. 9/5/GC 2/2495).

[114] Ibid. P. 22 (Res. 52/27/GC 3/2497 H). См. также: ibid. P. 67—69 (Res. 165/8/GC 11/2519 «Twenty-sixth Birth Centenary for the Buddha»).

[115] См. выше, прим. 77.

[116] *Da Soyisa G.H. (de Zoysa).* Nivārādi Buddha varṣayē ārambhaya kri. pu. 384. Siḷumiṇa, Sāstrīya Atirēkaya. Aug. 9. 1987. P. 20.

логию, как наиболее раннюю буддийскую хронологическую традицию. Однако сто лет буддийской эры — подозрительно круглая цифра. В более ранней работе я утверждал, что нет ничего невозможного в том, чтобы Ашока после своего обращения в буддизм приурочил свою коронацию к 100-й годовщине Нирваны, которая пришлась как раз на этот период времени[117]. Однако теперь я считаю это предположение в высшей степени маловероятным, и поскольку нет сведений о передаче точных хронологических данных в Индии до Маурьев[118], и поскольку Ашока при воцарении еще не испытал влияния буддизма.

Некоторые авторы в последнее время ссылаются на меня как на сторонника краткой хронологии, отсчитываемой от 368 г. до н.э. Однако они не поняли смысла моих замечаний. Я не единожды повторял, что для принятия краткой хронологии как реальной исторической датировки нет оснований[119]. Эта дата за сто лет до коронации Ашоки есть не что иное, как очередная круглая цифра, не имеющая исторического значения.

Итак, единственный способ установить дату Нирваны — использование косвенных данных. Очевидно, нельзя решить проблему времени жизни Будды, не принимая во внимание контекст истории культуры Индии, в котором проповедовал Будда. Понимание и интерпретация этого контекста дает нам необходимые совокупные косвенные данные, которые могут и помочь контролировать хронологическую информацию других источников, и сами по себе могут помочь нам установить надежные даты жизни Будды. Эти косвенные данные могут быть извлечены из сведений о ранней истории буддизма и его историческом контексте, т.е. прежде всего о социальной и политической ситуации в Северной Индии во времена Будды. Речь идет об археологических материалах, относящихся к этому периоду, синхронизме Будды и Махавиры, sthaviraparampara, или последовательности буддийских и джайнских «законоучителей», эволюции раннебуддийских религиозных и философских догматов, развитии языка, выразительных средств, литературы и метрики в ранней буддийской традиции, данных небуддийских источников о древней истории Индии, древнейших культурных связях между Индией и Западом, а также об изучении мифологических элементов в хронологических традициях.

Такие косвенные данные были собраны и обсуждены на международном симпозиуме «О датах жизни Будды и о важности их установления для индийской историографии и всемирной истории», проведенном под эгидой Академии наук в Гётингене 11—18 апреля 1988 г. Материалы симпозиума публикуются академией под заглавием «The Date of the Historical Buddha. Die Datierung des historischen Buddha»[120]. Данные, приводившиеся на симпозиуме, дают достаточно оснований предполагать, что Паринирвану Будды следует датировать временем куда более поздним, чем то, которое вычисляется по исправленной долгой хронологии, скорее всего первой половиной IV в. Прежде всего я хотел бы сослаться на аргументы, выдвинутые Вильгельмом Хальбфассом, Германном Кульке и Георгом фон Симсоном[121]. Из них следует, что буддизм во времена

[117] *Bechert.* The Date... P. 35.

[118] Фрагмент Мегасфена в передаче Арриана (Индика IX.9) и Плиния (VI.7) повествует, что «от Диониса до Сандрокотта (Чандрагупты) индийцы насчитывают 153 (вар. 154) царя и 6042 (вар. 6451, 6402) года». Хотя этот отрывок заставляет предполагать, что какая-то традиция относительно царей и дат их жизни, предшествовавшая ныне существующим Ваншавали или Пуранам, существовала, она вряд ли была ближе к подлинной историографии, чем соответствующие разделы в более поздней пуранической литературе.

[119] *Bechert.* Die Lebenszeit... P. 178; *idem.* Die Datierung des Buddha als Problem der Weltgeschichte // Saeculum. 1988. 39. P. 31 f.

[120] Это издание должно состоять из трех частей, первая из которых должна появиться в начале 1991 г., см. прим. 5.

[121] *Halbfass W.* Early Indian Reference to the Greeks and the First Western References to Buddhism // The Dates of the Historical Buddha; *Kulke H.* Some Considerations on the Significance of the Buddha's Date for the History of North India // Ibid.; *Von Simson G.* Der zeitgeschichtliche Hintergrund der Entstehung des Buddhismus // Ibid.

Ашоки был еще довольно молодым течением, существование при Ашоке буддийской мифологии никоим образом не опровергает эти аргументы, поскольку подобные верования даже в наше время возникают в самом скором времени после кончины индийских религиозных лидеров, а уж для столь ранней эпохи этого тем более следует ожидать. Кроме того, выводы, основанные на материалах текстов, подтверждает анализ археологического материала, проведенный Гербертом Хертелем[122].

В докладе на симпозиуме я предположил, что «Нирвана Будды может быть датирована временем между приблизительно 80 и 130 годами до коронации Ашоки, т.е. незадолго до индийского похода Александра», следовательно, между приблизительно 400 и 350 гг. до н.э. После симпозиума мои взгляды не изменились. Насколько я понимаю, симпозиум и соответствующие научные дискуссии не дали однозначных свидетельств, которые позволили бы нам выразиться точнее, и вряд ли такие свидетельства появятся в обозримом будущем[123].

До недавнего времени даты жизни Будды, вычисленные по «исправленной долгой хронологии», считались единственной «точной» хронологической информацией по древней Индии до похода Александра. На этой дате основывается большинство хронологических расчетов относительно датировки брахманических литературных произведений, развития ранних среднеиндийских языков и т.д., поскольку исследователи как на Западе, так и в Южной Азии использовали эту хронологию в качестве отправной точки во всех соответствующих вычислениях, то же можно сказать и о многих датировках археологических находок домаурийского периода. Если мы придем к выводу, что Паринирвану Будды следует датировать временем значительно более поздним, чем предполагается согласно «исправленной долгой хронологии», придется, очевидно, пересмотреть многие проблемы ранней индийской истории, включая хронологическое соотношение развития древнеиндийской и греческой философий и их взаимовлияния, датировку произведений древнеиндийской литературы, хронологию ранних буддийских соборов и многое другое*.

THE CONTROVERSY CONCERNING THE DATES OF THE BUDDHA'S PARINIRVĀṆA AND THE RISE OF THE THEREVADA CHRONOLOGY

Heinz Bechert

The article deals in detail with the most controversal issue of the dates of the Buddha's Parinirvāṇa. The author confirmes his old suggestion that «the Buddha's Nirvāṇa may be dated between about 80 and 130 years before Aśoka coronation, i.e. not very long time before Alexander's Indian campaign» (between ca. 400 B.C. and ca. 350 B.C.). According to the author, the new theories of Richard Gombrich, Klaus Mylius and A.K. Narain are based on unproven presuppositions and thus cannot be accepted as convincing new evidence.

---

[122] *Härtel H.* Archaeological Research on Ancient Buddhist Sites // Ibid.

[123] В последнее время Рихард Гомбрих, Клаус Мюлиус и А.К. Нарайн выступили с утверждениями, что они могут более точно установить дату Нирваны. Гомбрих утверждает, что точная дата смерти Будды может быть установлена путем реинтерпретации хронологических сведений Дипавамсы, и в своей статье в «The Dates of the Historical Buddha». Pt 2 (в печати), вычисляет дату 404 г. до н.э. Мюлиус полагает, что данные брахманических источников подтверждают правильность исправленной долгой хронологии (статья в «Lex and Litterae, Essays in Honour of Oscar Botto», в печати), а А.К. Нарайн утверждает, что исправленная долгая хронология подтверждается его новой интерпретацией первого малого наскального эдикта (статья в «The Dates of the Historical Buddha». Pt 2, в печати). Мне кажется, что эти новые теории основаны на недоказанных предположениях и поэтому не могут считаться убедительными новыми данными. Как бы то ни было, с разбором этих теорий придется подождать до выхода в свет соответствующих статей.

* Перевод С.В. Куланды.

Э. Грейс

КСЕН, ОБВИНЕННЫЙ В УБИЙСТВЕ ПО АФИНСКОМУ ПРАВУ*

Возникает вопрос: мог ли не-гражданин внести жалобу на афинского судью во время ревизии его деятельности (εὔθυναι)? Ибо в нашем случае такая жалоба обязательно была бы предъявлена ответчиком (если он еще был жив) или его родственниками. По этому поводу известно очень мало, а то, что известно, нельзя оценить однозначно. Липсиус опирается в своем мнении о том, что метеки, или по крайней мере ἰσοπολιτεῖς, возможно, предпочитали выдвигать обвинения во время ревизии, на речь Лисия против Эратосфена, бывшего члена совета Тридцати, во время отчета которого (см. Arist. Ath. pol. XXXIX.6; и I.9) эта речь, как считается, и была произнесена (AR. P. 106 и прим. 209; ср. Bizos в Lysias. I. P. 157). Однако, не совсем ясно, каким был статус Лисия в тот момент (см. Bizos, loc. cit. прим. 2). По поводу собственно ксенов-неметеков Липсиус (loc. cit.) цитирует только Dem. XIX.81 и тут же отвергает этот отрывок как имеющий скорее риторическое, нежели правовое значение. Таким образом, у нас по существу нет сведений, которые показывали бы, что лица этих категорий могли вносить жалобы прежде, чем начинались слушания по проверке исполнения магистратом своих служебных обязанностей.

Тот факт, что ответчик-митиленец в Antiph. V был гражданином полиса, входившего в состав афинской архе, который, кроме того, имел с Афинами соглашение типа συμβολαί, тоже может быть использован в данной связи. В положении союзных государств и их граждан соединялись два противоположных элемента: ограничение или фактическая потеря политической независимости, которая приводила к определенному сокращению суверенитета также и в юридической сфере (указание на это содержится в § 47); и, с другой стороны, расширение судебных прав граждан подчиненных государств вплоть до предоставления доступа в афинские суды наравне с афинскими гражданами в случае возникновения тяжбы между первыми и вторыми. Это, я полагаю, важно отметить для того, чтобы показать, в определенном и немаловажном отношении, структурные особенности и границы «имперского» контроля Афин над своими подчиненными-союзниками в обоих союзах.

В афинских союзах не существовало политической интеграции на государственном уровне, возможно, ее и не могло существовать ввиду своеобразия полисных институтов, которые не позволяли выйти за пределы замкнутой сферы гражданской общины. Однако в них могла развиваться и, по-видимому, развивалась тенденция к тому, что можно было бы назвать горизонтальной (не предполагающей глубокой политической перестройки) интеграцией граждан подчиненных государств в состав гражданской общины господствующего. И даже если эта тенденция затрагивала, согласно нашим данным, только юридическую сферу, ни в коей мере не затрагивая сферу политических прав, она тем не менее имела определенное политическое содержание. Гражданство,

*Окончание. Начало см. ВДИ. 1992. № 4. С. 28—46.

даже если оно было гражданством другого полиса, будучи однажды признано имеющим силу в отношении отдельного института данного полиса, позволяло обладающему им в определенном смысле войти в избранный круг «членов сообщества» (на это, в частности, указывает уверенность, с которой митиленец утверждает свое право на преследование по дике фону). И концепция гражданства, и его реальное содержание переживали тенденцию к расширению. Но, конечно, это вовсе не уменьшало недовольства подчиненных государств, вызванного их политическим «порабощением» (см. в ATL. III. P. 155 анализ термина δουλεῖα, употребляемого в этом смысле у Фукидида), которое продолжало проявляться как в открытых протестах, так и лести в адрес афинского демоса (в лице его судей), со стороны «граждан», приходивших в Афины для ведения тяжбы (см. [Xen.] Ath. pol. I.18; этот же тон слышится и в речи митиленца). Затронутая нами проблема сложна и обширна и не может быть исследована здесь в должной мере. Достаточно сказать, что особая позиция этого ответчика-митиленца по отношению к афинским правовым институтам, тем более что она определяется союзническими отношениями (συμβολαί) между Афинами и его государством, позволяет, по крайней мере, представить, что ответчик (или его родственники) могли иметь доступ даже к такому исконному афинскому институту, как εὔθυναι магистратов — хотя у нас и нет достоверных свидетельств об этом.

Между тем то, что Одиннадцать могли опасаться жалобы со стороны ответчика или его родственников за признание незаконного апагоге, — лишь одно из возможных предположений. Другое состоит в том, что, напротив, в этой ситуации они скорее отвергли бы правовые сомнения, если бы того потребовали другие интересы. Однако, на мой взгляд, здесь слишком много неясностей, чтобы обстоятельства дела могли окончательно подтвердить простой вывод о том, что, принимая во внимание чужеземный статус ответчика, Одиннадцать с легкостью санкционировали бы заведомо незаконную форму преследования — апагоге, либо предоставить достаточные основания для смелой гипотезы о том, что чужеземный статус обвиняемого делал законной процедуру, которая была бы незаконна по отношению к гражданину — хотя в защиту этой гипотезы можно было бы привести некоторые параллели из афинской юридической практики (они будут рассмотрены в следующем разделе работы). Так или иначе, ясно одно: если вслед за МакДоуэллом мы полностью проигнорируем чужеземный статус ответчика, то будем не вправе обойти вниманием юридическую ответственность Одиннадцати и нам придется как-то увязать их санкцию с одним из видов преступлений, подлежащих преследованию по апагоге. При прочих равных условиях их решение зависело бы главным образом от того, как было сформулировано обвинение.

МакДоуэлл (AHL. P. 137), по-видимому, считает, что для признания апагоге было достаточно, чтобы обвинители просто объявили арестованного какургом, — хотя и не говорит, какое преступление или преступления, по его мнению, имеются в виду под этим термином (который, как мы видели, возможно, и не является строго определенным правовым понятием). Он отмечает только, что, согласно утверждению обвиняемого, в число этих преступлений не входило убийство. Но если исходить из сообщения Лисия, мы должны предположить, что, если обвинение ограничивалось утверждением какургии, Одиннадцать скорее всего обратились бы к стоящему за этим словом corpus delicti, τὰ ἔργα[32], т.е.

---

[32] *Lys.* X.10 (с едким сарказмом в адрес оппонента выступающего): «Подобно одному из Одиннадцати ты и ареста не утвердишь... если кто-либо был схвачен за "продажу рабов"» — παῖδ' ἐξαγαγών (аорист здесь, похоже, исключает поимку с поличным) — «ты скажешь, он не является душепродавцем, ведь ты готов сколько угодно спорить о терминах (τοῖς ὀνόμασι), но никогда не задумаешься над их реальным содержанием (τοῖς ἔργοις)». См. комментарий Жерне о правовой ответственности Одиннадцати в подобных случаях (Lysias. I. P. 146. Not. 1) — хотя я бы поспорила с его примером (*Lys.* XIII. 85 f., см. выше, прим. 6).

стали бы настаивать на более детальной формулировке. Если бы выяснилось, что основным пунктом обвинения было φόνος, даже квалифицированное как «крайне порочное деяние» (ср. 10), можно с уверенностью сказать, что при обычных условиях — а именно такими они, по-видимому, представлялись и ответчику, и МакДоуэллу — Одиннадцать в этом случае не признали бы правомочным преследование по апагоге какургов (если принять, что преступления, охватываемые термином «какургия», действительно каким-то образом ассоциировались у самого ответчика, а также в подавляющем большинстве правовых источников IV в. с этим видом апагоге). Тот факт, что Одиннадцать все-таки признали этот способ преследования, должен означать, что обвинители представили им такие ἔργα, которые либо характеризовали обвиняемого как какурга, с точки зрения закона (или законов), определяющих этот вид апагоге, либо делали необходимым — по причинам, связанным с преступлением или даже лежащим за его пределами (возможно, в угоду государственным интересам), — заключение преступника под стражу до суда (§ 13), что было бы невозможным в случае преследования его по дике фону.

Гипотеза, с которой в ее глотцевской версии так быстро расправляется МакДоуэлл, а также другие предположения, например, что убийство Герода было связано с грабежом (см. Lipsius. AR. P. 325. Not. 30. P. 330. Not. 48), — это, в конечном счете, попытки дать правовое обоснование тому факту, что Одиннадцать разрешили и поддержали преследование по ἀπαγωγὴ κακούργων человека, обвиненного в убийстве. Уникальность этого случая делает еще более важной и в то же время исключительно трудной такую оценку ситуации, которая не выходила бы за рамки имеющейся у нас правовой и любой другой информации в сомнительную область чистых предположений. Отталкиваясь от исходного условия и центральной проблемы этой ситуации — принятия Одиннадцатью преследования по апагоге и возможных причин такого решения, я предлагаю заново проанализировать данные с точки зрения двух вышеупомянутых моментов: использования обвинителями против митиленца формулировки «κακούργημα», а также факторов, не связанных с самим преступлением (понимаемым в узком смысле: как поступок и непосредственно относящиеся к нему обстоятельства), которые, однако, могли оказать влияние на решение Одиннадцати.

Можно считать установленным, что в составе иска, представленном обвинителями, не были упомянуты два из четырех или пяти видов преступлений, которые засвидетельствованы в источниках в качестве разновидностей «порочных деяний», подлежащих преследованию по апагоге, а именно воровство и различные виды насильственных действий и грабежа, названные мной «раздеванием» (см. прим. 17). Ответчик специально подчеркивает, что обвинители не могут приписать ему ни одного из этих преступлений. И поэтому, заявляет он, сами продемонстрировав мою невиновность в этих преступлениях, обвинители «дали вам [Одиннадцати], по крайней мере в отношении апагоге, все правовые и судебные основания для того, чтобы оправдать меня» (§ 9). По-видимому, два вышеназванных преступления, с точки зрения выступающего, исчерпывали содержание понятия κακοῦργος, хотя его определение, как мы знаем, не включает их полный список. Но даже сообщение Аристотеля не содержит перечня всех преступлений, которые мы находим в других источниках, и имеющийся у нас список, возможно, также неполон. Он мог включать, например, нападение с целью грабежа, даже если оно привело к смерти пострадавшего. Человек, подвергшийся нападению ночного вора, мог преследовать его при помощи апагоге перед лицом Одиннадцати, согласно Солонову закону о воровстве (см. Dem. XXIV.113—114). С другой стороны, Dem. LIV.25, 28 показывает, что нападение, которое сопровождалось не только кражей одежды (8—9), но и неумышленным убийством пострадавшего, могло преследоваться по дике фону перед лицом Ареопага (см. MacDowell. AHL. P. 59 f.). Судя по тому, что род-

ственники Герода включили в состав обвинения формулировку «смерть в результате нападения и ограбления», они, как видно, имели возможность выбрать способ преследования. Однако в единственном похожем случае, деле о вольноотпущеннице (Dem. XLVII.58—59б, 67—73), тому, кто мог бы выступить в роли обвинителя, явно не приходит в голову преследовать по апагоге какурга убийц, совершивших подобного рода нападение, даже несмотря на то, что преследование по дике фону для него невозможно, поскольку женщина не была ни его родственницей, ни его рабыней[33]. Ответчик-митиленец, разбирая мотивы, которые могли быть приписаны ему в связи с убийством Герода, дважды упоминает мотив грабежа (57, 60) только для того, чтобы показать его абсурдность, поскольку, как он заявляет, у Герода не было денег, в то время как сам он не испытывал в них недостатка (63). Конечно, мы не обязаны верить его словам, но вместе с тем в них нет ни намека на то, что обвинение в самом деле выдвигало этот мотив, и еще меньше — что обвинители использовали его для оправдания апагоге.

Едва ли имеется больше оснований для предположения о том, что обвинение содержало пункт о похищении рабов, единственном из трех преступлений, наиболее часто связанных с этим видом апагоге[34], которое ответчик опускает в своем определении категории κακοῦργος. Рассказ ответчика о событиях, которые привели к исчезновению и предположительной гибели Герода, начинается следующим образом (§ 20): «В Митилене я сел на один корабль с Геродом... Мы готовились к отплытию в Айнос, я хотел посетить отца, который находился там в это время, он — освободить рабов за выкуп у каких-то фракийцев. Вместе с нами на корабле также были рабы, которых он собирался освободить, и фракийцы, которые должны были заплатить выкуп». Затем он рассказывает, как шторм вынудил их пришвартоваться около Метимны и на ночь пересесть на другой корабль, чтобы укрыться от дождя, и как Герод ночью вышел на берег и больше не появился. Он подчеркивает, что у него с Геродом были разные и вполне естественные причины для путешествия в Айнос, и то, что они были вынуждены остановиться в Метимне в силу случайного каприза погоды: так много совпадений невозможно было подстроить заранее (§ 21). В нескольких словах оживает ситуация: проливной дождь, уютная вечеринка с выпивкой на палубе корабля, откуда, слегка пошатываясь (§ 26), вышел Герод и исчез в штормовой ночи. Простое описание, скупое на детали, но достаточно хорошо выверенное, чтобы представить мысленному взору полную картину и усыпить бдительность. Сыну необходимо навестить отца, Героду — устроить дела иного рода (но столь же естественные), связанные с находящимися здесь же рабами и фракийцами. Но стоит лишь чуть-чуть сместить детали, якобы

---

[33] Похоже, что ему также не пришло в голову преследовать их по апагоге за убийство (*Dem.* XXIII.80), которое наверняка уже использовалось к тому времени (ок. 356 г. до н.э.). Вполне возможно, что он никогда не задумывался всерьез о том, чтобы каким-либо образом преследовать их за смерть этой женщины, и сейчас хотел только приправить свое главное обвинение во лжесвидетельствовании сообщением о каком-либо злодеянии. Живой рассказ о зверском нападении его оппонентов на старую служанку удивительно не гармонирует с навязчиво повторяющимся замечанием о том, что именно он, а не они, первым предложил и был готов подвергнуть пытке другую женщину такого же или сходного социального положения, но не из своих слуг. См. ВДИ. 1968. № 1. С. 28—30.

[34] По частоте упоминаний это: воровство (*Aeschin.* I.90—91, 113; *Antiph.* V.9—10; *Arist.* Ath. pol. LII.1; *Dem.* XXII.26—28; XXXV.47; XLV.81; *Din.* II.9—10; *Isae.* IV.28; *Isocr.* XV.90; *Xen.* Mem. I.2, 62; Oec. XIV.5), «раздевание» (*Aeschin.* I.90—91; *Antiph.* V.9—10; *Arist.* Ath. pol. LII.1; *Dem.* LIV.1, 8, 24; *Isocr.* XV.90; *Lys.* X.10; XIII.67—68; *Xen.* Mem. I.2, 62) и киднеппинг, который по большей части представлял собой похищение рабов (*Arist.* Ath. pol. LII.1; *Isocr.* XV.90; *Lys.* X.10; XIII.67—68; *Xen.* Mem. I.2, 62). Еще важнее этих выкладок тот факт, что из пяти отрывков, упоминающих о киднеппинге, во всех кроме одного речь идет не о частных примерах этого преступления, но о киднеппинге как одной из разновидностей преступлений, связанных с апагоге, — дважды в связи с двумя остальными видами (*Arist.* Ath. pol. LII.1; *Isocr.* XV.90) и дважды — с «раздеванием» (*Lys.* X.10; XIII.67—68).

совсем простые и невинные, как картина представится в другом свете: когда шторм заставляет их укрыться в гавани Метимны, любящий сын заключает сделку с фракийцами — он напоит Герода, выставит его на улицу, в дождливую тьму, затем поплывет с ними в Айнос, получит с них выкуп (разумеется, на более мягких условиях) и поделит деньги со своим старым отцом. Если уловка, примененная к истцу, для которого Гиперид написал речь «против Афиногена», могла послужить основанием для ареста Афиногена в качестве ἀνδραποδιστής (см. § 12 этой речи), было бы резонно полагать, что ситуация с ответчиком в пятой речи Антифонта еще легче могла быть истолкована подобным образом. Афиноген просто «вернул в рабство» (как выяснилось, в результате с большой выгодой для себя) Мидаса и его семью, изменив первоначальные условия договора (согласно которому истец должен был выкупить их и отпустить на свободу) таким образом, что он превратился в договор о продаже (§ 5—6)[35]. Митиленец, получающий выкуп вместо Герода, с гораздо большими основаниями мог быть признан похищающим его рабов — также ради извлечения денежной прибыли.

Такая возможность — увы! — не подтверждается в речи ничем, кроме факта присутствия на борту корабля рабов и готовых их выкупить фракийцев, а также отсутствия пункта о похищении рабов в определении какургии, которое дает ответчик. И все-таки я осмелюсь утверждать, что в этой реконструкции не больше чистой выдумки, чем в гипотезе о том, что афиняне, как правило, преследовали ксенов, обвиняемых в убийстве, по апагоге какургов, гипотезе, с трудом находящей основу в деле митиленца, поскольку он сам слишком явно ее игнорирует. Что же касается отца, ожидающего сына в Айносе, его благочестивый портрет, нарисованный в следующем отрывке речи, по крайней мере, не противоречит смыслу моей реконструкции преступления и в то же время указывает на то, что его деятельность в Айносе, равно как и в Митилене, вызвала нечто большее, чем подозрение в Афинах. Сын изображает его достаточно могущественным человеком, который был вольно или невольно вовлечен в восстание 428 г. до н.э., подвергся нападкам, если не судебному преследованию, в Афинах за свою последующую деятельность, в том числе и во время пребывания в Айносе. Там он, возможно, продолжал обогащаться, пользуясь средствами, вызывающими возмущение афинян, и в любом случае был на безопасном расстоянии от афинских сикофантов (§ 76—79).

Независимо от того, были ли предполагаемые преступления отца напрямую связаны с теми, которые обвинение вменяло его сыну[36], — а два персонажа несомненно были связаны тем или иным образом, иначе сыну не понадобилось бы защищать в своей речи и отца — совершенно ясно, что оба они находились в тени, и этим обстоятельством мог воспользоваться Ликин, которому обвинение приписывало не последнюю роль в совершении «злодеяния», вменяемого ответчику.

---

[35] Эта интерпретация предполагаемого применения к Афиногору апагоге, какой бы натянутой она ни была, похоже, все-таки менее натянута, чем та, которая намечена у Липсиуса (AR. P. 78. Not. 104) и подробно изложена у Бурттa (MAO. II. P. 438. Not. a) и Коллина (Hyperid. P. 204 — перевод: «comme visant a reduire un homme libre [т.е. истца] en esclavage» и прим. 2). Если мое толкование верно, то это единственный известный мне случай, где киднеппинг, как преступление, подлежащее преследованию по апагоге, принимает вид обращения в рабство свободных. Однако основной смысл шутки, которую сыграл с истцом коварный египтянин (см. § 3), состоял в списании на нового хозяина долгов Мидаса, что можно было бы определить как «получение прибыли от обманной сделки с использованием рабской собственности другого лица» — таким же образом рисуют нам главное содержание киднеппинга и другие сообщения об апагоге. См. *Lys.* X.10; XIII.67—68, ср. *Lvc.* frg. 61, Sauppe. *Harpocr.* s.v. ἀνδραποδιστής и перевод Брутта (MAO. II. P. 149): «работорговцы, которые попросту крадут наших слуг» (слуга — общепринятый и потенциально неправильный перевод термина οἰκέτης, который означает просто «раб»).

[36] Достаточно прозрачный намек на это содержится в § 79: «Вы не должны верить клеветническим обвинениям против моего отца в связи с его частными делами; деньги — вот цель всех их козней (παρασκευή) против него и меня».

Это впервые становится ясно из § 53—54, где ответчик говорит о записке, якобы адресованной им Ликину, в которой сообщается о том, что дело сделано (τέθνηκεν ὁ ἀνήρ). Само собой разумеется, что он отвергает этот документ как подделку. В § 57 ответчик говорит: «Они осмеливаются утверждать, что я убил человека, чтобы оказать кому-то услугу (χάριτι). Но кто же совершает такое в угоду другому человеку?». Немного дальше оказывается, что этим «другим человеком» был тот же самый Ликин. Здесь (§ 60—61) становится еще более очевидным, что обвинители считали Ликина прямо заинтересованным в смерти Герода. Ответчик отрицает это, формулируя и отклоняя в отношении Ликина те же возможные мотивы его заинтересованности в смерти Герода, которые он ранее опроверг (§ 57—59) в отношении себя самого. Основной мотив убийства Герода, который, по словам ответчика, приписывали ему обвинители — оказание услуги другому человеку — теперь получает более определенную форму, в которой ответчик с легкостью опровергает его: «И тогда, даже если у Ликина были самые серьезные причины желать смерти Герода (исходя из аргумента моих обвинителей), и он не хотел совершить убийства сам, как я мог согласиться сделать это вместо него? Не в том ли состоит их версия, что я должен был рискнуть своей жизнью, а он был готов оплатить этот риск? Но такое предположение не проходит, ведь деньгами располагал как раз я, а не он» (§ 62—63). Но, возможно, версия их состояла не в этом, а в том, что, как предполагает слово χάριτι (§ 57), Ликин предлагал отцу с сыном политическое покровительство, с тем чтобы отразить атаки, которые, по словам ответчика, были направлены против них в связи с последними событиями в городе и, возможно также, против их последующей политической и/или коммерческой деятельности.

Но попробуем предположить, что деньги рассматривались как главный мотив ответчика и в качестве обвинения ему было предъявлено «убийство за плату». По крайней мере в речи содержится больше оснований для этой гипотезы, чем для предположения об убийстве с целью грабежа. Все, что делалось в частном порядке за плату (μισθός), несло на себе определенный «рабский» оттенок (сведения об этом, действительно, мы черпаем главным образом из консервативных сочинений IV в.). Возможно, такая формулировка преступления позволяла вывести за рамки дике фону то, что по существу оставалось обвинением в убийстве. Существуют, однако, два достаточно серьезных возражения против того, чтобы объяснить этим согласие Одиннадцати на апагоге. Во-первых, такое предположение не объясняет, как убийство за плату могло попасть в категорию преследуемого по апагоге какургов, позднейшая область применения которого, согласно нашим источникам, охватывает преступления, связанные с нарушением прав собственности (и хотя ἀνδραποδιστής мог совершить и другие нарушения, необходимость его преследования по апагоге определялась именно этим — см. Arist. Ath. pol. LII.1). Во-вторых, сомнительно, чтобы исполнитель чужого замысла в меньшей степени считался бы убийцей только потому, что получил плату за убийство. У нас есть надежные свидетельства, что в случае убийства исполнитель и организатор считались в равной степени ответственными за содеянное и одинаково подлежали преследованию по закону об убийстве[37].

Если «злодеяние» (κακούργημα), вменяемое ответчику, не определялось обвинителями как кража рабов или убийство за плату — а оба эти предположения неудовлетворительны: одно из-за отсутствия достаточно убедительных данных,

[37] См. *And.* I.94 и *MacDowell.* AHL. P. 64, 66, 125 f., где он приводит этот отрывок в подтверждение того, что организатор убийства подлежит не менее суровому наказанию, чем тот, кто приводит его в исполнение. Но этот случай a fortiori подтверждается условиями амнистии 403 г. до н.э. — см. Ath. pol. XXXIX.5 и *MacDowell.* AHL. P. 67, 137 f. Платон предполагает некоторую снисходительность к организатору: после казни он может быть похоронен «на своей собственной земле» (Leg. 872a, ср. 871d).

другое — по юридическим причинам — тогда мы должны посмотреть, какие внешние, не имеющие отношения к самому преступлению обстоятельства могли склонить Одиннадцать к принятию апагоге. Здесь я согласилась бы с молчаливым доводом МакДоуэлла, что чужеземный статус ответчика сам по себе не может объяснить ситуацию, тем более на основе предположения о том, что существовала устойчивая практика преследования ксенов, обвиняемых в убийстве по ἀπαγωγὴ κακούργων. Заявление ответчика о незаконности применения в его случае такой процедуры и особое значение, которое он уделяет этому доводу, невозможно отбросить как чистую риторику. С моей точки зрения, митиленец не только был уверен в своем праве предстать по обвинению в убийстве перед Афинским уголовным судом, но и действительно обладал этим правом. Если принять это и отвергнуть другие предположения, объяснение тому, что его преследование по апагоге какургов было принято, нужно искать в обстоятельствах, не связанных ни с характером вменяемого ему преступления (будь то κακουργία или φόνος), ни с тем простым фактом, что он являлся ксеном. Я предполагаю, что обвинение (клеветническое или нет — это уже другой вопрос), составленное для Одиннадцати обвиняющей стороной, содержало утверждение о заговоре против имперских интересов Афин, возможно, на Митилене, недавно вновь силой подчиненной, оккупированной и все еще бурлящей, или в какой-нибудь другой столь же неспокойной области, во фракийском регионе, где он мог быть связан с компрометирующей или нечестной или «нелояльной» в отношении афинян коммерческой деятельностью («частная» деятельность его отца — § 79, и его предубеждения против Айноса — § 78). В первом случае обвинители могли утверждать, что ответчик, Ликин[38] и возможно, кто-то еще готовили в Митилене новое восстание (и действительно, несколько позже, в 412 г., Митилена присоединилась к общему восстанию после того, как стало известно о сицилийской катастрофе — Thuc. VIII.22—23), в то время как Герод представлял здесь афинские интересы.

Последнее из предложенных мной объяснений принятия Одиннадцатью процедуры апагоге, примененной против митиленца, уже в силу того, что оно позволяет обойти главные правовые сложности, имеет преимущество перед двумя другими, поскольку оно не отрицает вывода о том, что убийство было основным, если не единственным уголовным компонентом вменяемого ответчику «злодеяния». Но это объяснение, конечно, так же условно и недоказуемо, как и любое другое. Более того, во всех трех предложенных объяснениях отправной точкой был тезис ответчика о том, что, несмотря на свой статус ксена — а он определенно не пытается ни скрыть, ни затушевать этот факт — он имел право на преследование в Афинах по дике фону, тезис, который, похоже, находится в роковом противоречии с точкой зрения, приведенной в начале настоящего исследования: что Драконтов закон об убийстве распространялся только на преступников из числа граждан. Но ведь требование митиленца — это единственное четкое современное свидетельство о положении ксенов, совершивших убийство, с точки зрения аттического уголовного права. По существу уникальность этого свидетельства, не меньше чем его содержание, способствовала возникновению двух противоположных теорий, представляющих две крайние точки зрения на этот казус: 1) что ответчик неправ и примененная против него процедура санкционирована законом или юридической практикой в качестве альтернативы дике фону, используемой для преследования ксенов и 2) что ответчик прав, Одиннадцать оправдали явно незаконное апагоге и его чужеземный статус не имеет никакого отношения к вопросу о процедуре.

[38] Эта гипотеза не предполагает с необходимостью, что Ликин был митиленцем, хотя, на мой взгляд, он вполне мог быть им. Как и в случае с Геродом (см. прим. 2), здесь обычно принимается мнение Бласса (основанное на упоминании в § 61 о возможном иске против Ликина «на основании ваших законов»), который считает его афинянином (см. *Gernet.* Antiphon. P. 123. Not. 2; ср. PA № 9179). Что же касается юридических соглашений, существовавших между Афинами и Митиленой в то время, я не думаю, что § 61 должен здесь что-то доказывать.

Однако как в самой речи, так и вне ее существует достаточно свидетельств, показывающих, что дело митиленца расследовалось в такой юридической ситуации — определялась ли она συμβολαί, существовавшими, как известно, между Афинами и Митиленой в это время, или уставом архэ, намек на который содержится в § 47, или тем и другим — которая ставила этого конкретного чужеземца в равное, с точки зрения права, положение с афинским гражданином в Афинском суде. В этом смысле, следовательно, дело должно рассматриваться (по крайней мере, в своей основе) как исключительное, и здесь нет противоречия с точкой зрения, высказанной в начале настоящего исследования. Уникальность этого случая, свидетельствующего о процессе над обычным ксеном, обвиненным в убийстве в Афинах, сделало неизбежным повторное исследование этого дела, особенно с точки зрения процедуры. Результат в том, что касается самого дела, сводится к признанию того факта, что оно ничего не может сказать нам о правилах или распространенной практике, применяемой при ведении обычных дел. Поведение обвиняющей стороны в деле Герода нельзя признать типичным по отношению к убийце — гражданину полиса, правительство которого не имело с Афинами ни договора, ни какого-либо другого юридического соглашения, регулирующего такого рода правовые споры. Каково было в это время или в какой-либо другой период на протяжении пятого и четвертого столетий численное соотношение находящихся проездом в Афинах и на контролируемых ими территориях ксенов, подпадающих и не подпадающих под это регулирование — вопрос, на который я не могу ответить даже в форме более или менее правдоподобной догадки. Но даже если количество последних было относительно невелико[39], они все же могли совершать убийства, и вопрос о том, каким образом их привлекали к суду, поэтому остается в силе.

Что касается двух противоположных мнений в отношении дела Герода, мне кажется, что приверженцы одного из них заблуждаются, связывая вопрос об аттическом праве и юридической процедуре вообще (почему человек, обвиняемый в убийстве, был привлечен к суду при помощи апагоге какургов?) с вопросом о способах, которые афиняне использовали для привлечения к суду чужеземца, обвиняемого в убийстве. Действительно, дело Герода, похоже, демонстрирует эту мнимую связь, и поскольку у нас нет больше ни одного ясного свидетельства, позволяющего судить о соотношении двух этих вопросов (по причинам, указанным в ВДИ, 1992, № 4, с. 44 сл., дело Агората в качестве параллельной ситуации можно игнорировать), естественно, что в этом свидетельстве склонны искать ответа на оба вопроса и выводить общее правило на основании процедуры, использованной против ответчика-чужеземца. Вывод, как мне кажется, не слишком удачен, но вызванная им дискуссия продвинула решение интересующей нас проблемы на значительный шаг вперед. Постули-

[39] По-видимому, необходимо учитывать возможное наличие этого регулирования в нескольких случаях, где сообщается об участии ксенов в составе одной из тяжущихся сторон в публичных исках. Дело андроссца Эпайнета, который предъявил фесмофетам иск (γραφή) против гражданина Стефана, утверждая, что тот незаконно поместил его в тюрьму по ложному обвинению в прелюбодеянии (*Dem.* LIX.64—47), приводится у Липсиуса в доказательство того, что когда γραφή касалось причинения ущерба конкретному человеку, последний обычно и осуществлял преследование (хотя в принципе сделать это мог любой уважаемый (ἔντιμος) гражданин), даже если он был чужеземцем (AR. P. 243 f., ср. p. 66: «kannten alle öffentlichen Klagen nur einen sachlichen, keinen personlichen Gerichtsstand», ссылаясь на *Dem.* XIV.4, см. ниже, прим. 43). Не имеет ли отношения к делу Эпайнета то обстоятельство, что Андрос был в то время (в середине IV в.) членом Второго афинского морского союза (Tod. GHI. II. P. 67, 166, см. также ниже, прим. 40). В другом отрывке, приведенном у Липсиуса (AR. P. 244. Not. 15), повествующем о внесении карийцем προβολή против беотийца (Dem. XXI.175—177), оскорблением празднества, послужившим основой προβολή, была попытка одного из этих ксенов, пока мистерии еще продолжаются, наложить арест на имущество другого за ущерб, нанесенный в ходе торговой тяжбы (ἐμπορικὴ δίκη), в сфере судебного разбирательства, где статус сторон не имел значения (*Paoli U.E.* Studi di diritto attico. Firenze, 1930. P. 96 ff.). Ср. *Harrison.* Law of Athens. P. 195. Not. 1.

руя причинную связь между процедурой, примененной к ответчику, и его статусом, приверженцы этого взгляда рассматривают статус как фактор, способный повлиять на способ привлечения убийцы к суду. Напротив, убеждение МакДоуэлла в том, что для дела Герода нет места в дискуссии по уголовному праву, кажется мне шагом назад. И все-таки самим фактом того, что он изымает это дело из области уголовного права, МакДоуэлл тоже продвигает проблему убийцы-чужеземца к решению. Он делает это, настаивая на отделении процедурного вопроса от вопроса о статусе ответчика. Ошибка же его, с моей точки зрения, состоит в том, что в основу этого разделения он кладет предположение о безразличии аттического уголовного права к статусу убийцы. В результате он разрывает предполагаемую связь между процедурой и статусом в деле Герода, вообще отрицая, что второй мог иметь какое-либо значение. И снова: мне кажется, что причиной такой крайней позиции служит уникальность нашего свидетельства: МакДоуэлл вполне мог бы спросить, где доказательства того, что все ксены не обладали теми же правами, на которые претендует этот?

По существу то же самое предположение делает и другая сторона в споре о деле Герода — и действительно, я еще не сталкивалась с обсуждением этого отрывка, которое не исходило бы из той предпосылки (часто она даже не высказывается, не говоря уже о специальном обсуждении), что любой чужеземец, обвиненный в убийстве, мог, согласно аттическому праву, преследоваться по дике фону. По отношению к этому предположению разница между двумя сторонами в современном споре выражается в признании одной из них того, что дике фону, возможно, не было достаточно подходящим инструментом для преследования убийцы-чужеземца. Этот взгляд получает интересное развитие во введении Мейдмента к речи Антифонта «Об убийстве Герода». Мое отношение к «местному» характеру Драконтова закона совпадает с тем, что говорит здесь Мейдмент, и я согласна с ним, что дике фону, по-видимому, никогда не было ни предназначено, ни хорошо приспособлено для преследования чужеземных преступников (MAO. I. P. 151 f.). Но я не могу согласиться с его выводом, основанным на единственном свидетельстве этой речи, что апагоге какургов было альтернативной процедурой, которую афиняне избрали как отвечающую растущей потребности в действенном способе преследования любого чужеземца, обвиняемого в убийстве.

Главная слабость теории Мейдмента, на мой взгляд, — и в этом, опять-таки, «виновато» дело Герода — состоит в том, что он относит ее вообще ко всем чужеземцам, при том, что строит ее, анализируя только одну группу ксенов — граждан подчиненного полиса, входящего в состав Афинской архэ, т.е. на тех ксенов, статус которых должен был регулироваться специальными юридическими установлениями, передающими Афинам право выносить решение по делам подлежащих наказанию смертной казнью, ссылкой или лишением гражданских прав[40]. Более того, если Герод был афинянином, частный случай, положенный Мейдментом в основу своей теории, мог попадать под действие συμβολαί, засвидетельствованных в IG I^2.60 (см. прим. 31). Не одно, так другое, как мне кажется, ставит ответчика-митиленца в нашем случае по отношению к афинскому законодательству в равные условия с нарушителями-гражданами, а это значит, что использованная против него процедура должна быть объяснена прежде всего как применяемая по отношению к человеку, наделенному правами афинского гражданства. Так или иначе, решающим фактором, определяющим правовую позицию ответчика в Афинах, служило не то обстоя-

[40] С материалом, приведенным в прим. 58, ср. суд в афинском буле над Антипатром, гражданином Иулиса, обвиняемым в убийстве афинского проксена в Иулисе (на острове Кеос), полисе, бывшем в то время членом Второго афинского морского союза — IG II^2 III = Tod. GHI. II. № 142 (363/2 В.С.), строки 37—40; ср. Busolt—Swoboda. P. 1376, 1389.

тельство, что он был ксеном, но то, что он был гражданином Митилены. На обычного ксена, обвиняемого в убийстве, т.е. того, чей статус не определялся судебным соглашением с его родным полисом или каким-либо постановлением архэ по вопросам юрисдикции, по всей видимости, не распространялось подобное уравнение в правах. Во всяком случае, дело митиленца, поскольку оно не касается «обычных» ксенов, не может свидетельствовать об обратном.

4. «ОБЫЧНЫЙ» ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Более чем вероятно, что неопытность автора в области права и его истории постоянно обнаруживается в трактовке сложных проблем, обсуждаемых на этих страницах. «Глупцы бросаются сломя голову», и слишком редко им сопутствует «везенье дураков». Но сказав все это, я хотела бы тем не менее обозначить направление, в котором, как мне кажется, можно искать решение проблемы того, каким образом обычный ксен, обвиняемый в убийстве, мог быть судим в Афинах.

Три отрывка — Aeschin. I.43 и 158, Dem. XXV.57 — сообщают о ксенах-правонарушителях (в одном случае это метек), которые либо были брошены гражданами в тюрьму, либо силой приведены (ἀπάγειν) к архонту. Ни одно из этих дел не связано с убийством, но Липсиус приводит их по аналогии в подтверждение тех причин (необходимость защитить истца от обвиняемого), по которым, как он думает, афиняне предпочитали преследовать чужеземцев с помощью апагоге какургов, нежели дике фону; что каждый чужеземец мог преследоваться по дике фону, он выводит из аргументов ответчика в деле Герода (AR. P. 326 f.). Липсиус указывает, что преступления, за которые ксены были подвергнуты немедленному аресту (Aeschin. I.43 и 158), преследовались другим способом, если обвиняемый был гражданином. Третий отрывок, Dem. XXV.57, сообщает о том, как метек был силой приведен к полетам по подозрению в неуплате налога на метеков, и в этом случае, по мнению Липсиуса, апагоге не предполагало передачи дела в суд[41], в то время как суд, «вероятно», должен был последовать за арестом в двух других случаях («wohl aber in den anderen»), хотя отрывки не содержат никаких сведений в подтверждение этому. Естественно, что невозможно знать наверняка, какое развитие получил на практике тот или иной правовой шаг, когда о нем известно столько, сколько считал нужным сообщить рассказчик. В отрывке Dem. XXV.57 сообщается только о том, что женщина-метек была приведена в πωλητήριον, и в случае неуплаты μετοίκιον'а ей грозила продажа в рабство. Липсиус доказывает, что какое бы то ни было разбирательство в суде могло последовать не в результате апагоге, но в результате приведенного женщиной или от ее имени контрдовода о том, что она не была обязана платить налог, причем для этого необходимо было особое обращение к другому магистрату, полемарху (AR.

[41] Другой точки зрения придерживается Матье (DPP. IV. P. 183). Мое понимание слов πρὸς τὸ πωλητήριον τοῦ μετοικίου ἀπήγαγεν отличается от тех, которые предлагаются обычно и либо трактуют слове τὸ πωλητήριον τοῦ μετοικίου как выражение, обозначающее специальное место, где продают собранный μετοίκιον (см. перевод в изданиях Loeb и Budé), или предлагают опустить «τοῦ μετοικίου» либо внести какое-нибудь другое изменение в текст (см. Lipsius. AR. P. 100. Not. 185). Гарпократион, s.v. πωληταί καὶ πωλητήριον, определяет последний термин (ссылаясь на утерянную речь Исея, в которой он встречается много раз — πολλάκις) как место, где полеты проводили свои заседания и предположительно осуществляли всю свою деятельность (см. *Wycherley R.E.* The Athenian Agora III Literary and Epigraphical Testimonia. Princeton, 1957. P. 165). Липсиус скептически относится к предположению о втором полетерионе, исправлению текста путем его устранения и степени осведомленности («Sachkenntnis») автора речи. На с. 101, прим. 186, он критикует Мейера за то, что по существу совпадает с моим толкованием, т.е. за понимание μετοικίου (опуская артикль) как gen. criminis, зависящего от ἀπήγαγεν. Но разве в этом контексте артикль не мог означать притяжательное прилагательное «ее» (за неуплату ее метекского налога?). Генитив может также выражать причину или зависимость «в связи с метойкионом».

P. 101). Он более не разбирает этого вопроса, но ценность его аргумента состоит в том, что он абсолютно соответствует имеющейся у нас информации. Вполне логично заключить, что если в записях полетов значилась неуплата налога и женщина не могла внести такой ответной жалобы, какую предполагает Липсиус, полеты, под юрисдикцией которых находилось это дело, имели право немедленно продать ее в рабство.

Очевидно, что это преступление мог совершить только метек, и оно не может служить хорошей параллелью к сообщениям Aeschin. I.43 и 158, которые дают несравненно бóльшие основания считать, что апагоге не вело к судебному разбирательству. С другой стороны, случаи, когда граждан судили за аналогичные преступления, тоже не могут быть, на мой взгляд, достаточным основанием для вывода о том, что в данном случае за апагоге должен был последовать суд. Мнение Липсиуса о том, что он должен был последовать, основывается исключительно на его уверенности, что там, где апагоге использовалось против ксенов вместо процедуры, обычно применяемой по отношению к гражданам за такие же преступления — включая (по крайней мере к концу V в. до н.э.) убийство — оно использовалось с целью обеспечить присутствие обвиняемого в суде. Тому же рассуждению, в особенности, по отношению к делам об убийстве, следовали и другие, но мне кажется, оно не слишком убедительно. Почему человек только из-за того, что он чужеземец, должен был скорее попасть под подозрение в том, что он избежит наказания, особенно смертной казни, убежав из страны? Действительно, ссылка была гораздо страшнее для гражданина, чем для чужеземца, пусть даже метека, которому грозило быть изгнанным не из родного полиса. Но смерть была также страшна, и не все афиняне были подобны Сократу. Аттическое уголовное законодательство признавало право и, таким образом, вполне вероятное желание человека, обвиненного в преднамеренном убийстве, удалиться в изгнание до завершения суда (Dem. XXIII.69; ср. Ant. V.13; IV.1; MacDowell. AHL. P. 113—115), и, по-видимому, нередко граждане, обвиняемые в других серьезных преступлениях, предпочитали добровольное изгнание необходимости, оставшись дома, предстать перед судом (см. And. I.3; Lys. XX.6, приведенный у МакДоуэлла, loc. cit.; ср. Hyperid. Eux. 2). Платон, с одной стороны наделяет граждан своего идеального государства традиционным правом в случае, если они обвиняются в преднамеренном убийстве, избежать судебного разбирательства, но с другой стороны полагает предел практике, очевидно, слишком часто имевшей место в реальном полисе, тем, что обязывает обвиняемых предоставить гарантии своего присутствия в суде, угрожая в противном случае содержанием до суда в оковах (Leg. 871d, e).

Апагоге какургов представляло собой очень древний институт, который имел в виду прежде всего (если не единственно) нарушителей-граждан, и его наиболее суровые черты, немедленный арест и помещение в тюрьму, не следует объяснять главным образом как меры предосторожности, призванные обеспечить присутствие обвиняемого на суде — хотя бы потому, что в своей первоначальной форме этот вид апагоге, как мы можем предполагать с большой вероятностью, влек за собой не судебное разбирательство, но непосредственно решение коллегии магистратов, которая санкционировала арест и осуществляла надзор за содержанием в тюрьме. Эта примитивная форма апагоге, которая сохранялась в классическое время для использования в определенных ситуациях против нарушителей-граждан, могла использоваться таким же образом и против «обычных» ксенов, обвиняемых в убийстве и других тяжелых преступлениях, за которые граждане преследовались либо по дике фону, либо по так называемым общественным искам (γραφή и др.). Косвенное, но уместное подтверждение этому содержится в отрывке из «Политики» Аристотеля.

Гражданин (говорит Аристотель, имея в виду абстрактный полис) является таковым не просто потому, что он живет в определенном месте; не являются

также гражданами и те, кто обладает юридическими правами, т.е. правом преследовать и защищаться в суде (τῶν δικαίων μετέχοντες οὕτως ὥστε καὶ δίκην ὑπέχειν καὶ δικάζεσθαι), поскольку этим правом пользуются также те, кто причастен к нему в силу соглашений — οἱ ἀπὸ συμβόλων κοινωνοῦντες (т.е. ксены), в то время как во многих местах его не разделяют даже метеки (Pol. III.1, 3—4, 1275a). В каком-то смысле права, о которых упоминает Аристотель, составляют единое право доступа к суду, выраженное здесь через две свои взаимодополняющие части[42], первая из которых, однако, имеет самостоятельное значение. Это первое право — защищать себя или свои притязания в суде против контрдоводов обвиняющей стороны на равных основаниях с истцом-обвинителем — было важнейшей частью права «равного голоса», которое было символом свободы и демократии для большинства афинян (см. Dem. XXI.123—125). Произвольное урезывание этого права было существенным признаком тиранического правления Тридцати, наиболее ярко проявившись в судьбе Ферамена, когда он стал представлять очевидную и реальную угрозу для олигархии — или, как ее позднее официально называли афиняне, «анархии», которая была установлена после битвы при Эгоспотамах при диктате Лисандра и держалась у власти благодаря оккупационным силам и гарнизону спартанцев (см, Arist.Ath.pol. XXXIV.2—3; XXXVII.2; Xen.Hell. II.3, § 3, 13; Lys. XII.71, 74; XIII.34). Даже Критий, выступая от имени Тридцати и имея за своей спиной всю мощь лакедемонской армии, чувствовал необходимость оправдать нарушение этого незыблемого права как вынужденную меру со стороны «друзей, которых обманывают» (буле, перед которым он говорил, выказывал некоторые признаки колебания под воздействием красноречия Ферамена) и узаконить нарушение, исключив имя Ферамена из списка граждан, сохраняющих право «не подвергаться смертной казни без вашего голосования» (Xen. Hell. II.3.51).

К обладанию правом доступа в суд, будь то в качестве истца или ответчика, правом, которое в своей полной форме было обычно прерогативой афинских граждан[43], ксены допускались (это следует из слов Аристотеля) только на основе συμβολαί с их родными полисами. Верно также и обратное: ксены, не попадав-

---

[42] Оно формулируется аналогичным образом и даже при соблюдении того же порядка слов и в соглашениях, например: IG. I^2.60, 12—13; IG. II^2.1, 17—18 διδόναι καὶ δεχεσθαι τὰς δίκας; ср. *Harpocr.* s.v. σύμβολα : διδόναι καὶ λαμβάνειν τὰ δίκαια. Х.Т. Уэйд-Джери называет такие соглашения «договорами о тяжбах» (*Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 189). Выражение δίκην (τὰς δίκας) ὑπέχειν (διδόναι) амбивалентно: оно может означать как «подчиняться решению суда», т.е. уплачивать штраф или возмещать ущерб, так и «подлежать судебному преследованию», т.е. защищаться в судебном порядке (ср. *MacDowell.* AHL. P. 29 f.). Эта двусмысленность могла возникнуть благодаря использованию этого выражения в более раннее время, когда судебный процесс начинался с презумпции виновности и ограничивался решением магистратов.

[43] В Афинах его разделяли метеки в области частных исков, таких, как иск перед полемархом (прим. 8), — который, согласно Аристотелю (Ath. pol. LVIII.3), передавал в суд жалобы на метеков (ἀπροστασίου...) (Липсиус думает, что они должны были представлять собой γραφαί — AR. P. 65; ср. *Harrison.* Law of Athens. P. 165, 189 f.) — и в области ἐμπορικαὶ δίκαι, которые рассматривались фесмофетами (Ath. pol. LIX.5). Единственный из перечисленных у Липсиуса или известных мнее случаев использования γραφή против метека, не связанный со статусом последнего (хотя в этой ситуации выступающий, вне сомнения, должен был поднять вопрос о прошлом рабском статусе ответчика), — эта незавершенная тяжба, которую Аполлодор, по его собственным словам, начал, выдвинув против Формиона γραφὴ ὕβρεως за то, что тот женился на его матери (*Dem.* XLV.4; *Lipsius.* AR. P. 66. Not. 51). Реальность, равно как и законность этой тяжбы, сомнительна (*Gernet.* DPC. II. P. 156, Not. 3), и хронология, возможно, тоже. Более вероятно, что столь скандальный поступок сын совершил, если он вообще мог совершить его, после смерти матери, вслед за своим возвращением после исполнения обязанностей триерарха не в 368, а в 362—360 гг. до н.э. (*Dem.* L.60), когда ссора с Формионом вспыхнула не на шутку (*Dem.* XXXVI.14). Формион получил гражданство в 362—360 гг. (*Dem.* XLVI.13). Аристотель (Ath. pol. XLIII.5) говорит о προβολαί против сикофантов, «афинян и метеков». Доносы последних, я думаю, были связаны главным образом с областью морской торговли, в которой другие общественные меры (φάσις, ἀπαγωγή — см. *Dem.* LVIII.10—12) могли также применяться против них (или использоваться ими?). См. *Lipsius.* AR. P. 312—314.

шие под условия соглашения, не имели доступа в суд другого полиса. Это общее правило, которое Аристотель приводит в отношении абстрактного полиса; в конкретных полисах оно могло иметь свои особенности. В Афинах IV в., например, в правовых спорах, возникающих по поводу морской торговли и ее финансирования, ксены (даже при отсутствии соглашений) и метеки, причастные к этой сфере деятельности, а также, по-видимому, принадлежащие им рабы имели доступ в суды на равных основаниях с гражданами (Paoli. Studi di dir. att. P. 106 ff.; Gernet. DS. P. 162 f., 181 ff.; ВДИ. 1961. № 3. С. 17 сл.). Лица трех вышеназванных негражданских категорий имели также право тимории (возмездия) за убийство, т.е. участия в составе обвиняющей стороны от лица пострадавшего при разбирательстве в суде Палладиума. Это не должно обязательно ни даже предположительно означать, что человек, вчиняющий иск от лица пострадавшего, метека или ксена, и уж тем более раба, обладал тем же статусом. То, что Аристотель не упоминает этих институтов (которые могли существовать не во всех полисах), не уменьшает значения принципа, ясно подразумеваемого в его высказывании: гражданин одного полиса, как правило, не пользуется доступом к суду другого ни в качестве истца, ни в качестве ответчика.

Приложимость этого принципа в Афинах по отношению к ксенам, а также другим не-гражданам, обвиняемым в убийстве, в предварительном порядке выводилась в начале этого исследования частично исходя из того, что известно нам о Драконтовом законодательстве и частично на основе того факта, что Аристотель, описывая компетенцию басилевса при разборе дел об убийстве, говорит о лицах негражданского статуса не иначе как о жертвах. Рассмотрение процедуры апагоге в ее различных видах, а также принципов ее использования обозначило направление, в котором может быть найден более точный ответ на поднятый ранее вопрос о ксене в собственном смысле слова: каким способом его привлекали к судебной ответственности, если он обвинялся в убийстве?

Принцип, подразумеваемый в высказывании Аристотеля, означает, что в отношении юридических прав (равно как и политических; в классическом полисе первые были отделимы от вторых только для не-граждан) в любом другом полисе, кроме своего собственного, ксен находился в положении ἄτιμος, в конечном счете, что он стоял «вне закона» любого полиса кроме своего. В силу этого, я думаю, он был также ἀγώγιμος[44]: «всякий» мог арестовать его на месте и он подлежал наказанию без суда — так же, как Ферамен сделался ἄτιμος и ἀγώγιμος, когда Критий, не желая более выносить его присутствия, исключил его имя из списка трех тысяч (Xen. Hell. II.3, 50—51, ср. 55); или подобно тому, как во времена, когда в Афинах правили законы и народ, нелегально возвращавшиеся изгнанники рассматривались как стоящие вне закона и первый встречный мог убить их (Dem. XXII.26—28; Lycurg. Leocr. 121). Эту идею я предлагаю не более, чем в качестве возможного предположения, скорее внушенного, нежели вполне обоснованного общими соображениями, далеко не однозначными свидетельствами Aeschin. I.43 и 158 и недостатком (возможно, случайным) сведений, указывающих на какое-либо другое решение.

В подтверждение можно добавить еще два отрывка из Платона, хотя их отношение к афинской практике спорно. В «Законах» Платон совсем не склонен рассматривать чужеземца как нечто совершенно внешнее по отношению к законодательству идеального города, а юридические процедуры, которые он предлагает, естественно, довольно часто напоминают предусмотренные реальным греческих правом, в частности, как можно предполагать, в афинском. Возможно, что это справедливо по отношению к его закону об оскорблении действием

[44] См. *Busolt-Swoboda.* P. 231 f., 533; *Gernet.* DPP. II. P. 100—101, Not. 4 — где вместо 6-й главы из Диодора ошибочно названа 16-я.

(αἰκία): чужеземец, ударивший гражданина, должен быть силой доставлен (ἀπαγέτω) последним перед лицо коллегии магистратов (ἀστυνόμοι), от решения которых зависит, будет ли он наказан или освобожден (Leg. 879de). На основании отрывка из «Менона» можно сделать прямой вывод о том, что в греческом полисном праве, включая, я думаю, и афинское, существовала тенденция использования апагоге против ксенов, в то время как граждане за аналогичные преступления подлежали преследованию по другой процедуре (ср. Aeschin. I.43 и 158). Менон говорит Сократу: «Ты достаточно мудр, чтобы не путешествовать на чужбине, ведь если бы ты стал так вести себя, будучи ксеном в другом полисе, тебя бы сразу же арестовали как колдуна: εἰ γὰρ ξένος ἐν ἄλλῃ πόλει τοιαῦτα ποιοῖς, τάγ'ἂν ὡς γόης ἀπαχθείης»[45].

Итак, мое предложение сводится к тому, что ксен, обвиняемый в убийстве, в Афинах привлекался к суду двумя способами: 1) таким же образом, как и граждане, обвиняемые в убийстве, т.е., как правило, по дике фону, но это только в том случае, если его правовое положение в Афинах определялось соглашением (συμβολαί) с его родным полисом, в котором оговаривалось убийство, или во времена первого и, возможно, второго морского союза (см. прим. 40) декретом архе о юрисдикции; 2) при помощи апагоге в той его разновидности, которая предполагала не γραφή, но укороченную процедуру, влекущую за собой разбор дела магистратом или коллегией магистратов (фесмофетами?), причем суровость наказания определялась, по крайней мере отчасти, статусом пострадавшего. Таким вот, mutatis mutandis (в отношении наказания и состава судей) был, как мне кажется, характер этой процедуры в случаях, подобных описанным в отрывках Aeschin. I.43 и 158.

Эта аналогия, конечно, спорна, поскольку мы не знаем, что последовало за арестом в данном случае. В сообщении Aeschin. I.158 мы видим обвиняемого, доставленного к архонту, и это все, а изложение события так напоминает анекдот, что его достоверность, даже в самом общем смысле, весьма сомнительна. Одним словом, если только логике моего предположения не соответствует сообщение Lycurg. Leocr. 121 (см. прим. 26), его нельзя подтвердить документально.

Альтернатива сводится к тому, чтобы считать, присоединившись к существовавшему до сих пор консенсусу, что ксены как таковые, — собственно, так же как и все не-граждане, поскольку некоторые исследователи включают сюда и рабов, — будучи обвиняемы в убийстве, попадали под действие Драконтова закона и подвергались судебному преследованию по дике фону. Ведь даже Мейдмент, чей скептицизм в отношении использования дике фону для преследования убийц-чужеземцев, подходит близко к моему, по-видимому, не думает, что чужеземцы вообще не имели права преследоваться по этой процедуре, предполагая лишь, что практика преследования по апагоге какургов была принята как более удобное альтернативное средство привлечения их к суду. Эта точка зрения, что ксен как таковой — независимо от того, попадал ли он под условия соглашений или других юридических предписаний, — подлежал в Афинах преследованию по дике фону, насколько я могу судить, также не может быть документирована (Ant. V, как я пыталась показать, не может служить доказательством). Более того, такой взгляд кажется мне противоречащим не только тому, что нам известно о законе Драконта, но также и признанному факту существования в афинской социально-правовой системе иерархии статусов и соответствующих отличий в правоспособности, которые засвидетель-

[45] Pl. Men. 80b. Липсиус (AR. P. 322, Not. 20) утверждает, что на основе этого отрывка нельзя сделать никаких выводов об афинских юридических процедурах. Но мне кажется, что можно, если иметь в виду, что Сократ мог быть ксеном только в каком-то другом полисе, и в то же время очевидно, что только в качестве ксена афиняне могли представить его преследуемым по апагоге за занятия магией.

ствованы в источниках или могут быть выведены из самого факта различия в статусах. С другой стороны, апагоге в своей укороченной, наиболее сжатой форме, похоже, было исключительно удобной формой преследования тех свободных нарушителей, которые никоим образом не попадали под действие законов полиса.

THE «ALTOGETHER» XENOS AS KILLER

E. Grace

The author bases her analyses on several fragments concerning *apagoge* procedure. The case of Herodes discribed in the Vth speech of Antiphon is in the centre of the study. Giving a new interpretation to this case the author considers the origin and nature of *apagoge* procedure and its relation to the alien status of the defendet. The main conclusion is that a xenos accused in Athens of homicide was brought to justice in either of two ways: (1) by the same means as a citizen accused of homicide, i.e. as a rule by *dike phonou,* but thus only if his legal standing at Athens was defined by *symbola* with his home state which covered homicide or, during the first and perhaps also the second Athenian confederacy by arche jurisdictional decree; or (2) by *apagoge,* not of the *graphe* type, but of the short type, which led to jugement by a magistrate or board of magistrates, the severity of the punishment probably depending at least in part on the victim's status.

© 1993 г.

Е.Б. Смагина

ИСТОКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦАРЕ ДЕМОНОВ В МАНИХЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ

Манихейство — дуалистическая религия, возникшая в III в. н.э. в Месопотамии. В последующий период это религиозное учение распространилось очень широко, манихейские общины существовали в очень многих странах Востока и Запада. Несмотря на почти повсеместные гонения, манихейство в общей сложности просуществовало не менее тысячи лет и оказало влияние на многие современные ему религиозные направления.

Как большинство религиозно-философских учений, возникших в эпоху поздней античности, манихейская доктрина носит синкретический характер. Здесь прослеживаются влияния многих религий, культов и философских систем[1]. Многие исследователи до сих пор считают открытым вопрос, какой элемент следует считать основополагающим при формировании этой доктрины — зороастрийско-иранский или гностический[2]. Однако сейчас, когда подавляющее большинство найденных в середине века гностических текстов из Египта издано и изучено[3], можно с большей уверенностью утверждать, что в основе своей манихейство — религия гностического типа, догматизированная разновидность мифологического гностицизма.

Почти для каждого манихейского божества или мифологемы можно найти несомненный аналог в учениях гностиков. Однако манихейство отличается от большинства гностических систем одной основополагающей чертой — своим строгим и последовательным дуализмом. У гностиков несовершенство материального мира большей частью объясняется тем, что он сотворен низшим божеством, которое не обладает полным знанием, и его порождениями — несовершенными и невежественными, а зачастую и вовсе злыми силами[4]. По манихейскому учению, доброе и злое начала извечны, противоположны и от века разделены во вселенной[5]. Манихейское божество не может быть не только злым, но и несовершенным и невежественным. Наряду с иерархией божеств и небесных сил, в манихейских текстах нередко встречаются описания демонологии мира мрака[6].

Справедливо считается, что таким последовательным дуализмом манихейство обязано дуалистической зороастрийской системе, с ее противостоянием светлого и темного божества[7]. Но неправильно было бы приписывать эту черту исключительно зороастрийскому влиянию. С манихейской демонологией дело обстоит не так однозначно. Это особенно ясно, когда речь заходит о конкретных персонификациях темного начала — о демонах и их владыках.

---

[1] *Schaeder H.H.* Urform und Fortbildungen des manichäischen Systems. Lpz, 1927.

[2] *Widengren G.* Mani und der Manichäismus. Stuttgart, 1961.

[3] *Layton B.* The Gnostic Scriptures. A New Translation with Annotations and Introductions by Bentley Layton. L., 1987. See esp. General Introduction. P. XXVI—XXVII.

[4] См., например, изложение учения валентинианской школы гностиков: Iren. Haer. I. 7. 1.

[5] *Adam A.* Texte zum Manichäismus. Berlin, 1968.

[6] Например, в коптских манихейских псалмах: A Manichaean Psalm-Book. I / Ed. and transl. C.R.C. Allberry. Stuttgart, 1938. P. 9, 11, 17—21.

[7] *Widengren.* Op. cit.

Родоначальницей демонов в манихействе выступает персонификация и животворящее начало мрака — Материя. Владыка демонов в коптских текстах именуется Царем мрака (в среднеперсидских текстах нередко носит зороастрийское имя)[8]. Это правитель пяти миров темных стихий (различаются пять светлых стихий и соответствующие им темные), предводитель сил мрака в их войне с силами света (с чего, собственно, и начинается манихейская космогония) и владыка созданного вследствие этой войны материального мира.

Описание этого предводителя архонтов (правителей) мрака, отождествляемых также с планетами и знаками Зодиака, дано в двух местах трактата «Кефалайа» («Главы»), дошедшего до нас в коптской версии (конец IV в.)[9]. Вот перевод части главы 6-й трактата:

«Что до Царя мрака, то в нем есть пять форм: у его головы — облик льва, у его рук и ног — облик демона [[и дьявола]], у его плеч — облик орла, у его середины — облик дракона, у его хвоста — облик рыбы. Такие пять форм, печати его пяти миров, есть в Царе темных.

Далее, еще пять обличий есть в нем: первое — это его тьма, второе — его зловоние, третье — его безобразие, четвертое — его горечь, его собственная душа, пятое — его пожар, горящий, как ..... железное, когда его расплавят в огне.

Есть в нем и еще три (свойства): первое — что его тело очень твердо и крепко, ибо построено жестокосердной Материей, помыслом смерти; она живописала его по природе страны Мрака.

[[Вот,]] таково тело архонта .....: тверже всякого железа, бронзы, булата и свинца (?); и нет во вселенной ножа и никакого орудия железного, чтобы [[ранить]] его и разрезать его. Ибо Материя, его творец, построила его [[крепко,]] и он тверд, и он крепок. Второе: что он поражает и убивает словами своей волшбы; голос его и слух его, вся его речь безумная творят ему чары и заклинания; когда ему угодно, он заклинает себя и скрывается своим волшебством от товарищей своих; и когда на то его воля, он является в силах своих, показывается им (.....)

Третье: что Царь темных понимает речь и язык своих пяти миров, разумеет все, что услышит из их уст, что они говорят друг другу, каждый своим языком; всякую мысль, которую они помыслят о нем, каждую хитрость, которую они измыслят между собой, чтобы преподнести ему, он знает; он также понимает мигание, если они обмениваются им как знаком; напротив, его силы и архонты, которые у него в подчинении, не знают речи слов его. Они все открыты ему, но их сердце не открыто ему, он не знает их разума, их мыслей, не постиг ни их начала, ни их конца; но он знает и замечает только то, что (предназначено) для его глаз.

Есть еще одна особенность у Царя темных: когда ему захочется ходить, он распростирает все свои члены и ходит; а когда ему задумается, он втягивает члены, вбирает их в себя, соединяет друг с другом, сбрасывает, как виноград, и (становится как) большая сфера железная. Он страшен своим криком, ужасен, он устрашает свои силы голосом, ибо как только он заговорит, то уподобляется грому в облаках, его [[грохот]] сотрясает скалы .... когда он воскликнет и [[позовет]] ..... к его силам, они содрогаются, поворачиваются (?) и падают к его ногам, как птицы ..... [когда гремит гром, и] птицы [[содрогаются]] и падают на землю. Только он не знает того, что удалено от него, и не видит того, что вдалеке; и не слышит этого; но то, что перед ним, он видит, это он слышит, это он знает. Его знаки и черты суть в вожде демонов и дьяволов, царе всех гор тьмы ..... тот, кого страна Мрака породила в жестокосердии своем, в злобе своей, в гневе своем, [[тот, который]] больше,

[8] *Sundermann W.* Namen von Göttern, Dämonen und Menschen in iranischen Versionen des manichäischen Mythos // Altorientalische Forschungen. 1979. VI. S. 95—133.

[9] Kephalaia. I / Hrsg. von H.J. Polotsky, A. Böhlig. Stuttgart, 1940.

чем все его товарищи-архонты, пребывающие во всех мирах. Золото — тело Царя мрака; тело всех сил, принадлежащих миру дыма, — это золото; а вкус плодов его — это соль. Дух Царя темных — тот, кто царствует ныне в началах и властях страны и всего мира; я разумею тех, кто царствует над всем творением и уничтожает людей тиранией по воле своей»[10].

Здесь Царь мрака отождествлен с царем одной из темных стихий — дыма. Далее следуют описания владык остальных четырех темных стихий, их зооморфного облика и соответствующего им металла, вкуса и «духа заблуждения», отождествляющегося, очевидно, с какой-либо из религий. (В прямых скобках — текст, восстановленный издателем, в двойных скобках — восстановленный мной.)

Тому же предмету целиком посвящена глава 27 трактата «О пяти подобиях, сущих в архонтах Мрака», во многом повторяющая приведенный отрывок из главы 6-й:

«Что касается Архонта, вождя всех сил Мрака, то в его теле суть пять подобий, по образу клейма пяти творений, пребывающих в пяти мирах Мрака. Его голова — это облик льва, который происходит из мира огня. Его крылья и плечи — облик орла, по подобию сынов ветра. [Его руки] и его ноги — демоны, по подобию сынов мира дыма. Его середина (? в оригинале «сердце») — образ [дракона, по подобию] мира тьмы. Его хвост — образ рыбы, принадлежащей к [миру сынов] воды. Эти пять форм суть в нем — те, что [вышли] из пяти творений миров Мрака. Когда ему угодно, он ходит на двух ногах, [[по подобию сынов]] мира [дыма]. А всякий раз, как ему угодно, он [[бегает]] на четырех [[конечностях]] — на руках и ногах ..... как сыны огня. Когда ему угодно, он поднимается на крыльях, как сыны ветра. А также, когда ему угодно, он прыгает в воды, как сыны воды. Также, когда ему угодно, он ползает на животе, как сыны тьмы. [И такие] четыре формы есть у него.

Есть и другие три (свойства) в нем; первое: ..... (две строчки почти не сохранились. По аналогии с главой 6-й можно предположить, что здесь упомянут громоподобный голос Царя Мрака)... Второе — это ..... его волшебства: когда ему угодно, он заклинает себя и скрывается от своих сил, [а когда ему угодно,] показывается им; он наносит рану и [[удар]] [своей] волшбой; он [творит волшебства] словом, которое возглашает постоянно. Третье: его тело крепко, так что никакие [[рога,]] зубы и когти его сил не могут [проткнуть его,] и никакое тело железное и медное не сможет его [[сокрушить?]]; они не смогут его разрушить, так как он сделан и сотворен из жестокосердного суждения Материи, матери демонов и дьяволов.

Есть в нем и еще три (свойства): когда ему [угодно,] его огонь пылает и все его тело делается как [[печь?]] огненная. А когда ему угодно, он насылает холод и все его тело холодеет, как [[облако?]] снежное. Третье: в то время, как его силы стоят перед ним, он смотрит на них и знает, что́ есть у них на сердце; он знает, что́ у них в [сердце] и у них на лице, пока они стоят перед ним; (а) когда они отойдут от лица его и удалятся от него, он не знает, что́ у них в сердце. Совсем никакой жизни нет [в нем], но его жизнь — это злоба гневная, которая [[на?]] лице его, и в страхе его ..... тюрьма, которая стоит перед ним»[11].

Подобные описания, хотя и более краткие, дошли до нас и в неманихейских источниках[12].

Что касается облика Царя мрака, то даже у незнакомого с иными религиозно-философскими системами читателя может возникнуть предположение, что подобное чудовище должно вести свое происхождение от какого-либо терато-

---

[10] Ibid. 30,33—33,8.

[11] Ibid. 77.26—79,1.

[12] Например, у арабского автора X в. Ан-Надима, см. по изданию: *Flügel G.* Mani. Seine Lehre und seine Schriften. Lpz, 1862.

морфного божества или демона (возможно, его облик в манихействе «выровнен», упорядочен так, чтобы каждой стихии соответствовал элемент облика «царя» соответствующего разряда живых творений).

Самый близкий аналог Царю мрака мы находим в гностицизме. Согласно ряду гностических учений, демиургом и владыкой материального мира выступает Иалдаваоф (другие имена — Сакла, Самаил), чудовищное порождение Софии, младшего из божеств[13].

В текстах, где дано его описание, Иалдаваоф нередко изображается как существо «львиного» облика или «змей облика львиного», львиноголовый змей[14]. Можно добавить: не исключено, что владыка материального космоса, прежде всего низших небесных сфер и светил, представлялся также крылатым.

Это самая близкая и очевидная аналогия. Что касается более широкого круга сопоставлений, то божества тератоморфного облика достаточно распространены в искусстве древнего мира. Примеры можно отыскать не только в древневосточной иконографии, но и на греческом материале, о чем речь пойдет несколько ниже.

Есть изображения божеств, в иконографии которых можно в первую очередь установить аналогии именно с манихейским царем демонов и гностическим Иалдаваофом. Это одно из центральных божеств митраизма — религии, также имеющей синкретический характер и несомненно внесшей свою долю в формирование манихейского учения[15].

Одно из центральных божеств митраистского пантеона — так называемый Леонтокефал, Эон или Deus aeternus. Начиная со II в. н.э. статуи и рельефы, изображающие его, повсеместно встречаются в митреумах по всему ареалу распространения культа Митры, от Британии до Египта и от придунайских областей до Финикии. Они часто соседствуют (чаще всего сверху) с изображением Митры, закалывающего быка — центральной культовой сценой.

В фундаментальном труде М.Й. Вермасерена — митраистском корпусе[16] — собрано более 50 статуй, рельефов, бронзовых фигурок и фрагментов статуй, изображающих Леонтокефала. В иконографии могут быть отклонения, но самый распространенный тип выглядит следующим образом. Божество имеет львиную голову, мужское тело (обнаженное, реже одетое) и крылья, обычно четыре крыла. Вокруг тела обвивается большая змея, голова ее находится на львиной голове божества (или возле головы). Иногда леонтокефал стоит на сфере (ibid. monumentum 665, 382, 390, 543, 1705?, 2390/1, 551?) или на чаше (ibid. 314?, 551?). Чаша-кратер может стоять у его ног (ibid. 103, 1326, 314?, 1298). В руках он держит чаще всего два ключа (понимаемые как ключи от врат небесных сфер). Бывает, что в правой руке у него ключ, а в левой — посох (ibid. 665, 168?, 335?, 503, 543, 833, 1326). Есть несколько изображений с перуном в руках, в пасти или на груди (ibid. 103, 695?). От головы может исходить сияние (ibid. 312, 665, 695, 589?, 833?, 882 bis). В руке также может быть факел (ibid. 103, 383, 589, 2359?). Кроме того, иногда из оскаленной львиной пасти исходит огонь и воспламеняет стоящий рядом алтарь (ibid. 383; встречается просто изображение алтаря рядом с ним). Некоторые изображения, возможно, были устроены так, что через львиную пасть во время мистерий можно было пускать огонь[17]).

---

[13] *Barc B.* Samaèl—Saklas—Yaldabaôth: Recherche sur la genèse d'un mythe gnostique // Colloque international sur les textes de Nag Hammadi (Québec, 22—25 août 1978) / Ed. by B. Barc. Québec, 1981. P. 123—150.

[14] См., например, «Апокриф Иоанна». 10. 8—9 в переводе М.К. Трофимовой: «вид несообразный — змея с мордой льва» (с. 193) (*Трофимова М.К.* Из истории ключевой темы гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 169—218).

[15] *Merkelbach R.* Mithras. Hain, 1984.

[16] *Vermaseren M.J.* Corpus inscriptionum et monumentorum religionis mithriacae. V. I—II. Hagae, 1956—1960.

[17] Ibid. 78, 543, 544. Об этом см.: *Burkert W.* Ancient Mystery Cults. Cambr. (Mass.) — L., 1987. P. 103.

Есть изображение с глазом на груди[18]. Иногда вместо львиной головы божество имеет человеческую — бородатую (ibid. 1326, 1327?, 1935) или безбородую (в последнем случае это, очевидно, изображение Митры как Эона) (ibid. 695, 777; comment. — p. 253, 254, 273). Есть изображения леонтокефала с мечом (ibid. 611, 882 bis?). Найдены также леонтокефалы с козлиными ногами (ibid. 103) и раздвоенными копытами на ногах (ibid. 695), что, по мнению исследователей, указывает на отождествление леонтокефала с Паном[19]. В случаях, когда у божества человеческая голова, львиные маски изображаются на теле, чаще всего на груди[20]. Есть леонтокефалы с масками нескольких животных на теле (ibid. 695, 777). На изображениях присутствует солярная символика, символы звезд (ibid. 543). Характерны случаи, когда на рельефе леонтокефал изображен в овальной рамке из знаков Зодиака (ibid. 695, 320 B? 390) или на теле статуи (рельефа) сверху вниз изображены зодиакальные знаки, все или выборочно (ibid. 879, 545). Фигура леонтокефала может занимать позицию посредине вереницы знаков Зодиака на стене митреума, над сценой Митры, закалывающего быка (ibid. 390). На четырех крыльях одного из изображений — символы четырех времен года (ibid. 312); у другого рельефа по углам изображены головы четырех ветров (ibid. 695). Леонтокефалу могут сопутствовать священные животные (ibid. 1326, 312, 326), в том числе трехглавый Кербер (ibid. 326).

По положению этого божества среди прочих изображений в митреумах и в особенности по его атрибутам и облику легко можно сделать вывод, что леонтокефал представляет собой бога — владыку небесных сфер и всего космоса. Что касается имени этого божества, то, хотя митраистская иконография дополняется не таким уж скудным эпиграфическим материалом[21], нет надписей, где было бы засвидетельствовано имя, непосредственно сопоставимое с этим иконографическим типом. Поэтому все имена, которые даются ему в научной литературе, достаточно условны.

Прежде всего следует заметить, что большинство черт леонтокефала представляет собой символы не только космоса-пространства, но и времени, годового цикла. Таковы знаки Зодиака, солярные признаки, четыре крыла со знаками времен года, возможно, также количество витков змея или витого посоха[22], звериные маски и трехглавый Кербер[23]. Это, а также сопоставления с другими божествами схожего облика позволили исследователям, начиная с прошлого века, отождествлять леонтокефала прежде всего с богом времени. Так, есть свидетельство, что орфики представляли себе божество времени в виде львиноголового дракона (Эон или Кронос[24]). Известен культ бога времени Эона, распространенный в Александрии[25].

Известный исследователь культуры поздней античности Ф. Кюмон в своем фундаментальном труде по митраизму говорит, что непосредственным предшественником иконографии «митраистского Эона» должен считаться Кронос, он же Эл — финикийское божество, каким оно изображается на монетах из Киликии — с четырьмя крыльями, львиной и змеиной головами[26]. Четырехкрылый Кронос-Эл финикийской теогонии описывается и у Филона Библского (по Евсевию)[27]. Кронос в том и в другом случае отождествляется также с Хроносом-Временем.

[18] *Vermaseren.* Op. cit. Mon. 326, 611, 1326?

[19] *Merkelbach.* Op. cit. P. 227.

[20] *Vermaseren.* Op. cit. Mon. 695, 777, 1323.

[21] *Cumont F.* Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. V. II. Bruxelles, 1899.

[22] *Campbell L.A.* Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968. P. 351, 352.

[23] *Merkelbach.* Op. cit. P. 226.

[24] *Kern O.* Orphicorum fragmentá. Berolini, 1963; *Levi D.* Aion // Hesperia. 1944. V. XIII. № 4. P. 269—314. P. 274, 275.

[25] *Cumont F.* Une représentation du dieu alexandrin du Temps // CRAI. 1928. P. 274—282.

[26] *Cumont.* Textes et monuments... I. P. 75.

[27] Praeparatio evangelica, I, 10, 36 // Eusebius Werke. 8. Bd. Praeparatio evangelica / Hrsg. von K. Mras. B., 1954. S. 50.

Это дало исследователям основания называть леонтокефала «(митраистский) Кронос» или «(митраистский) Эон»[28]. Он также может называться Deus aeternus (лат. «Вечный бог»)[29].

Нередко леонтокефал отождествляется с верховным божеством зерванизма — разновидности зороастризма, засвидетельствованной с конца Ахеменидской эпохи[30]. Верховным божеством зерванизма считался Зерван Акарана («бесконечное время») — бог вечного времени, прародитель и владыка всех богов.

Наконец, некоторые исследователи, основываясь, кроме всего прочего, на сопоставлении с манихейским Царем мрака и митраистским посвящением «deo Arimanio» (которое, впрочем, представлено вне связи с каким-либо изображением)[31], считают, что леонтокефала следует отождествлять с Ариманом как владыкой космоса[32]. Неоднократно отмечалось, впрочем, что последнее отождествление сомнительно[33].

Следует отметить, что оба имени, наиболее вероятных — Кронос и Эон, вполне адекватно передают двуединую функцию божества-леонтокефала: бог космоса и бог времени. Вспомним, что в греческой религиозно-философской мысли Кронос может отождествляться с Хроносом-Временем[34]. Понятие «эон» (греч. αἰών — «век») означало бесконечное время, в отличие от конечного времени — срока[35]. Но, эволюционировав в различных философских учениях, этот термин приобретает несколько другое значение в поздней культуре. Гностический эон (в этих учениях существует целая иерархия эонов) — это скорее пространственное, чем временное, единство, или же персонифицированная сущность. При этом само собой напрашивается предположение о влиянии ближневосточных представлений: семитское 'lm — калька греческого αἰών — означает и «век, вечность», и «мир»[36].

Кроме того, в иконографии митраистского Эона достаточно четко прослеживается то, о чем прямо говорится в тексте, описывающем облик манихейского Царя мрака: отражение учения о стихиях[37]. Как известно, митраистскому учению присущ культ стихий[38]; исследователи неоднократно отмечали отражение этого культа в облике и атрибутах митраистского Эона[39]. И хотя, например, Л.А. Кэмпбелл в своем большом труде по митраистской иконографии толкует львиный, змеиный и другие компоненты как отражение просто различных аспектов сущности Deus aeternus[40], но он же ниже называет это божество владыкой стихий — «сил огня и воды», исходя в основном из его атрибутов — факела и кратера[41].

Сказанное не означает, что тератоморфный облик митраистского Эона сложился непосредственно на основе учения о стихиях. Но в какой-то период он, несомненно, интерпретировался именно в этом смысле, и толкование, возможно, оказало влияние на эволюцию и окончательное формирование его иконографического облика. Действительно, все соответствует манихейской «мелотесии»

---

[28] *Vermaseren.* Op. cit.
[29] *Campbell.* Op. cit.
[30] *Cumont.* Textes et monuments... I. P. 78.
[31] *Sfameni Gasparro G.* Il mitraismo nell'ambito della fenomenologia misterica // Mysteria Mithrae. Leiden, 1979. P. 320, 321.
[32] *Duchesne-Guillemin J.* Ahriman et le dieu suprême dans les mystères de Mithra // Numen. 1955. V. II. P. 190—195.
[33] *Boyce M.* Some Reflecions on Zurvanism // BSOAS. 1957. V. XIX. № 2. P. 304—316.
[34] *Cumont.* Textes et monuments... I. P. 77.
[35] *Levi.* Op. cit. P. 274.
[36] *Gesenius H.W.F.* Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament. Grand Rapids, 1990. P. 612, 613.
[37] Kephalaia. 77, 29—78,5.
[38] *Cumont F., Bidez J.* Les Mages hellénisés: Zoroastre, Ostanès et Hystaspe. V. II. P., 1938. P. 145—147.
[39] *Cumont.* Texts et monuments... V. I. P. 107 ff.
[40] *Campbell.* Op. cit. P. 349.
[41] Ibid. P. 352.

Царя мрака, кроме одного: нет рыбьего хвоста, признака мира воды. Автор еще одной большой работы по митраизму, Р. Меркельбах, отмечая это[42], объясняет отсутствие признака водной стихии тем, что она враждебна стихии огня, которую представляет львиная сущность митраистского Эона[43]. К этому хочется, однако, добавить, что, во-первых, на некоторых изображениях вода, как показано выше, представлена кратером. И на митраистских рельефах водную стихию, очевидно, символизирует другое божество, так называемый Океан, изображаемый в морских волнах[44]. Кроме того, отсутствие водного компонента может иметь историческое объяснение: воду олицетворяет иранская богиня Анахита[45], у которой свое место в митраистском учении — представления о ней, вместе с образом Гекаты, легли в основу отмеченного в митраизме культа dea triformis — «трехликой богини»[46].

Изображения Эона-леонтокефала, как отмечено выше, довольно поздние, начиная со II в. н.э. и позднее. Каковы же истоки этого образа в античной или восточной иконографии?

Уже в самых ранних исследованиях по этому вопросу в числе прямых предшественников называется финикийский Эл, отождествляемый с Кроносом[47], и божество орфиков (см. выше). Что касается более ранних истоков, то уже в XIX в. исследователи выводили этот иконографический тип из месопотамской скульптуры[48]. Действительно, в месопотамском изобразительном искусстве легко заметить те же признаки у божеств и священных животных: четыре крыла, львиная голова или лев как атрибут, змея (или змеи), рыбий хвост, отсутствующий у митраистского Эона (см. выше), но приписываемый манихейскому Царю мрака. Налицо иконографическое сходство[49]. Не следует забывать, что в основе митраизма лежит иранский культ и в нем хорошо прослеживаются месопотамские влияния[50]. Фигуры божеств со львами и змеями на луристанских бронзах (конец II тыс. — первая половина I тыс. до н.э.) более близки типу митраистского Эона, чем заключает Р. Дюссо[51].

Но вряд ли можно говорить только об иранских и месопотамских истоках формирования этого типа и не учитывать египетские параллели. Существует египетская традиция позднего времени (конец VIII в. — конец IV в. до н.э.), где сложились изображения, сопоставимые с фигурой митраистского Эона, во всяком случае, не менее, чем вышеупомянутые месопотамские[52]. Эта традиция представлена прежде всего так называемым «пантеистским Бесом». Изображения поздней эпохи представляют это египетское божество-карлика в следующем виде: у Беса четыре крыла и четыре руки, птичий хвост, а на рельефе из Ганновера — еще и крокодилий хвост, а на коленях и на фаллосе — львиные маски[53]. На голове композиция из четырех рогов барана и десяти уреев. Кроме того, на голове в виде короны или нимба расположены еще восемь головок священных животных. Это означает, что «пантеистский Бес» — син-

---

[42] *Merkelbach.* Op. cit. P. 305.
[43] Ibid. P. 280.
[44] *Campbell.* Op. cit. P. 325.
[45] Ibid. P. 157.
[46] *Turcan R.* Mithras Platonicus. Recherches sur l'hellénisation philosophique de Mithra. Leiden, 1975. P. 90—104 (chap. «La déesse aux trois visages»).
[47] *Cumont.* Textes et monuments... I. P. 75.
[48] *Dussaud R.* Le dieu mitrhriaque léontocéphale // Syria. 1950. T. 27. Fasc. 3/4. P. 253—260.
[49] Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament / Gesamm. u. Beschr. von H. Gressmann. Bd I, II. B.—Lpz, 1926—1927; Bd II. Fig. 319, 328, 329, 331, 380.
[50] *Campbell.* Op. cit.
[51] *Dussaud R.* Anciens bronzes du Louristan et cultes iraniens // Syria. 1949. T. 26. Fasc. 3/4. P. 196—229. Pl. IX—X.
[52] *Pettazzoni R.* La figura mostruosa del Tempo nella religione mitriaca // L'Antiquité classique. 1949. T. 18. Fasc. 2. P. 265—277.
[53] Ibid. P. 273—275; Altorientalische Texte und Bilder... Fig. 567.

кретическое божество, соединяющее в себе всех богов с головами этих животных[54]. Бог представлен нагим, итифаллическим. На статуэтке из Лувра, кроме того, его тело усеяно изображениями глаз, а на пьедестале вокруг ног — змея-уроборос[55]. Следует добавить, что Бес вообще изображается широколицым, с окладистой бородой, нередко с чертами лица, напоминающими львиные[56].

В цитируемой статье о возможных египетских предшественниках митраистского Бога времени Р. Петтаццони упомянул о «пантеистском сфинксе» с таким же нимбом из головок священных животных[57]. Следует также назвать один рельеф поздней эпохи с изображением Хора, стоящего на крокодилах[58]. По обе стороны Хора стоят другие божества, над головой у него маска Беса. В руках бог держит четырех змей и других животных, в том числе льва (за хвосты). К этому следует добавить, что в египетском изобразительном искусстве представлены фигуры львиноголовых божеств и богов, обвитых змеей. Весьма близка описаниям гностического Иалдаваофа иконография мероитского божества Апедемак, изображаемого в виде львиноголового змея.

Параллели митраистскому Эону можно, однако, найти не только в восточном, но и в греческом искусстве эпохи эллинизма. Привлекает внимание двухфигурная композиция на эллинистическом фризе из Ламии[59]. (Пользуюсь случаем выразить благодарность Д.С. Раевскому, любезно сообщившему мне об этой композиции.) На фризе изображено животное с львиной протомой, за которой следует извивающееся змеиное туловище, оканчивающееся рыбьим хвостом (ср. месопотамское изображение — так называемую «козлорыбу Эа» — с протомой козла и рыбьей задней половиной туловища)[60]. На этом чудовище сидит крылатый Эрот. Очевидно, изображение подобного божества космоса и времени первоначально действительно сложилось в месопотамско-иранском регионе, но впоследствии окончательно сформировалось в позднем и эллинистическом Египте.

Что же касается внешнего облика Царя Мрака и истоков этого образа, то в заключение следует упомянуть о ряде еще не рассмотренных нами параллелей: через эту тему легче перейти к описанию свойств царя демонов. Такое связующее звено — библейские соответствия. Собственно говоря, при чтении манихейского трактата любому хорошо помнящему библейские тексты читателю в первую очередь должно прийти на ум сходство манихейского Царя мрака (добавим: и митраистского Эона) с описаниями небесных сил и чудовищ в ветхозаветных видениях. В данном случае заслуживает внимания ассоциация с «животными» или «херувимами», стоящими у престола небесного в видении Иезекииля[61], и зверями видения Даниила (Дан. 7,1—7). Нельзя не принимать во внимание и аналогичные образы Откровения Иоанна (Откр. 4,6—8), непосредственно связанные с образами пророческих видений.

Видение Иезекииля описывает четырех животных в огненном сиянии, пришедшем с облаком и «бурным ветром» с севера: «(5) ... облик их был, как у человека; (6) и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; (7) а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступни ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь, (и крылья их легкие). (8) И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их; (9) и лица у них и крылья у них — у всех четырех; ..... (10) Подобие лиц их — лице человека и лице

[54] Lexicon der Ägyptologie / Hrsg. von W. Helek u. E. Otto. Wiesbaden, 1972. Bd I. Lief. 5. S. 720—724, s.v. Bes.

[55] *Pettazzoni.* Op. cit. P. 274; Altorientalische Texte und Bilder... Fig. 567.

[56] Lexicon der Ägyptologie. P. 720.

[57] *Pattazzoni.* Op. cit. P. 274. Not. 4.

[58] Altorientalische Texte und Bilder... Fig. 569.

[59] *Shepard C.* The Fish-Tailed Monster in Greek and Etruscan Art. N.Y., 1940. Pl. XIV. Fig. 90.

[60] Altorientalische Texte und Bilder... Fig. 328, 329.

[61] Иез. 1, 4—21. Здесь и далее библейские тексты в русском переводе цитируются по изданию: Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. 2-е изд. Брюссель, 1983.

льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех». Далее описываются четыре «колеса» возле животных, ободья которых «высоки и страшны» и «полны глаз»; в колесах заключен «дух животных» (Иез. 1,20; 10,17). Такой же облик имеют херувимы у престола Божьего в гл. 10-й той же книги (10,15—21).

Видение Даниилом четырех зверей начинается сходным образом с предыдущим: «... четыре ветра небесных боролись на великом море, (3) и четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого. (4) Первый — как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он поднят был от земли, и встал на ноги, и сердце человеческое дано ему ... (5: описание второго зверя, подобного медведю). (6) ... вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему. (7) ... и вот зверь четвертый, страшный и ужасный, и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами...».

Здесь непосредственно за описанием четырех «зверей» следует видение небесного престола, где «воссел Ветхий днями». Ср. видение Иезекииля, где за цитированным описанием животных и колес также следует видение престола с огненным образом божества на нем (Дан. 7,9—10; Иез. 1,26—28).

Что касается четырех животных Откровения Иоанна, следует отметить одну черту, которая у Иезекииля приписывается колесам: они «исполнены очей» (Откр. 4,6,8). В остальном образ, как уже было сказано, обнаруживает прямую связь с видением Иезекииля. Здесь животные также стоят у небесного престола (Откр. 4,6).

Иранско-месопотамское влияние не вызывает никакого сомнения, во всяком случае, для книги Даниила. И в прочих рассматриваемых нами текстах вполне можно его предположить. Таким образом, представления о божественных силах космоса в этих текстах и в таких синкретических религиях с иранским субстратом, как митраизм и манихейство, могут иметь общие источники[62].

Возможно, впрочем, здесь дело не только в общих источниках. Это становится ясно уже при сопоставлении свойств манихейского Царя мрака (и того, что мы можем по иконографии заключить о свойствах митраистского Эона) с описаниями божества в канонических и неканонических библейских книгах, прежде всего с описаниями Сидящего на престоле, образа, непосредственно связанного с тератоморфными образами небесных сил в видениях.

Напомним: одно из первых свойств Царя мрака, перечисленных в главе 6-й манихейского трактата, — огненная природа: он сравнивается с расплавленным железом[63]. В главе 27-й это уподобление огню и расплавленному металлу принимает несколько другую форму: Царь мрака может нагреваться и уподобляться пламени («как [[печь?]] огненная»), а может охлаждаться до такой степени, что становится подобен снегу (снежному облаку?)[64].

Одно из несомненных свойств митраистского Эона — власть над стихией огня. Выше сказано об изображениях с факелом[65], с жертвенником, на котором возгорается огонь от дыхания Эона[66], а также об отверстии, через которое, очевидно, из львиной пасти Эона во время мистерий выходил огонь[67]. Митра-Эон из Модены изображен в огненном венце, стоит он между двумя половинками пламенеющего космического яйца[68].

[62] *Charlesworth J.H.* Greek, Persian, Roman, Syrian, and Egyptian Influences in early Jewish Theology // Hellenica and Judaica. 1986. P. 219—243.

[63] Kephalaia. 31,7.

[64] Ibid. 78,23—27.

[65] *Vermaseren.* Op. cit. Mon. 103, 383, 589, 2359?

[66] Ibid. P. 383.

[67] *Burkert.* Op. cit. P. 103.

[68] *Vermaseren.* Op. cit. Fig. 695; *Merkelbach.* Op. cit. P. 227; *Cumont F.* Mithra et l'orphisme // Revue de l'histoire des religions. 1934. T. 109. № 1. P. 63—72.

Что касается библейских текстов, то здесь это самый распространенный признак: божество на престоле и небесные силы все имеют огненный вид, лицо, дыхание или ореол. Более того, встречаются уподобления расплавленному металлу: в божестве, сидящем на престоле, — как бы «пылающий металл» (Иез. 1,27); ноги Сына человеческого «подобны халколивану, как раскаленные в печи» (Откр. 1,15).

Сочетание огненного жара и снежного холода, возможно, характеризует Царя мрака как владыку «жара и холода» — парного свойства, одного из субстратов стихий[69]. Это представление, скорее всего, гностицизм и манихейство унаследовали из греческих философских учений о стихиях[70]. Но можно проследить нечто подобное и в представлениях о космическом божестве на библейском материале.

Здесь мы прежде всего обратимся к апокрифическим ветхозаветным книгам. Среди них выделяется так называемый «Енохов цикл» — ряд книг, посвященных видениям патриарха Еноха при его восхождении через небесные сферы к престолу Божьему. Эти псевдоэпиграфы дошли до нас в различных изводах и датируются последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры[71]. Одна из книг Еноха послужила основой для написания (по традиции, самим Мани) манихейской «Книги гигантов»[72]. Речь пойдет о так называемой 2-й, или «славянской», книге Еноха, дошедшей до нас в церковнославянском изводе X в.[73] Написана она, очевидно, довольно поздно, но источники, возможно, восходят к рубежу нашей эры[74].

В главе, где Енох описывает облик сидящего на престоле божества-космократора, есть примечательное место: «азъ же слышахъ отъ оустъ Господень огненъ, яко оуста Господня пещь огнена и глаголы его пламы огнены исходя (.....) азъ видѣх лице Господне яко желѣзо отъ огня раждеженно, искры отпущающи. (....) очию Господню яко луча слнца свѣтяще ся, оужасающи очи члвѣкоу. (.....) Стати же пред лицемь цѣсаря цѣсарь кто постоить бесконечноую боязнь или зноя велика; но возва Господь от ангелъ своихъ старѣишихъ грозѣ и постави оу мене, и видѣние ангела того снѣгь, а роуце его ледъ, и оустоуди лице мое, зане не тръпахъ страха зноя огненаго, ти тако глагола Господь вся глаголы своя ко мнѣ»[75].

Здесь, хотя функция владыки снега и холода переносится на ангела, яснее всего предстает то же свойство космократора, сидящего на небесном престоле, что и у манихейского Царя мрака в главе 27-й трактата, причем совпадения буквально текстуальные.

Возможно, источником подобного развития темы огня и снега в ветхозаветном псевдоэпиграфе послужило одно почти общее место в описании Сидящего на престоле: уподобление его внешнего вида огню и снегу. Так, в книге Даниила читаем: «... поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая вóлна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь» (Дан. 7,9). Ср. новозаветное видение божества на престоле: «Глава Его и волосы белы, как белая вóлна, как снег; и очи Его — как пламень огненный; (15) и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи...» (Откр. 1,14—15). В видении Иезекииля, правда, этой антитезы нет: есть только уподобление огню, расплавленному металлу и радуге (Иез. 1,27—28).

Образы жара и холода, солнца и снега, далее, можно найти во многих ветхозаветных текстах, где Бог предстает как космический владыка. Из второ-

[69] See, e.g., A Manichaean Psalm-Book...

[70] Например, таково учение Анаксимандра, Гераклита, Эмпедокла, пифагорейцев.

[71] *Charlesworth J.H.* The Old Testament Pseudepigrapha. V. I, II. L., 1983—1985.

[72] *Henning W.B.* The Book of the Giants // BSOAS. 1943. V. XI. Pt 1. P. 52—74.

[73] Le Livre des secrets d'Hénoch / Texte slave et traduction française par A. Vaillant. P., 1952.

[74] *Charlesworth.* Op. cit. V. I. P. 96.

[75] Le Livre des secrets d'Hénoch. P. 38,4—40,2.

канонических текстов такова глава 43-я «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», где Бог сначала прославляется как создавший светила, затем — как насылающий грозу, «южный ветер», снег, лед (причем в заключение лед несколько неожиданно сравнивается с огнем), туман и росу, которая «прохлаждает от зноя» (Сирах. 43,14—24). Что касается ветхозаветного канона, то здесь, конечно, схожие места встречаются в тех псалмах, где Бог предстает как космократор: «(16) Дает снег, как во́лну; сыплет иней, как пепел. (17) Бросает град Свой кусками; перед морозом его кто устоит? (18) Пошлет слово Свое, и все растает; подует ветром Своим, и потекут воды» (Пс. 147,16—18 (147,5—7). См. также главу 37-ю книги Иова, с которой цитированная выше глава «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» имеет много параллелей (Иов. 37,6—22).

В иконографии митраистского Эона, если не истолковывать подобным образом факел и кратер, характеристики, сочетающей огонь и снег, нет. Но если обратиться к такому богатейшему источнику по религиям поздней античности, как магические тексты, можно найти сходную характеристику в эпиклезе синкретического солярного божества. В этой эпиклезе он обозначен как «Зевс, Гелиос, Сарапис, Митра», и далее следует хвала, где он, в частности, назван подателем «света и снега»[76].

Далее наблюдается любопытное явление. Античные авторы упоминают, что неофит, если желает стать посвященным и приобщиться к мистериям Митры, проходит тяжелый искус. В число испытаний входят испытания снегом и огнем[77].

Здесь следует сказать то, что, собственно, надо помнить на протяжении всего данного исследования: митраизм — религия мистериальная. Рассматриваемые тексты в подавляющем большинстве носят характер видений или откровений. Наш исходный текст — трактат «Главы» — по форме представляет собой откровение тайн истинной веры, которое Мани излагает ученикам и которое, в свою очередь, поведал ему его небесный двойник Параклет[78]. Хотя по жанру трактат принадлежит к распространенной форме, восходящей в конечном счете к античному философскому диалогу[79], не следует упускать из вида, что он близок откровениям. Большинство гностических текстов, если и не являются и не называются откровениями в прямом смысле (хотя много и таких), имеют, во всяком случае, отношение к этому роду литературы.

Вопрос о связи текста откровения и мистериального обряда, при котором душа миста восходит к божеству через небеса и планетные сферы, представляет собой отдельную тему для исследования. Здесь надо только заметить, что следствие и условие приближения миста к божеству — его частичное уподобление этому божеству. Это отчетливо видно, например, на материале уже упомянутых нами греческих магических текстов из Египта. В так называемой «литургии Митры»[80] мист, чтобы пройти планетные сферы и подняться на «небо богов», просит себе у богов «бессмертного рождения», желая «переродиться»[81]. Сплошь и рядом заклинатель называет себя именами различных богов и демонов[82].

Нечто подобное наблюдается и в литературе откровений. Например, в очень характерном произведении этого рода — гностической книге «Зостриан»[83] четко

---

[76] *Hopfner Th.* Orientalisch-religionsgeschichtliches aus den griechischen Zauberpapyri Aegyptens. II // Archiv Orientální. 1931. V. 3. Pt 2. P. 358 (P. Lond. 46).

[77] *Cumont.* Textes et monuments... II. P. 25.

[78] Kephalaia. 14,32—15,24.

[79] *Rudolph K.* Der gnostische «Dialog» als literarisches Genus // Probleme der koptischen Literatur (Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg. 1968/1. Kl. 2). Halle (Saale), 1968. S. 85—108.

[80] Papyri graecae magicae. Die griechische Zauberpapyri / Hrsg. von K. Preisendanz. V. I. Stuttgart, 1973. Pap. IV. 475—723.

[81] Ibid. Pap. IV. 500—510.

[82] Ibid. V. I—II, passim.

[83] *Layton.* Op. cit. P. 121—140.

прослеживаются иранские мотивы, связанные, очевидно, и с культом Митры. Здесь при прохождении Зостриана через небесные тверди он преобразуется, становясь подобным небесным силам, причем это преобразование происходит в несколько этапов, по мере восхождения. В «3-й книге Еноха» Енох превращается на небесах в ангела по имени Метатрон[84].

Возможно, испытание снегом и огнем митраистского посвящения в мисты представляет собой не столько умерщвление плоти, сколько частичное уподобление божеству или сближение с ним для прохождения небесных сфер. В таком случае здесь функция «божества огня и снега» приписывается космократору, следовательно, скорее всего Эону как владыке небесных сфер и космоса.

Следующее свойство — крепость и неуязвимость тела Царя мрака; оно сравнивается с различными металлами[85]. Есть в тексте и учение о происхождении металлов из пяти стихий мрака[86]; возможно, учение о связи металлов со стихиями заимствовано в манихейство из греческих философских представлений («Тимей», 59 В). Это свойство, конечно, не удается вывести из иконографических признаков и атрибутов митраистского Эона. Но не исключено, что бог космоса унаследовал функции иранского божества, называемого Шахревар («владычество») — владыки неба и металлов[87].

В библейских же текстах сравнение с металлами можно видеть почти в каждом из рассматриваемых эпизодов. Сравнение с блестящей медью присутствует в описании четырех животных-херувимов книги Иезекииля (1,7); там же Сидящий на престоле сравнивается с «пылающим металлом» (1,27). Ср. также всепожирающего зверя с железными зубами из видения Даниила (Дан. 7,7); примечательно, что одна из интерпретаций оскаленной львиной пасти митраистского Эона — символ «всепожирающего Времени»[88]. «Муж в льняной одежде» из последнего видения Даниила носит некоторые черты Сидящего на престоле, в том числе огненный облик и сравнение с металлом: «руки его и ноги его по виду — как блестящая медь» (Дан. 10,6).

Весьма проблематично, но можно предположить, что и в этом случае ветхозаветные тексты дают материал, подразумевающий частичное перенесение свойств божества на духовидца (приобщение к огненной природе небесных сил): например, в эпизоде из видений Исайи, когда пророк стоит у небесного престола и один из серафимов касается его уст горящим углем с жертвенника (Ис. 6,6—7).

Есть и более близкое соответствие, но в источниках несколько другого рода. В ранний период развития иудейской мистики (I в. до н.э. — X в. н.э.) одним из сюжетов разработки эзотерической доктрины послужили рассматриваемые нами видения главы 1-й Иезекииля[89]. Самая древняя иудаистская мистика — учение о «Меркабе», «колеснице» — предсущем престоле Божьем, в котором содержатся прототипы всех форм творения. Собственно говоря, книги Еноха уже относятся к этой эзотерической литературе[90]. Более поздние разработки этих сюжетов фрагментарны, рассеяны по Талмуду и Мидрашам; много таких эпизодов есть в Тосефте.

Мы находим несколько интересных соответствий. В 3-й, или «еврейской», книге Еноха (III в. н.э.?) Енох рассказывает, что, когда он при вознесении на небо преобразился в ангела, его плоть превратилась в «пылающие факелы»[91]. Схожее место есть в другом псевдоэпиграфе — «Откровении Авраама». В трак-

[84] *Charlesworth.* Op. cit. I.
[85] Kephalaia. 31,13—14; 78,20—21.
[86] Ibid. 33, 3—4, 10—11, 18—20, 25—27, 33—35; 34,1
[87] *Campbell.* Op. cit. P. 157, 202, 211.
[88] *Boyce.* Op. cit. P. 316.
[89] *Scholem G.G.* Les grands courants de la mystique juive. La Merkaba — la Gnose — la Kabbale — le Zohar — le Sabbatianisme — le Hassidisme. P., 1960. P. 55.
[90] Ibid. P. 53, 57, 58.
[91] Ibid. P. 65.

тате «Хехалот Рабба» (компиляция, не ранее IV в. ; но некоторые тексты восходят ко II в.)[92] Бог-космократор в одном гимне предстает не только светлым и огненным, но и огнедышащим: «Бездны изрыгают пламя из уст его»[93]. Кроме того, в том же трактате мист при восхождении через небесные тверди к Престолу превращается в пылающий факел, рискуя сгореть в собственном пламени[94]. Здесь, таким образом, можно проследить уже замеченное перенесение на миста свойств божества.

Способность Царя мрака «поражать и убивать словами своей волшбы», становиться невидимым или видимым для подвластных ему сил[95] — деталь достаточно общая. Какому верховному божеству не приписывается всемогущество, а слову его — магическая сила, какому демону не присуща способность колдовать и заклинать? Если принять линию развития образа так, как она намечается по рассматриваемым источникам (космократор и владыка планетных сфер — архонт материального мира у гностиков, царь архонтов мрака у манихеев), то колдовские свойства могут представлять собой не что иное, как трансформацию in malam partem божественного могущества и магической силы слова. Отметим, что в Псалтири, особенно там, где Бог предстает как разгневанная космическая сила, свойство являться или быть невидимым, а также сила голоса и слова предстают в сочетании с другими качествами космократора, которые отмечены в манихейском трактате для Царя мрака. Это особенно хорошо видно на примере псалма 18 (17): огненная природа и дыхание («и из уст Его огнь поядающий») (Пс. 18,9), свойство являться или быть скрытым («и мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных») (Пс. 18,12), грозный и могущественный голос (Пс. 18,14,16) соединены с другими свойствами космократора, о которых еще будет идти речь ниже.

Здесь следует вспомнить, что, породив архонта Иалдаваофа, гностическая София, по некоторым источникам, скрыла его, окружив облаком[96], чтобы не был виден его ужасающий безобразный облик.

О Царе мрака трактат говорит, что он «страшен» и «ужасен»; это же — качество митраистского Эона, судя по его оскаленному (впрочем, не всегда) львиному лицу, что дало А. Ценеру основание отождествить его с Ариманом и определить как злую силу[97]. Последнее, впрочем, вряд ли верно.

Но на библейском материале мы видим, что схожие определения даются не только чудовищам, но и благим силам. В книге Даниила всепожирающий зверь с железными зубами предстает как «страшный и ужасный и весьма сильный» (Дан. 7,7); о «колоссе на глиняных ногах» сказано: «и страшен был вид его» (Дан. 2,31). «Страшны» исполненные очей колеса, сопутствующие животным-херувимам видения Иезекииля (Иез. 1,18). Но ужас внушает и Бог как космическая сила: «Страшен Господь и весьма велик» (Сирах. 43,31). «Ужасающими» названы облик и взгляд божества на престоле во 2-й книге Еноха. Один мотив повторяется едва ли не во всех видениях: духовидец ужасается и падает ниц при виде божества, а чаще — при звуке его голоса[98]. Одним словом, поражать и внушать одним звуком голоса страх — свойство космократора.

Следует обратить внимание на одно сравнение. Голос Царя мрака уподобляется грому в облаках, от которого сотрясаются горы и демоны мрака падают к его ногам[99]. Это сравнение — также общее место для определения свойств

---

[92] Ibid. P. 58.
[93] Ibid. P. 73 (Hekhaloth Rabbah, ch. 24).
[94] Ibid. P. 65.
[95] Kephalaia. 31,16—24; 78,14—18.
[96] Например, «Апокриф Иоанна», 10, 14—15 (перевод М.К. Трофимовой. Ук. соч. С. 193).
[97] *Zaenner A.* Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxf., 1955.
[98] Иез. 2,1; Дан. 8,17—18; 10,7—9; Откр. 1,17.
[99] Kephalaia. 32,19—26.

голоса космократора. Даже по иконографии митраистского Эона можно сделать такой вывод: перун — один из наиболее распространенных атрибутов леонтокефала[100]. Во 2-й книге Еноха — практически то же сравнение, что и в манихейском трактате: «слышахъ глаголы Господня яко грома велика непрестаннымъ облакомъ мятениемъ»[101]. То же сравнение постоянно вообще для образа Бога-космократора[102].

Еще одно свойство Царя мрака — всеведение. Но, во-первых, оно распространяется только на подвластные ему силы. Во-вторых, глава 6-я говорит об этом несколько противоречиво: сначала утверждается, что Царь мрака «знает мысли» своих сил, а через несколько строк — что он «не знает их мыслей»[103]. В главе 27-й соответствующее место более определенно: Царь мрака знает мысли тех, кого видит (кто «стоит перед ним»)[104]. Такое ограниченное всеведение может объясняться эволюцией космического владыки в царя темных сил. Сравни псалом 33 (32), где всеведение Бога-вседержителя, сидящего на престоле, описано довольно схоже: (13) «С небес призирает Господь, видит всех сынов человеческих. (14) С престола, на котором восседает, Он призирает на всех, живущих на земле. (15) Он создал сердце всех их и вникает во все дела их».

Мудрость и всевидение — постоянно упоминаемое в этом круге литературы свойство Бога как космического владыки. Кроме того, в главе 6-й сказано, что сам Царь мрака непостижим для своих сил; сравни строки о непостижимости Бога, сочетающейся с его мудростью, в литературе Премудрости[105]. Возможно, однако, противоречие в строках о мудрости архонта объясняется и тем, что они представляют собой толкование какой-нибудь иконографической детали в изображениях божества-космократора, предшественника Царя мрака. На эту мысль наводит то, что встречаются изображения митраистского Эона с глазами на груди и других частях тела[106], а статуя «пантеистского Беса» вся усеяна глазами[107]. Сравни библейские видения небесных сил, «полных глаз». Эта деталь толковалась, в частности, как знак всевидения божества.

У четырехкрылого финикийского Эла-Кроноса в описании Филона Библского также четыре глаза — два спереди и два сзади, причем два из них открыты, а два закрыты, в знак того, что «Кронос спящий видит и бодрствуя спит»[108]. Эту деталь — открытые глаза спереди и закрытые сзади — в данном случае можно сопоставить со свидетельством манихейского трактата о свойстве архонта видеть и знать только то, что у него перед глазами, но не видеть и не знать отдаленного. Может быть, подобная формулировка ведет свое происхождение именно от этой особенности в изображении Эла-Кроноса, одного из возможных предшественников митраистского Эона и манихейского архонта.

Наконец, есть еще два отрывка в главах 6-й и 27-й манихейского трактата, которые могут быть сопоставлены. В главе 6-й сказано, что Царь мрака может по своему желанию передвигаться при помощи своих конечностей или убирать их, становясь подобным сфере[109]. В главе 27-й архонт может, «когда ему угодно», передвигаться разным способом в любой из стихий: летать, ходить по земле на двух или четырех ногах, ползать или плавать[110].

---

[100] *Campbell.* Op. cit. P. 352.
[101] Le Livre des secrets d'Hénoch. P. 38, 16.
[102] Например, Пс. 18,14; 29,3—9.
[103] Kephalaia. 32,26—30.
[104] Ibid. 78,27—32.
[105] Сирах. 43,29; 33—35.
[106] *Vermaseren.* Op. cit. Mon. 326, 611, 1326.
[107] Altorientalische Texte und Bilder... Fig. 567; *Pettazzoni P.* Le corps parsemé d'yeux, Zalmoxis // Revue des études religieuses. 1968. V. I, 6.
[108] *Eusebius.* Praep. ev. 1, 10, 37 // Eusebius Werke... S. 50.
[109] Kephalaia. 32,15—19.
[110] Ibid. 78,3—10.

О сопоставлении заставляет думать, например, стих из псалма, обнаруживающий даже некоторую текстуальную близость с упомянутым манихейским текстом: «Господь творит все, что хочет, на небесах и на земле, на морях и во всех безднах» (Пс. 135,6). См. также еще один псалом, где, как и в манихейском трактате, определение вседержителя как всеведущего и непостижимого соседствует с характеристикой его как вездесущего[111].

Куда более трудны для интерпретации строки из главы 6-й трактата о способности Царя мрака превращаться в лишенную конечностей сферу. Может быть, это способность принимать сферический образ космоса? Приходит на ум сопоставление с шаром-космосом, на котором стоит митраистский Эон, а также с античными философскими представлениями об идеальной сферической форме небесных существ. Интересное свидетельство есть в уже упомянутой нами литературе Меркабы. В трактате «Хехалот Рабба» мист, поднявшийся к престолу Божьему через небесные сферы, стоит «без рук и без ног»: объясняется, что его члены сожжены пламенем, в которое он преобразился[112].

Интересно также сопоставить оба рассматриваемых отрывка из манихейского трактата с видением Иезекииля. Около четырех животных-херувимов стоят четыре колеса, «полные глаз»; животные идут по земле, останавливаются, поднимаются в воздух вместе с колесами, по желанию своего «духа», который обитает в колесах[113].

Колесо, как и сфера, — космический символ. Сравни название звездной сферы в манихейских текстах — «Колесо звезд» — и космические «колеса стихий»[114]. Создается впечатление, что оба текста (Иезекииля — о животных-херувимах и их колесах - и манихейский — о многоликом демоне, способном превратиться в сферу) имеет одну и ту же иконографическую основу, интерпретируют одно и то же изображение: многоликий человек-животное в паре с космическим символом, имеющим в основе окружность.

Последнее подтверждается обращением к подлиннику книги Иезекииля. Колеса здесь постоянно именуются 'wpnym, ед.ч. 'wpn. Но в главе 10-й к ним применяется также слово glgl (Иез. 10,2,6,13), означающее «колесо» и, кроме того, «(круговой) вихрь». Это же слово в талмудическом арамейском языке может означать «сфера»[115]. Возможно, в арамейском подлиннике манихейского трактата стояло именно это слово, первое значение которого «колесо», а на греческий оно переведено как «сфера»? (Коптский перевод был, по всей вероятности, сделан с греческого текста[116].)

Есть некоторые черты, позволяющие непосредственно сопоставить образ библейского вседержителя и его небесных сил с иконографией митраистского Леонтокефала-Эона, не обращаясь к манихейским параллелям.

Постоянный, самый распространенный атрибут митраистского Эона — ключ или два ключа в руках, по его функции привратника небесных сфер[117]. Сравни небесные силы в видениях: Сын Человеческий в Откровении Иоанна определяется как имеющий ключи «ада и смерти» (Откр. 1,18). Символика небесных ключей есть и в ветхозаветных видениях (Ис. 22,22). В учении Меркабы владыки небесных сфер называются «привратниками»[118]. Четыре крыла Эона с символами четырех ветров заставляют вспомнить неоднократно встречающуюся деталь описания Бога как космической силы: он летит «на крыльях ветра»

---

[111] Пс. 139,1—6 (Бог всеведущий), 7—12 (вездесущий).

[112] *Scholem.* Op. cit. P. 65.

[113] Иез. 1,15—21; 10,9—13.

[114] A Manichaean Psalm-Book. 2,16; 37,4 и т.д.

[115] Compendious Hebrew-English Dictionary / Compiled by R. Grossmann and H. Sachs. Revised by M.H. Segal. Tel Aviv, 1956. P. 59.

[116] *Schmidt C., Polotsky H.J.* Ein Mani-Fund in Ägypten. Originalschriften des Mani und seiner Schüler // SPAW. Phil.-hist. Kl. 1 (1933). S. 4—90. B., 1933.

[117] *Bianchi U.* The Religio-historical Question of the Mysteries of Mithra // Mystéria Mithrae. P. 3—68.

[118] *Scholem.* Op. cit. P. 63.

(Пс. 18,11; 104,3). Еще одна черта, общая у митраистского Эона с божеством псалмов и видений, но не засвидетельствованная в манихейском трактате, — огнедышащие уста (Пс. 18,9).

Имя «Эон» или «Хронос-Кронос» дано митраистскому леонтокефалу с большой долей условности, на основании сопоставлений: не засвидетельствованы изображения с надписями или тексты, где бы именно это божество так называлось. Однако выводы исследователей представляются достаточно обоснованными (см. выше). В связи с этим интересно отметить схожие определения божества на престоле в библейских видениях. Сидящий на престоле в видении Даниила именуется «Ветхий днями» (Дан. 7,9; 13) (евр. 'tyq ywmyn[119]); не означает ли это нечто вроде «живущий от века»? В Откровении есть почти одинаковое определение для Сидящего на престоле и для Сына Человеческого: тот, кто живет «во веки веков» εἰς τοὺς αἰῶνας (Откр. 1,18; 4,9)[120]. Как видим, оно основано на слове αἰών «век».

В заключение хотелось бы привести один интересный отрывок из арамейских магических текстов. Магия вообще дает богатейший материал по истории религий, в особенности синкретизма в религии. В частности, образ верховного божества в греческих магических текстах из Египта совпадает с теми представлениями о космократоре, которые складываются на основе анализа рассмотренных нами текстов[121].

Здесь хотелось бы привести арамейскую надпись на одном из магических кубков, происходящих из Месопотамии и датируемых I тыс. н.э.[122] Это надпись, датируемая примерно IV—VII в., очень велика по объему сравнительно с другими и призвана изгнать Лилит и прочих демонов из больного. Заклинатель обращается за помощью к царю демонов, который называется именем иранского происхождения и описывается следующим образом: (3:) Силою Великого, словом ангелов и именем господина Багдана Азиза (bgdn' 'zyz'), великого (из) богов и царя, главы шестидесяти царств. Его сила — сила бури, жар его — (4:) жар огненный (далее идут несколько сравнений, характеризующих его как воителя и всепожирающего убийцу. — *Е.С.*)... голова его — голова льва, коренные зубы его — зубы волчицы, зубы его — (5:) зубы пантеры, дыхание уст его — печи огненные, глаза его — молнии раскаленные, плечи его — колеса (или сферы) в облаке, виски его — наковальня железная, руки (или крылья?) его — два молота... (6:) ... ноги его — ноги медные и железные... колесница его — колесница недоброго; он (?) идет, и в руке его — меч убийства»[123].

Авторы цитируемого труда по арамейским магическим текстам сопоставляют это существо с «колоссом на глиняных ногах» из видения Навуходоносора в книге Даниила[124]. Но еще больше он напоминает манихейского Царя мрака.

Следует ли считать этот персонаж прямым заимствованием в магические тексты из манихейства? Это не исключено, но некоторые детали (сравнение не только со львом, но и с другими зверями — волком, пантерой, огненное дыхание, меч в руке) заставляют думать скорее о митраистском Эоне. С другой стороны, огненное дыхание и меч могли быть также и атрибутами Царя мрака, а в тексте трактата просто-напросто не упомянуты. Кроме того, Багдана Азиза выступает здесь не как космократор, а скорее в своей манихейской роли — как царь демонов. Следует, однако, учесть, что он здесь не изгоняется, а вызывается, и притом с благой целью, причем надпись призывает его непосредственно после Бога (?) и ангелов. Возможно Багдана Азиза представляет собой

[119] Biblia Hebraica. Adjuvantibus W. Baumgartner, G. Beer, J. Begrich, e.a. / Ed. R. Kittel. Textum masoreticum curavit P. Kahle. Stuttgartiae, 1937.

[120] Novum Testamentum Graece. L., 1973. P. 615, 621.

[121] *Hopfner.* Op. cit. II. S. 336—345.

[122] *Naveh J., Shaked Sh.* Amulets and Magic Bowls. Aramaic Incantations of Late Antiquity. Jerusalem, 1985. Bowl 13.

[123] Ibid. P. 198, 199.

[124] Ibid. P. 207.

все же видоизмененный вариант божества-космократора митраистского культа. Митраистские мотивы представлены и в других магических текстах[125]. Не исключено, что это поздний образ предшественника Эона-леонтокефала, синкретического владыки космоса.

На основании всех этих наблюдений можно сделать следующие выводы о путях развития образа божества космоса и времени.

Первоосновой образа Эона-Иалдаваофа-Архонта, очевидно, стали иранско-месопотамские представления о владыке космоса. Что касается иконографии, то первоначально это, возможно, была группа из крылатого божества и животного (чудовища) с львиными чертами. В эпоху ассирийского завоевания представления об этом божестве проникли в Египет. «Субстратом» для подобной фигуры в Египте служил большей частью Бес, в силу своих функций солнечного божества и воителя-змееборца, а также благодаря особенностям облика[126]. Сложилась иконография «пантеистского Беса», где в полной мере сказалась также позднеегипетская тенденция к энотеизму — объединению нескольких божеств в одном[127]. В эпоху эллинизма изображение космического бога получило дальнейшее распространение, причем могло истолковываться также как образ владыки стихий, на основе греческих философских представлений. Заметим, что на греческом рельефе из Ламии представлен рыбий хвост, отсутствующий позднее в изображениях митраистского Эона, а пантеистский Бес на рельефе представлен с хвостом крокодила (в Египте «царем» водной стихии, конечно, должен быть представлен скорее крокодил, чем рыба). Вряд ли сложение образа митраистского Эона можно представить себе без египетской стадии. Божество, обвитое змеей, — достаточно типичная египетская фигура; кроме того, позиция головы змеи над головой Эона есть, возможно, не что иное, как реминисценция формы урея. Есть свидетельство, что храм Митры в Египте существовал уже в III в. до н.э.

В александрийском Египте берут начало многие синкретические представления и культы. В данном случае можно предположить не просто слияние митраистского Deus aeternus с богом Эоном, культ которого существовал в Александрии, по Ф. Кюмону[128], но непосредственное формирование представлений об этом божестве в Египте.

Образ гностического Иалдаваофа, демиурга и космократора низших миров, возможно, происходит не непосредственно от митраистского Эона, но от его прототипа, божества-космократора (хотя следует отметить, что митраистские мотивы присутствуют во многих гностических текстах).

На этот образ наложились библейские представления о Боге-космократоре и небесных силах, что неудивительно для эллинистической и позднеантичной эпохи. Вспомним, что влияние иудаизма (Септуагинты, апокрифов, литургических текстов) засвидетельствовано, например, в другой близкой гностицизму религиозно-философской системе начала нашей эры — в герметизме[129].

Конечно, здесь есть и чисто типологические соответствия: многие представления о мире и его владыках одинаковы для самых разных религий. Действительно, какое верховное божество не властвует над небесами и ветрами, не имеет солярных черт, не громовержец, не насылает тепло и холод и т.д.? Кроме того, у библейских образов самих по себе может быть месопотамский субстрат. Наконец, следует помнить о культурной общности, сложившейся к этому времени на обширнейшем ареале: это может быть причиной единства черт и тер-

---

[125] *Hopfner.* Op. cit. II. S. 352 ff., 358; Papyri Graecae Magicae. IV. 483.

[126] *Bissing F.W. von.* Zur Deutung der «pantheistischen Besfiguren» // Aegyptische Zeitschrift. 1939. 75. 1. S. 130.

[127] *Dunand F.* Les syncrétismes dans la religion de l'Égypte romaine // Les syncrétismes dans les religions de l'antiquité. Colloque de Besançon (22—23 octobre 1973). Leiden, 1975. P. 152—185. See esp. P. 160—171.

[128] *Cumont.* Une représentation... P. 278, 280, 281.

[129] *Philonenko M.* Le Poimandrès et la liturgie juive // Le syncrétisme... P. 204—211.

минов, характеризующих в пределах этого ареала один и тот же религиозный феномен. И все же влияние библейского материала в данном случае несомненно.

Что касается функции манихейского космического владыки как царя злых сил, то можно с уверенностью сказать, что она появилась как результат трансформации в манихейском учении представлений о материальном космосе, а также как следствие дуализма этой религии, где божество может быть только совершенным и благим, а несовершенство — удел злых сил.

Вряд ли наложение библейских представлений на образ Архонта произошло непосредственно в манихействе. Известно (более того, стало одним из «общих мест» ересиологических трудов), что манихеи не считали большинство книг Ветхого Завета священными, а иудейского Бога отождествляли с верховным архонтом (гностическая черта: у гностиков он отождествляется с Иалдаваофом). Но тот род литературы, на материале которого проводится настоящее исследование, — литература откровений — в гностицизме и манихействе признается, без сомнения, боговдохновенным. Вспомним хотя бы уже упомянутую «Книгу гигантов» Мани, по существу входящую в Енохов цикл, а также многочисленные апокрифические откровения, цитируемые в греческом изводе жизнеописания Мани — так называемом Кельнском кодексе[130]. Патриархи и другие центральные персонажи этих книг общаются в своих видениях не с архонтом, выдающим себя за единого Бога, а явно с подлинным божеством и небесными силами.

То же можно сказать и о гностицизме. В гностических текстах широко используются и цитируются не только тексты откровений, но и псалмы (например, широкое использование псалмов в книге «Пистис Софиа») и особенно литература Премудрости. А верховный архонт Иалдаваоф может отождествляться с Богом исторических книг Библии, но никак не с Богом псалмов, видений и литературы Премудрости, черты которого, напротив, угадываются в верховном божестве гностических учений.

Таким образом, черты Бога откровений вряд ли могли быть перенесены непосредственно на манихейского Царя мрака или на гностического верховного архонта.

Время зарождения манихейства — середина III в. н.э., расцвет же гностических учений приходится на II в. н.э. Искомый период — наложение на образ владыки космоса ветхозаветных черт божества-космократора — следует, очевидно, искать в несколько более раннем времени и на материале митраизма (напомним, что в Египте культ Митры засвидетельствован с III в. до н.э.).

SOURCES AND FORMATION OF THE CONCEPTION OF THE KING OF DEMONS IN THE MANICHAEAN RELIGION

Ye.B. Smagina

The article traces the influence of religions beliefs which developed earlier in the Eastern Mediterranean and the Nearer Asia on the formation of Manichaean demonology. A Russian translation of chapters 6 and 27 of the treatise "Cephalaia" which has come down to us in its Coptic version is given for the first time. It contains a description of the ruler of the powers of darkness whom the treatise calls the Archon or the King of Darkness noting analogies between the Manichaean ruler of demons and the images of Jaldabaoth in the Gnostic teachings and Leontocephal-Aeon in Mithraism established in previous publications, as well as earlier Iranian-Mesopotamian and Egyptian iconographic analogies, the author

[130] The Cologne Mani Codex. P. 48—60 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1975. Bd 19. S. 1 ff.

draws attention to points of similarity in descriptions of the Manichaean King of Darkness and planetary forces and monsters in the biblical texts of visions and prophecies. Having compared the corresponding places in the books of Ezekiel, Daniel, Iob, in the revelation of John, the Psalms, the Apocryphal books of Enoch and others with Manichaean and Mithraist texts, the author makes the following conclusions.

Iranian-Mesopotamian conceptions of the ruler of cosmos have, apparently, served as the prototype of the image of Aeon — Jaldabaoth — Archon. In iconography it may initially have been represented as a group consisting of a winged deity and a monster-animal with leonine features. During the Assyrian conquest these conceptions penetrated into Egypt, the iconography of the "pantheistic demon" took shape, which fully reflected the late Egyptian trend towards henotheism. One can hardly imagine the development of the image of Mithraist Aeon without the Egyptian phase. In the Hellenistoc period the representation of the cosmic god spread further; it could be interpreted in the same way as the image of the ruler of the elements on the basis of Greek philosophical conceptions.

The image of Gnostic Jaldabaoth may originate not directly from Mithraist Aeon, but from its prototype, cosmic deity. Biblical notions of a cosmic god and planetary forces were superimposed on this image. There were typological similarities as well: many conceptions of cosmos and its rulers are identical in entirely different religions. One should also bear in mind cultural commonality which had developed by the time over the vast area: it may account for the identity of features and terms, characterizing one and the same religious phenomenon within the area. And yet the biblical influence in this case is undoubted.

As to the function of the Manichaean cosmic ruler as the King of evil spirits, one may say with certainty that it emerged as a result of the transformation of ideas about material cosmos in the Manichaean teaching, as well as a consequence of dualism of this religion, wherein God is perfect and good, and lack of perfection is the lot of evil spirits.

The literature which furnished the material for the present study, the literature of revelation, is undoubtedly, considered by Gnosticism and Manichaeism to be inspired by God. Mithraist and Gnostic texts extensively use and quote Canonical and Apocryphal Revelations, psalms and the literature of Wisdom. However, features of the God of the Revelations could hardly have been transferred directly to the Manichaean King of Darkness or the Gnostic supreme Archon. Manichaeism arose in the middle of the 3rd century, Gnosticism reached its height in the 2nd century. The period of superimposition of Old Testament features of the cosmic deity upon the image of the ruler of cosmos should apparently be sought at some earlier time on the basis Mithraist materials.

ПУБЛИКАЦИИ

Д.И. Даньшин

ФАНАГОРИЙСКАЯ ОБЩИНА ИУДЕЕВ

Поводом к рассмотрению истории иудейской общины в Фанагории послужила надпись, найденная летом 1989 г. во время раскопок на нижнем плато городища у берега Таманского залива (раскоп «Берег», кв. IIA, шт. 3) в развале стены (№ 2а. 1) средневекового времени[1]. Блок светло-желтого мелкозернистого мрамора, на котором обнаружена надпись, использовался в древности неоднократно. На одной из его сторон сохранилось сделанное в высоком рельефе изображение волют (рис. 1, 2). Рельеф сохранился не полностью и являлся первоначально частью какого-то архитектурного украшения (либо капители пилястры, либо анфемиона надгробия). Позднее камень с рельефом был обколот (причем весьма небрежно) и оборотная его сторона выровнена для надписи. Размещение букв и строк надписи близко повторяет образовавшиеся неровности по краям блока. В последний раз он был использован уже в средневековое время в качестве строительного камня. При этом блок получил некоторые повреждения: по краям и на лицевой стороне надписи образовались выбоины и потертости, что иногда усложняет чтение текста.

Максимальная высота блока — 0,358 м, максимальная ширина (на уровне стк. 13) — 0,229 м, толщина — 0,108 — 0,121 м. Надпись состоит из 19 строк. Буквы вырезаны аккуратно, в некоторых местах сохранились следы тонких разметочных линий. Расстояние между строками надписи 0,004—0,006 м. Высота букв в первых девяти строках колеблется в пределах от 0,008 до 0,01 м, в остальных строках буквы чуть больших размеров (от 0,01 до 0,014 м, *фи* достигает 0,018 м).

Форма написания букв вполне характерна для шрифта, бытовавшего на Боспоре в I в. н.э.: *эпсилон* имеет среднюю гасту, не доходящую до вертикальной, а концы верхней и нижней гаст выступают влево от вертикальной; *у сигмы* концы параллельных горизонтальных гаст также выступают влево (аналогичное написание отмечается и в другой фанагорийской надписи КБН 986, датированной 79 г. н.э.); *тета* и *омикрон* слегка вытянуты по вертикали и занимают всю высоту строки; черта в середине *теты* короткая, не доходящая концами до линии окружности; *фи* имеет вертикальную черту, выступающую за линии строки; наклонные гасты *каппы* и правая гаста *пи* укорочены; *омега* вырезана в виде несомкнутой окружности с двумя короткими горизонтальными черточками на уровне нижней линейки строки; *альфа* имеет ломаную поперечную гасту; косые гасты у *мю* и *ню* начинаются не сразу от верхних углов вертикальных линий, а отступая чуть книзу. В написании букв наблюдаются некоторые вариации: так *альфа, лямбда* и *дельта* могут иметь либо обе наклоненные гасты выступающими вверх за пересечение, либо только правую выступающую гасту. Буквы украшены апексами. В общем характер шрифта данной надписи весьма близок фанагорийской надписи 79 г. н.э. КБН 986, но первую отличают лишь большая аккуратность в написании букв и несколько иная форма *омеги*.

[1]Ныне надпись хранится в коллекции Фанагорийской экспедиции ИА РАН. Пользуясь случаем, выражаю признательность А.А. Завойкину и А.Г. Атавину за предоставленную возможность опубликовать данную надпись, а также В.С. Долгорукову и А.К. Коровиной за представленную информацию о материалах из раскопок последнего времени в Фанагории и Тамани.

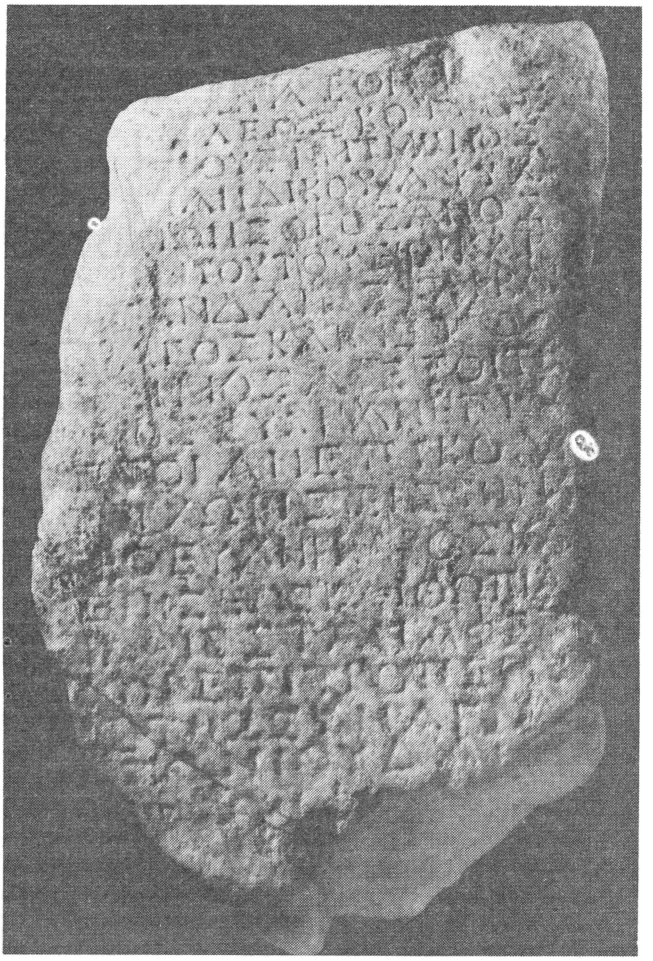

Рис. 1. Надпись из раскопок 1989 г.

В целом текст имеет следующий вид:

В]ᾳσιλε(ύ)ον[τος] βᾳ-
σι̣λέως Κότυος
ἔτους <η>μτ΄ μηνὸς
Ξ̣ανδικοῦ α΄. Ψυχᾳ-
ρίων, Σόγος, Ἄνος
ο]ἳ τούτο(υ) ὑειοί. Κὰρ
Σάνδανος καὶ Κὰρ
Ἄγοςκαὶ Μ<η>τ̣ρό-
τ̣ε̣ιμος ἄφετοι τῇ
προσευχῇ, ἀνεπίλ̣(η-)
πτοι, ἀνεπικόλυ-
τοι, χωρὶς εἰς τὴν
προ(σ)ευχὴν προσκαρ-
τ̣ερήσεως καὶ θωπία-
ς καὶ ἔσταν ἄφετ̣[ο-]
ι] συνεπιτροπερ̣ύ̣σ-
ῃ̣ς τῆς συναγῳ̣[γῆ-
ς] τῶν Ἰουδαί-
ων.

Рис. 2. Оборотная сторона камня. Фото А.Б. Колесникова

Надпись представляет собой манумиссию. В стк. 1 в слове βασιλεύοντος пропущен *ипсилон*. В стк. 3 первая буква даты вырезана неверно. Резчик допустил ошибку вырезав здесь *ню* (так как первая буква даты должна обозначать единицы). Вероятно, вместо этой буквы здесь должна быть поставлена *эта*, по начертанию наиболее близкая к *ню*. В таком случае надпись датируется 348 г. б.э. (т.е. 51 г. н.э.).

Поврежденность левого края стелы затрудняет чтение первых букв стк. 6. Не совсем даже ясно, сколько их было перед первой читаемой буквой *тау*. Определенно лишь то, что их не могло быть более четырех. Выбоина, имеющаяся перед первой читаемой *тау*, почти полностью уничтожила находившуюся здесь букву. Однако в верхней и нижней части строки заметны небольшие следы этой буквы, вероятно апексы, по которым можно предположить, что здесь была вырезана *йота*. В той же стк. 6 в местоимении τούτου резчик пропустил последний *ипсилон*, вероятно, случайно, так как следующее за местоимением слово ὑεῖοί начинается с этой же буквы.

Поскольку начало стк. 6 повреждено, то это сказывается соответственно и на чтении стк. 5, а именно, вырезанного здесь имени манумиссора. Если принять, что последние буквы в стк. 5 являются окончанием имени, и оно не имеет продолжения в стк. 6, то его следует читать как Ἄνος. В случае же продолжения имени в следующей строке (но не более, чем на две буквы) возможно предпо-

ложить вариант чтения здесь имени типа Ἄνοσ[ος], хотя таковое также не засвидетельствовано другими боспорскими надписями.

Имени Σάνδανος полностью соответствует название реки близ Олинфа, оно также перекликается с именем лидийского мудреца Σάνδανις. Близкие формы личных имен встречены также в надписях из Малой Азии (Σάνδαιος, Σανδόκαιος, Σάνδας)[2].

В сткк. 8—9 буквы имени Μητρότειμος сохранились очень плохо, так как камень в этом месте имеет сильные потертости. Кроме того, в самом имени резчик допустил очередную ошибку, написав вместо *эты эпсилон*. В чтении имени Ἄγος в стк. 8 нет полной уверенности, так как не исключено, что перед первой читаемой в строке буквой (*альфой*) могла стоять еще какая-то буква, однако аналогий для восстановления имени в боспорской эпиграфике отыскать не удалось.

Размеры камня и расположение букв в сткк. 10 и 11 (хотя края стелы несколько повреждены) позволяют заключить, что в слове ἀνεπίληπτοι буква *эта* была ошибочно пропущена. *Сигма* пропущена и в слове προσευχή в стк. 13.

Как видно, некоторая неопределенность при чтении текста возникает лишь в случаях, связанных с восстановлением имен, поскольку таковые отличаются большим разнообразием и могут иметь этимологические корни не только в греческом, но и других древних языках. В остальном же надпись вполне ясна.

Перевод: «В царствование царя Котиса, 348 года (= 51 г. н.э.), месяца Ксандика, 1-го числа. Психарион, (а также) Сог (и) Ан — его дети. Кариец Сандан и кариец Аг и Метротим отпущены при молельне, гарантированными от захвата, беспрепятственными (в проживании), при условии усердного посещения и почитания молельни и стали свободными под опекой общины иудеев».

Форма записи фанагорийской манумиссии несколько отлична от других подобных же боспорских надписей. Прежде всего, для нее характерна предельная сжатость и в буквальном смысле слова лапидарность текста. Более пространная и развернутая запись об условиях отпуска на свободу, характерная для других манумиссий, здесь заменена зачастую лишь перечислением причастий, передающих смысл этих условий. Кроме того, все имена манумиссоров и их отпущенников и соответственно согласованные с ними причастия поставлены в именительном падеже, что также не отмечено в других боспорских надписях этого типа. Наконец, сжатостью отличается и начальная датировочная формула. Отсутствие praenomen и nomen (Τιβερίου Ἰουλίου) в имени Котиса показательно, но еще не является чем-то необычным, так как в ряде других манумиссий этого и более позднего времени praenomen и nomen боспорских царей могли быть опущены (КБН 74, 1124, 1126). Однако в датировочной формуле отсутствуют и традиционные эпитеты царя φιλοκαίσαρος καί φιλορωμαίου εὐσεβοῦς, что для боспорских манумиссий второй половины I—II в. н.э. отмечается впервые. Вероятнее, что данный факт также объясняется незначительностью размеров камня, на котором вырезан текст, что заставило составителя надписи стремиться к предельной краткости.

С точки зрения содержания данная надпись весьма примечательна, поскольку она существенно дополняет наши знания о населении Фанагории и является первой, в которой прямо указывается на существование здесь в раннеримское время общины иудеев. Прежде подобные надписи были засвидетельствованы только для Пантикапея. Кроме того, фанагорийская манумиссия является и наиболее ранней среди прочих боспорских надписей, в которых упоминается συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων (община иудеев). Вне зависимости от того, вместо какой другой буквы в стк. 3 в дате ошибочно вырезана *ню*, наша надпись не может быть датирована временем ранее 342 г. б.э. (= 45 г. н.э.) — время начала правления Котиса I — и позднее 349 г. б.э. (= 52 г. н.э.). До этой

[2] *Zgusta L.* Neue Beiträge zur kleinasiatischen Antroponymie. Prag, 1970. S. 35, 80, 87.

находки наиболее ранней датированной до года являлась надпись КБН 70, относящаяся к 81 г. н.э.

Надежно засвидетельствованный теперь факт наличия в Фанагории в середине I в. н.э. иудейской общины позволяет более определенно интерпретировать и другую фанагорийскую (причем самую раннюю на Боспоре) манумиссию КБН 985, датированную 16 г. н.э. Надпись читается не полностью и поэтому возникают сложности при ее восстановлении. Однако восстановление в ней в сткк. 19—20 условий θωπεία (почитания) и προσκαρτέρησις (усердное посещение, преданность) не вызывает сомнений. Но поскольку в других боспорских надписях эти понятия употребляются только в иудейских манумиссиях (КБН 70, 71, 72 и публикуемая в данной статье надпись), то следует заключить, что надпись КБН 985 является наиболее ранним (из имеющихся) свидетельством присутствия иудейской общины в Фанагории в частности и на Боспоре вообще. Восстановление же В.В. Латышевым в сткк. 8—10 надписи № 985 (IOSPE. II. № 364)[1] ἐ[πὶ] τ[ῆς προσευχῆς] Ἀπόλ[λωνι?] (который, впрочем, и сам не был уверен в правильности восстановления) встречает возражения, поскольку отсутствуют примеры, когда храм, именуемый προσευχή, был бы связан с нееврейским богом[3]. Поэтому Б.Н. Надель предложил пока совсем воздержаться от восстановления этих строк, так как гипотетически существуют и другие варианты восстановления[4].

Еще одним документом, опубликованным ранее и свидетельствующим о широком участии иудейской общины в манумиссорской деятельности на Боспоре в I в. н.э., является, на наш взгляд, и надпись КБН 69 из Пантикапея. Эта надпись также относится ко времени правления Котиса I и датируется 57 г. н.э. На ней удовлетворительно сохранились лишь верхние строки датировочной формулы, на остальном поле плиты были различимы лишь отдельные буквы (теперь сама плита с надписью утеряна). Тем не менее на основании ряда сохранившихся букв возможно попытаться восстановить одно слово, которое отчасти могло бы пролить свет на смысл текста. Речь идет о стк. 10 данной надписи. В самом начале строки читаются три буквы: προ---. Очевидно, что эти буквы являются началом какого-то слова, так как в конце стк. 9 две последние буквы (*эта* и *ню*) являются окончанием другого стоявшего впереди слова или артикля. Если рассмотреть все боспорские манумиссии (а надпись КБН 69 относится именно к данной группе памятников), то окажется, что начинающимися на προ---. в этой части текста могли быть только слова προσευχή или προσκαρτέρησις; первое обозначает иудейскую молельню, второе, о чем уже говорилось выше, встречается на Боспоре только в иудейских манумиссиях и является условием усердного посещения отпущенником молельни. Косвенным аргументом в пользу именно такого понимания надписи КБН 69 служит и то, что из пяти других манумиссий Пантикапея, имеющихся в нашем распоряжении, четыре являются иудейскими.

Помимо манумиссий из Пантикапея и Фанагории, в которых есть упоминания о συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, и двух других надписей, интерпретируемых нами как иудейские, имеется и ряд других источников, позволяющих оценить степень распространения влияния иудаизма на население Боспора в первые века новой эры.

Так, в горгиппийской манумиссии (КБН 1124), относящейся к 59 г. н.э., говорится об отпуске на свободу вскормленника (?) и его жены родом иудеев ([τὸ γένος] Ἰουδαί[ο]υ[ς?]), что, правда, еще не свидетельствует о существовании в Горгиппии συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων.

---

[3] *Эрлих Р.Л.* Ольвийская надпись IOSPE, I² 176 // Доклады АН СССР. 1928. № 6. Серия В. С. 125; *Надель Б.Н.* Боспорские манумиссии и греческое право // Listy Filologické. 1968. 91. № 3. С. 257—259; *Левинская И.А.* Эпиграфические памятники культа theos hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ленинград, 1988. С. 18.

[4] *Надель.* Ук. соч. С. 265.

Кроме того, исследователями неоднократно отмечалось наличие связи культа θεὸς ὕψιστος (весьма распространенного на Боспоре) с иудаизмом. И.А. Левинская, специально занимавшаяся в последнее время изучением этого культа на базе самого широкого использования источников и литературы, приходит к выводу о том, что культ θεὸς ὕψιστος принадлежит эллинистическому иудаизму и адепты культа, скорее всего, относились к квазипрозелитскому кругу[5]. Памятники с посвящениями «богу высочайшему» были особенно распространены в Танаисе и Горгиппии в I — первой половине III в. н.э. Наиболее ранняя надпись такого рода была найдена в Горгиппии и датируется 42 г. н.э. (КБН 1123). М.О. Тачева-Хитова полагает, что данный культ проник на Боспор уже в период правления Полемона[6].

Примечателен тот факт, что культ θεὸς ὕψιστος в Пантикапее (при наличии значительного количества эпиграфического материала из этого центра) не получил широкого распространения. Один фрагмент надписи I в. н.э., возможно, сообщающий о почитателях данного культа, пока не введен в научный оборот[7]. С другой стороны, многие пантикапейские надписи I—II вв. н.э. прямо указывают на существование в столице государства συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων. Не засвидетельствован данный культ в Фанагории, где также существовала община иудеев. Это позволяет признать наличие на Боспоре различных категорий почитателей иудейского бога. Если в таких городах, как Танаис и Горгиппия, адептами культа θεὸς ὕψιστος являлись лица нееврейского происхождения, полупрозелиты, не связанные с общиной иудеев, то среди членов συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων следует видеть либо евреев диаспоры, переселившихся на Боспор и в свою очередь значительно эллинизированных (так как они пользовались греческим языком, носили греческие имена, жили по греческому праву[8]), либо прозелитов, зачастую из числа вольноотпущенников. Как показывает публикуемая выше фанагорийская надпись, в которой в соответствии с греческой традицией перед именами рабов-варваров (Сандана и Ага) дается этникон (кариец), вольноотпущенники, переходящие под опеку иудейской общины, по своему происхождению могли быть и неевреями, что подтверждает мнение Деренбурга и Шюрера[9] о том, что в силу манумиссии бывшие ранее язычниками отпущенники должны были перейти в иудейство. Если же просмотреть боспорские манумиссии, то легко можно заметить, что большинство из них написано либо от лица членов иудейской общины, либо от лица приверженцев культа θεὸς ὕψιστος. Все это позволяет прийти к заключению о том, что не последней причиной распространения влияния иудаизма (в той или иной форме) на Боспоре являлась именно манумиссорская деятельность последователей данной религии.

Активизация же почитания культа «бога высочайшего» в Пантикапее в начале IV в. н.э., засвидетельствованная надписью КБН 64, может быть объяснена следующим образом. В середине III в. н.э. Боспор переживает значительные потрясения. Разгрому варваров подвергаются такие центры, как Танаис и Горгиппия, что вызвало значительные миграции населения в пределах боспорского царства, в том числе определенно можно говорить о переселении части граждан Танаиса в Пантикапей (и, вероятно, в Феодосию)[10]. Вполне естественно, что культ «бога высочайшего», особенно популярный в Танаисе в первой половине

---

[5] *Левинская.* Ук. соч. С. 18.

[6] *Тачева-Хитова О.М.* О культе θεὸς ὕψιστος на Боспоре // ВДИ. 1978. № 1. С. 141.

[7] Автор выражает признательность Ю.Г. Виноградову за сообщенную информацию о данной находке.

[8] *Надель Б.Н.* К вопросу о культе безымянного «всевышнего» бога в Танаисе в III в. н.э. // Listy Filologické. Praha, 1966. 89. № 1. С. 23.

[9] *Derenbourg J.* Les inscriptions grecques juives au Nord de la Mer Noire // Journal Asiatique. VI ser. T. XI. 1868. P. 536; *Schürer E.* Die Juden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον // Sitzungsberichte der Preuss. Akad. d. Wiss. 1897. S. 203.

[10] *Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II—III вв. н.э. // КСИА. 1990. 197. С. 54—56.

III в. н.э., мог быть принесен переселенцами из этого города в столицу боспорского царства, свидетельством чего и может служить надпись КБН 64 с упоминанием θεὸς ὕψιστος, датированная 306 г. н.э и сообщающая о постройке молельни (προσευχή) Аврелием Валерием Согом, наместником Феодосии.

Некоторые материалы, свидетельствующие о присутствии иудеев в Фанагории в позднеантичное и раннесредневековое время, были известны исследователям и прежде.

Так, у византийского хрониста Феофана имеется относящееся к 671 г. н.э. упоминание о евреях в Фанагории: ἐπὶ Φαναγουρίαν καὶ τοὺς ἐκεῖσε οἰκοῦντας Ἑβραίους παράκεινται ἔθνη πλεῖστα (...у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов)[11], т.е. здесь мы имеем прямое указание (ἐκεῖσε) на проживание во второй половине VII в. н.э. евреев в Фанагории. Следует отметить, что перевод этого места «Хронографии» В.И. Оболенского — Ф.А. Терновского не совсем точен («...за Фанагорией...»)[12]. Ближе к контексту дан перевод предлога ἐπί в «Регестах и надписях»: «...при Фанагории и окрестностях»[13]. К середине IX в. н.э. относится сообщение Ибн-Хордадбеха, называвшего Фанагорию «еврейским городом»[14].

Благодаря раскопкам в Фанагории во второй половине прошлого века было найдено значительное количество (около 60) надгробий (как целых, так и обломков) с изображениями иудейских символов[15]. На четырех из них имелись также древнееврейские надписи. Раскопки последних лет пополнили эту коллекцию надгробий еще 14 экземплярами (среди них одно с древнееврейской надписью)[16].

Изучением еврейских надписей в свое время занимался Д.А. Хвольсон[17]. В его «Корпус» попали четыре надписи из Фанагории[18]. Наиболее ранней исследователь считал надпись № 34 (по «Корпусу»). На ней сохранились лишь четыре буквы и она не поддается восстановлению. Хотя Д.А. Хвольсон и не приводит абсолютной датировки, но из контекста ясно, что эта надпись относится ко времени не позже IV в. н.э., поскольку к этому времени относится другая, более поздняя, чем № 34, фанагорийская надпись № 35, которая также вызвала у исследователя затруднения при чтении. Лишь в последних шести буквах первой строки он предполагает чтение (с подсказки И. Галеви) имени בלאקוס = βάλακος. Надпись № 135 вырезана на оборотной стороне надгробия с семисвечником и гласит: מנחם בן אמץ (Менахим сын Амца[19]). Форма мēм, неправильное написание имени אמץ (Амц), вместо אמוץ, а также употребление самого имени позволяют автору приблизительно датировать надпись временем не позднее IV—V вв. н.э. Позднейшей из опубликованных у Д.А. Хвольсона является надпись № 96, вырезанная в нише над семисвечником, которая по форме букв датируется временем не позднее VIII—IX вв. н.э. и гласит: «В этой могиле покоится Мирьям»[20].

---

[11] *Чичуров Н.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 60.

[12] Летопись византийца Феофана. М., 1887. С. 262.

[13] Регесты и надписи (свод материалов для истории евреев в России (80 г. — 1800 г.). Т. I. СПб., 1899. С. 43.

[14] *Василевский В.* Русско-византийские исследования. Т. II. СПб., 1893. С. XXIII.

[15] *Люценко А.Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. I. СПб., 1876.

[16] *Кобылина М.М.* Отчет о раскопках Фанагории. 1973 г. Архив ИА АН СССР, Р-I № 5192. рис. 71, 72, 73, 74, 75, 76; *Долгоруков В.С.* Отчет о работах Фанагорийской экспедиции. 1976 г. Архив ИА АН СССР, Р-I № 5877. рис. 39, 40, 41; *он же.* Отчет о работах Фанагорийской экспедиции. 1977 г. Архив ИА АН СССР, Р-I № 6905[1], рис. 47.

[17] Corpus Inscriptionum Hebraicarum. СПб., 1882 (далее — CIH); *Хвольсон Д.А.* Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.

[18] *Хвольсон.* Сборник... С. 133—138.

[19] Регесты и надписи... С. 9.

[20] Там же. С. 15.

Еще одну (пока не опубликованную) еврейскую надпись из Фанагории обнаружил в начале века в лапидарии «Царского кургана» в Керчи С. Вайсенберг. Эта надпись, по словам В.В. Шкорпила, была привезена в музей приблизительно в 1898 или 1899 г. На обломке С. Вайсенберг прочитал имена אברהם (Авраам) и משה (Моисей)[21]. Не будучи эпиграфистом, он, однако, не дает даты для этой надписи.

Наконец, в 1973 г. на «Западном» раскопе в Фанагории среди камней, составлявших обкладку средневекового погребения № 1, найден фрагмент иудейского надгробия с надписью[22]. Эта надпись еще ждет отдельного исследования со стороны гебраистов, однако уже заранее можно сказать, что по характеру шрифта она должна быть отнесена к наиболее ранним фанагорийским надписям подобного рода[23].

Сами надгробные камни вытесаны из местного ракушечника. Некоторые из них украшены треугольными фронтонами, другие вверху закруглены, нижняя часть многих стесана в виде клина, для укрепления его в другом камне, горизонтально положенном на могиле[24]. На камнях имеются изображения семисвечника, а также подсвечников, имеющих пять, девять и даже одиннадцать ветвей, шофара (бараньего рога, в который, по предписанию Моисея, трубят в новый год) и лулаба (пальмовой ветви, которую употребляют, также по предписанию Моисея, в праздник кущей), аналогичные изображениям из Малой Азии и Италии[25]. Вырезаны они, как правило, в нишах в виде выпуклого или углубленного рельефа, иногда аккуратно и ровно, но в большинстве случаев весьма грубо.

Хронология надгробий пока еще не разработана. Отчасти это объясняется тем способом фиксации и описания находок, который применялся в прошлом веке во время раскопок на городище. С другой стороны, надгробия встречаются либо во вторичном использовании в слоях VIII—IX вв. н.э., либо на территории некрополя, где стратиграфическая датировка зачастую очень затруднена. Наконец, это объясняется и незначительным интересом исследователей к этим памятникам.

Важная особенность надгробных камней с иудейскими символами, находимых в Фанагории, состоит в том, что на оборотной стороне многих из них находятся тамгообразные знаки. Из 60 надгробий, обнаруженных А.Е. Люценко, И.Е. Забелиным и В.Г. Тизенгаузеном, на 26 имеются такие знаки (прорисовки знаков даются в статье А.Е. Люценко). Кроме того, на одном надгробии, найденном в 1976 г., на оборотной стороне также вырезан тамгообразный знак[26], который имеет почти прямую аналогию со знаком на надгробии № 6 по таблице А.Е. Люценко. Многие фанагорийские знаки имеют прямую или близкую параллель северопричерноморским тамгам античного и средневекового времени[27]. При этом если вспомнить еще, что на надгробии IV в. н.э. (№ 35 по «Корпусу» Д.А. Хвольсона) древнееврейским письмом вырезано сарматское имя в греческой форме — Балакос (ср. Ὀαρος-Βάλακος КБН 1264 из Танаиса), то данные факты могут свидетельствовать о том, что в Фанагории в позднеантичный — раннесредневековый период к числу иудеев, помимо собственно евреев, относились и прозелиты из местных варварских племен.

Большинство надгробных камней было найдено на территории городища в кладках средневековых построек, однако некоторые из них встречались и на

---

[21] *Вайсенберг С.* Исторические гнезда Кавказа и Крыма // Еврейская старина. 1913. Вып. 1. С. 63.

[22] *Кобылина.* Отчет... 1973 г. рис. 76.

[23] См. CIH; *Хвольсон.* Сборник... Таблица шрифтов.

[24] *Люценко.* Ук. соч. С. 575.

[25] *Frey J.B.* Corpus Inscriptionum Judaicarum. V.I. Roma, 1936. *Хвольсон.* Сборник... С. 133.

[26] *Долгоруков.* Отчет... 1976 г. Рис. 38.

[27] *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959; *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. Однако ни Э.И. Соломоник, ни В.С. Драчук не использовали упомянутую работу А.Е. Люценко.

территории некрополя у северного подножия Майской горы[28]. Раскопки на северном склоне горы предпринимались в 1940 г. («Южный раскоп»)[29] и в 1947 г. («I, II и III майские раскопы»)[30]. Всего здесь было обнаружено 33 грунтовые могилы. При этом обращает на себя внимание их типологическая близость: все они представляли собой трупоположения в простых ямах, всегда неглубоких; костяки (за редким исключением) ориентированы черепом на север или с небольшими отклонениями на северо-запад и северо-восток; руки вытянуты вдоль тела, реже кисти покоятся на бедрах; ноги также вытянуты параллельно, иногда сближены или перекрещены в ступнях. Почти полное отсутствие погребального инвентаря затрудняет датировку погребений. Их стратиграфическое положение позволяет говорить о времени не ранее I в. до н.э. Имеется лишь одно датированное монетой III—IV вв. н.э. погребение[31]. Авторы раскопок полагали, что могилы относятся к античному (первых веков н.э.) и средневековому времени. При этом В.Д. Блаватский считал, что ориентация покойников головой на юг может объясняться как ориентация на Иерусалим, свойственная тем обитателям Таманского полуострова, которые исповедывали иудаизм[32]. Однако с такой интерпретацией данного факта пока трудно согласиться, поскольку и ориентировка и положение костяков могут быть объяснены влиянием позднесарматских погребальных традиций.

В 1866 г. А.Е. Люценко на «вершине одного из крайних холмов, лежащих при крутом спуске к хутору «Семеняки», вскрыл «катакомбу», датированную им VI—VII вв. н.э. Помимо прочих вещей в погребении найдено четыре или пять медных, позолоченных колокольчиков с серебряными кольцами на их верхних концах. В этих кольцах находились остатки кожаных ремней, которые, по-видимому, были пришиты к одежде. Так как обычай носить колокольчики, пришитые к одежде, встречается у еврейских первосвященников, то А.Е. Люценко предположил, что данная «катакомба» служила для погребения подобному лицу или одному из начальников еврейских синагог[33].

В слоях городища первых веков н.э. на ряде раскопов были найдены дисковидные глиняные грузила с различными процарапанными по свежей глине рисунками. Среди них есть изображения веточек по виду похожих на семисвечник или лулаб[34]. Грузила (чаще дисковидные, реже пирамидальные) с аналогичными изображениями, встречавшиеся в слоях II—III вв. н.э., найдены также в Кепах и Илурате [35]. Однако против такой интерпретации рисунков, предложенной М.М. Кобылиной [36], говорит тот факт, что дисковидное грузило с похожим изображением веточек встречено в слое IV—III вв. до н.э. в Китее[37].

Фанагория не является единственным центром в пределах Боспора, где были найдены иудейские надгробия. В 1980 г. во время работ на Северном раскопе Таманского городища в слое XI—XII вв. н.э. во вторичном использовании были обнаружены два надгробия с изображенными на них семисвечниками. При этом на верхнем торце одного из них имеется древнееврейская двустрочная

---

[28] *Люценко.* Ук. соч. С. 576; *Хвольсон.* Сборник... С. 133; *Герц К.К.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 19.1951. С. 99—100.

[29] *Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. 19. С. 221—226.

[30] *Кобылина М.М.* Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. 1951. 19. С. 236—240.

[31] *Кобылина.* Раскопки «Южного» некрополя... С. 239.

[32] *Блаватский.* Ук. соч. С. 225—226.

[33] ОАК за 1866 г. с. XII—XIV; *Герц.* Ук. соч. С. 89—91.

[34] *Кобылина М.М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1952 г. Архив ИА АН СССР, Р-I № 744. рис. 28; *она же.* Отчет о работе Фанагорийской экспедиции летом 1954 года. Архив ИА АН СССР, Р-I № 1010. С. 23; *она же.* Отчет о раскопках Фанагории 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-I № 4805. С. 11.

[35] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. XIII. С. 196; *Кузнецов В.Д.* Отчет о работе Кепского отряда ИА АН СССР. Краснодарский край. 1984 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 10593. рис. 94.

[36] *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. 57. С. 93.

[37] Сообщение Молева Е.А. на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР 14.02.1989 г.

надпись[38]. Еще одно аналогичное надгробие было найдено в прошлом веке в 10 км к югу от Тамани[39].

Другим центром, где обнаружены ранние иудейские надгробия, является Пантикапей (средневековый г. Боспор). Д.А. Хвольсон в своем «Корпусе» попутно говорит о надгробии, хранившемся в «Царском кургане», на котором в нише над семисвечником сохранилась еврейская надпись в одну строку и в которой он смог разобрать только имя שבתי (Шабтай)[40]. Место находки, откуда данная надпись была доставлена в «Царский курган», Д.А. Хвольсону выяснить не удалось. Не исключено, что она была привезена из Фанагории с другими подобными камнями. Однако, поскольку в районе Керчи также были найдены надгробия с иудейской символикой и одна надпись на еврейском языке, то вполне вероятно и местное ее происхождение.

Так, «возле лазарета, находившегося по левую сторону от шоссе, ведущего в Керченскую крепость» в 1899 г. найдена греческо-еврейская билингва (КБН 736) и ряд обломков плит с изображениями семисвечников. В 1955 г. после разборки фундамента построенной в прошлом веке сторожки Мелек-Чесменского кургана обнаружено иудейское надгробие без надписей[41], вероятно, одно из тех, что хранились здесь ранее[42]. Надгробие с перевернутым изображением семисвечника было найдено В.В. Шкорпилом в 1911 г. на Предтеченской площади г. Керчи. В верхней полоске рамы плиты были заметны буквы, «не поддающиеся чтению»[43]. Три надгробия с семисвечниками (КБН 735, 746, 777) были обнаружены в прошлом веке в районе бывшей Павловской батареи, где исследователи предполагали наличие древнего еврейского кладбища. Еще две надписи с семисвечниками были найдены на Глинище (КБН 724) и за Цементной слободой (КБН 743). Кроме того, как сообщает А.Е. Люценко, на Ай-Бурунском мысу найдено надгробие с семисвечником и четырехстрочной греческой надписью, которое хранилось в то время у грека Синопли[44]. Если сравнить прорисовку надгробия, имеющуюся у А.Е. Люценко, с фотографией надгробия, приведенной в «Корпусе» В.В. Латышева (IPE, IV, № 426 = КБН 1225), то можно заметить, что это один и тот же камень, только в первом случае на камне сохранилось большее количество букв (так как впервые он был опубликован в 1876 г., т.е. много раньше, чем у В.В. Латышева) и сам рисунок сделан неправильно, представляя зеркальное изображение надгробия (вероятнее всего, прорисовка была сделана с эстампажа). Как сообщал В.В. Латышев, стела была подарена в 1892 г. Керченскому музею Б. Букзелем и, по словам последнего, она была привезена с Таманского полуострова. Рассматривая разные версии о происхождении камня, следует отдать предпочтение сообщению А.Е. Люценко, поскольку по времени оно раньше, чем сообщение В.В. Латышева, и более определенно указывает на место находки. По характеру шрифта издатели «Корпуса боспорских надписей» датируют перечисленные керченские надгробия следующим образом: № 724 — конец II—III вв. н.э., № 735 — III в. н.э., № 736 — III—IV вв. н.э., № 743 — IV в. н.э., № 777 — не позднее IV в. н.э., № 1225 — IV—V вв. н.э. Как видно, появление в Пантикапее традиции постановки надгробий с иудейской символикой может быть надежно отнесено к III в. н.э.

О присутствии еврейского элемента в населении городов Боспора говорят

---

[38] *Коровина А.К.* Отчет о раскопках Тмутаракани-Гермонассы в Темрюкском р-не. Краснодарский край, 1980. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 8620, 8620[a], табл. 6(1), 6(2.3).

[39] *Люценко.* Ук. соч. С. 575.

[40] *Хвольсон.* Сборник... С. 138.

[41] *Чуистова Л.И.* Новые находки из некрополей Керченского полуострова // МИА. 1959. 69. С. 248—249. Рис. 14.

[42] *Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. 1913. XXXI. Приложение. С. 75, 77.

[43] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском п-ове в 1911 г. // ИАК. 1914. 56. С. 20—21. Рис. 10.

[44] *Люценко.* Ук. соч. С. 575.

и данные антропонимии. Особенной популярностью до середины III в. н.э. пользовались такие еврейские имена, как Σαμβίων (Σαββίων, Σαβίων) и Σαμβατίων[45], что еще не может, конечно, указывать на этническую принадлежность носителей этих имен, а свидетельствует больше о влиянии иудеев на население боспорских городов (имя Σαμβίων встречается также в Фанагории в надписи КБН 1011 и одной еще не опубликованной надписи). Кроме того, до середины III в. н.э в надписях встречаются и другие имена: Ἐμμείς, Βόχορος, Ἄννα, Σάβιον, Σαφάτας, Ὠνίας[46]. Однако уже в III в н.э. и позднее происходит изменение в еврейской ономастической традиции. Появляются имена, прежде совсем не встречавшиеся в надписях: Σαμούηλ, Ἰσαάκιος, Амц, Менахим, Мирьям, Моисей, Авраам.

Как видно из источников, в III—IV вв. н.э. в традициях последователей иудаизма происходят существенные изменения: 1) появляется большое количество надгробий с иудейской символикой; 2) на надгробиях появляются надписи на древнееврейском языке; 3) существенно меняется еврейская ономастическая традиция. Такого рода новации позволяют предположить прилив на Боспор в III—IV вв. н.э. новой волны иудеев, имеющих традиции весьма отличные от традиций тех иудеев и прозелитов, которые проживали ранее в городах Боспора и которые в большей степени, чем пришельцы, были связаны с эллинской культурой.

Новая волна еврейских переселенцев, несомненно, в некоторой степени также была эллинизированной. Об этом говорит ряд надгробных надписей, сделанных на греческом языке, и употребление самих надгробных камней с изображениями иудейских символов. Как замечает Д.А. Хвольсон, такие религиозные эмблемы использовались евреями, говорившими по-гречески, или на греческо-латинском жаргоне, да и сам обычай постановки надгробных камней (не характерный для евреев Палестины) возник у евреев диаспоры под влиянием эллинской традиции[47]. Аналогичный случай мы имеем в Италии, где засвидетельствовано появление иудейских символов с греческо-латинско-еврейскими надписями на надгробиях и в катакомбах начиная со II—III вв. н.э.[48]

Имеется еще ряд источников, свидетельствующих о присутствии иудеев как на территории Боспора, так и вообще Северного Причерноморья.

Из толкования Иеронима на пророка Авдия имеется следующее сообщение: «Где мы поставили Босфор, там в еврейском тексте стоит Сефарад, что LXX (толковников — *ред.*) почему-то перевели Ефратом, между тем как перевод Аквилы, Симмаха и Теодотиона согласуется с еврейским подлинным текстом. Но мы узнали от еврея, который был нашим учителем в Священном Писании, что так называется Босфор, и как иудей он сказал, что это та страна, в которую переселил пленников Адриан. Таким образом, когда придет наш Мессия, тогда и эти пленники возвратятся в Иудею»[49]. В пленниках Адриана здесь следует, вероятнее всего, видеть палестинских евреев, которые были взяты в плен при подавлении восстания Бар-Кохбы в 135 г. н.э. Д.А. Хвольсон, сопоставляя данное упоминание Иеронима о Боспоре с septemtrionalis plaga из другого сообщения этого автора, считает, что здесь подразумевается Киммерийский, а не Фракийский Боспор[50].

О раннем присутствии иудеев в Крыму свидетельствует упоминание в «Страдании священномучеников Херсонесских епископов: Василевса, Капитона и других» о том, что в возмущении против христианских епископов в Херсонесе в 300 г. н.э. принимали участие вместе с язычниками и иудеи [51]. Кроме того,

---

[45]*Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 321.
[46]Ibid. S. 321, 331, 294.
[47]*Хвольсон.* Сборник... С. 137.
[48]*Хвольсон.* Сборник... С. 133, 144—146, 148, 153—157; Corpus... С. 8, 16, 77, 78 и т.д.
[49]Регесты и надписи... С. 42.
[50]*Хвольсон.* Сборник... С. 434.
[51]Страдания священномучеников Херсонесских епископов: Василевса, Капитона и других // ЗООИД. 1868. Т. VII. С. 126.

из Партенита происходят три еврейские надгробия и наиболее раннее из них по характеру шрифта датируется II—III вв. н.э.[52].

Наконец, невозможно не упомянуть о коллекции А. Фирковича, караима из Чуфут-Кале, собранной им в прошлом веке. Здесь, в Чуфут-Кале, находилось древнее еврейское кладбище, и среди надгробий на этом кладбище встречаются такие, которые датированы уже серединой II в. н.э. Подробный разбор надписей на надгробиях и определение их достоверности предпринял в свое время Д.А. Хвольсон[53]. Помимо этого, на многих древних еврейских рукописях священных текстов, собранных А. Фирковичем в самых различных местах, имеются приписки, дающие дополнительные сведения о евреях в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре. Однако надо сразу же заметить, что при использовании этого материала необходимо быть весьма осторожным, поскольку уже в прошлом веке исследователи заметили, что часть дат на надгробиях была специально искажена, а некоторые приписки являлись подделкой. Наиболее критично к коллекции А. Фирковича был настроен А.Я. Гаркави[54], не признававший достоверность ранних источников. Д.А. Хвольсон, не отрицая факта искажения и подделок документов А. Фирковичем, говорит, что последний нашел много древнего и что между его находками есть много подлинного[55].

Одним из наиболее любопытных для нас документов коллекции является копия приписок на свитке Пятикнижия, сделанная, как в ней говорится, караимом Иешуа бен Элия в 1513 г. В свою очередь она была сделана с другой копии описания путешествий Иегуды бен Моше Мизрахи, снятой в 986 г. Авраамом бен Симха га-Сефарди. В сообщении Иегуды, датированном 604 годом н.э., в частности, говорится о том, что потомки иерусалимских изгнанников жили в то время в Сефараде (Керчи) и «греческом городе» Матархе (Тамани). В последней между изгнанниками Тита жил отец Иегуды. Авраам бен Симха следующим образом комментирует этот отрывок: «Это именно братья наши иудеи, избранные из иерусалимских изгнанников, которых Тит выселил сперва в греческие города, в Византию и в подвластные ей города, откуда они распространились до города Тирапиз (Трапезунт) и в окрестности города Матарха, во время Юлиана, кесаря византийского, друга иудеев, почему они и говорят до сих пор (986 г. н.э.) по-гречески»[56]. А.Я. Гаркави, исследовавший рукопись, считает данный документ, как и большинство других, подделкой А. Фирковича. В этом его поддерживает и И. Берлин[57]. Однако против многих положений критики А.Я. Гаркави выступили Д.А. Хвольсон и И. Берхин[58]. Не останавливаясь подробно на дискуссии исследователей, укажем лишь еще на один пункт неточности доказательств А.Я. Гаркави (в дополнение критики Д.А. Хвольсона и И. Берхина). А именно, А.Я. Гаркави говорит, что совсем неправдоподобно, чтобы город Матарха принадлежал в 80-х годах X в. хазарам, и далее приводит аргументы в пользу этого положения[59]. Но если внимательно прочитать весь текст (перевод которого, кстати, сделан А.Я. Гаркави), то выяснится, что ни о каком подчинении хазарам Матархи речи в документе не идет. В тексте говорится следующее: «Я, один из мирных, верных Израиля, Авраам бен

---

[52] *Хвольсон.* Сборник... С. 140.

[53] Там же. С. 32.

[54] *Гаркави А.Я.* По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира. СПб., 1876; *Harkavy A.* Altjüdische Denkmäler aus der Krim mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1832—1872) und geprüft von A A. Harkavy. St. P., 1876.

[55] Хвольсон. Сборник... С. 487.

[56] *Гаркави.* Ук. соч. С. 14—15.

[57] *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Петроград, 1919. С. 136—138.

[58] *Берхин И.* Еврейский документ о посольствах св. Владимира для испытания веры // Киевская старина. 1884. Т. 10. № 2. С. 568—585.

[59] *Гаркави.* Ук. соч. С. 27.

М. Симха, из города Сефарад, в царстве наших братьев, благочестивых прозелитов, хазар, в 1682 году после нашего изгнания, т.е. в 4746 году по сотворению мира, по летоисчислению, употребляемому братьями нашими, иудеями города Матархи...»[60]. Как видим, во-первых, речь идет о подчинении хазарам только Сефарада, во-вторых, Матарха упомянута здесь лишь в связи с употреблением ее жителями летосчисления от сотворения мира и не более. И дальше в продолжении всего текста нельзя найти определенное указание на подчиненное положение города.

В связи с этим хочется присоединиться к выводу И. Берхина о том, что лишь дальнейшие исследования (и в первую очередь гебраистов) могут более или менее надежно решить вопрос о подлинности или поддельности ряда приписок на рукописях священных текстов из коллекции Фирковича[61]. Если же принять подлинность комментария Авраама бен Симха о том, что некоторые евреи во времена императора Юлиана (361—363 гг. н.э.) поселяются на Таманском п-ове, то данное сообщение может служить более конкретному рассмотрению условий и причин одной из волн еврейской миграции на Боспор.

Приведенный выше анализ источников показывает, что на территории Таманского п-ова в средневековое время существовали значительные иудейские общины только в двух центрах: Матархе и Фанагории. Но если первая упоминается во многих еврейских рукописях, собранных А. Фирковичем, то о фанагорийской общине сведений в этих рукописях, как ни странно, не находим и это при том, что подавляющее большинство иудейских надгробий на Таманском п-ове происходит именно отсюда. Очевидно, что Фанагория в еврейских источниках могла фигурировать под каким-то иным названием; примером тому — названия таких греческих городов как Боспор (бывш. Пантикапей) — Сефарад, К-Р-Ц и бывшая Гермонасса — Матарха, Таматарха и т.д.

В этой связи обращает на себя внимание надпись на последнем листе свитка Пятикнижия, найденного А. Фирковичем в Крыму в Карасубазарской синагоге[62]. Приписка датирована 905 г. н.э.[63]. Она интересна тем, что в ней перечисляются населенные пункты Матарха, Каракубан и Тохт, общины которых имели общую систему летосчисления от сотворения мира. Несколько ниже в этом же документе упоминается и Сефарад. Из контекста можно понять, что речь здесь идет примерно об одном регионе, т.е. Таманском п-ове и Восточном Крыме. Если в отношении местоположения Тохта пока трудно что-либо сказать[64], то название Каракубан весьма примечательно. Совершенно очевидно, что первая часть этого названия (кара) имеет тюркское происхождение и означает «черный»[65]. При этом вторая часть слова (кубан) явно соотносится с сохранившимся до сего дня названием реки Кубань (этимология гидронима остается не вполне ясной)[66], а значит и сам пункт Каракубан может быть географически привязан к этой реке. Хорошо известно, что в древности р. Кубань одним из своих рукавов впадала в Таманский залив в районе Фанагории[67], а учитывая то, что Фанагория единственный на всем протяжении реки пункт, для которого засвидетельствовано наличие большой иудейской общины, то представляется вполне

---

[60]Там же. С. 8—9.

[61]*Берхин.* Ук. соч. С. 585.

[62]Регесты и надписи... С. 15; *Хвольсон.* Сборник... С. 496—497.

[63]Д.А. Хвольсон признает данную приписку подлинной.

[64]Корень «тохта» имеет древнетюркское происхождение (*Хвольсон.* Сборник... С. 468).

[65]Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 422.

[66]*Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 218.

[67]*Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4. С. 47—48; *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь Таманского п-ова (На примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 33.

возможным отождествить Каракубан еврейской рукописи с Фанагорией, продолжавшей так называться в других (в основном греческих) средневековых источниках. Такому предположению не противоречит и дата 905 г. н.э., обозначенная в карасубазарском эпиграфе. В литературе полное разрушение Фанагории связывается с печенежским нашествием на рубеже IX—X вв., более того, С.А. Плетнева (в одной из своих работ) и А.Г. Атавин[68] склонны относить разрушение города к началу X в., и поэтому в 905 г. Фанагория вполне еще могла существовать. Окончательная гибель города, на наш взгляд, могла произойти около 913 г. Как предполагал М.И. Артамонов, именно в это время (в период правления царя Вениамина) хазары отбивались от наседавшей на них коалиции из печенегов, гузов и асиев, организованной Византией, что вынудило хазарского царя, занятого войной, согласиться на требование пропустить появившееся в Керченском проливе русское войско через пролив и далее по Дону и Волге до Каспия[69].

Высказанные выше замечания являются, в свою очередь, дополнительным аргументом в пользу признания подлинности эпиграфа 905 г.

PHANAGORIAN COMMUNITY OF JEWS

D.I. Danshin

The reason for investigating the history of the Jewish community in Phanagoria was the discovery of an inscription on this site in 1989. The inscription is dated to A.D. 51 and is the earliest in Bosporus mentioning the Jewish community. It enabled the author to interpret the still earlier Phanagorian manumission of A.D. 16 CIRB 985 as Jewish. The inscription of A.D. 57 CIRB 69 from Panticapaeum may also be considered Jewish. The article then analyses all available materials (ancient and mediaeval) on various influences of Judaism on the population of Bosporus. Among them: evidence of the cult of the "Supreme God", tombstones with Judaic symbols of late ancient (since the 3rd century) and mediaeval (up to the 8th—9th centuries) period discovered in Bosporus in Panticapaeum, Hermonassa and Phanagoria; testimony of such mediaeval authors as Theophanes and Ibn Khordadbekh on Jewish settlements in Phanagoria; data on Judaic onomastic traditions, etc. The article also makes use of the information about the history of Jews from other centres of the northern part of the Black Sea area. The collection of epitaphs and marginalia on Judaic holy texts gathered in the 19th century by A. Firkovich (though not all scholars recognize the authenticity of the earliest of them) presents special interest. Marginalia № 1513 and 905 are of particular interest for the present study. The first speak about a new wave of Jewish migration to the Taman peninsula under Emperor Julian; the second enables the author to determine the mediaeval Turkish name of Phanagoria (Karakuban) and date the final fall of the city to ca 913.

---

[68] *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976. С. 53; *Атавин А.Г.* Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. Сборник тезисов. М., 1988. С. 23.

[69] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 358, 370.

© 1993 г.

П.О. Карышковский

НОВЫЕ ОЛЬВИЙСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Посвятительные надписи ольвийских должностных лиц I—III вв. н.э. известны с первых десятилетий XIX в. и количество их достигло к настоящему времени сотни. Однако каждая новая находка такого памятника не только расширяет поле исследования, но и проливает порой неожиданный свет на всю совокупность ранее накопленного материала. Это хорошо иллюстрируется публикуемыми ниже документами.

1. Первое посвящение[1] обнаружено летом 1983 г. охранной археологической экспедицией Николаевского краеведческого музея в 200 м к северу от черняховского поселения Рыбаковка III (Березовский р-н, Николаевская обл.); там же найдены обломки обработанного известняка, по всей вероятности, остатки постамента или фундамента памятника, первоначально установленного, как и другие надписи аналогичного содержания, в прибрежной зоне — в данном случае на краю предполагаемой древней дороги, у спуска к Тузлинскому соленому озеру, останцу древнего лимана[2]. Плита изготовлена из плотного белого мрамора с немногими сероватыми прожилками. Лицевая и противолежащая ей стороны отполированы, правая (от зрителя) боковая грань ровно отесана, левая грубо выровнена, но на ней сохранились остатки рельефного орнамента. Высота плиты 1,21 м, ширина колеблется от 0,31 до 0,34 м, толщина — от 0,21 до 0,24 м.

Камень использовался трижды. Сначала он был частью карниза: на одной из узких продольных граней, в настоящее время небрежно притесанной, сохранился прямой ряд овальных бусин, разделенных парами обращенных к ним вершинами уголков; снизу к этому орнаментальному поясу примыкают редко расставленные стилизованные цветы лотоса. Ко времени использования плиты в качестве карниза какого-то крупного ордерного сооружения относится круглое углубление на нижней стороне плиты, — по-видимому, остатки крепежного паза. В III в. до н.э. противоположная пазу широкая плоскость была отполирована и использована для надписи, от которой сохранились лишь буквы .ΡΟΣ у левого края (начало текста отбито или — если надпись размещалась на наружной поверхности здания или монументального алтаря — находилось на тесно примыкавшей слева другой плите); предшествующая буква повреждена, но в расчет могут быть приняты только *тау* (или *гамма*) либо *эта* (либо *йота*). Эти буквы могли бы быть или окончанием одного из антропонимов на -γρος, -ηρος, -αιρος, -ειρος или фрагментом эпиклес Аполлона (Ἰητρός — Nom.) или Зевса (Σωτῆρος — Gen.), известных в Ольвии (IOSPE. I². 25, 161, 162, 164; НО. 65, 71) или, например, gen. слова θυγα]τρός. Наконец, в римское время камень нашел новое применение: сторона, противоположная той, на которой сохранились описанные остатки надписи, была стесана и отполирована; один из концов плиты был при этом грубо закруглен и отделен от подготовленной для новой надписи поверхности невысоким (3,6 см) карнизом. Непосредственно

[1] Хранится в Николаевском областном краеведческом музее, инв. № А—5905.

[2] *Снытко И.А., Никитин В.И.* Исследования и раскопки в Николаевской области // АО. 1983. М., 1985. С. 356—357.

над карнизом помещена 12-строчная надпись (рис. 1); высота ее букв колеблется от 2 до 2,5 см, промежутки между строками — от 1 до 1,5 см. Письмо уверенное, соблюдены правила слогового переноса слов. Особенности начертания букв — пересечения линий на углах, раздвоения на концах линий, заменяемые иногда маленькими поперечными штрихами, — сближают надпись с документами I в. н.э.[3], но то обстоятельство, что многие буквы представлены упрощенными формами, без характерных раздвоений и утолщений на концах линий (например, *эта* в первой и четвертой строках, с одной стороны, и во 2-й, 5-й и 6-й строках, с другой; ср. также начертания *ню, пи, хи*), заставляют датировать документ концом I или началом II в. н.э. Ближайшими аналогиями являются посвящение IOSPE. I². 141 и строительная надпись IOSPE. I². 169 + 177.

Хотя многие буквы рассматриваемой надписи частично повреждены, а некоторые вовсе уничтожены, текст читается без затруднений:

Ἀγαθῇ τύχῃ.
Ἀχιλλεῖ Ποντάρ-
χηι οἱ περὶ Ζωρ-
σανον Νεικηρά-
5. [τ]ου τὸ β΄ ἄρχοντες·
Πουρθαις Ἀβνα-
κου, Σάτυρος
Κουνχακου, Καλ-
λίστρατος Ἡρα-
10. κλείδου[ς] ΤΥΝΑΟ
ΒΩΝ Διώνος
χαριστήριον.

Перевод: « В добрый час. Ахиллу Понтарху архонты во главе с Зорсаном Никератовым во второй раз: Пуртэй Абнаков, Сатир Кунхаков, Каллистрат Гераклидов (?), Тинаобон Дионов (посвятили) благодарственное приношение».

Посвящение сохранилось полностью. Оно составлено по краткой формуле, известной В.В. Латышеву лишь по одной поздней надписи, в которой имена архонтов приведены без патронимиков (IOSPE. I². 133); другой близкий по формуле документ не имеет в начале благопожелания Ἀγαθῇ τύχῃ, а в конце содержит указание на имя жреца (IOSPE. I². 134). В прочих целиком сохранившихся или надежно восстанавливаемых документах такого содержания всегда имеется клаузула, указывающая, каких именно благ ожидали архонты от своего небесного покровителя[4], а иногда еще и агонистическая приписка, сообщающая об их спортивных достижениях (IOSPE. I². 130). Вполне точную аналогию публикуемому памятнику представляет собой хранящееся в Одесском музее посвящение из Бейкуша[5].

Коллегия архонтов возглавляется в надписи из Рыбаковки Зорсаном Никератовым, исполнявшим эту должность вторично. Редкость имени, тождество отчества и сходство шрифта публикуемого документа с письмом двух других памятников, упоминающих одноименного ольвиополита[6], вселяют уверенность,

[3] *Книпович Т.Н.* Лапидарное письмо в надписях Ольвии // НЭ. 1966. Т. 6. С. 8, 11, 26. Табл. X, *2—3* (далее цитируется в тексте под фамилией автора. — *П.К.*).

[4] Например, мира, обильного урожая и мужественности для города, а также здоровья для себя (IOSPE. I². 130); благосостояния для города и здоровья для себя (IOSPE. I². 132; НО. 86); здоровья для города и для себя (НО. 88).

[5] *Болтенко М.Ф.* Новая надпись в честь Ахилла Понтарха // ВДИ. 1953. № 4. С. 130 (документ не учтен составителями НО; далее цитируется как посвящение из Бейкуша. — *П.К.*).

[6] Первая надпись (IOSPE. I². 39) — известный декрет в честь Карзоаза Атталова; вторая (IOSPE. I². 169) — начало документа о строительстве, окончание которого хранится в Одесском музее (IOSPE. I². 177). Нет сомнения, что буквы ΔΗ в начале последней строки верхнего фрагмента следует считать первым слогом имени одного из упоминаемых здесь лиц, а не частью имени богини Деметры, о существовании культа которой в римской Ольвии свидетельствует только распространение антропонима Деметрий.

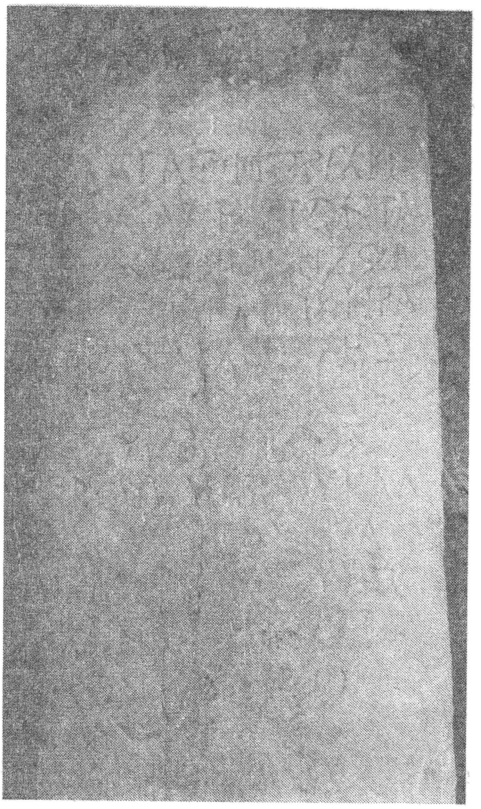

Рис. 1. Ольвийская посвятительная надпись из поселения Рыбаковка III

что во всех случаях речь идет об одном лице. Само имя Ζωρσανος удачно сопоставлено В.В. Латышевым (IOSPE. I^{-2}. P. 69) с сохраненным Тацитом[7] именем царя сираков Зорсина (Zorsines), которое воспроизводится в боспорской эпиграфике в формах Ζωρθίνης и Ζωρθινος[8]. Значение и этническая принадлежность всей этой серии антропонимов неясны[9], однако отчество Зорсана образовано от одного из чисто греческих имен, широко распространенных в Ольвии как в эллинистическое (IOSPE. I^2. 34, 190, 191, 201), так и в римское время (IOSPE. I^2. 39, 84, 134, 169, 183, 227).

Архонт, занимающий второе место в списке, называется Пуртэем Абнаковым; оба имени неоднократно встречались и в других ольвийских документах I—III вв. н.э.[10], но в таком сочетании не засвидетельствованы; оба имени относят к иранским (Zgusta, § 185, 266—267, 275).

Третий архонт из новонайденной надписи носит очень распространенное среди ольвиополитов в римское время греческое имя Сатир (IOSPE. I^2. 40, 50, 51, 60, 100, 137, 142, 153, 176, 281) и идентичен, по всей вероятности, лицу, занимающему третье место во фрагментированном списке стратегов (IOSPE. I^2. 148). На обломке читали имя Κουναις (или Κουκαις), однако Латышев приводит только первый слог антропонима, который согласно посвящению из Рыбаковки следует читать Κουνχακος. Не исключено, что это имя

---

[7]Ann. XII. 15—17.

[8]КБН, 1276, 1278, 1280.

[9]*Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag, 1955. § 639—640 (далее цитируется в тексте по номерам параграфов. — *П.К.*).

[10]Πουρθαις — IOSPE. I^2. 83; Πουρθαιος — IOSPE. I^2. 43, 99, 130, 176 (ср. Πουρθακης — IOSPE. I^2. 86, 101, 102); Αβνακος — IOSPE. I^2. 175; Αβναγος — IOSPE. I^2. 101; НО. 95; Αμναγος — IOSPE. I^2. 162.

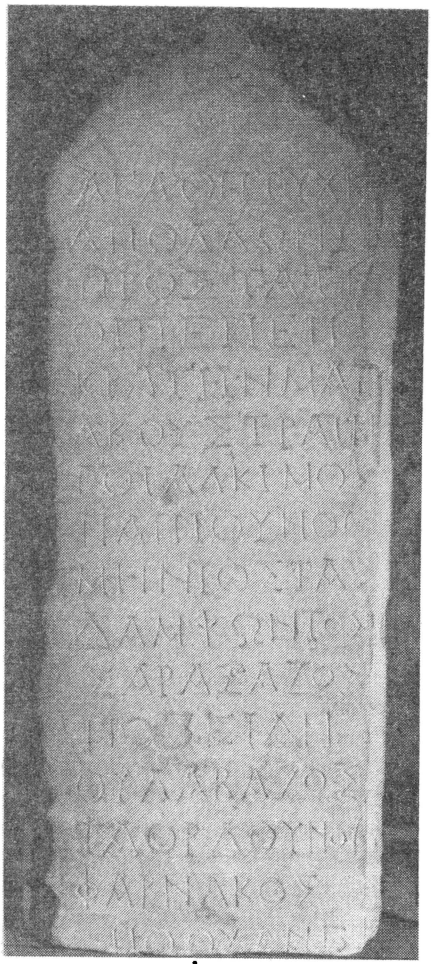

Рис. 2. Ольвийская посвятительная надпись из с. Бехтеры

имеет общую основу с именем Κουνους (IOSPE. I². 95. 129), этимология которого не выяснена (Zgusta, § 663), и с малоазийскими антропонимами Κουνβαριον или Κουνδης[11].

Имя следующего по списку архонта — Каллистрат — чисто греческое; оно промелькнуло однажды в Ольвии в эллинистическое время (IOSPE. I². 201) и засвидетельствовано в первом веке Дионом Хрисостомом и эпиграфическими памятниками (Dio Chrys. XXXVI. 7—15; IOSPE. I². 140; НО. 83)[12]. Что касается патронимика этого ольвиополита, то на камне читается Ἡρακλείδους. В надписях припонтийских городов во все времена имя Гераклид встречается очень часто (ISM. I. 5, 27, 124, 196, 197—А, 212 — Истрия; IGB. I², 229 — Тира; IOSPE. I². 342—344, 350, 390, 403, 435, 460, 473, 540, 581, 689; НЭПХ. I. 19, 43; II, 111, 112 — Херсонес; КБН. 24, 36—Б, 70, 76, 79—Б, 91, 96, 190, 266, 308, 502, 516, 528, 567, 607, 626, 681, 684, 757 — Пантикапей; КБН. 1243, 1240, 1250, 1259, 1260, 1263, 1268, 1277—1283, 1285—1287 — Танаис). Оно известно,

[11] *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. § 731—733.

[12] Учитывая широкую распространенность имени Каллистрат среди граждан греческих городов, трудно согласиться с отождествлением упомянутого Дионом юноши с известными по надписям ольвиополитами (*Яйленко В.П.* Материалы к корпусу лапидарных надписей Ольвии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 187—188).

в частности, в Ольвии; встречается здесь и в V—IV вв. до н.э. (IOSPE. I². 211), и в III—II вв. (IOSPE. I². 76), и в римское время (IOSPE. I². 85, 91, 100, 135, 155). Трудно воздержаться от сопоставления его с именем и отчеством жреца Каллистрата Гераклидова, посвятившего аналогичный дар Ахиллу «за мир, благопитие и долгоденствие города и за собственное здоровье» (IOSPE. I². 140).

После патронимика Каллистрата на камне читается ΤΥΝΑΟ|ΒΩΝ, причем знак перед ипсилоном может быть осмыслен не только как асимметричное *тау*, но и как *гамма*, перекрывающая черта которой значительно выступает слева за вертикаль, т.е. возможно чтение Τυναοβων и Γυναοβων. Ничего близкого к таким формам нет ни в ольвийских, ни в танаисских эпиграфических памятниках, которые содержат основной фонд известных варварских антропонимов Сарматии. Что касается весьма распространенного патронимика Δίων, то в Ольвии он, видимо, встречен впервые.

2. Вторая надпись[13] найдена весной 1980 г. при вспашке приусадебного участка В.И. Притулы, жителя с. Бехтеры Голопристанского района Херсонской области. Как и в предыдущем случае, текст высечен на отесанной и отполированной поверхности архитектурной детали — обломка колонны из крупнозернистого белого мрамора с серовато-голубыми прожилками. Высота сохранившейся части 0,61 м, первоначальный диаметр колонны 0,25 м, ширина образовавшейся при стесывании части каннелюр площадки 0,22 м. Верхней части памятника придана треугольная форма, нижняя часть отбита.

Уцелевшая часть надписи расположена по семнадцати строкам, из которых частично повреждена лишь последняя. Высота букв колеблется от 2,2 см (*дельта*), до 1,6 см (*омикрон* в последних строках). Расстояние между строками от 1,2 до 1,6 см. Надпись также написана профессиональным мастером, соблюден перенос по слогам. Буквы близко напоминают несколько упрощенные начертания первой надписи, но перекладинки *эты* и *тэты* лишены вертикальных штрихов на концах; шрифт хорошо известен по многим ольвийским документам (IOSPE. I². 85, 90, 95) и относится к первой половине II в. н.э. (Книпович, с. 11, 27—28). Посвящение читается следующим образом (рис. 2):

Ἀγαθῇ τύχῃ.
Ἀπόλλωνι
Προστάτῃ
οἱ περὶ Ἐπι-
κράτην Μαι-
ακου στρατηγοί·
Ἄλκιμος
Παπίου, Νου-
μήνιος Ῥα-
δαμψωντος,
Σαραξαζος
Ποσειδή-
ου, Λαβαζος
Ταορδουνου,
Φάρνακος
Ζήθου ἀνέ-
[θηκαν κτλ.]

Перевод: «В добрый час. Аполлону Простату стратеги во главе с Эпикратом Маиаковым: Алким Папиев, Нумений Радампсонтов, Сараксаз Посидеев, Лабаз Таордунов, Фарнак Зетов посвя[тили и т.д.]».

Конец надписи отбит, и это не только не позволяет определить, что именно

[13]Хранится в Херсонском областном историческом музее, инв. № ХКМ—а—8602.

было посвящено коллегией стратегов их небесному заступнику, но и уточнить формулу документа: вслед за перечислением посвящаемых объектов и разъяснительного замечания о том, за что именно оно совершено (IOSPE. I². 80, 82—86, 91, 93, 99—101, 105, 106, 113; НО. 79, 83), иногда следует запись, отмечающая заслуги гипereта, запись о строительных работах или упоминание о награждении стратегов советом и народом (IOSPE. I². 89, 98, 175; НО. 80, 81).

Во главе стратегов публикуемого посвящения стоит Эпикрат Маиаков, лицо ранее неизвестное; впрочем, и греческое имя Ἐπικράτης, и иранское Μαιακος (Zgusta. § 139) известны в ольвийской эпиграфике — первое неоднократно засвидетельствовано надписями эллинистического (IOSPE. I². 190, 191, 201, 1:25) и римского времени (IOSPE. I². 93, 134, 149, 153), второе встречено лишь однажды во II в. н.э. (IOSPE. I². 132).

Равным образом и второй стратег, Алким Папиев, не встречался в списках ольвийских магистратов. Вместе с тем оба греческих имени — Ἄλκιμος и Παπίας — засвидетельствованы надписями первых веков н.э.[14]

Третий стратег носит имя «Нумений», принадлежащее к числу греческих антропонимов, засвидетельствованных ольвийской эпиграфикой эллинистического (IOSPE. I². 201, II, 24; НО. 24) и римского времени (IOSPE. I². 137, 147). Антропоним «Радампсонт», иранский по происхождению (Zgusta. § 190, 191), несколько раз встречается в ольвийских надписях (IOSPE. I². 80, 175, 228), иногда с искажениями (IOSPE. I². 93, 103, 105). Известен в этих документах и стратег Нумений Радампсонтов (IOSPE. I². 80. 175); можно предполагать, что новая надпись Херсонского музея — третье посвящение с его именем.

Следующий по списку стратег носит иранское имя «Сараксаз» (Zgusta. § 200) и греческое отчество, причем имя его отца — «Посидей» — принадлежит к числу широко распространенных в Ольвии антропонимов; в эллинистическое время оно воспроизводилось в форме Ποσίδεος (IOSPE. I². 35, 77, 78, 168, 189, 200), в первых веках н.э. — Ποσίδηος (IOSPE. I². 111, 113, 183) или Ποσείδηος (IOSPE. I². 95, 96, 102; НО. 86). Сараксаз Посидеев известен как глава коллегии стратегов (IOSPE. I². 102); публикуемое посвящение относится, надо полагать, к раннему этапу его служебной карьеры.

Имя пятого стратега является полной неожиданностью для ольвийской антропонимии: его звали Λαβαζος, его отца — Ταορδουνος, оба имени встречаются впервые. Первое напоминает известное в римской Ольвии (IOSPE. I². 137, 138) и в Танаисе (КБН. 1279) иранское имя Ναβαζος (Zgusta, § 152), но предполагать в новонайденной надписи ошибку резчика нет никаких оснований; второе имя вообще не имеет аналогий.

Замыкающий список стратегов Фарнак Зетов идентичен, по всей видимости, стратегу Фарнагу Зетову из другого посвящения, где он занимает предпоследнее место в списке (НО. 79). Его имя всегда фигурирует в Ольвии с суффиксом -αγ- (IOSPE. I², 96, 107; (НО. 79). или -ηγ- (IOSPE. I². 144) и соответствует иранскому антропониму Φαρνάκης литературных источников (Zgusta, § 236). Ζῆθος — распространенное в Северном Причерноморье греческое имя (IOSPE. I². 105, 129; НО. 79 — Ольвия; IOSPE. I². 347, 359, 386, 389, 392, 394, 412, 691; НЭПХ. II. 112 — Херсонес; КБН. 1280, 1281, 1287 — Танаис).

3. Третья надпись публикуется по фотографиям, предоставленным в наше распоряжение ее нынешним владельцем. Она случайно обнаружена весной 1985 г. у обрыва к Березанскому лиману, в окрестностях с. Осетровка (б. Кабурга) Очаковского р-на Николаевской обл. Сохранилась примерно половина мраморной плиты с частью рельефа, изображающего две задрапированные фигуры, приближающиеся к стоящему перед ними большому кратерообразному сосуду, за которым видна фигура обнаженного мальчика или, скорее, культовой статуи

[14]Алким — один раз (IOSPE. I². 131); Папий — многократно (IOSPE. I². 86, 96, 98, 147, 151, 175; НО. 83).

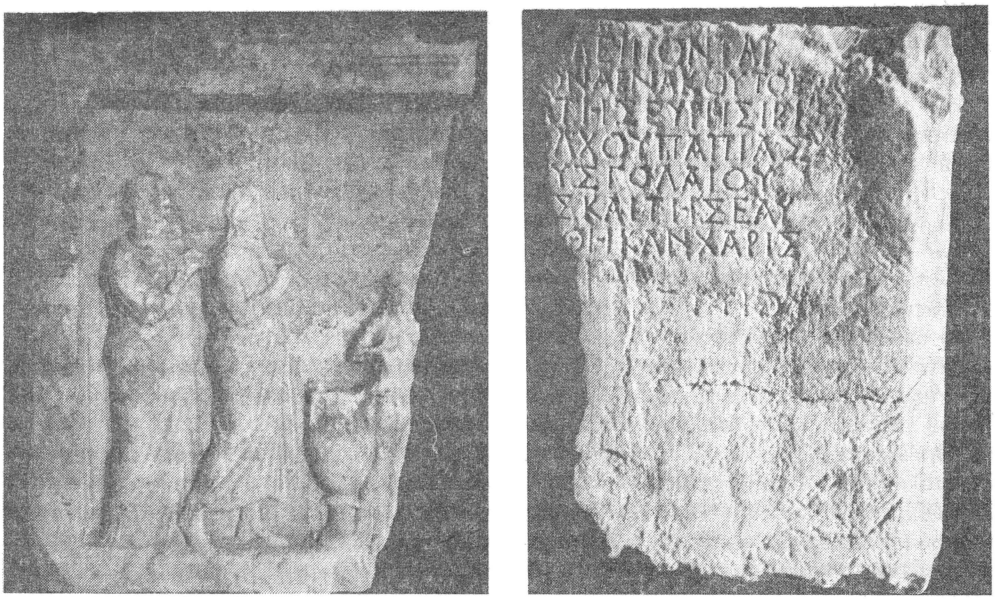

Рис. 3. *1—2* — рельеф и посвятительная надпись из с. Осетровка

(рис. 3, *1*). Высота плиты 50 см, ширина сверху 40, снизу около 32 см, толщина 15 см.

При вторичном использовании плиты на ее оборотной стороне была помещена многострочная греческая надпись (рис. 3, *2*). Высота букв колеблется от 2,2 до 2,4 см, расстояние между строками 0,7—0,8 см. Письмо надписи отличается теми же признаками, что и письмо предыдущего документа, и позволяет относить ее к тому же времени — примерно ко второй четверти II в. н.э. Текст, за исключением утраченных собственных имен и сильно поврежденных двух (?) последних строк, читается следующим образом:

[Ἀγαθῇ τύχῃ. Ἀχι]λλεῖ Ποντάρ-
[χῃ οἱ περὶ.....]ον Αβνακου τὸ β΄
[ἄρχοντες ....]άτης, Εὐρησιβί-
[ου.....Κ]όλχου, Παπίας
5. [.....]υς Γολαιου
[ὑπὲρ τῆς πόλεω]ς καὶ τῆς ἑαυ-
[τῶν ὑγείας ἀνέ]θηκαν χαρισ-
[τήριον.....]ΤΑΡΥ
---------- ΓΕΙΟΥ

Буквы 8—9-й строк могли бы относиться, судя по аналогичным посвящениям ольвийских архонтов, либо к агонистической приписке типа ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀρχοντεύων ἐνείκα παιδήματι κτλ. (IOSPE. I². 130, 156, 157), либо к приписке с упоминанием имени жреца — типа ἱερατεύοντος ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος (IOSPE. I². 134), однако различимые на фотографии буквы не дают возможности уточнить чтение выгладившихся или выглаженных строк.

Основная часть надписи переводится так: «В добрый час. Ахиллу Понтарху архонты во главе с таким-то Абнаковым во второй раз: такой-то Гевресибиев, такой-то Колхов, Папий, сын такого-то, такой-то Голаев за здравие города и свое собственное воздвигли благодарственное приношение».

Восстановление утраченных имен с абсолютной достоверностью вряд ли возможно, но ничто не мешает предполагать, что главой архонтов был Абноз

Абнаков, известный по одному из списков стратегов (IOSPE. I². 175), в таком случае на четвертом месте со значительной вероятностью можно предполагать его коллегу Папия Пападонова. С другой стороны, на втором месте без всякой натяжки дополняется имя Сократа Гевресибиева, известного в качестве главы стратегов (IOSPE. I². 105), а на третьем, учитывая уникальность антропонима Колх в среде ольвиополитов, естественно помещать имя Раодмея Колхова (IOSPE. I². 132). Наконец, последний архонт публикуемой надписи, по-видимому, тот же ольвиополит, имя которого пишется в других случаях Δωτους Γολα (IOSPE. I². 83, 99). Возможность вариантных форм родительного падежа Γολα и Γολαιου хорошо иллюстрируется формами Gen. Φαρζοιου[15], Φαρζηου (IOSPE. I². 94) и Φαρζοα (НО. 77)[16]. При таких дополнениях все архонты новонайденной надписи известны по ранее опубликованным документам.

Выше было отмечено, что публикуемые надписи сходны по характеру письма, причем первое посвящение Ахиллу несколько старше, чем посвящение Аполлону и второе посвящение Ахиллу. Их хронологическая близость подтверждается не только палеографическими, но и просопографическими данными. Возглавляющий коллегию архонтов первого документа Зорсан Никератов изготовил на свой счет копию декрета о посмертном награждении Карзоаза Атталова[17], принятого при архонтах во главе с Омпсалаком Гевресибиевым (IOSPE. I². 39). Этот последний упомянут также в двух посвящениях стратегов, причем среди его коллег в одном назван Атадон Метаков[18], а в другом — Евпл Каландионов и известный нам по новой надписи Херсонского музея Нумений Радампсонтов (IOSPE. I². 175). Все они неоднократно входили в коллегию стратегов[19]. Это дает основание считать названных ольвиополитов и всех их сотоварищей по должности если не представителями одного поколения, то во всяком случае современниками, деятельность которых приходилась приблизительно на первую половину II в. н.э.[20]

Эти сопоставления следует продолжить. В одном из посвящений стратегов Нумений Радампсонтов занимает место между Ахиллом Деметриевым и Никием Понтиковым (IOSPE. I². 80). Первый из них известен только как глава стратегов (IOSPE. I². 86) и архонт (IOSPE. I². 176), причем в одном случае его младшим коллегой был Антестий Самбионов, входивший в коллегию агораномов при первом архонте М. Ульпии Пирре (IOSPE. I². 129), который был и главой коллегии стратегов (IOSPE. I². 93). Что касается Никия, то он был членом коллегии стратегов во главе с Сараксазом Посидеевым (IOSPE. I². 102), который известен по публикуемой надписи Херсонского музея, где его сотоварищем оказался Фарнаг Зетов, бывший также стратегом вместе с Анаксименом Анаксименовым (НО. 79)[21]. Этот Анаксимен был архонтом вместе с Дионисиодором Эротовым и Аргуанагом Каракстовым (IOSPE. I². 132). Первый еще дважды входил в коллегии архонтов, причем в одном случае его сотоварищами были

---

[15]*Зограф А.Н.* Античные монеты. М., 1951 (МИА, № 16). С. 138. Табл. XXXIII, *24—26*.

[16]См.: *Виноградов Ю.Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 52—53.

[17]Оба они упомянуты в строительной надписи IOSPE. I². 169 + 177.

[18]IOSPE. I². 106. В надписи IOSPE. I². 85 среди младших коллег Атадона упомянут некий [.]ιτσαζος Ἰαζαδ[αγου]. Очень вероятно, что этот же ольвиополит назван на последнем месте в другом списке стратегов (IOSPE. I². 111). Если это действительно так (на камне читается лишь ..... ΟΣ ΙΕΖΔΑΓ ..; ср. Zgusta, § 113), то и это посвящение стратегов следует включить в рассматриваемую группу.

[19]IOSPE. I². 85, 100; НО, 82. В одном из этих посвящений (IOSPE. I². 100) коллегию стратегов возглавляет Посидей Сатиров, которого В.В. Латышев считал (IOSPE. I². P. 88, 134) тем ольвийским гражданином, посмертный декрет об увенчании которого (IOSPE. I². 51) указывает на то, что он занимал «все высшие должности» и вел переговоры с правителями местных племен.

[20]Если высказанное выше предположение относительно архонтов Сатира и Каллистрата из новой надписи Николаевского музея может быть признано достаточно вероятным, то к перечисленным здесь документам следовало бы присоединить также посвящения IOSPE. I². 140 и 148.

[21]Упоминаемый в конце этого списка Каскен Касагов известен также как жрец, поставивший посвящение Ахиллу (IOSPE. I². 141).

упомянутый выше Ахилл Деметриев и Зобий Зобиев (IOSPE. I². 176), а в другом (надпись из Бейкуша) — Амоспад Ахиллов, упоминаемый как стратег в одном списке с Зобием (IOSPE. I². 105), и Скартан Азиэев, воздвигший по исполнении жреческих обязанностей посвящение Ахиллу и его матери (IOSPE. I². 142). Совершенно очевидно, что все поименованные ольвиополиты и их коллеги по магистратским коллегиям также должны быть отнесены к числу современников Траяна, Адриана и Антонина Пия.

Упомятутое выше посвящение Скартана Ахиллу и Фетиде (IOSPE. I². 142) датировано архонтатом Сатира Артемидорова, и этот же Сатир возглавлял, будучи архонтом во второй раз, коллегию, в составе которой находился, как отмечено выше, Дионисиодор Эротов, Ахилл Деметриев и Зобий Зобиев[22]. Это, как представляется, укрепляет предположение, что все перечисленные ольвиополиты активно действовали в первой половине II в. н.э., так же как и некоторые другие лица: так, коллегой Дионисиодора по архонтату был Аргуанаг Каракстов (IOSPE. I². 132), занимающий в других надписях второе (IOSPE. I². 686) или первое место среди стратегов[23]. Это вводит в изучаемую нами социальную среду еще таких граждан, как Усигас (или Усиг) Сирахов и Катэй (или Касэй) Парнугов[24], Абраг Хуаразов и Понтик Никиев[25]; последний был также главой коллегии архонтов (IOSPE. I². 128) и почтил, быть может, поставленным в Томах надгробием своего сына Сатира[26]. Если, наконец, восстановление имени Δωτους в надписи из Осетровки верно, к рассматриваемым документам должны быть присоединены еще два посвящения стратегов (IOSPE. I². 83, 99).

Таким образом, просопографические данные позволяют наметить группу примерно из трех десятков ольвийских эпиграфических памятников — два декрета (IOSPE. I². 39, 51), четыре посвящения архонтов Ахиллу Понтарху (IOSPE. I². 132, 176; надписи из Бейкуша, Рыбаковки и Осетровки), посвящение стратегов (IOSPE. I². 686) и три посвящения жрецов тому же божеству (IOSPE. I². 140—142)[27], 18 посвящений стратегов Аполлону (IOSPE. I². 80, 82, 83, 85, 86. 92, 93, 99, 100, 102, 105, 106, 111, 148, 175; НО. 79, 82; новая надпись из Бехтер), три посвящения агораномов Гермесу Агорею (IOSPE. I². 128, 129, 152), надпись о постройке какого-то оборонительного сооружения (IOSPE. I². 169 + 177) и надгробие из Том. Прежде чем станет возможным расширить границы этой группы, следует остановиться на некоторых палеографических особенностях перечисленных документов.

---

[22]IOSPE. I². 176. Независимо от спорного значения термина ἡ προσευχῆ (*Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 270 сл.; *Эрлих Р.Л.* Ольвийская надпись IOSPE. I². 176 // ДАН—В. 1928. С. 124—127) можно утверждать, что предложенная И.И. Толстым реконструкция начальных строк утраченного еще в начале XIX в. памятника (ср. CIG. I. 683) невозможна ввиду размеров устанавливаемой по уцелевшим строкам лакуны и полного отсутствия аналогий среди посвящений римской Ольвии, где неизвестны как культ Бога Высочайшего, так и объединения его почитателей с их должностными лицами. Поэтому вопреки защищавшемуся многими учеными новому чтению (*Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 83—84. Прим. 2; *Lifshitz B.* Donateurs et fondateurs dans les synagoges juives. P., 1967. P. 19—20, № 11), текст документа принимается в традиционной транскрипции (*Латышев В.В.* Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1921. I. С. 22—27).

[23]IOSPE. I². 82. Вполне вероятно, что фигурирующий здесь среди стратегов Адой Матанов упомянут и в сильно поврежденной надписи Одесского музея (IOSPE. I². 152). Документ составлен по формуле, точно соответствующей мотивам агораномов, и читается: [Ἀγαθῇ τύχῃ. Ἐπὶ ἀρχόντων τῶ]ν περὶ[----]ΡΑΜΑ[---Ἀναξι?]μένην[Ἀγορανόμοι· Ἄδοη?]ς Μαθα[νου---Διομ?]έδον[τος?---]ΓΟΥ[---]ΝΟΥ[κτλ.] (ср. IOSPE. I². 128, 129).

[24]Оба известны и по другому аналогичному посвящению (IOSPE. I². 92).

[25]Они входили также в коллегию стратегов, возглавлявшуюся Аморомаром Амортастовым (IOSPE. I². 80). (Понтик Никиев упомянут еще в одной, пока не опубликованной надписи, найденной на Березани в 1989 г. — *Прим. ред.*).

[26]*Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 312. № 4 (доп.) (далее цитируется как надгробие из Том. — *П.К.*).

[27]С найденным в 1989 г. на Березани документом число жреческих посвящений возрастает до четырех. — *Прим. ред.*

Необходимо прежде всего заметить, что по всему характеру письма из выделенной группы несомненно выпадают два памятника: фрагментированный декрет в честь Посидея Сатирова и упомянутое надгробие, воздвигнутое в Томах Понтиком Никиевым (см. ниже). Остальные надписи, при всех различиях между ними, объединяются рядом существенных черт. Здесь отсутствуют лигатуры, знаки разделения, ромбовидные начертания букв *омикрон* и *тэта*, *омега* в виде опрокинутой *мю*, *альфа* с горизонтальной перекладиной или вовсе без перекладины, *фи* с сердцевидным оформлением центральной части; лишь в двух случаях встречается *ипсилон* с поперечной перекладиной (IOSPE. I². 100, 120). Поэтому верхней границей выделенной группы надписей следует признать середину II в. н.э. (Книпович, с. 28—29). Вместе с тем среди рассматриваемых документов различаются два вида письма, выдержанного в традициях монументального шрифта, сложившегося к концу эллинистического времени (Книпович, с. 27—28); в своих крайних выражениях эти направления могли бы быть условно названы декоративным и деловым письмом; их единство доказывается как наличием общих начертаний некоторых букв, так и существованием надписей, выполненных письмом переходного типа. Наиболее ранними памятниками первого вида внутри рассматриваемой группы являются документы, продолжающие линию развития орнаментализированного письма I в. н.э., представленного посвящением Абаба (IOSPE. I². 181) и несколькими другими памятниками (IOSPE. I². 84, 183). К их числу принадлежат строительная надпись, датированная архонтатом Зорсана Никератова (IOSPE. I². 169 + 177), характерный шрифт которой находит полное соответствие в некоторых посвящениях архонтов (IOSPE. I². 131), стратегов (IOSPE. I². 99) и жрецов (IOSPE. I². 139)[28], относящихся к концу I в. н.э. Несколько смягчена декоративность этого торжественного письма уже в декрете в честь Карзоаза Атталова (IOSPE. I². 39), хотя В.В. Латышев полагал, что он высечен той же рукой, что и упомянутая строительная надпись (IOSPE. I². P. 183). Новое посвящение Николаевского музея и примыкающие к нему документы (IOSPE. I². 105, 141; посвящение из Бейкуша) запечатлели начальные этапы отмирания тех апицированных, несколько манерных начертаний, которые господствовали в письме ранней римской Ольвии (Книпович, с. 8, 11, 26—27, табл. X, *1*). Посвящение Херсонского музея и надпись из Осетровки с близкими к ним документами (IOSPE. I². 85, 129, 175; НО, 82) отражают дальнейший ход этого процесса, приводящий к несколько геометризованному, лишенному орнаментальных деталей деловому письму (IOSPE. I². 80, 86, 140, 148; НО. 79). Что касается упомянутого выше декрета в честь Посидея Сатирова, то отличие его шрифта от письма всех рассмотренных выше надписей бросается в глаза. Буквы *эта* и *омикрон* всегда имеют в декрете ромбовидные очертания, угловатая *омега* напоминает опрокинутую *мю*, широко используются различные лигатуры (IOSPE. I². 51), — другими словами, декрет датируется концом II, скорее даже первыми десятилетиями III в. н.э. (Книпович, табл. IV—VIII, табл. X, *5*). В таком случае, соглашаясь с предположением В.В. Латышева об отождествлении посмертно увенчанного согражданами Посидея с одноименным главой коллегии стратегов, посвятивших Аполлону серебряную Нику (IOSPE. I². 100)[29], пришлось бы считать этого ольвиополита скончавшимся в весьма преклонном возрасте. Хотя в посвящении стратегов применяется перечеркнутый горизонтальным штрихом *ипсилон*, по всем остальным палеографическим признакам оно не может быть оторвано от ольвийских документов середины II в. н.э. (Книпович, табл. X, *3*).

В.В. Латышев предполагал также, что стратег и архонт Понтик Никиев

---

[28] *Dzikowski N.* The Olbian inscription CIG 2080 rediscovered // JHS. 1939. V. 59. P. 85—86. Fig. 1—2. В.В. Латышев издал надпись по неточной копии.

[29] Ср. IOSPE. I². P. 88, 134; *Латышев.* Исследования... С. 165.

(IOSPE. I². 82, 128)[30] являлся тем же ольвиополитом, который поставил в Томах надгробный памятник своему сыну Сатиру; что известный по другим посвящениям стратегов Никий Понтиков (IOSPE. I². 80, 102) был его отцом или сыном (IOSPE. I². P. 115, 116, 135, 151). Сравнение всей этой группы надписей позволяет предполагать, что архонт Понтик, поставивший на склоне лет томитанское надгробие, был сыном стратега Никия: посвящение агораномов, датированное именем Понтика Никиева (IOSPE. I². 128), имеет украшения в виде листиков, в пяти случаях из одиннадцати буква *ипсилон* в нем перечеркнута, тогда как шрифт остальных документов рассматриваемой группы (IOSPE. I². 80, 82, 102) характеризуется признаками, присущими раннему деловому письму.

В рассмотренных документах содержатся имена более чем ста ольвийских граждан, современников Домициана и первых Антонинов. Сравнение этих антропонимов позволяет в некоторых случаях наметить родственные связи между их носителями. Так, учитывая уникальность иранских имен Маиак и Хуарсаз (Zgusta, § 139, 257), можно без большого риска видеть в стратеге Эпикрате из публикуемой надписи брата архонта Гикесия (IOSPE. I². 132); братьями были, по-видимому, также стратеги Абраг и Танасий Хуарсазовы (IOSPE. I². 82, 92, 686), а их коллег Стефана и Евпла Каландионовых (IOSPE. I². 83, 100, 175; НО, 82) братьями считал и В.В. Латышев (IOSPE. I². P. 117), узнававший в Гераклиде Тумбаговом (IOSPE. I². 85) и Тумбаге Гераклидовом (IOSPE. I². 100) отца и сына (IOSPE. I². P. 119, 134). Аналогичное предположение напрашивается и для пары Деметрий Менестратов (IOSPE. I². 686) — Менестрат Деметриев (IOSPE. I². 100). Равным образом и носитель редкого имени (Zgusta, § 740) стратег Самбион Гангаев может быть признан отцом агоранома и стратега Антестия (IOSPE. I². 86, 129).

Продолжая подобные сопоставления, можно несколько расширить круг эпиграфических памятников занимающего нас времени. Так, в Деметрии Ахилловом (IOSPE. I². 130) и Ахилле Деметриевом (IOSPE. I². 80, 86, 176) следует вместе с В.В. Латышевым узнавать отца и сына (IOSPE. I². P. 116, 158, 163, 522). Не приходится отрицать и вероятности родства между Аргуанагом Каракстовым (IOSPE. I². 82, 132, 686) и Каракстом Аргуанаговым (IOSPE. I². 138). В таком случае к ранее выделенным надписям следует присоединить еще два посвящения Ахиллу (IOSPE. I². 130, 138), а в этом случае трудно воздержаться от предположения, что упоминаемый в последней из перечисленных надписей Набаз Дотусов (IOSPE. I². 138) был сыном Дотуса, названного в надписи из Осетровки (ср. IOSPE. I². 83, 99). Весьма вероятно также, что чередование происходящих от общей основы имен и палеографические признаки дают основание предполагать родство между архонтом Пападоном Алкимовым (IOSPE. I². 131), стратегом Алкимом Пападоновым из нового Николаевского посвящения и Папием Пападоновым, известным в качестве стратега (IOSPE. I². 175) и архонта, если его патронимик правильно дополнен в надписи из Осетровки. Точно так же архонт Писистрат Дадагов из посвящения жреца Ахиллу может быть признан отцом архонта Дада из Бейкушской надписи. Это пополняет круг рассматриваемых документов еще двумя (IOSPE. I². 131, 139). Заметим, наконец, что почти несомненное восстановление патронимика стратега Посидея и сопоставление его с именем стратега Сороза Посидеева вводит в круг исследуемых памятников посвящение с именем этого последнего (IOSPE. I². 95).

Новые звенья в цепи надписей конца I — середины II в. н.э. позволяет реконструировать проверка намеченных В.В. Латышевым родословий некоторых знатных ольвийских семей. Речь идет в одном случае о группе граждан с именами Абнаг (Абнак, Амнаг), Абноз (Амноз), Ратагос, а в другом — о потом-

[30]Неопубликованное посвящение с Березани датировано вторым архонтатом Понтика Никиева. — *Прим. ред.*

ках некоего Зета. Принимая для последних предложенную Латышевым генеалогическую стемму, следует не только считать братьями стратегов Фарнага (НО, 79; надпись из Бехтер), Ахилла (IOSPE. I². 105) и агоранома Посидея (IOSPE. I². 129), но и указать на двоюродных братьев среди представителей следующего поколения — таковы стратег Ахилл Посидеев и жрец Фарнег Ахиллов[31]. Это позволило бы дополнить группу изучаемых надписей еще одним посвящением (IOSPE. I². 144). Из генеалогических схем, составленных В.В. Латышевым для первой группы, наиболее вероятна третья[32], согласно которой стратеги Абноз (IOSPE. I². 175) и Ратагос (IOSPE. I². 101) были братьями[33], а магистрат Абноз (IOSPE. I². 91; НО, 88) и жрец Амнаг (IOSPE. I². 162) — сыновьями Ратагоса; это пополняет изучаемую группу надписей еще четырьмя (IOSPE. I². 91, 101, 162; НО. 88)

Таким образом, к ранее выделенным по просопографическим данным надписям следует присоединить еще три посвящения архонтов Ахиллу Понтарху (IOSPE. I². 130, 131; НО. 88). посвящение стратегов (IOSPE. I². 138) и два посвящения жрецов тому же божеству (IOSPE. I². 139, 144), три посвящения стратегов Аполлону Простату (IOSPE. I². 91, 95, 101) и посвящение частного лица Зевсу (IOSPE. I². 162). В этих надписях содержится еще около 50 имен ольвиополитов, сопоставление которых не лишено значения. Здесь, как и в предшествующей группе эпиграфических документов, встречаются граждане, занимавшие в разное время должности стратегов и архонтов, — таковы Дад Дадов (IOSPE. I². 91; НО. 88) и упоминавшийся выше Абноз (или Амноз) Ратагосов (IOSPE. I². 91; НО. 88). В свою очередь Ургбаз Умбеворов (IOSPE. I². 95) и Умбевар Ургбазов (IOSPE. I². 101) были, как это предполагал В.В. Латышев, представителями двух поколений одной семьи (IOSPE. I². P. 128, 135)[34]. Нельзя не согласиться с последним и в том, что стратег Гевресибий Аморомаров (IOSPE. I². 101) приходился отцом Аморомару из более поздней посвятительной надписи (IOSPE. I². 155, p. 135, 174). Равным образом не подлежит сомнению родство между архонтами Анаксименом Гевресибиевым (IOSPE. I². 131) и Гевресибием Анаксименовым (НО. 90), но две последние надписи настолько близки по письму, что определить последовательность поколений палеографическими методами весьма затруднительно. Несомненно, однако, что круг документов рассматриваемой группы следует расширить еще за счет двух посвящений (IOSPE. I². 155; НО. 90)[35].

Обращаясь к характерным особенностям письма этих надписей, необходимо отметить наличие среди них образцов обеих выделенных ранее групп: декоративное, апицированное письмо, близкое к письму Рыбаковской надписи, представлено такими образцами, как IOSPE. I². 131, 139; НО. 90, тогда как письмо Бехтеровской находит хорошие аналогии в шрифте посвящений IOSPE. I².

---

[31] *Латышев.* Исследования... С. 164. Вполне вероятно, что их двоюродным братом был Казина Фарнагов (IOSPE. I². 96). (По-видимому, он же, исполняя в четвертый раз обязанности жреца, посвятил благодарственное приношение Ахиллу Понтарху во второй архонтат Понтика Никиева: неопубликованная березанская надпись. — *Прим. ред.*).

[32] Там же.

[33] Третьим братом мог быть архонт Пуртэй из Рыбаковской надписи.

[34] Были ли братьями сыновья Касага (IOSPE. I². 82, 85, 141; НО. 79) и можно ли признать их отцом стратега Касака Карзиева (IOSPE. I². 99), не имеет значения, поскольку указанные надписи и без того входят в одну группу (*Латышев В.В.* Эпиграфическое новости из Южной России // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 107). Равным образом было бы слишком рискованным устанавливать родственные связи между сыновьями Абрага (IOSPE. I². 91), Ахилла (IOSPE. I². 99, 130, 138, 144) или Пуртэя (IOSPE. I². 99, 130).

[35] Вполне вероятно, что архонт Сократ Сократов (НО. 88) идентичен ольвиополиту, позаботившемуся изготовить список декрета в честь своего заслуженного брата (IOSPE. I². 38). Совершенно верно отмечено, что эпитет *филопатрис* был присущ не только титулатуре боспорского царя Митридата III, но нередко прилагался составителями декретов римского времени к чествуемым лицам (*Сапрыкин С.Ю.* Ольвия и Боспор в I в. н.э. // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара, Парутино, 1985 г. Б.м., 1985. С. 72).

95, 101. С другой стороны, посвящение из Софиевки (НО. 88) и некоторые другие документы (IOSPE. I². 144, 162) представляют уже образцы сравнительно позднего делового письма (прямоугольная *сигма*, перечеркнутый *ипсилон*, поздние формы *омеги*, появление единичных лигатур). В целом рассматриваемые документы охватывают время деятельности примерно трех поколений — от середины 80-х годов I в. н.э. до конца 50-х годов II в. н.э.[36]

Здесь уместно добавить, что ряд посвятительных надписей римской Ольвии должен быть отнесен к указанному времени на основании чисто палеографических и общеисторических соображений. К числу документов, исполненных декоративным письмом, относятся посвящения IOSPE. I². 84 и 112; черты этого характерного шрифта уже значительно смягчены в посвящениях IOSPE. I². 96, 109, 118, 153 и надгробии Залсии (IOSPE. I². 200). Образцами раннего делового письма могут служить IOSPE. I². 156, 206, 227; НО. 85, тогда как посвящение IOSPE. I². 137 принадлежит к самым поздним в этом ряду.

Выделив среди ольвийских эпиграфических документов значительную группу посвящений, охватывающих период от Домициана до Антонина Пия, можно составить список ольвиополитов, активно действовавших в это время[37]. Изучение этого списка показывает, что многократно повторенное В.В. Латышевым утверждение, будто члены ольвийских магистратских коллегий «размещались в списках не как попало, а по старшинству, т.е. лица, избиравшиеся неоднократно в одну и ту же должность, с каждым разом становились все выше и выше по списку»[38], не может рассматриваться как непререкаемый закон. Если бы это действительно было так, сравнение ступеней служебной карьеры тех граждан Ольвии, которые по нескольку раз упоминаются как члены одних и тех же коллегий, должно бы было привести к установлению прочной относительной хронологии многих эпиграфических памятников. Этому препятствуют, однако, некоторые факты и соображения. С одной стороны, известны случаи, когда одни и те же лица дважды и трижды занимают одну и ту же позицию внутри соответствующей коллегии. Так, из числа уже названных выше ольвиополитов имя Нумения Радампсонтова стоит на третьем месте среди стратегов как в публикуемом посвящении из Бехтер, так и в ранее известном посвящении из Аджигольского городка (IOSPE. I². 80). Усигас Сирахов и Катэй Парнугов занимают четвертое и шестое места в двух разных коллегиях стратегов (IOSPE. I². 92 и 686). Наконец, Дионисиодор Эротов являлся предпоследним в списках коллегий, возглавляемых соответственно Дадом Писистратовым (посвящение из Бейкуша), Сатиром Артемидоровым (IOSPE. I². 176) и Гикесием Маиаковым (IOSPE. I². 132). С другой стороны, принимая строгое соблюдение последовательности прохождения всех ступеней служебной карьеры, мы приходим в противоречие как с палеографией многих документов, так и с теми просопографическими наблюдениями, которые относятся к разным персонажам. Например, исходя из продвижения Евпла Каландионова внутри коллегии стратегов, следовало бы принять, что посвящение IOSPE. I². 175 древнее посвящения IOSPE. I². 100 (Евпл перешел с последнего на предпоследнее место по списку) и тем более посвящения НО, 82 (здесь он глава

[36]Монеты известных по надписям архонтов Сатира Артемидорова (IOSPE. I². 142, 176) и Гикесия Маиакова (IOSPE. I². 132) датируются третьей четвертью II в. н.э. (*Карышковский П.О.* Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 27. Рис. 1, *3—8*), примерно 161—165 гг. н.э. (там же, с. 34), но ничто, в сущности, не мешает относить их к 50-м годам. Эмиссии обоих названных архонтов были очень слабыми (учтено всего около двух десятков монет с их именами) и поэтому имевшая место после 156 г. н.э. (*Зограф А.Н.* Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1946. Т. I. С. 219. Табл. 47, *5*) повторная надчеканка сестерциев Адоя Дельфова знаком В и более ранних дупондиев знаком А (*Карышковский.* Ук. соч. С. 25—26; *он же.* Из истории монетного дела Ольвии в I—II вв. н.э. // НЭ. 1971. Т. 9. С. 56—57, 61) имела экономический смысл и после выпуска ассариев Сатира и Гикесия.

[37]См. Приложение.

[38]*Латышев.* Исследования... С. 256—257.

коллегии). Такой последовательности документов противоречит, однако, карьера Омпсалака Гевресибиева: он занимает второе место среди стратегов (IOSPE. I². 106), потом возглавляет их (IOSPE. I². 175) и выступает, наконец, в качестве архонта-эпонима в декрете в честь Карзоаза Атталова (IOSPE. I². 39). Атадон Метаков, который стоял в первом случае на последнем месте в списке стратегов (IOSPE. I². 106), стал впоследствии главой этой коллегии (IOSPE. I². 85). Исходя из традиционного представления о последовательном продвижении ольвийских магистратов по служебной лестнице, пришлось бы заключить, что IOSPE. I². 106 старше всех перечисленных документов, затем следуют IOSPE. I². 100, 175 и 85, а самыми поздними являются НО. 82 и IOSPE. I². 39. Палеография надписей не допускает такой последовательности: декрет в честь Карзоаза (IOSPE. I². 39) выполнен, как отмечено выше, апицированным декоративным шрифтом, а в посвящении стратегов во главе с Посидеем Сатировым (IOSPE. I². 100) мы находим перечеркнутый *ипсилон*, уменьшенный *омикрон* и т.п. Не меньшие трудности создает и стратег Дотус: в одном посвящении он назван в конце (IOSPE. I². 83), а в другом — в начале списка своих сотоварищей (IOSPE. I². 99). Между тем первое выполнено шрифтом, уже лишенным той несколько манерной декоративности, которая присуща второму.

Количество таких примеров можно увеличить, но и сказанное дает основание для некоторых заключений. По-видимому, предположение о том, что члены ольвийских коллегий всегда продвигались, поднимаясь со ступени на ступень, не является верным для всех случаев. Неизвестно, кроме того, определял ли вообще в Ольвии закон или освященный давностью обычай строгую последовательность замещения магистратских должностей, т.е. требовалось ли, например, перед избранием в коллегию архонтов исполнять хотя бы один раз обязанности

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список ольвиополитов, упоминаемых в надписях I—II веков н.э.*

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ἀβλώνακος Ἀρσηουάχου	στρατηγός (4)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE. I². 175
Ἄβνωζος Ἀβνάκου	στρατηγός (3)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE. I². 175
[Ἀβχ]ωζ?]ος Ἀβνάκου	πρῶτος ἄρχων	Посв.Ахиллу Понтарху	№ 3
Ἄβνωζος Ῥαθαγώσου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 91
[Ἄ]βραγος Σα[μβο]ῦτος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 80
Ἄβραγος Χουαρσάζου	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 686
Ἄβραγος Χουαρσάζου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 82
Ἄβρόαγος Σουσούλωνος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	НО. 79
Ἄβρόαγος Σουσούλωνος	στρατηγός (4)	Посв.	IOSPE. I². 116
[Ἀγα]θοκλῆς Στράτωνο[ς]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 96
[Ἀδόη?]ς Μαθά[νου?]	ἀγορανόμος? (2)	Посв.?	IOSPE. I². 152

* В соответствии с авторским оригиналом сохраняем диакритику в греческих именах (*Прим. ред.*).

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ἀ[δ]όης Μαθάνου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 82
Ἀζίαγος Οὐαχωζά[κ]ου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 86
Πόπλιος Αἴλιος Ἀργαμηνός	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 96
Πόπλιος Αἴλιος Ἀχιλλεύς	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 138
Ἀλέξαν[δρος] Ποσιδήου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 111
Ἄλκιμος Παπίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Ἄμναγος Ῥα[θαγώσου]	ἱερεύς?	Посв. Зевсу Спасителю	IOSPE. I². 162
Ἄμνωζος Ῥαθαγώσου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО. 88
Ἀμω[ρό]μα[ρ]ος Ἀμω[ρ]θάστου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 80
Ἀ[μωρ]όμαρος Εὐρησ[ιβί]ου	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 130
[Ἀμωρ]όμαρος [Εὐρησιβί]ου	ἄρχων (?) (в конце списка)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 155
Ἀμώσπαδος Ἀχιλλέος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 105
Ἀμώσσπαδος Ἀχιλλέος	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Ἀναξιμένης Ἀναξιμένους	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 132
Ἀναξιμένης Ἀναξιμένους	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	НО. 79
Ἀναξιμένης Εὐρησιβίου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 131
Ἀναξι[μέ]νης Σωκράτ[ους]	πρῶτος ἄρχων τὸ δ΄	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 130
Ἀνθέστιος Σαμβίωνος	ἀγορανόμος (4)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 129
Ἀνθέστιος Σαμβίωνος	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 86
Ἀργουάναγος [Κ]αράστου	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 686
Ἀργουάναγος Καράξτου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 82
Ἀργουάναγος Καράξτου	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 132
[Ἀ]ρείβαλις Ῥαπακέους	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 80
Ἀρθάμ[μα]νος Πινμάζου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 82

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ἀριαράθης Διονυσίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 95
[Ἀρισ]τό-[ν]εικος Ἀρτέ[μωνος?]	—	Посв. Зевсу Спасителю	IOSPE. I². 162
Ἀρίστων Οὐαργαδάκου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 93
Ἀρσηούαχος Εὐρησιβίου	στρατηγός (πρῶτος) τὸ β′	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 83
Ἀρσηούαχος Κασάγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 82
Ἀτάδων Μητάκου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 106
Ἀτάδω[ν Μητ]άκου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 85
[Ἀτ]ώτας ([Ἀγρ]ώτας?) Στεφάνου	ἱερεὺς τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	JHS. 1939. LIX (IOSPE. I². 139)
Ἀχιλ[λεὺς] Δημητρίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 80
Ἀχιλλεὺς [Δη]μητρίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 86
Ἀχιλλεὺς Δημητ[ρίου]	ἄρχων (3)	Строительная надпись	IOSPE. I². 176
Ἀχιλλεὺς Ζήθου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 105
Ἀχιλλεὺς Ποσειδήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 102
Βάταγος Ἀδώλου	ἀγορανόμος (3)	Посв. Ахиллу Герою	НО. 90
Βαδάκης Ῥαδανψῶντος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 93
Βώρνων Ῥαδαμψῶ(ν)τος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 105
[Γ]άϊος Κασάγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 85
Γερμανὸς Δάδου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 105
Δάδος Δάδου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 91
Δάδος Δάδου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	НО. 88
Δάδος Πεισιστράτου	πρῶτος ἄρχων τὸ γ′	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Δημήτρ[ιος] Ἀχιλλέος	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 130
Δημήτριος Μενεστράτου	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 686
Δημήτριος Ξησσαγάρου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 93
Δη[μήτριος?	ἄρχων (3)	Строительная надпись	IOSPE. I². 169 + 177

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
τοῦ δεῖνος]			
Διογένης Μακεδόνος	ἀγορανόμος (πρῶτος)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 128
Διονυσιόδωρος Ἑρ[ωτος]	ἄρχων(4)	Строительная надпись	IOSPE. I². 176
Διονυσιόδωρος Ἔρωτος	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 132
Διονυσιόδωρος Ἔρωτος	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Διονύσιος Ἀλεξάνδρου	ἀγορανόμος (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Герою	НО. 90
Διονυσόδωρος Βουδει	ἀγορανόμος (5)	Посв. Ахиллу Герою	НО. 90
Δυρπάναις Ὠφελίωνος	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 106
Δωτοῦς Γόλα	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 83
Δωτοῦς Γόλα	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 99
[Δωτο?]ῦς Γολαίου	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Ἐπικράτης Κοξούρου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 93
Ἐπικράτης Μαιάκου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Ἑρμό[δωρος? τοῦ δεῖνος]	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 102
Ἔρως Εὐρησιβίου	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 138
Εὔπλους Κ[α]λανδίωνος	στρατηγός (5)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE. I². 175
Εὔπλους Καλανδίωνος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 100
Εὔπλους Καλανδίωνος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	НО. 82
Εὐρ[ησίβ]ιος Ἀδόου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 130
Εὐρησίβιος Ἀμωρομάρου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 101
Εὐρησίβιος Ἀναξιμένους	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Герою	НО. 90
Εὐρησίβιος Στράτωνος	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 134
Εὐρησίβιος Στράτωνος	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 131
Ζώβεις Ζώβει	ἄρχων (5)	Строительная надпись	IOSPE. I². 176
Ζώβεις Ζώβειτος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 105
Ζώϊλος Ἀρσάκου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 93

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ζώρσανος Νεικηράτου	ἄρχων (?)	Декрет в честь Карзоаза Атталова	IOSPE. I². 39
Ζώρσανος Νεικηράτου	πρῶτος ἄρχων	Строительная надпись	IOSPE. I². 169 + 177
Ζώρσανος Νεικηράτου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Ἡλίτας Ἡλίου	ἀγορανόμος (5)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 128
Ἡρα[κλ]είδης Κρατείνου	ἱερεὺς τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 155
[Ἡ]ρακλείδης Του[μβάγου]	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 85
Θεόφιλος Θεοφίλου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 86
Ἱεροσῶν Ἐπικράτους	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 134
Ἱκέσιος Μαιάκου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 132
Ἰναρμαζος Κουκοδώνος	ἀγορανόμος (2)	Посв. Ахиллу Герою	НО. 90
Καζίνας Φαρνάγου	ἱερεὺς τὸ δ′	Посв. Ахиллу Понтарху	Не опубликована (Березань, 1989)
Καζίνας Φαρνάγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 96
Κάθαις Παρνούγου	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 686
Καινάξαρθος Ἀργουανάγου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 91
Καλλίστρατος Ἡρακλείδου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Καλλίστρατος Ἡρακλείδου	ἱερεύς	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 140
Κάραξτος Ἀργουανάγου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 138
Κάραστος Σαράτου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 92
Κάρζεις Βωροψάζου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 101
Καρζόαζος Ἀττάλου	ἄρχων (2)	Строительная надпись	IOSPE. I². 169 + 177
Καρζόαζος Ἀττάλου	—	Декрет в честь Карзоаза Атталова	IOSPE. I². 39
Κάσαις Παρνού[γου]	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 92
Κάσακος Κάρζει	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 99
Κάσκηνος Κασάγου	ἱερεύς	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 141
Κάσκηνος Κασάγου	στρατηγός (6)	Посв.	IOSPE. I². 116
Κάσκηνος Κασάγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	НО. 79

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Κιλίκας Μυρότου	ἀγορανόμος (2)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 128
Κούκαις Ἀρσαλίωνος	στρατηγός (2)	Посв.?	IOSPE. I². 148
Κουκούναγος Ῥηχουνάγου	ἀγορανόμος(5)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 129
Κουνοῦς Ἀθηναίου	ἀγορανόμος(2)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 129
Κουνοῦς Στεφάνου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 95
Λάβαζος Ταορδούνου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Λεωνίδης Ἀχιλλέος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 138
Μάθανος Ἀβράγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 100
Μαίφαρνος Θεοτείμου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв.?	IOSPE. I². 148
Μανίαγος Ποσειδήου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 96
Μάρκος Ἀχιλλέος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 99
Μενέστρατος Δημητρίου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 100
Μήταγος Πουρθάκητος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 101
Μουκούναγος Ἀλεξάνδρου	ἀγορανόμος (3)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 129
Μουκουνάκυρος (?)	ἱερεὺς τό β′	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 134
Μούρδαγος Καφανάγου	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 138
Νάβαζος Δωτοῦ	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 138
Νάμγηνος Νεικοδρόμου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 92
Νεικήρατος Νεικηράτου νεώτερος	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 134
Νεικίας Ποντικοῦ	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 80
Νεικίας Ποντικοῦ	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 102
Νουμήνιος Ῥαδαμψῶντος	στρατηγός (6)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE. I². 175
Νουμήνιος Ῥαδαμψῶντος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 80
Νουμήνιος Ῥαδαμψῶντος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Ξάρταμος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 83

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Καρζουάζου ὁ καὶ Ἴλβιος			
Ὀμψάλακος Εὐρησιβίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 106
Ὀμψάλακος Εὐρησιβίου	στρατηγός (πρῶτος)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE. I². 175
Ὀμψάλακος Εὐρησιβίου	πρῶτος ἄρχων	Декрет в честь Карзоаза Атталова	IOSPE. I². 39
Ὀρόντης Ὀρόντου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 92
Οὐάρζ]βαλος Ἀβράγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 91
Μάρκος Οὔλπιος Πύρρος Ἀρσηουάχου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 93
Μάρκος Οὔλπιος Πύρρος Ἀρσηουάχου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 129
Οὐμβηούαρος Οὐργβάζου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 101
Οὔργβαζος Οὐμβηούόρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 95
Οὐσίγασος Σιράχου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 92
Οὔσιγος Σιράχου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE. I². 686
[Π] άνερως Ἔρωτο[ς]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 85
Παπάδων Ἀλκίμου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 131
Παπίας Ἀχιλλέος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 86
Παπί[ας Οὐμβη]ουάρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 96
Παπίας Παπάδονος	στρατηγός (2)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE. I². 175
Παπίας [Παπάδονος?]	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Πεισίστρατος Δαδάγου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	JHS. 1939. LIX (IOSPE. I². 139)
Πέλδιος Ὑπάνεος	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 134
Πήγασος Πουρθαίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 99
Πήρακος Ἔρωτος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 99
Πίστους Ἀντω(ν)ίο(υ)	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 131
[Π?]ίτσαζος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 85

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ἰαζαδ[άγου]			
[Πίτσαζ?]ος Ἰεζδάγ[ου]	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 111
Πολύδωρος Γάδει	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО. 88
Ποντικὸς Νεικίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 82
Ποντικὸς Νεικίου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 128
Ποντικὸς Νεικίου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	Не опубликована (Березань, 1989)
Ποντικὸς Νεικίου	—	Надгробие Сатира из Том	ВДИ. 1939. № 3 (AEM. 1884. VIII)
Ποσεί[δηος?] Ὀρό[ντου?]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	НО. 82
Π[οσεί]δη[ος τοῦ δεῖνος]	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 95
Ποσειδῆς Ζήθου	ἀγορανόμος (πρῶτος) τὸ β′	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 129
Ποσειδῆς Σατύρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 100
Ποσειδῆς Σατύ[ρου]	στρατηγήσας τε καὶ ἄρξας τὰς λαμπροτάτας ἀρχὰς καὶ τὰς ἄλλας λειτουργίας	Декрет в честь Посидея Сатирова	IOSPE. I². 51
Ποσειδώνιος Νείλωνος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 106
Πουρθαῖος [Πουρ]θαίου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE I². 130
Πουρθαῖ[ος β′?]	ἄρχων (2)	Строительная надпись	IOSPE. I². 176
Πούρθαις Ἀβνάκου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Πούρθαις Νινικέους	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 83
Πουρθάκης Ζουροζίου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 102
Πουρθάκης Μανιάγου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 86
[Π]ουρφ[άκης Σωμ]άχ[ου]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	НО. 79
Πρα(ξ)ι[άναξ ...]βος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 111
Ῥαθάγωσος Ἀβνάγου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 101
Ῥαμάναγος Μηνοδώρου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО. 88
Ῥαόδμης Κόλχου	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 132

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
[Ῥαόδμης? Κ]όλχου	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Ῥευρόμαρος Σειπελάγου	ἀγορανόμος (4)	Посв. Ахиллу Герою	НО. 90
Σαβεῖνο[ς] Ἀπολλοῦτος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	НО. 79
Σαβεῖνο[ς] Ἀπολλοῦτος	στρατηγός (3)	Посв.	IOSPE. I². 116
Σάλλιος Ἀντιφῶντος	?	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 155
Σαμβίων Γαγγαίου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 99
Σαράξαζος Ποσειδήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Σαράξαζος Ποσειδήου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 102
Σάτυρος Ἀρτ[ε]μιδώρου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху и Фетиде	IOSPE. I². 142
Σ[άτυρος Ἀρτεμιδώ?]ρου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Строительная надпись	IOSPE. I². 176
Σάτυρος Κο[υνχάκου?]	στρατηγός (3)	Посв.?	IOSPE. I². 148
Σάτυρος Κουνχάκου	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Σάτυρος (Ποντικοῦ)	—	Надгробие Сатира из Том	ВДИ. 1939. № 3 (AEM. 1884. VIII)
Σθάζεις Ἰνσαζάγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 102
Σκάρτανος Ἀζιαίου	ἱερεύς	Посв. Ахиллу Понтарху и Фетиде	IOSPE. I². 142
Σκάρτανος Ἀζιαίου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Σόσσιος Κάρπου	ἀγορανόμος (3)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 128
Στέφανος Καλανδίωνος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 83
Σωκράτης Ἀντιφῶντος	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 134
Σωκράτης Εὐρησιβίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 105
[Σωκρ]άτης Εὐρησιβί[ου]	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Σωκράτης Σωκράτους	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО. 88
Σώμαχος Σανάγου	ἀγορανόμος (4)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE. I². 128
Σώρωζος Ποσειδήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 95
Σωχούβαζος Ἀντωνίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 106

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Σ[....]ος Βάτου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 85
Τανάσισος Χουαρσάζου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 92
Τειμοκλῆς Φλιάνου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 101
Τούμβαγος Ἡρακλείδου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 100
Τυναοβων (Γυναοβων?) Δίωνος	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Φάρναγος Ζήθου	στρατηγός (5)	Посв.	IOSPE. I². 116
Φάρναγος Ζήθου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	HO, 79
Φάρνακος Ζήθου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Φάρνηγος Ἀχιλλέος	ἱερεύς	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 144
[Φιλό]στρα[τος τοῦ δείνος]	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE. I². 131
[Φλεί]μναγος ([Ἄ]μναγος?) Θρασυβούλου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 96
Φλιμάνακος Θεαγένους	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 106
Χάλαις Καρζουάζου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 83
Χάνωσος Βραιάδου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 100
Χαράξηνος Ἀβράγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 91
Χούναγος Ἡρακλείδου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 91
[δ δεῖνα] Διονυσίου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 111
[δ δεῖνα] Ἐβένου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 111
[δ δεῖνα] Πί]δεῖ	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE. I². 111
[–]ζος Σωκράτου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Зевсу Спасителю	IOSPE. I². 162
.....ης Σω[μάχο]υ	στρατηγός (2)	Посв.	IOSPE. I². 116

стратега. Равным образом нет возможности судить, превосходил ли по своему служебному рангу последний по списку архонт главу агораномов или стратегов. Поэтому установление последовательности документов aetatis Romanae не может опираться ни на априорные представления об особенностях ольвийской конституции, ни на одни только просопографические или палеографические наблюдения[39]. Для уточнения намеченной здесь в общих чертах хронологии ольвийских лапидарных документов конца I — середины II в. необходимо комплексное использование всех методов, привлечение нумизматических и археологических данных[40]. Выполнение этой задачи выходит, однако, за пределы настоящей публикации новонайденных документов.

NEW OLBIAN DEDICATIONS OF THE FIRST CENTURIES A.D.

P.O. Karyshkovsky

The article considers three new dedicatory inscriptions of the magistrate boards of the after Getae Olbia: two of the dedications are to Achilles Pontarches of the board of the Archons, one is from the archons headed by Zorsanos the son of Nikeratos found in 1983 near the settlement of Rybakovka III (the Beryezov district of the Nikolayev region), the other is from the archons headed by Abnozos the son of Abnakos discovered in 1985 near the village of Osetrovka (the Ochakov district of the Nikolaev region); the third one is a dedication to Apollo Prostates of the board of the strategi headed by Epikrates the son of Maiakos from the village of Bekhtery of the Cherson region found by chance in 1980. All the inscriptions are dated to the end of the 1st — the first half of the 2nd centuries. The author analyses peculiarities of the writing of the inscriptions, anthroponymy of the officials, their family ties and service careers. Making use of all known Olbian inscriptions of the first centuries of our era which mention city magistrates of the 1st — the first half of the 2nd centuries the author makes more precise prosopography of the Roman Olbia, the chronology of the monuments within this time period. It enables him not only to trace changes in the palaeography of the script, but reveal the genealogy of the officials, stages of their promotion, correct some earlier additions and reconstructions, determine more exactly the dating of the inscriptions.

[39]Представляется, однако, несомненным, что в случаях, когда повторное занятие эпонимной должности отмечено в документе, оно дает возможность определить последовательность надписей. В прелелах рассмотренного комплекса памятников строительная надпись Зорсана Никератова (IOSPE. I². 169 + 177) старше надписи из Рыбаковки, а посвящение жреца Скартана (IOSPE. I². 142) предшествует строительной надписи архонтов (IOSPE. I². 176). В более позднее время в таком взаимоотношении находятся пары IOSPE. I². 46 и НО. 52, а также НО. 86 и IOSPE. I². 42, 174.

[40]См. *Карышковский П.О.* Два ольвийских посвящения из собрания Одесского археологического музея // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1988. С. 118—125. — *Прим. ред.*

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1993 г.

ПЕРЕХОД ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Х.М. Бласкес Мартинес

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ИСПАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА III в.

Кризис III в.[1] стал причиной глубоких изменений в испанском обществе. Прежде всего, больше не разрабатывались золотые рудники на северо-западе и серебряные копи[2] в других районах Иберийского полуострова. Традиционно считается, что причиной этого стала низкая рентабельность рудников[3]. Но мы стали бы искать действительную причину в зависимости между разработкой месторождений золота и римской денежной системой. Чеканка золотых монет на протяжении III века заметно сократилась. Низкие доходы, получаемые императорским фиском, затрудняли обращение золота в монеты. Судя по находкам монет, некоторые испанские рудники, такие, как Масаррон (Мурсия), Сьерра Морена и Уэльва, разрабатывались и в период Поздней Римской империи. Согласно традиционному тезису[4], экспорт масла из Бетики в Рим прекратился в конце правления императора Валериана, что означало также и конец существования Монте Тестаччо в Риме. Сегодня известно, что ввоз масла из Бетики в Рим продолжался, но в амфорах типа Dressel 23, а не Dressel 20.

Вторжения франков в эпоху императора Галлиена (Aur. Vict. De Caes. 33.3; Eutr. 9.8.2; Oros. 7.41.2; Nazar. Paneg. Const. Aug. 17.1; Hier. Chron. 1830 ed. Shoene), а, возможно, и в период правления Аврелиана, практически разрушили всю Испанию, за исключением северной части Иберийского полуострова, которая была не столь романизована и население ее продолжало жить так же, как и до римского завоевания. Обращаясь к испанской истории V века, Орозий писал (7.41.2): Irruptae sunt Hispaniae, caedes vastationesque passae sunt... quod etiam sub Gallieno imperatore per annos propemodum duodecim germanis evertentibus exciperunt. Германцы прожили в этой стране

---

* Перевод Н.А. Чаплыгиной.

[1] *Blázquez J.M.* Historia social y económica de la Hispania Romana (Siglos III—V). Madrid, 1975; *idem.* Economía de la Hispania Romana. Bilbao, 1978. P. 461—618; *idem.* // Historia de España. II. España Romana. Madrid, 1982. P. 497—607; *idem.* Aportaciones al estudio de la España Romana en el Bajo Imperio. Madrid, 1990; *Keay S.J.* About Late Roman Empire in Spain // King A., Henig M. (ed.) The Roman West in the third Century. Contribution from Archaeology and History. BAR International Series 109 (II). 1981. P. 451—486; *Gorges J.-G.* Les Villas hispano-romaines. P., 1979; *Fernández Castro M.C.* Las Villas Romanas en España. Madrid, 1982; *Padilla A.* La provincia romana de la Bética. Ecija, 1989; Arte, sociedad, economía y religión durante el Bajo Imperio y la antigüedad tardía. Antigüedad y cristianismo VIII. Murcia, 1991.

[2] *Domergue C.* Les mines de la péninsule Ibérique dans l'antiquité romaine. Roma, 1990. Passim.

[3] *Sanchez Palencia F.J.* La explotación del oro de Astirias y Gallaecia en la antigüedad. Madrid, 1983.

[4] *Etienne R.* Les amphores du Testaccio au IIIe siècle // MEFR. 1949. 41. P. 151—181.

около двенадцати лет. Есть археологические подтверждения всех этих разрушений[5]. Вследствие этого исчезает обычай ставить изображения и надписи, хотя в других провинциях Римской империи он засвидетельствован. Для последней трети III в. не известны ни саркофаги, ввезенные в Испанию извне, ни какие-либо мозаики, датированные этим периодом. В результате нашествий франков и германцев в период Тетрархии города были обнесены стенами[6]. А многие из них, такие, как Гадир, Кастулон, Италика и т.д., были оставлены жителями, что вызвало появление огромных сельских поместий, ранее не существовавших в Испании[7]. Именно тогда начался широкомасштабный процесс рурализации Испании. В эпоху Тетрархии страна стала оправляться, что подтверждается фактами строительства укреплений примерно в тридцати городах; вновь стали импортироваться саркофаги, в частности, раннехристианские, найденные в Тарраконе[8]. В период Константина виллы были украшены превосходными мозаиками, как, например, на виллах в Торре ди Палма (Лузитания, Португалия)[9] и в Дуэньяс (Паленсия)[10], а масло из Бетики по-прежнему экспортировалось в Рим[11].

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

В начале периода Тетрархии система управления Испании подверглась преобразованиям. Laterculus Veronensis, который для Запада датируется 303—306 гг., дает представление о положении Испании после реформ Диоклетиана. Вся Испания и Мавритания Тингитанская образовали dioecesis Hispaniarum под управлением vicarius Hispaniarum. Испания была разделена на пять провинций. Laterculus насчитывает семь провинций, но их было не более шести. Можно предположить, что автор считал Мавританию Тингитанскую двумя разными провинциями. В число пяти испанских провинций входили: Тарраконская со столицей в Тарраконе; Карфагенская со столицей в Новом Карфагене; Галлеция; Лузитания со столицей в Августе Эмерите; Бетика со столицей в Кордубе. Во главе каждой провинции стоял praeses. Hispania Citerior еще в 283 г. управлялась наместником сенаторского ранга с традиционным титулом legatus Augusti pro praetore. Этот легат не позднее 288—289 гг. был заменен всадником с титулом praeses Hispaniae Citerioris. А. Шастаньоль[12] полагает, что соответствующая реорганизация произошла между 284 и 288 гг. и заключалась в создании на месте Ближней Испании трех отдельных административных провинций — Тарраконской, Карфагенской и Галлеции, а понижение социального статуса наместника было связано с уменьшением размеров территории каждой провинции.

---

[5] *Blázquez.* Economía de la Hispania Romana. P. 462—471; *idem.* // Historia de España II. España Romana. P. 497—505.

[6] *Balil A.* La defensa de Hispania en el Bajo Imperio. Amenaza exterior a inquietud interna. Legio VII Gemina. León, 1970. P. 569—620; *Blázquez J.M.* Luftaufnahmen ummauerter Städte der Spätantike in Spanien // Akten des 14. Internationalen Limes Kongresses 1986 in Carnuntum. Wien, 1990. S. 281—294.

[7] *Blázquez J.M.* Gran latifundio o pequeña propiedad en la Bética (Hispania) en época imperial // Miscellànea in onore di Eugenio Manni. Roma, 1978. P. 245—255.

[8] *De Palol P.* Arqueología cristiana de la España Romana. Madrid—Valladolid, 1967. P. 290—301. Pl. LXVIII—LXXXII.

[9] *Blázquez J.M.* Los mosaicos romanos de Torre de Palma (Monforte, Portugal) // AEspA. 1980. 53. P. 125—161.

[10] *De Palol P.* Das Okeanos-Mosaik in der römischen Villa zu Dueñas (Prov. Palencia) // MM. 1967. 8. S. 230—258. Pl. 38—41.

[11] *Remesal J.* Transformaciones en la exportación del aceite bético a mediados del siglo III d.c. // Producción y Comercio del Aceite en la Antigüedad. Segundo Congreso Internacional. Madrid, 1984. P. 115—131; *idem.* El aceite bético durante el Bajo Imperio // Arte, sociedad, economía y religión durante el Bajo Imperio. P. 355—361; *Rodriguez Almeida E.* Il Monte Testaccio. Ambiente, storia, materiali. Roma, 1984. P. 166—169.

[12] *Chastagnol A.* Les espagnols dans l'aristocratie gouvernamentale à l'époque de Théodose // Les Empereurs Romains d'Espagne. P., 1965. P. 269—273; *Fontaine J.* Études sur la poésie latine tardive d'Ausone à Prudence. P., 1980. P. 241—330.

Диоцез и должность викария были учреждены около 297 г. Константин сохраняет деление на пять провинций и должность викария, и наряду с викарием, в 313 г., назначает comes Hispaniarum. Позже он подчинил и того, и другого префекту претория Галлии, в ведении которого находились также Испания и Британия. Этот последний пост был создан не позднее 336 г. После смерти Константина его сыновья упразднили должность comes Hispaniarum. Известны многие имена должностных лиц Испании, они были изучены А. Шастаньолем[13] и К.Ф. Штрохекером[14].

FUNDI

Экономика Испании позднеримского времени в основном базировалась на земледельческих и животноводческих хозяйствах и на распространении крупных поместий как системы сельскохозяйственного производства. Хорошо известны развалины многих вилл, разбросанных по всей Испании.

Топонимика сохранила[15] память о существовании многих других fundi[16]. Были высчитаны и размеры имений[17]. Наиболее крупные из них открыты в Алентежу на юге Лузитании (Португалия), где земельные угодья вилл достигали от 3 тыс. (Крату, Алтер ду Шан, Вила Фернанду) до 8 тыс. га (Арроншиш, Вилар дель Рей). Ж.-Ж. Горж допускает, что не были редкостью и большие поместья размерами от 5 тыс. до 10 тыс. га. Имения площадью до 5 тыс. га были открыты в Мартин Жил, Арнале и Повуа ди Коиш. Слабая урбанизация обоих conventus, возможно, объясняет масштабы этих гигантских земельных владений. Территория виллы Торре ди Палма (Лузитания), известной своими мозаиками[18], превышала 3 тыс. га. В окрестностях Бежа размеры fundi превосходили 1,5 тыс. га. Лучше всего сохранилась хорошо известная вилла в Сан Кукуфати (Лузитания), остатки которой были раскопаны и недавно опубликованы[19].

До нас не дошли описания испанских вилл позднеримскими авторами, подобные описанию Авзонием его fundus в Аквитании (Aus. CXII. 2.9.21—23; вторая половина IV в.) или Аполлинарием Сидонием — замка (burgus) Понтия Леонтия (Carm. XII. 101—219) и его собственного fundus avitacum (Ep. II. 2—15; после 465 г.). И лишь при помощи археологии можно составить представление об этих виллах. Так, усадьба виллы Торре ди Палма, которая может быть хорошим примером вилл Лузитании, занимала участок площадью 1 га вокруг двух смежных дворов трапециевидной формы. На востоке и на западе были обустроены два горячих источника. Жилая часть (villa urbana) располагалась вокруг перистиля, украшенного великолепными мозаиками. В большом зале было три абсиды. В более поздний период существовали храм, посвященный Марсу, и раннехристианская базилика. В окрестностях столицы Лузитании были распространены виллы с размерами земельных угодий приблизительно 1 тыс. га. Хорошим примером таких усадеб может служить вилла в Иногале, украшенная превосходными мозаиками[20].

---

[13] *Chastagnol.* Op. cit. P. 272—287.

[14] *Stroheker K.F.* Spanien im spätrömischen Reich (284—475) // AEspA. 1972—1974. 45—47. P. 606.

[15] *Pabón J.* Sobre los nombres de la villa romana en Andalucía // Estudios dedicados a D. Ramón Menendez Pidal. IV. Madrid, 1953. P. 87—165; *Piel J.M.* Nomes de possessores latino-cristiãos na toponimia asturo-galego-portuguesa. Coimbra, 1948; *Blázquez J.M.* La Bética en el Bajo Imperio // Latomus. 1978. 37. P. 445—483.

[16] *Caro Baroja J.* Los pueblos de España. Barcelona, 1946. P. 235—238; *idem.* Materiales para una historia de la lengua vasca y su relación con la latina. Salamanca, 1942. P. 59—68; *Bobes M.C.* La toponimía romana en Asturias // Emerita. 1960.28. P. 241—284; 1961. 29. P. 1—52.

[17] *Gorges.* Op. cit. P. 98.

[18] *De Almeida F.* Torre de Palma (Portugal). A basílica paleocristiana e visigótica // AEspA. 1972—1974. 45—47. P. 103—112.

[19] *Alarçâo J., Etienne R., Mayet F.* Les villas romaines de São Cucufate (Beja, Portugal). P., 1990.

[20] *Blanco A.* Mosaicos romanos de Mérida. Madrid, 1978. P. 49—52. Pl. 91—95, 105—108. Fig. 11—12.

В Бетике виллы были сосредоточены в определенных зонах, как, например, вдоль реки Гвадалквивир (Лос Алькорес, Альхарахе, Корбонес). Из-за высокой концентрации городов здесь размеры вилл едва ли превосходили 350 га. В долинах рек Хениль и Гвадалквивир площадь fundi составляла более 1—1,5 тыс. га. В болотистых местностях устья Гвадалквивира были поместья размерами свыше 2 тыс. га (Коровья Гора, Склон Виноградников, Лебриха). На основе данных топонимики подсчитано, что на территории нынешних провинций Наварра и Алава размеры земельных владений должны были достигать 1—1,5 тыс. га.

В Пиренеях было множество вилл размерами около 260 га, относящихся к типу, описанному Авзонием, где 50 га были заняты зерновыми, 25 га — виноградниками, а 172 га — лесом. В таком имении трудилось около 30 семей. Обрабатывался не весь fundus — в fundus avitacum Аполлинария Сидония возделывалось только 30% площади. Так же обстояло дело и в хозяйствах Испании. В качестве примера таких вилл севера полуострова можно назвать виллу в Льедене, где 22 комнаты были украшены мозаиками[21]. Это был дом городского типа с перистилем и помещениями, предназначенными для досуга. Как и большинство вилл позднеримской Испании, она была выстроена поверх усадьбы I—III вв., разрушенной или заброшенной в период кризиса III в. Хозяйство ориентировалось на возделывание зерновых, виноградной лозы и оливкового масла, как и на остальных испанских виллах, за исключением расположенных на севере. На виллах побережья делали также и garum[22]. В течение IV в. в Льедене был возведен дом с перистилем: в центре были сосредоточены жилые помещения (oecus, triclinium), всю северную часть занимали винные погреба, в восточной находились прессы, а к юго-востоку от здания располагались винные прессы.

Показательна для Центральной Испании вилла Лос Кинтанарес (Сория), также украшенная прекрасной мозаикой[23] и расположенная возле реки. Она включала в себя vestibulum, atrium с колоннами, коридор с южной стороны, а боковые стороны прилегали к tablinum. В левом крыле atrium был расположен triclinium и прочие комнаты. Перистиль также был украшен колоннами.

Самая прекрасная испанская вилла, украшенная великолепными мозаиками, открыта в Ольмеде (Педро де ла Вега, Паленсия)[24], датируется она концом IV—началом V в. Высказывалось предположение, что вилла эта принадлежала родственникам Гонория (Oros. 7.40. 5—10), которые вместе с людьми из своих fundi в течение трех лет сражались против Константа. После их поражения Испания была захвачена свевами, вандалами и аланами, и в течение трех лет (409—412) подвергалась разграблению. После этого исчезла большая часть испанских мозаик[25].

Наиболее серьезная социальная и экономическая проблема на протяжении позднеримского периода в Испании и в остальной империи состояла в том, что немногие землевладельцы монополизировали богатства, производимые земледелием и скотоводством, в то время как большинство населения, как показывают захоронения, жило в бедности. (В этой связи можно обратиться к примеру горнодобывающего городка Кастулона[26].) Положение испанских крестьян было настолько плохим, что варвары воспринимались ими как освободители и у них искали убежища (Salv. de Gub. Dei V.V.22; V.VIII.37), а в следующем столетии произошло восстание багаудов (Hyd. 125; 128; 141—142; 158; 179).

---

[21] *Blázquez J.M., Mezquíriz M.A.* Mosaicos romanos de Navarra. Madrid, 1985. P. 25—52. Pl. 19—32. Fig. 2—3.

[22] *Edmondson J.C.* Two Industries in Roman Lusitania // BAR International Series. 1987. 362; *Ponsich M.* Aceite de oliva y salazones de pescado. Factores geoeconómicos de Bética y Tingitana. Madrid, 1988.

[23] *Blázquez J.M., Ortego T.* Mosaicos romanos de Soria. Madrid., 1983. P. 13—38. Pl. 1—12.

[24] *De Palol P., Cortes L.* Excavaciones en la villa romana de La Olmeda. Madrid, 1974.

[25] *Blázquez J.M., Gonzalez Navarrete J.* Mosaicos romanos del Bajo Imperio // AEspA. 1972—1974. 45—47. P. 419—438.

[26] *Blázquez J.M.* Castulo. II. Madrid, 1979.

Как показывают мозаики[27], охота была, вероятно, самым излюбленным занятием владельцев fundi. В изображениях сцен охоты на мозаиках можно усматривать подтверждение высокого социального статуса domini. Известны огромные полотна, запечатлевшие охотящихся землевладельцев, таких, как Dulcitius на вилле в Рамалете[28], Marianus в Августе Эмерите[29], охотник из Вильявиделя (Леон)[30]. Эти господа обладали обширными познаниями в области мифологии[31]. Великолепная галерея картин из собраний землевладельцев подтверждает, что те следовали общему для всей империи направлению. Упоминавшаяся уже вилла в Ольмеде дала много шедевров для прекрасной коллекции; было и много мозаичных портретов — domini из Карранке (Толедо)[32]; мозаичное изображение мужчины, подписанное именем Annius Ponius в Августе Эмерите; Vitalis на двери виллы в Тосco дель Мар (Херона); Cardilius и Avita в Лузитании; Dulcitius в Рамалете и Marianus в Августе Эмерите[33]. Роскошь, в которой жили possesssores, была хорошо описана в созданной между 390 и 400 гг. поэме Amartigenia (265—329) испанского поэта Пруденция, а также в de Poenitentia епископа Барселоны Патиана.

Наряду с производством и хранением зерна, вина и масла в районах вблизи средиземноморского побережья, юга полуострова и большой части Лузитании в поместьях занимались также и коневодством. На это есть указания в переписке Симмаха (Ep. IV. 58; 60; 62—65) с разными испанскими землевладельцами, которые разводили лошадей в своих fundi и поставляли их на ипподромы Рима и Востока[34].

Происходившая из Испании Мелания Младшая может служить хорошим примером таких крупных possessores. У нее были fundi в Испании, Кампании, Сицилии, Африке, Мавритании, Британии и в других областях (Ger. Vita Mel. 11). По подсчетам ее биографа Геронтия (Vita Mel. 15), доход Мелании составлял около 12 тыс. фунтов золотом в год плюс доход ее мужа Пиниана. Наличие прекрасных мозаик на испанских виллах периода Поздней Римской империи показывает, что possessores проживали на виллах, что в корне отличалось от ситуации, обычной для первых веков империи.

ИСПАНСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Взаимоотношения между испанской и римской аристократией играли важную роль в управлении империей в эпоху Феодосия. До этого участие испано-римских сенаторов в общеимперских делах было значительным со времени Флавиев и до середины правления Адриана[35]. А. Шастаньоль и К.Ф. Штрохекер в своих выше упомянутых работах исследовали социальное происхождение испанской элиты в период Поздней Римской империи, ее имущественное положение, ее родственные связи с другими имперскими элитами (в основном Южной Галлии) и участие в управлении империей. Л. Гарсия Морено[36] рассмотрел отношения испанской элиты с римской аристократией.

[27] *Blázquez J.M., López Monteagudo G.* Iconografía de la vida cotidiana: temas de caza // Alberto Balil in memoriam. Madrid, 1990. P. 59—88.

[28] *Blázquez, Mezquíriz.* Op. cit. P. 64—65. Pl. 39—40.

[29] *Alvárez Martínez J.M.* Mosaicos romanos de Mérida. Nuevos hallazgos. Mérida, 1990. P. 89—91. Pl. 39—43. Fig. 7.

[30] *Blázquez J.M.* Mosaicos romanos del Campo de Villavidel (León) y Casariche (Sevilla) // AEspA. 1985. 58. P. 108—113. Fig. 1.

[31] *Blázquez J.M., López Monteagudo G., Neira M.L., San Nicolás M.P.* Mitología en los mosaicos hispano-romanos // AEspA. 1986. 59. P. 101—162.

[32] *Fernández Galiano D.* La Villa de Materno, mosaicos romanos // In memoriam Manuel Farnández Galiano. Madrid, 1989. P. 259.

[33] *idem.* Complutum. II. Mosaicos. Madrid, 1984. P. 80—81.

[34] *Blázquez.* Aportaciones al estudio de la España Romana en el Bajo Imperio. P. 9—46.

[35] *Caballos A.* Los senadores hispanorromanos y la romanización de Hispania (siglos I—III). Sevilla, 1990.

[36] *García Moreno L.* España y el Imperio en época Teodosiana a la espera del bárbaro // I Concilio Caesaraugustano MDC aniversario. Zaragoza, 1981. P. 22—63.

Существуют разные противоречивые сообщения о подлинном и реальном положении Испании в период Поздней Римской империи, которые были поддержаны исследователями. Так, по мнению Л. Гракко Руджино, Испания в это время была маргинальной зоной империи, а политическая, социальная и экономическая ось переместилась на Рейн, в Константинополь и в Малую Азию. Этим следовало бы объяснять слабость испанской элиты, обусловленную бедностью и общим упадком Испании. Ранее мы поддерживали эту теорию, о чем сегодня забыли. Иероним в своем Dial. contra Luciferian. (15) определяет Испанию как бедную провинцию (inopem provinciam). Данные некоторых авторов, а также наличие огромного числа вилл с великолепными мозаиками заставили нас изменить свое мнение. Паулин Ноланский, хорошо знавший Испанию благодаря тому, что был женат на богатой испанской женщине, в письме своему наставнику Авзонию сообщал, что в Испании есть превосходные для жизни города. Авзоний упрекал Паулина за то, что тот уехал жить в Кантабрийские горы или в такие опустевшие города, как Бильбилис, Илерда или Калагуррис. В своем письме Паулин упоминает также такие места, как Цезаравгуста, Барцинон и Тарракон (232—234), добавляя слова quid numerem egregias turris et moenibus urbes и утверждая, что между реками Ибер (Эбро) и Гвадалквивир есть много подобных городов. Судя по количеству и качеству открытых мозаик и их сюжетам, Августа Эмерита, столица Лузитании, была городом, великолепно приспособленным для жизни[37]. Описание епископом Патианом расточительства жителей Барцинона указывает на высокий уровень жизни.

Испанская элита была связана с элитами остальной империи и в особенности с римской. Среди наместников Испании, которых известно всего 21, были выходцы из Испании или те, у кого имелись серьезные экономические интересы, укорененные в Испании или Италии. Подробно проанализировав данные об испанских наместниках, Л. Гарсия Морено[38] вопреки общепринятому мнению пришел к выводу, что в противоположность тому, что некоторые думали еще недавно, испанскому диоцезу принадлежало важное место в рамках важнейших управленческих структур Запада (pars Occidentis). Диоцез достиг этого уровня благодаря близости к Италии — цели большинства видных сенаторов в Риме, которые в этот период оставляли свой otium ради административной деятельности. С точки зрения социального продвижения по службе администрации испанского диоцеза стоит напомнить, что шесть испанских наместников достигли префектуры претория; в четырех других случаях бывшие правители Испании добились префектуры Рима, и еще четверо других — консулата. На основании всей этой информации можно заключить, что управление испанским диоцезом занимало важное место в административной карьере империи. В IV в. кадры для высших административных постов империи черпались из двух основных источников — чиновников и преподавателей и крупных землевладельцев — сенаторов, происходивших в основном из Италии, причем преобладали последние. Из семнадцати известных нам лиц шестеро были из чиновничества, а одиннадцать — из сенаторской аристократии. Среди последних доминировали те, кто имел италийские корни, двое происходили из Испании, а еще двое имели интересы в Италии и Испании. Из всего этого следует вывод[39]: «На протяжении IV в. Испания через своих наместников вовлекалась в различные тенденции имперской политики этого столетия и в смены политических группировок. С другой стороны, несомненно, что Иберийский полуостров являлся позицией, заслуживающей

---

[37] *Blanco.* Op. cit. Passim; *Alvarez Martínez.* Op. cit.; Augusta Emerita. Actas del Bimilenario de Mérida. Madrid, 1976. Homenaje a Saenz de Buruaga. Madrid, 1982; *Blázquez J.M.* Arte y sociedad en los mosaicos de Augusta Emérita // Boletín de la Real Academia de Bellas Artes de San Fernando. 1991. 72. P. 175—233.

[38] *García Moreno.* Op. cit. P. 41.

[39] Ibid. P. 44.

особого внимания с точки зрения интересов западной сенатской аристократии; с этим особым отношением связано и отсутствие сведений о лицах восточного происхождения в испанской администрации, и преобладание в ней людей, имевших интересы на полуострове или, по крайней мере, в Италии. Возможно, зачастую речь шла о семьях, экономические и социальные интересы которых соответствовали хорошо известному феномену региональной разбросанности земельных владений сенаторской аристократии в IV в.».

Выходцы из Испании исполняли важные обязанности в имперский администрации, особенно в правление Феодосия. Прежде всего, Испания дала узурпатора Максима[40], но и другие испанцы достигали высоких административных постов. Достаточно напомнить несколько примеров. Узурпатор Магн Максим (383—388), возможно, был родом из Тарраконской провинции. В 369 г. он служил в Британии под командованием отца Феодосия; в 373—375 гг. сражался в Африке против Фирма. Император Грациан назначил его comes Britanniarum, и этот пост Максим занимал в 383 г., когда войско провозгласило его августом. Важные должности в имперской администрации отправлял Небридий. Так, в 382—384 гг. он был comes rerum privatarum, в 386 г. префектом Константинополя; возможно, он приходился зятем императрице Флакцилле. Нуммий Эмилиан Декстер, родом из Барцинона, был проконсулом Азии между 379 и 387 гг. В 387 г. он фигурирует как comes rerum privatarum Востока. В 395 г. он был префектом претория Италии.

В своем исследовании испанской аристократии в системе управления империей А. Шастаньоль пришел к выводу[41], что Феодосий давал возможность некоторым членам как своей семьи, так и семьи своей жены Флакциллы подняться до высших гражданских и военных должностей на Западе (Флавий Сиагрий, Флавий Евхерий и, возможно, Магн Максим) и на Востоке (Флавий Тимасий, Небридий). После Феодосия два выходца из Испании занимали выдающееся положение на Востоке—Кинегий Матерн был comes sacrarum largitionum, quaestor palatii, praefectus praetorio, а Нуммий Эмилиан Декстер стал comes rerum privatarum.

ОТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ С ИТАЛИЕЙ

В период Поздней Римской империи связи Испании с Италией[42], а тем более с Римом оставались весьма тесными. Ряд выходцев из Испании занимали важные посты в италийской администрации. Напомним о некоторых. Руф Октавиан был корректором Луканни—Бруттия в 313 г. и сенатором; Кв. Экланий Гермий достиг положения egens vices praefectorum et iudex sacrarum cognitionum в 313—314 гг. М. Аврелий Консий Кварт исполнял должность корректора Фламинии — Пицена между 325 и 330 гг., а также Венетии — Истрии. Флавий Саллюстий был викарием Рима в 357 и 361 гг. Велозий Венуст был корректором Апулии — Калабрии между 326 и 333 гг. и консуляром Сицилии. Секстилий Агесилай Эдесий совершал taurobolium и criobolium в честь Кибелы в ватиканском Phrygiarum. Он был жрецом Митры, а также Гекаты и Либера. Петроний находился при миланском дворе, где его брат был magister libellorum, а сам он, возможно, был magister memoriae, и т.д.

Испанская церковь поддерживала отношения с епископами Рима и Италии. Потамий, епископ Олисипона (совр. Лиссабон), участвовал в Соборе в Римини в 359 г. Присциллиан (Sulp. Sev. Chron. 48. 1—4), поддерживаемый Сальвианом и Инстанцием, обращался к епископу Рима Дамасу, происходившему, согласно Liber Pontificalis (ed. Duchesne I. 84), из Испании, и епископу Милана Амвросию, не желавшим его признавать, чтобы не допускать вмешательства в дела других епископов, что было запрещено.

---

[40] *Palanque J.P.* L'Empereur Maxime // Les Empereurs Romaines d'Espagne. P. 255—262.

[41] *Chastagnol.* Op. cit. P. 290.

[42] *Blázquez.* Aportaciones al estudio de la España Romana en el Bajo Imperio. P 135—144.

Гимер, епископ Тарракона, обращался к Дамасу, епископу Рима, за советами по разным церковным делам. После смерти Дамаса в 384 г. его преемник Сириций (384—390) отправил ответ на такой запрос (Ep. I.), и это был первый сохранившийся папский декрет. Между 401 и 403 гг. в Риме бывал Пруденций, и там он написал VIII, IX и X гимны. Известны и другие свидетельства существования отношений различного характера между Испанией и Италией. Так, ранее 377 г. в церковном суде Августы Эмериты находилось дело римского сенатора Валерия Фортуната (Symm. Orat. 8). Гельпидий, будучи в Риме в 382—383 гг., продал сельское поместье, которым он владел в Испании (Symm. Ep. 2. 87).

В период Поздней Римской империи не прекращался экспорт испанской продукции в Рим. Уже указывалось, что испанское масло продолжали перевозить на кораблях, так как в Риме были найдены амфоры. Об этом же могут свидетельствовать и изготовленные в римских мастерских раннехристианские саркофаги, которыми на обратном пути загружались суда, привозившие масло из Испании в Рим[43]. В двух декретах от 324 и 336 гг. (CTh. XIII. 5.4; 8) упоминаются испанские naviculariі, которые везли в Рим испанские товары, снабжая груз детальным перечнем (relatoria). Из Испании в Рим на кораблях ввозилось продовольствие. Как префект Рима, Симмах (Rel. XXXVII. 310. 4) писал об этом Феодосию. Римским портом с самого начала периода империи (Strabo. 3.2.6) была Остия.

ОТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ С ВОСТОКОМ

Определенное значение сохраняли и отношения Испании с Востоком[44]. На этот счет имеется разнообразная информация. Так, Луцин, живший в Бетике, послал своих секретарей-переписчиков к Иерониму, чтобы скопировать все его произведения (Hier. Ep. 71.4). Иероним вел переписку с жителями Испании, такими, как слепой священник из Бетики (Ep. 76). По просьбе уже упоминавшегося выходца из Испании Нуммия Эмилиана Декстера Иероним издавал «De viris illustribus». В этом сочинении автор демонстрирует хорошее знакомство с испанскими писателями. Бывали на Востоке и многие представители церкви, такие, как Авит из Бракары Августы и историк Орозий. Выше упомянутая Мелания Младшая основала монастырь в Иерусалиме.

Уже упоминались многие выходцы из Испании, занимавшие важные посты в управлении империей на Востоке. По свидетельству Орибасия, друга и врача императора Юлиана, из Кадиса на Восток поступали такие испанские продукты, как гарум.

На некоторых испанских саркофагах заметны восточные влияния, либо потому, что с Востока приезжали мастера (как, например, ювелир, изготовивший украшения из Илици (совр. Эльче), спрятанные во время варварского вторжения в 409—412 гг.), либо потому, что в Испании существовали значительные восточные общины, в основном сирийские[45], которых было много и в период империи, и в вестготскую эпоху, о чем свидетельствуют саркофаги из Эсихи (Севилья; вторая половина V в.), из Алькаудете (Хаэн; вторая половина V или первая половина VI в.) и из Синхильи Барбы. Г. Шлунк[46] выделил и другие восточные влияния, в частности константинопольские, — в саркофаге из Пуэбла Нуэва

---

[43] *Sotomayor M.* Sarcófagos romanos cristianos de España. Estudio Iconográfico. Granada, 1975.

[44] *Blázquez.* Aportaciones al estudio de la España Romana en el Bajo Imperio. P. 187—204.

[45] *Blázquez J.M.* Relaciones entre Hispania y los semitas (Sirios, Fenicios, Chipriotas, Cartagineses e Indios) en la antigüedad // Festschrift für F. Altheim. B., 1969. S. 42—75; *idem.* Economía de la Hispania Romana. P. 640—647; *García Moreno L.* Colonias de comerciantes orientales en la Península Ibérica (Siglos V—VII) // Habis. 1972. 3. P. 127—150.

[46] *Schlunk H.* Las concepciones del cristianismo hispano a traves de la iconografía // II Reunió d'Arqueología Paleocristiana Hispánica. Barcelona, 1982. P. 55—70.

(Толедо), в саркофагах Тарракона; в двускатных саркофагах греческого типа с крышкой: в том, что многие фигуры разграничены желобком, как на Востоке, чему не было параллелей в местном провинциальном искусстве рельефа; в саркофаге из Эсихи, изготовленном на Западе под влиянием восточных образцов; в находящих параллели голько в рукописях христианского Востока сценах воскрешения Лазаря и битвы Давида с Голиафом на фрагментах саркофага из Синхильи Барбы и Монте Чимоны в Кордове; в рельефах Сан Педро в Наве, которые невозможно объяснить без восточных образцов — сцена с Филиппом исходит непосредственно из представлений греческих апокрифов IV и V вв., а изображения святых и мучеников предполагают знакомство с искусством икон. Восприятие, идущее с Востока, присутствует в литургии, архитектуре, формах декора и фигуративных изображениях. Все это доказывает важность различных направлений в человеческих, торговых, церковных связях между Испанией и Востоком. Применительно к вестготскому периоду Г. Шлунк[47] подчеркивает значимость Востока, и особенно Сирии, для понимания вестготского искусства Испании.

Д. Фернандес Гальяно[48] отметил, что некоторые испанские мозаики подражают восточным прототипам, в частности две мозаики виллы Фрага (Уэка), датированные второй половиной IV в., были выполнены, видимо, ремесленниками, обучавшимися в мастерских эллинистического Востока. По этому поводу автор пишет: «...многие характерные особенности обнаруживаются как раз в классической традиции мастерских восточной части империи, более чем в произведениях Испании этого периода. На этих двух мозаичных полах, до сих пор не получивших правильной интерпретации, представлены две картины на темы Эрот и Психея, Эрот и Венера. Чисто живописная трактовка сцен, правильность фигур и строгость поз наводят на мысль об антиохийских и сирийских произведениях IV—V вв.; а геометрические и растительные мотивы, обрамляющие изображения, ведут таким образом к мозаикам этого района, где существует множество параллелей, тогда как на Иберийском полуострове такие мотивы практически уникальны».

В ряду других примеров, на которые ссылается Д. Фернандес Гальяно — греческие надписи церкви в Эльче (Аликанте); мозаика из Дараголехи (Гранада) с изображением противостоящих друг другу индюков (это был очень широко распространенный в восточном искусстве сюжет), причем техника выполнения этой мозаики типично сирийская. О восточных влияниях свидетельствуют и другие мозаики — Беллерофонт и Химера в Пуэнте Оскура (Малага), а также происходящая из Кордовы мозаика из четырех частей, сопоставляемая с греческими и палестинскими. По мнению автора, мозаики Лас Тьендас и Соланы Барросской (обе — провинция Бадахос) или Педросы де ла Вега (Паленсия) демонстрируют смешение восточного и североафриканского художественных стилей, очень типичное для ситуации, в которой находилась Испания.

Сильное восточное влияние заметно и в мозаиках виллы Вальдеарадос (Бургос). Одна из них, датируемая V в., украшена круговой композицией из восьми орнаментальных щитов, которые сходятся к центру; это декор, уникальный для всего Запада. Такая схема повторяется в мозаике Мисиса—Мопсуэстии (Киликия). Мозаика V в. из Альмунья де Донья Година (Сарагоса) также демонстрирует композицию, уникальную для Запада, но хорошо известную в раннехристианских базиликах Греции, Сирии и Палестины.

Геометрический декор упоминавшейся выше мозаики Дульцития, состоящий из

---

[47] *Schlunk H., Hauschild Th.* Die Denkmäler der frühchristlichen und westgotischen Zeit. Mainz, 1978. Passim; *Schlunk H.* Die Sarkophage von Ecija und Alcaudete // MM. 1962. 3. S. 119—151; *idem.* Un rilieve de sarcófago de Barba Singilia // AEspA. 1969. 42. P. 166—182; *Villalón M.C.* Mérida visigoda. La escultura arquitectónica y litúrgica. Los santos de Maimona, 1985.

[48] *Fernández Galiano D.* Influencias orientales en la musivaria hispánica // III Congresso Internazionale sul Mosaico Romano. Ravenna, 1983. P. 411—430.

центрального круга, дополненного восемью кругами меньшего размера, вписанными в окружности, повторяется во второй мозаике Лериды. Для Запада это также единичный пример, но аналогии есть на Востоке и в италийских мозаиках V—VI вв. Таковы мозаики Фессалоник и церкви Хесбет Мака (последняя датируется временем между 378 и 385 гг.). Поскольку мозаика Дульцития относится к концу IV в., нет оснований усматривать ее италийские прототипы, например, в мозаике Санта Марии делле Грацие в Градо, в базилике Святой Евфимии, датируемой между 571 и 586 гг., в базилике Сан Канциан д'Иронде второй половины V в. и во дворце Теодориха в Равенне, также относящемся ко второй половине V в.

На мозаиках вилл Сорьи, Кинтанарес (Риосеко) и Сантервас (Бургос) располагались аллегорические женские фигуры, которые находят соответствия в восточных концепциях Сирии и Антиохии IV и V вв., а затем опять встречаются в мозаиках Равенны и Карфагена, датирующихся V и VI вв. Другие мозаики подтверждают существование таких восточных влияний; например, богини в обрамлении цветочных мотивов на упоминавшейся уже вилле Фрага — единственные изображения такого рода на Западе, но зато они часто встречаются в мозаиках Сирии и Палестины. Листья плюща на мозаиках виллы Баньос де Вальдеарадос — декор, почти не встречающийся на Западе — не раз повторяется в мозаиках Антиохии, Иерусалима, Софии, Герасы, Иерихона, Газы, Фессалоник и т.д. Бордюры из громоздящихся друг на друга кругов не известны в мозаичном искусстве Запада, но засвидетельствованы на мозаиках Халдеи, Ливана и Неа Пафос на Кипре. Д. Фернандес Гальяно придерживается того мнения, что во второй половине IV и в V в. в Испанию приезжали работать восточные мастера или ремесленники, знакомые с восточными произведениями искусства.

Одна из тем декора раннехристианской церкви в Эльче, датируемой второй половиной IV в., включала композицию из треугольников и была весьма близка мозаикам базилики Илисса середины V в. Композиции некоторых мозаик Рьельвеса (Толедо) с восьмиугольниками и рядом из крестов и ромбиков, выполненные в восточном вкусе, появляются и в базилике Дельф в конце V или в начале VI в. Мозаики Балеарских островов свидетельствуют либо о связях, либо о сходстве с мозаиками палестинских синагог. На Балеарских островах была значительная иудейская колония, которая приняла крещение в первой половине V в. Много иудеев было в испанских городах. Три нормы, принятые в начале IV в. Собором в Илиберрисе (Гранада), относились к иудеям, которые были богаты и знатны. Григорий Илиберрийский посвятил четыре проповеди иудейской теме. Назовем и другие мозаики, подтверждающие наличие восточного влияния. Две мозаики Педросы де Писаэрга (Вальядолид) со сценами из «Илиады» и греческими стихами, так же как и мозаика из Августы Эмериты с семью греческими мудрецами и тоже с греческими письменами, относящиеся к IV в., возможно, принадлежали восточным мастерам, работавшим в Испании.

Восточное влияние проявляется не только в мозаике, но также и в архитектуре и в росписях. Мавзолей в Сентсельес (Таррагона) был возведен в той же технике, что и мавзолей Галерия в Фессалониках или подвалы дворца Диоклетиана в Сплите. Росписи церкви Марьяльбы (Леон) сопоставимы лишь с живописью церкви Студиос в Константинополе. Купель для крещения в базилике Санта Боу на Менорке находит параллели в Греции, в Монте Небо в Палестине (597 г.). Пруденций (Amart. 287) упоминает восточные шелка, которые поступали из Испании.

Восточный купец, родом из Месопотамии, который жил в Тире и занимался морской торговлей, написал в 359 г. произведение, называемое Expositio totius mundi et gentium. Содержащиеся в нем описания Испании, ее товаров и возможностей для торговли показывают, что упомянутые испанские изделия, возможно, продавались на Востоке. Автор упоминает масло, рыбные консервы, различные виды одежды, продукты из свинины, лошадей и эспарто для

изготовления фитилей для светильников и корабельных канатов. Поля эспарто были в Испании около Эмпория (Ампуриас) и Нового Карфагена (Strabo. 3.4.9).

Бетика упоминается в копии edictum de pretiis rerum venalium (I.88) из Афродисия. «С Востока в Бетику» — это фраза, которая указывает на значительные перевозки товаров морем, но не обязательно в направлении ввоза.

В городе Конимбрига (Лузитания) 15% монет поступали с Востока, и цифра эта подтверждается и в остальной Испании. Некоторые выходцы из Испании, занимавшие важное положение на Востоке, уйдя из политики, возвращались в Испанию, где их и хоронили. Д. Фернандес Гальяно[49] предполагает, что Maternus виллы Карранке, украшенной необыкновенными мозаиками[50], — это и есть знаменитый Матерн Кинегий, comes sacrarum largitionum в 381 г., quaestor sacri palatii в 383 г., praefectus praetorio Востока в 384 г., который незадолго до 388 г. был похоронен в церкви Святых Апостолов в Константинополе. Его жена Аканфия перевезла его останки в Испанию (Chron. Min. I. 245). Тот же, кто был погребен в саркофаге из Пуэбла Нуэва, судя по мавзолею, был важной персоной[51], разбирался в богословии на уровне своего времени и жил в Константинополе.

ОТНОШЕНИЯ С АФРИКОЙ

С древних времен отношения между Испанией и Африкой были интенсивными[52]. В таких испанских городах, как Августа Эмерита и Тарракон, были крупные африканские колонии, и очень популярные в Проконсульской Африке cupae использовались здесь в качестве надгробий. В период Поздней Римской империи связи продолжали крепнуть. Мы придерживаемся точки зрения об африканском происхождении испанского христианства[53], однако такой крупный специалист, как М. Сотомайор[54], не согласен с этим тезисом. Важность археологических подходов пропорциональна огромному массиву информации, которую дают находки в Испании, происходящие из Африки. Такой материал, как африканские амфоры[55], в которых в Испанию ввозилось масло, свидетельствует либо о низком уровне производства масла в Испании, не удовлетворявшем потребностей в нем, из-за чего и был необходим импорт; либо о том, что испанское масло лучшего качества экспортировалось, а африканское ввозилось взамен.

Тарракон импортировал африканские саркофаги, вероятно, потому что там была значительная по численности община выходцев из Африки[56]. Африканская

[49] La Villa de Materno. P. 265.

[50] *Patón B.* La villa romana de Carranque. Arquitectura y mosaicos // Revista de Arquelogía. 1992. 129. P. 30—38.

[51] *Hauschild Th.* Das Mausoleum bei Las Vegas de Pueblanueva // MM. 1969. 10. S. 296—316; *idem.* Untersuchungeń in der Märtyrerkirche von Marialba und dem Mausoleum von Las Vegas de Pueblanueva // Actas del VIII Congreso Internacional de Arqueología Cristiana. Città del Vaticano—Barcelona, 1972. P. 330—332; *Schlunk H.* Der Sarkophage von Puebla Nueva // MM. 1966. 7. P. 210—231; *Schlunk, Hauschild.* Op. cit. S. 129. Taf. 21 a.

[52] *Blázquez J.M.* Relaciones entre Hispania y el Norte de Africa desde Alejandro Magno a la venida de los árabes // Die Araber in der Alten Welt. II. B., 1969. S. 488—498; *idem.* Economía de la Hispania Romana. P. 647—668.

[53] *Blázquez J.M.* Imagen y mito. Estudios sobre religiones mediterraneas e iberas. Madrid, 1977. P. 467—494; *idem.* // Historia de España II. España Romana. P. 415—447; *idem.* Religiones en la España Antigua. Madrid, 1991. P. 361—372.

[54] *Sotomayor M.* Reflexión histórico-arqueológica sobre el supuesto origen africano del cristianismo hispano // II Reunió d'Arqueología Paleocristiana Hispánica. P. 11—29; *idem.* Influencias de la Iglesia de Cartago en las iglesias hispanas // Gerion. 1989.7. P. 277—287.

[56] *Keay S.J.* Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A Typology and Economic Study; the Catalan Evidence // BAR International Series 196(II). 1984.

[56] *Rodà I.* Sarcofagi della bottega di Cartagine e Tarraco // L'Africa Romana. VII. 2. Sassari, 1990. P. 727—736; *Schlunk H.* Un taller de sarcófagos cristianos en Terragona // AEspA. 1951. 24. P. 67—97; *idem.* Sarkophage aus christlichen Nekropolen in Karthago und Tarragona // MM. 1967.8. P. 230—258.

terra sigillata в Испании встречалась в изобилии, так же как и происходившая из Гадрумета керамика с фигурными изображениями на стенках сосудов[57].

Нами уже не раз было отмечано, что многие испанские мозаики позднеримского времени отмечены африканским влиянием[58], которое очевидно в мозаиках Аррониса (Наварра) с пальмами и африканскими птицами, Дуэньяса — с Нереидой на морских чудовищах и головой Океана, Сеговии — с лошадьми перед пальмовым деревом. Имена мастеров-мозаичистов, за исключением одного, кажется, не были африканскими. Было высказано предположение, что ремесленники приезжали из Проконсульской Африки, но более вероятным представляется использование сборников копий рисунков и альбомов с изображениями. На саркофагах изображались африканские христианские легенды, например о Перпетуе, африканской мученице эпохи Септимия Севера, на саркофаге из Буребы (Бургос)[59].

Все эти данные подтверждают, что Испания принимала как товары, так и художественные влияния из разных частей империи. Это также доказывает, что приток материалов, людей и художественных веяний гарантировал Испании, что она не окажется в стороне от важнейших тенденций Поздней Римской империи, не останется на обочине.

ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ИСПАНИИ

Города Северной Испании в незначительной мере усвоили римскую культуру, включая и то, что существовало на деле в период поздней Римской империи[60]. Это

[57] *Jarrega J.* Cerámicas finas tardorromanas y del Mediterraneo oriental en España. Estado de la cuestión. Madrid, 1991; *Vázquez de la Cueva A.* Sigillata africana en Augusta Emérita. Madrid, 1985.

[58] *Blázquez J.M.* Aspectos comunes de los mosaicos de Cerdeña, Africa y Eapaña // L'Africa Romana. VIII. Sassari, 1991. P. 911—926; *Lucas M.R.* La influencia africana en la iconografía equina de la villa de Aguilafuente (Segovia) // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología. 1986—1987. 13—14. P. 219—235; *Blázquez J.M., López Monteagudo G., Garcia Gelabert M.P., Neira M.L.* Influjos africanos en los mosaicos hispanos // L'Africa Romana. Sassari, 1990. P. 673—694.

[59] *Schlunk H.* Zu den frühchristlichen Sarkophagen aus der Bureba // MM. 1965. 6. S. 139—166.

[60] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales de la Reconquista. Barcelona, 1974; *Blázquez J.M.* Nuevos estudios sobre la romanización. Madrid, 1989. P. 147—246, 451—525, 573—616; *idem.* Urbanismo y sociedad en Hispania. Madrid, 1991. P. 233—270, 401—432; *idem.* La sociedad del Bajo Imperio en la obra de Salviano de Marsella. Madrid, 1990; *Santos Yanguas J.* Comunidades indígenas y administración romana. Vitoria, 1985; Asimilación y resistencia a la romanización en el norte de Hispania. Vitoria, 1985; *Caro Baroja J.* Los pueblos del norte de la Península Ibérica San Sebastian, 1973; *idem.* Los vascones y sus vecinos. San Sebastian, 1985; *Sayas J.J.* El poblamiento romano en el área de los vascones // Veleia. 1984. 1. P. 289—310; *idem.* Consideraciones históricas sobre Vasconia en época Bajo Imperial // Actas del Congreso de Estudios históricos. La Formación de Alava. Vitoria — Gastaiz, 1984. P. 481—510; *idem.* Los vascones y la bagaudia // Asimilación y resistencia a la romanización. P. 189—236; *idem.* Algunas consideraciones sobre la cristianización de los vascones // Príncipe de Viana. 1985. 174. P. 35—56; *idem.* Adivinos vascones y la Historia Augusta // Symbolae Ludovico Litxelena Septuagenario Oblatae. Victariacum Vasconorum, 1985. P. 593—606; *idem.* La presión cristiana sobre los territorios vascónicos en época Bajo Imperial // Actas del Congreso de Estudios Históricos. Vizcaya en la Edad Media. Bilbao, 1986. P. 49—62; *idem.* El fenómeno religioso en el pueblo vascón // Euskadi ante la Historia Bilbao—San Sebastian, 1987. P. 43—65; *idem.* La propagación del cristianismo entre los vascones // Ibid. P. 67—78; *idem.* De historiae Vasconiae rebus controversis // Actas del Primer Congreso General de Historia de Navarra. Anejo 6. Ponencias. Príncipe de Viana. Pamplona, 1987. P. 89—124; *idem.* Euskal Herria y los Pueblos Germánicos // Actas II Congreso Mundial Vasco. I. De los orígenes a la cristianización. San Sebastian, 1988. P. 381—409; *idem.* El culto al emperador entre las gentes vasconas // Espacio, Tiempo y Forma. Homenaje al Prof. E. Benito Ruano. Madrid, 1988. P. 437—445; *idem.* Los pactos de hospitalidad de Pompaelo en el contexto de los pactos de la Península Iberica // El Solar Vasco en la Antigüedad. Cuestiones de Lengua, Arqueología, Epigrafía e Historia. San Sebastian, 1989. P. 95—126; *idem.* Paganismo y cristianismo entre los vascones, una cuestión debatida // Studien zur Geschichte der römischen Spätantike. Festgabe für Prof. Joganes Straub / Ed. E. Chrysos. Athenae, 1989. S. 222—233; *idem.* Los vascones y el ejército romano // Hispania Antigua. 1986—1989. XIII. P. 97—120; *idem.* Ad census accipiendos de ciudades vascones y várdulas y la *legatio censualis* de un pamplonés // Espacio, Tiempo y Forma. II.2. 1989. P. 137—152; *López Melero R.* Una deditio de los vascones // Príncipe de Viana. Anejo 7. 1987. P. 465—485; *idem.* La supuesta invasión del siglo III d.C. en territorio de vascones // Espacio, Tiempo y Forma. II.3. 1990. P. 43—59; *Bravo G.* Acta Bagaudica (1): sobre quienes eran los «bagaudas» y su posible identificación en los textos tardíos // Gerion. 1984. 2. P. 251—265; *Sanchez León J.C.* Los bagaudas y la circulación de Orosio en la Edad Media. El ciclo hagiográfico en la Legión Tebana // Hispania Antigua. 1986—1989. XIII. P. 189—197.

было связано с тем, что север полуострова не был районом колонизации. За исключением нескольких случаев, здесь не были организованы колонии и муниципии. Такие типичные черты римской культуры, как игры в амфитеатрах, театральные представления и цирковые состязания, также не засвидетельствованы в этих областях. Несмотря на ограниченные масштабы римского влияния в регионе, здесь было несколько городов, существовавших как вполне римские. Их было немного (Bracara Augusta, Lucus Augusti, Asturica Augusta, Legio VII Gemina, Iuliobriga, Flaviobriga и Хихон), и некоторые из них имели лишь административное значение.

На территории от реки Дуэро до Бискайского залива, включая долину Тахо, известно большое число местных богов[61], что свидетельствует о слабой романизации. Эти города интересовали Рим только как источник для пополнения войска[62] и набора рабочей силы для золотых рудников северо-запада. Тем не менее сегодня мы вынуждены вносить коррективы в прежние представления. Большое число possessores среди астурийцев убедительно свидетельствует о распространении типичных для поздней Римской империи форм хозяйствования, включая и виллы с превосходными мозаиками[63]. Ранее мы, вслед за М. Вихилем, А. Барберо и другими исследователями, придерживались мнения, что в области астурийцев и басков существовал лимес того же типа, что и в Африке или Сирии в период Поздней Римской империи. Ныне же наша точка зрения[64] состоит в том, что здесь, как и на севере Галлии, прочно обосновались laeti или gentiles. Погребения Дуэро дают материал, похожий на погребения германского лимеса[65].

ХРИСТИАНСТВО

В период Поздней Римской империи христианство в Испании было распространено не очень значительно[66]. В начале IV в. большинство участников Собора в Илиберрисе (Эльвире) были с юга Испании, и во время гонений Диоклетиана число мучеников было незначительно[67]; в обширных районах не происходило ничего. Судя по данным о Соборе в Илиберрисе, христианство зародилось в среде высших социальных классов, так как христианами зачастую были богатые люди (Canon. III—V, XIX—XX, XLIX, LVI, LIX, LXXX). На Соборе испанская церковь выдвинула критерии мирского существования и сурового аскетизма. Проповедником аскетизма в Испании был Присциллиан[68], происходивший из богатой семьи. Он проповедовал в основном среди богатых женщин, интеллектуалов и представителей верхушки испанского общества. Это было радикальное христианство, которое порывалось выйти из-под контроля развращенных

---

[61] *Blázquez J.M.* Religiones primitivas de Hispania. I. Fuentes literarias y epigráficas. Madrid, 1962; *idem.* Die Mythologie der Althispanier // Wörterbuch der Mythologie. II. Götter und Mythen im Alten Europa. Stuttgart. 1973. S. 707—828; *idem.* Diccionario de las religiones prerromanas de Hispania. Madrid, 1975; *idem.* Einheimische Religionen Hispaniens in der römische Kaiserzeit // ANRW. Bd II. 18.1. 1986. S. 165—275; *idem.* // Historia de España. II. España Romana. P. 261—321; *idem.* Primitivas religiones ibéricas. II. Religiones prerromanas. Masrid, 1983. P. 177—488; *idem.* Religiones en la España antigua. Passim; D'Encarnação. Divindades indígenas de Lusitania. Coimbra, 1987.

[62] *Roldán J.M.* Hispania y el ejército romano. Contribución a la historia social de la España Antigua. Madrid, 1974.

[63] *Blázquez J.M.* Mosaicos hispanos del Bajo Imperio // AEspA. 1977—1978. 50—51. P. 269—275. Fig. 1—8; *idem.* Arte y sociedad en los mosaicos del Bajo Imperio // Bellas Artés. 1976. 76. P. 13—22.

[64] *Idem.* Nuevos estudios sobre la romanización. P. 617—642.

[65] *Fuentes A.* La necrópolis tardorromana de Albalate de las Nogueras (Cuenca) y el problema de las denominadas «necrópolis del Duero». Cuenca, 1989.

[66] *Sotomayor M.* La Iglesia en la España romana y visigoda // Historia de la Iglesia en España. Madrid, 1979. P. 35—400.

[67] *Fábrega A.* Pasionario hispánico. I—II. Madris—Barcelona, 1953—1955.

[68] *Blázquez.* Religiones en la España antigua. P. 373—442; *Sotomayor.* La Iglesia en la España Romana y visigoda. P. 233—272.

епископов, таких, как архиепископ Августы Эмериты, вследствие этого претерпевший гонения. Присциллиан был подвергнут пыткам и осужден на смерть по решению гражданских властей, и это был первый случай подобного приговора. Позже тело его перенесли в Испанию и стали представлять его как мученика. Галисийский епископат имеет присциллианское происхождение.

В испанской церкви насчитывалось несколько крупных писателей[69], среди которых выделялись фигуры Пруденция и Орозия. Но заслуживают упоминания и Григорий Илиберрийский, и Потамий из Олисипона, и Патиан из Барцинона, а также Баквиарий, Ювенк и Эгерия.

Социально-экономическое положение Испании в период Поздней Римской империи было далеко от процветания первых столетий[70], но она не была захолустьем, не имевшим особого значения для империи.

CHARACTERISTICS OF THE HISPANIC SOCIETY OF THE LATE ROMAN EMPIRE

J.M. Blázquez Martinez

The crisis of the 3rd cent. caused a profound change in the hispanic society. The invasions of the Francs in the period of Gallienus, and probably of Aurelianus, practically destroyed all of Hispania except for the northern part of the Iberian Peninsula which was not as romanized and the inhabitants continued living as they did before the Roman conquest. As a result of the German invasions the cities were muralized during the age of Tetrarchy. Many towns and cities like Gadir, Castulo, Italica etc., were abandoned which originated the appearance of a large estate that did not exist before in Hispania. This is when the ruralization at a large scale began in Hispania.

The hispanic economy of the Late Roman Empire was fundamentally based on the agricultural and stock farm exploitations and on the escalation of the large estates as a system of agricultural exploitation. The extension of the villa reached between 260 hectares (Pyrenees), 350 hectares (Baetica) and 5000—1000 hectares (Lusitania). The archaeology can permit such an idea to be made of these villas. The most serious social and economic problem during the Late Roman Empire in Hispania and the rest of the empire was that the few landowners monopolized the richnesses of agriculture and stock farms while the majority of the population lived in poverty.

At the beginning of the Tetrarchy, the administration of Hispania was newly reorganized. The *dioecesis Hispaniarum* occupied a good position within the ensemble of the important regional governments of the *pars Occidentis*. The hispanic elite was related to the rest of the empire and more specifically with those of Rome. The hispanics performed important duties in the imperial administration, principally during the government of Theodosius.

The article examines the relations of Hispania with Italy, Africa and the Orient. Hispania received products and artistic influences from various parts of the empire. The arrival of material, people and artistic influence kept Hispania from being set aside of the big trends of the Late Roman Empire.

Hispania during the Late Roman did not reach or coincide with the prospering economic and social situation of the beginning centuries of the Empire, but it was not a marginal off zone without importance in the empire.

---

[69] *Codoñer C.* // Historia de España. II. España romana. P. 523—555; *Sotomayor.* La Iglesia en la España Romana y visigoda. P. 311—371.

[70] *Blázquez.* Economía de la Hispania Romana. P. 253—461; *idem.* // Historia de España. II. España Romana.

© 1993 г.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ СЕРЕБРЯНОГО ЗЕРКАЛА ИЗ КЕЛЕРМЕСА

Более 35 лет назад была опубликована хорошо известная статья М.И. Максимовой[1], посвященная стилистическому анализу серебряного зеркала, найденного в 1904 г. в кургане раннескифского времени близ ст. Келермесской (Гиагинский р-н Краснодарского края). Однако со временем основные выводы, сделанные автором статьи, стали вызывать сомнения[2], и ныне остро встала задача дополнительного изучения этого уникального памятника торевтики[3].

Как известно, зеркало представляет собой серебряный диск (диаметр 170—172 мм) с бортиком на тыльной стороне (высота 6—11 мм), орнаментированный электровой обкладкой, состоящей из восьми пластин-секторов, которые смыкаются вокруг столбиков утраченной ручки (диаметр 5 мм, высота 2 мм) (рис. 1).

Отметим прежде всего, что диск зеркала был отлит по восковой модели вместе с бортиком и ручкой. Никаких признаков загиба края диска кверху ударами молотка, как утверждала М.И. Максимова[4], не наблюдается. Подчеркиваем и то, что с самого начала предусматривалось крепление обкладки — у основания бортика имеется выступ, под который впоследствии были заведены края пластин и закреплены путем прочеканки выступа сверху. В результате этого получается рубчатый поясок, идущий вдоль бортика. Подобным же способом были скреплены пластины друг с другом; на стыках между ними мастер наложил тонкие электровые полоски, местами их припаял, а по всей длине прочеканил. У столбиков ручки пластины скреплялись чем-то похожим на шайбы, от которых остались следы в виде окружностей.

У края диска, где, по-видимому, находился литник, произошел недолив серебра. М.И. Максимова заблуждалась, считая, что брак был исправлен путем вковывания в лакуну дополнительного куска металла[5]. На самом деле мастер доливал изделие. Предварительно ему пришлось сделать девять насечек и просверлить ряд лунок, чтобы новый металл крепче схватился со старым.

Рисунок на тыльной стороне зеркала наносился после прикрепления обкладки к диску и выполнялся не пунсовкой, как полагала М.И. Максимова[6], а в технике металлопластики с доработкой чеканом, в результате чего изображения оттиснулись и на самом диске[7].

Келермесское серебряное зеркало, как уже давно установлено, типологически

---

[1] *Максимова М.И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Т. XXI.

[2] *Артамонов М.И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 43; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев,. 1983. С. 66—67.

[3] Выражаем большую признательность Л.К. Галаниной за оказанную помощь.

[4] *Максимова.* Ук. соч. С. 282.

[5] Там же. С. 282.

[6] Там же. С. 283.

[7] Автор благодарит Р.С. Минасяна за ценные консультации по технике изготовления зеркала.

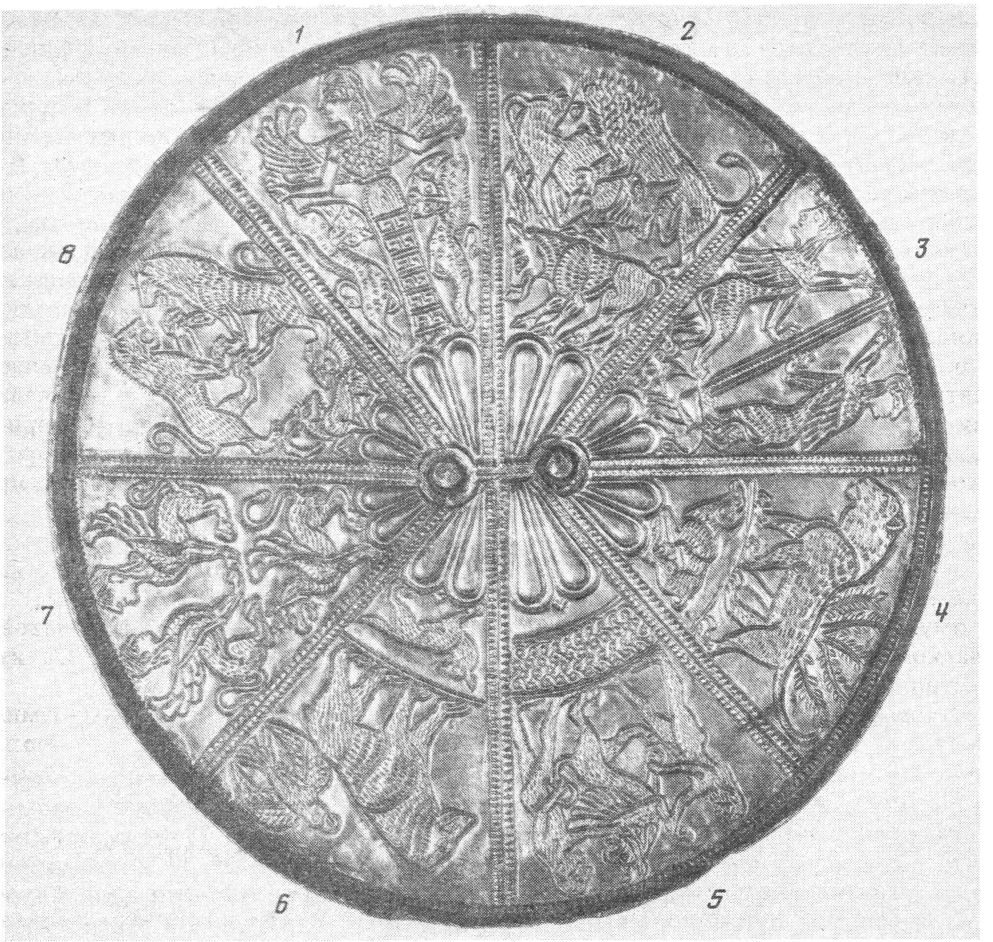

Рис. 1. Келермесское зеркало

сходно с бронзовыми дисковидными с центральной ручкой зеркалами раннескифского времени, бытовавшими на территории евразийского пояса степей.

Б.З. Рабинович и М.И. Максимова[8] предполагали, что несохранившаяся ручка келермесского зеркала завершалась зооморфной бляшкой. Это мнение кажется убедительным, так как, окажись на тыльной стороне петельчатая ручка, вся орнаментальная композиция распалась бы.

В скифо-сибирском мире встречаются орнаментированные зеркала[9]. Украшениями на них служат, как правило, геометрические фигуры, чаще всего крестообразные. Уникально зеркало, происходящее с Алтая[10] (первая половина

---

[8] *Рабинович Б.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. // СА. 1936. Т. 1. С. 90; *Максимова.* Ук. соч. С. 282—283.

[9] *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. С. 35. Рис. 11*в*; *Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (По данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. Рис. 3, *10, 13*; *Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. Рис. 4, *11*; *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл. 21, *2*; *Tallgren A.-M.* Collection Tovostine des antiquitès préhistorique de Minoussinsk conservèes chez le Dr. K. Hedman à Vasa. Helsingfors, Pl. VIII, *3*; *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 314. Рис. 5, *10*; *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Погулья). Киев, 1968. Табл. XVI, *1*.

[10] *Грязнов.* Ук. соч. Рис. 4, *12*.

VII в. до н.э., по Л.С. Марсадолову, или VIII в. до н.э., по Я.А. Шеру[11]), на котором изображены по кругу пять оленей и козел, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле.

Келермесское зеркало отличается от данной группы зеркал и по материалу, и по богатству декора. Оно и изготовлено гораздо тщательнее бронзовых зеркал, на которых фиксирующиеся в ряде случаев дефекты обычно не исправлены.

Основу орнаментальной композиции на электровой обкладке создают два перпендикулярно пересекающихся диаметра — двойные рубчатые полосы (крест на скифо-сибирских зеркалах?). Рубчатое же обрамление, идущее по краю диска, ограничивает композицию. Сектора обкладки соединяются в центре розетки, имеющей неправильную форму, что отчасти нарушает общую симметрию. Очевидно, была права М.И. Максимова, усматривавшая в этом случае стремление торевта сгруппировать пластины вокруг столбиков ручки[12]. Однако наличие ручки не объясняет причину разделения обкладки на восемь секторов (например, можно было обойтись двумя полукружиями). Скорее всего это было продиктовано какими-то иными, возможно, и идеологическими соображениями, по предположению С.С. Бессоновой[13].

Следует отметить, что разграничение декора на сектора — довольно редкое явление в искусстве древнего мира. Вслед за С.С. Бессоновой[14] в качестве параллели сошлемся на бронзовую финикийскую чашу из Афин (IX в. до н.э.)[15]. К этому добавим, что и сама манера украшать серебряные предметы золотой обкладкой также была известна в торевтике Финикии (чаша VII в. до н.э. из Палестрины)[16].

Сектора обкладки келермесского зеркала плотно заполнены изображениями. Несмотря на четкие границы пластин, разделение их плоскостей на верхнюю и нижнюю части создает впечатление двух кольцеобразных поясов, обрамляющих розетку. Преобладающая левосторонняя направленность фигур как бы закручивает их против часовой стрелки. Вся композиция, за исключением сектора с кошачьим хищником на фоне дерева, не имеет второго плана. Фигуры отличаются монументальностью. Все они выполнены в едином стиле, который характеризуется яркой эклектичностью, что позволяет условно разделить изображения на три группы (правда, иные по составу, чем у М.И. Максимовой[17]).

Первую группу составляют фигуры богини (сектор 1)[18], сфинксов (сектора 3, 7), грифонов (сектора 5, 7), пантер или барсов (сектора 1, 4), безоарового козла (сектор 8), шакала (сектор 6) и головы барана — муфлона или аркала (сектор 8)[19]. Мы не включили в нее льва (сектор 2) и медведя (сектор 6), в отличие от М.М. Максимовой[20], по причинам, которые будут указаны ниже. Исследовательница называла группу «чисто греческой». По нашему мнению, следует дать более осторожное определение, а именно: изображения, в которых преобладают черты восточноионийского искусства.

Перейдем к подробному рассмотрению фигур. Богиня занимает целый сек-

---

[11] *Шер Я.А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 343.

[12] *Максимова.* Ук. соч. С. 284—285.

[13] *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 83.

[14] Там же. С. 84.

[15] *Perrot G., Chipier C.* Histoire de l'art dans l'antiquité. T. III. P., 1885. Fig. 550.

[16] *Clermont-Ganneau Ch.* L'imagerie Phénicienne et la Mythologie iconologique chez les Grecs // Ire Partie. La coupe phénicienne Palestrina. Etudes d'archéologie orientale. P., 1880. Pl. 1.

[17] *Максимова.* Ук. соч. С. 286—299.

[18] Здесь и далее выдерживается нумерация, предложенная М.И. Максимовой.

[19] Выражаем благодарность зоологам Г.Ф. Барышникову, О.Р. Потаповой и А.К. Каспарову за определение животных.

[20] *Максимова.* Ук. соч. С. 286.

Рис. 2. *1* — богиня. Келермесское зеркало (сектор 1); *2* — богиня. Бронзовая пластина. Олимпия. Вторая половина VII в. до н.э.

тор, тем самым выделяясь среди прочих изображений. Тело ее представлено в фас, а голова и ступни — в профиль (рис. 2, *1*). Такое расположение антропоморфной фигуры обычно в восточном искусстве[21]. Крылья богини аналогичны крыльям грифонов и сфинксов, только перья у нее покрыты штриховкой, что, по-видимому, также служило для выделения женского божества из ряда других фантастических персонажей. Сам тип крыльев, по мнению Н.Н. Погребовой, происходит из переднеазиатского искусства, в частности из финикийской традиции, и был широко распространен в художественном творчестве периода архаики о-ва Родос и побережья Малой Азии[22]. Много аналогий изображению крыльев в восточногреческом искусстве привела М.И. Максимова[23]. Фигура богини плоская, безгрудая, с непропорционально большой головой. По общим очертаниям она отдаленно напоминает колонну, что перекликается с греческой скульптурой дедалического стиля (вторая половина VII в. до н.э.)[24].

Изображение божества с животным на руках было широко известно с глубокой древности на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Индии. «Келермесская» богиня обнаруживает сходство с божествами на электровых подвесках из Камира на Родосе (вторая половина VII в. до н.э.)[25]. Наиболее близка к нашей фигура на бронзовой пластине из Олимпии (вторая половина VII в. до н.э.)[26] (рис. 2, *2*), в которой М. Колиньон усматривал сильное влияние лидийского и финикийского искусства[27]. У «олимпийской»

[21] *Флиттнер Н.Д.* Охота и борьба с животными в искусстве Передней Азии и золотой перстень № 6652 Гос. Эрмитажа // Труды отдела Востока ГЭ. Т. III. Л., 1940. С. 50.

[22] *Погребова Н.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 64.

[23] *Максимова.* Ук. соч. С. 288, 295.

[24] *Виппер Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. № 85; *Collignon M.* Histoire de la sculpture Grecque. T. I. P., 1892. Fig. 63; Mer d'Egée, Grèce, des Iles. P., 1979. № 71.

[25] Сокровища Британского музея / Сост. Ф. Френсис М., 1984. № 166; Mer. d'Egée, Grèce, des Iles. № 71.

[26] *Radet G.* Cybèbè. P., 1909. Fig. 24.

[27] *Collignon.* Op. cit. P. 89—90.

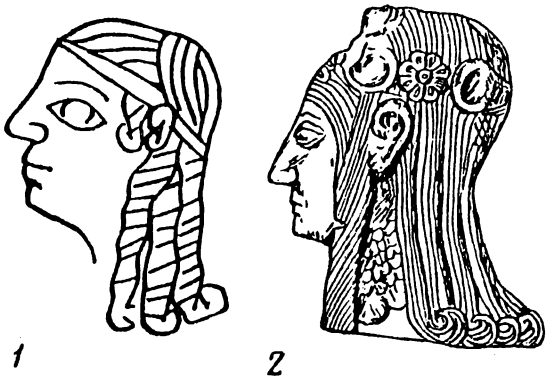

Рис. 3. *1* — голова богини. Келермесское зеркало; *2* — женская голова. Слоновая кость. Нимруд. VIII в. до н.э.

богини такой же, как у «келермесской», поворот головы и ступней, присутствует и головная повязка (диадема?), пряди волос (косицы?) так же спускаются на грудь, имеется аналогичный завиток волос у уха, а круто закрученные крылья за спиной обладают тоже двухрядным оперением. Нельзя, однако, не отметить, что «келермесская» богиня отличается от «олимпийской» некоторым архаизмом и «варваризацией» в трактовке. Так, «олимпийское» божество имеет более правильные пропорции, вдоль бедер и ног у нее идут два дополнительных крыла, общий контур которых почти сливается в непрерывную кривую линию, надкрылья узкие и вытянутые, с рядами мелких чешуек, одежда не испещрена узорами, а украшена только мелкими плавными складками. Кроме того, на бронзовой пластине спутниками богини являются львы, и позы у них иные, чем у «келермесских» пантер. Шишковидные окончания львиных хвостов выполнены менее стилизованно.

Несколько замечаний о голове богини. Ее лицо сходно со всеми лицами антропоморфных существ на зеркале. При сравнении с образами персонажей родосско-ионийской школы бросается в глаза укрупненность черт, а также некоторая сдавленность и удлиненность черепов келермесских персонажей. По мнению М.И. Максимовой[28] и Л.В. Копейкиной[29], эти особенности были характерны для ассиро-вавилонского круга и, добавим, сиро-финикийского тоже[30].

Однотипны и прически антропоморфных существ на зеркале. Правда, у самой богини пряди, ниспадающие на плечи и грудь, покрыты штриховкой, что, подобно проработке перьев, выделяет ее из этого ряда. Похожие прически М.И. Максимова обнаружила в восточно-греческом искусстве[31]. Однако на греческих образцах отсутствует существенная деталь — завитки на концах прядей. Сходные завитые пряди, как считала Л.В. Копейкина, специфичны только для ассиро-вавилонской традиции[32], однако в сиро-финикийском искусстве они известны тоже[33] (рис. 3, *1, 2*).

Таким образом, на основании черт лица и прически «келермесской» богини можно говорить о собирательном, синкретическом типе, который занимает промежуточное положение между сиро-финикийским и восточногреческим, наиболее приближаясь к восточногреческому.

---

[28] *Максимова.* Ук. соч. С. 289.

[29] *Копейкина Л.В.* Келермесское зеркало (К вопросу о датировке и месте его изготовления). 1981 — фрагменты незаконченной статьи, хранящейся в отделе античного мира ГЭ.

[30] The Metropolitan Museum of art. Bulletin. N.Y., 1985. V. XLI. № 4, *47.*

[31] *Максимова.* Ук. соч. С. 288.

[32] *Копейкина.* Ук. соч.

[33] *Mallowan M.E.L.* Nimrud and its remains. V. II. L., 1966. № 450; The Metropolitan Museum... № 47.

Сфинксы и грифоны, представленные на зеркале, имеют много сходных черт. Их тела, крылья и хвосты идентичны, различаются только головы. Как отмечали С.А. Жебелев, Б.В. Фармаковский, Г.И. Боровка, Н.Н. Погребова, М.И. Максимова и Л.В. Копейкина[34], эти фантастические существа находят близкие параллели в родосско-ионийской вазописи. В качестве примера вслед за Л.В. Копейкиной приведем сфинкса и грифона с ойнохои Леви (650—640 гг. до н.э., рис. 4, *1, 2*). Действительно, там фантастические существа имеют те же непропорционально большие головы, во многом сходные прически, круто загнутые крылья, выделенную мускулатуру тела и лап, а также похожее шишковидное окончание хвоста. Однако для родосско-ионийской традиции характерна более обобщенная трактовка прически и оперения.

Тела сфинксов и грифонов, как почти у всех животных на зеркале (кроме хищников в секторах 1, 3, 4), покрыты черточками, имитирующими волосяной покров. Подобный художественный прием был известен не только в греческой архаике[35], но и в ассирийском искусстве[36], а также в Иране[37] и Финикии[38].

Кроме того, фантастические существа (сектор 3, 5) и большинство животных имеют на задних лапах по две разделительные линии, что характерно, по замечанию М.И. Максимовой[39], для зверей родосско-ионийской вазописи. Однако появление этой черты на келермесском зеркале, очевидно, нельзя связывать только с греческим миром, так как аналогичный элемент встречается и на Востоке (хеттский барельеф из Эйюка[40], изображения на сосуде из Ирана[41]).

Хвосты сфинксов, грифонов и всех других хищников (кроме зверя в секторе 4) имеют своеобразно трактованное шишковидное окончание. Оно отделено от хвоста двумя штрихами и орнаментировано двумя-тремя уголками. Эта деталь особенно часто встречается на памятниках ионийского происхождения[42], а также, по-видимому, была почерпнута из восточной художественной традиции, где она известна с III тыс. до н.э. (рельефы сосуда из Хафадже[43]).

Важно отметить, что в первой половине VI в. до н.э. ионийские сфинксы и грифоны претерпевают заметные изменения. Удлиняются их фигуры, утяжеляются передние и задние части тела, появляется узкая талия, тщательно прорабатываются бедра, живот, хвост и крылья (хотя встречаются и совсем неразработанные крылья без изображения перьев). Часто прическа у сфинксов трактуется в виде сплошной шапочки. В подтверждение упомянем изображение сфинкса на халкидском шлеме середины VI в. до н.э. (рис. 4, *3*). Тонко выписанное бедро у этого существа приобрело округлый выступ, заштрихованный хвост лишился шишковидного окончания, на крыле появился дополнительный ряд перьев, крыло утратило плавный переход в переднюю лапу, и стало вырастать из окончания мускула, делящего лапу пополам.

Исходя из развития восточногреческих фантастических образов, Л.В. Копейкина отнесла грифонов и сфинксов на зеркале ко второй половине VII в. до н.э.,

---

[34] *Жебелев С.А.* Келермесское зеркало и ритон. Статья. Автограф. 1905 // Архив РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 3. Л. 20—21; *Фармаковский Б.В.* Архаическое зеркало из Келермесского кургана. Тезисы доклада, 1920 // РАИМК РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. III. Л. 10; *Боровка Г.И.* Бронзовый олень из Ульского кургана //ИРАИМК. 1922. Вып. 2. С. 201; *Погребова.* Ук. соч. С. 64; *Максимова.* Ук. соч. С. 289. *Копейкина.* Ук. соч.

[35] *Максимова.* Ук. соч. С. 288.

[36] *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bd. IV/3. München, 1980. Tabl. 104, *B* 6.

[37] *Vanden Berghe L.* Luristan een verdwenen Bronskunst uit West-Iran. Brussel, 1982. Abb. 54—55; The Metropolitan Museum... Fig. 34.

[38] *Clermont-Ganneau.* Op. cit. Pl. I.

[39] *Максимова.* Ук. соч. С. 287—288.

[40] *Perrot, Chipier.* Op. cit. T. IV. P. 680. Fig. 340.

[41] *Huot H.-L.* Iran. V. 1 // Archaeologia mundi. P., 1965. Ill. 51.

[42] *Richter G.M.A.* Animals in Greek Sculpture. N.Y., 1930. Pl. IX. Fig. 30; *Копейкина Л.В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир Гора // ВДИ. 1972. № 1. Рис. 4*а*.

[43] *Флиттнер Н.Д.* Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л., 1958. С. 75.

Рис. 4. *1* — сфинксы и грифон. Келермесское зеркало (сектор 7); *2* — сфинкс и грифон. Ойноэоя Леви. 650—640 гг. до н.э.; *3* — сфинкс. Халкидский шлем. Олимпия. Середина VI в. до н.э.; *4* — протома грифона. О-в. Самос (?). Конец VII в. до н.э.

не позднее 40—30-х годов этого столетия[44]. Датировка М.И. Максимовой келермесских грифонов второй половиной VI в. до н.э. ошибочна, так как основана на неправильном хронологическом разделении групп родосско-ионийской керамики[45]. К тому же исследовательница в поисках аналогий избыточное вни-

[44] *Копейкина.* Келермесское зеркало...

[45] *Максимова.* Ук. соч. С. 287. Прим. 1. С. 289; См. также: *Копейкина Л.В.* Формирование и развитие ориентализирующего стиля в родосско-ионийской керамике (По материалам раскопок Березани): Дис. канд. искусств. Л., 1971. С. 29.

Рис. 5. *1* — сфинксы. Келермесское зеркало (сектор 3); *2* — сфинксы. Бронзовый панцирь. Олимпия. Вторая половина VII в. до н.э.

мание уделила керамике группы Эвфорба, хотя более правильным было бы обратиться к изделиям класса Камир и «ориентализирующей» группы. На VII в. до н.э. указывают и архаические греческие бронзовые протомы грифонов[46] (рис. 4, *4*).

Геральдическая композиция из сфинксов в секторе 3 (рис. 5, *1*), по мнению М.И. Максимовой, находит аналогию на обломке симы первой четверти VI в. до н.э. из Ларисы на Гермосе[47]. Однако изображение на симе не может служить полной аналогией из-за фрагментарности. Большую близость можно увидеть на бронзовом панцире второй половины VII в. до н.э. из Олимпии[48] (рис. 5, *2*), о чем, кстати, упоминал еще С.А. Жебелев[49]. Правда, на панцире нет изображения колонны и головы сфинксов обращены вперед, а не назад. Такой не характерный для греческого архаического искусства поворот голов привел Л.В. Копейкину к выводу о заимствовании этой иконографической детали из восточного художественного репертуара[50]. Для примера можно сослаться на медную пластину с фигурами грифонов IX в. до н.э., происходящую из Нимруда[51].

Следующие изображения первой стилистической группы — пантеры секторов 1 и 4[52] (рис. 6, *1а,б*). Несмотря на то что это звери одной породы, у них имеется ряд отличительных черт. Так, фигура хищника под деревом выделяется массивностью головы и шеи, плечо ограничено не линией, а пятнами шкуры, ухо и хвост заштрихованы, на конце хвоста вместо шишковидного окончания — пучок волос, а полость живота подчеркнута елочкой, как у львов на зеркале. Не исключено, что в данном случае имелся в виду самец, как это предполагал С.А. Жебелев[53].

Пантеры келермесского зеркала находят много общего с изображениями ориентализирующего стиля на родосско-ионийских сосудах третьей четверти VII в. до н.э.[54], электровом ожерелье (700—600 гг. до н.э.) и кулоне (630—

[46] *Mitten D.G., Doeringer S.F.* Master bronzes from the Classical World. Mainz on Rhine, 1968. № 65.

[47] *Максимова.* Ук. соч. С. 289—290.

[48] *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. Bd III. München, 1923. Tabl. 30. № 135.

[49] *Жебелев.* Ук. соч. Л. 20.

[50] *Копейкина.* Келермесское зеркало...

[51] *Mallowan.* Op. cit. V. II. № 324.

[52] Утверждение Б.С. Виноградова, приведенное М.И. Максимовой (Ук. соч. С. 293), что в секторе 4 изображен тигр, нам представляется неубедительным. Заключение сделано на основе кажущейся полосатости тела зверя и формы хвоста. Подобная полосатость прослеживается и у пантер сектора 1, только они расположены вертикально на задних лапах, и полосы идут не поперек, а вдоль тел. Хвосты же далеко не у всех пантер на памятниках искусства имеют шишковидное окончание.

[53] *Жебелев.* Ук. соч. Л. 22.

[54] *Копейкина.* Келермесское зеркало...

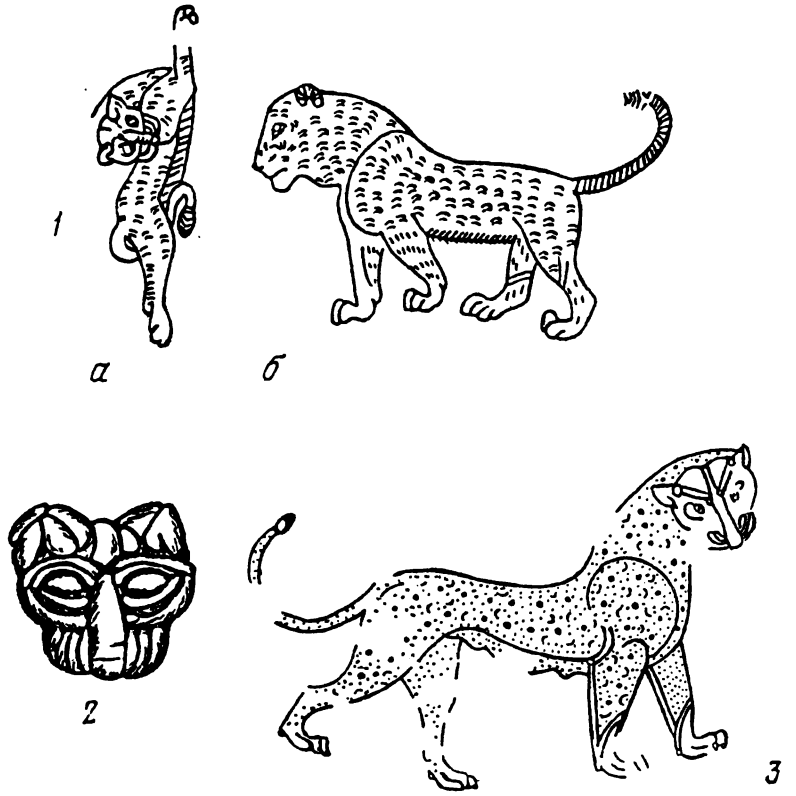

Рис. 6. *1* — пантеры. Келермесское зеркало (*а* — сектор 1, *б* — сектор 4); *2* — голова пантеры. Фрагмент электрового кулона. Камир, о-в. Родос. 630—620-е гг. до н.э.; *3* — пантера. Ойнохоя. Курган Темир-Гора. 640-е гг. до н.э.

620 гг. до н.э.) из Камира на Родосе[55], а также на греческой терракоте VII—VI вв. до н.э.[56] Особенно близкое сходство обнаруживается с пантерой на ойнохое из кургана Темир-Гора (40-е гг. VII до н.э.)[57] (рис. 6, *3*). Пантеры сектора 1 сближаются с ней характерной трактовкой морды и тела, а хищник сектора 4 изображен в сходной позе (единственное отличие — поворот головы).

Безоаровый козел на зеркале также выполнен в канонах родосско-ионийской вазописи. Примером вновь может служить изображение на ойнохое из Темир-Горы[58]. Вообще же поза лежащего копытного с выставленной вперед и согнутой передней ногой была характерна как для искусства древнего Востока[59], так и для ионийской художественной традиции[60].

Фигура «келермесского» шакала напоминает бегущих собак ориентализирующего стиля[61]. Упомянем изображения на ойнохое из Темир-Горы[62], а также на фрагментах диноса с о-ва Березань (последняя четверть VII — рубеж VII—

---

[55] Сокровища Британского музея... № 166; Mer d'Egée Grèce... № 92—93.

[56] *Richter.* Op. cit. Pl. IX. Fig. 30.

[57] *Копейкина.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя... Рис. 4*а*.

[58] Там же. Рис. 3*а*.

[59] *Артамонов.* Ук. соч. С. 12.

[60] *Furtwängler A.* Die Antiken Gemmen. Geschichte der Steinscheidekunst im klassischen Altertum. Bd III. Lpz.—B., 1900. S. 71.

[61] *Максимова.* Ук. соч. С. 289. Прим. 1; *Копейкина.* Келермесское зеркало...

[62] *Копейкина.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя... Рис. 3*б*.

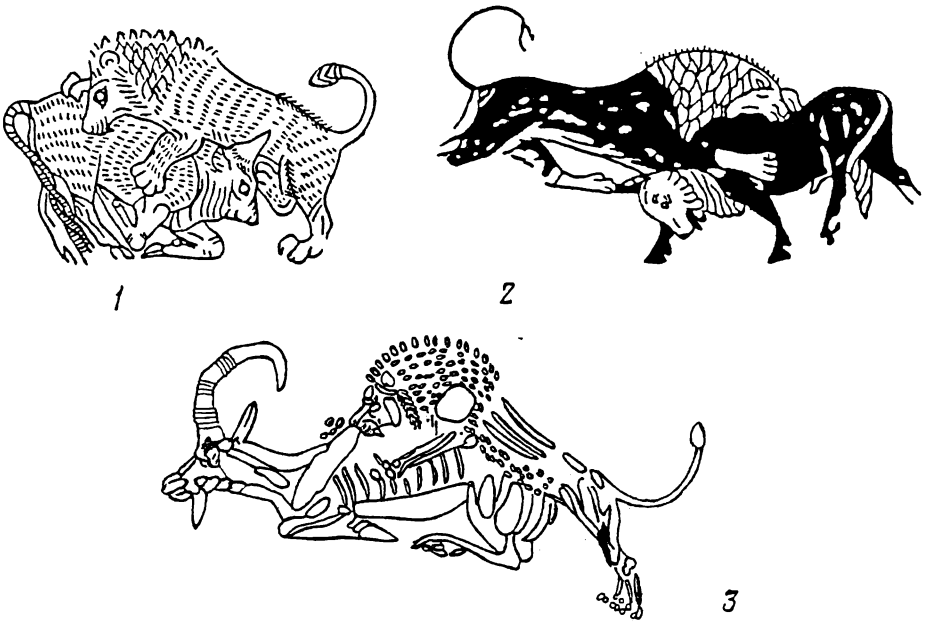

Рис. 7. *1* — лев и бык. Келермесское зеркало (сектор 2); *2* — лев и бык. Ойнохоя, о-в. Родос. 650—600-е гг. до н.э.; *3* — лев и козел. Электровая чаша. Келермес

VI вв. до н.э.)[63]. Однако шакал имеет более короткое тело, его передняя лапа не оторвана от земли, и голова обращена назад.

Голова барана, лежащая на крупе козла, ничем не отличается от головы травоядного животного в секторе 4, разве что здесь показана бровь и рог украшен двумя парами поперечных линий. В целом ее облик ничем не отличается от иконографического стереотипа восточноионийского круга[64].

Вторую стилистическую группу составляют фигуры, в изображении которых доминирует влияние художественных традиций Ближнего Востока, — это львы (сектора 2, 8), бык (сектор 2) и антропоморфные существа, борющиеся с грифоном (сектор 5).

Три льва, подобно пантерам, выполнены различно. Хищник, терзающий быка (сектор 2) (рис. 7, *1*), имеет более массивную голову и подчеркнуто пышную гриву. Вероятно, в секторе 8 изображены дерущиеся молодые львы или самки. Непропорционально укороченные морды львов и раскрытые пасти с высунутыми изогнутыми языками (сектор 8) указывают, по мнению Л.В. Копейкиной[65], на хеттское влияние. Пучки волос гривы у зверя в секторе 2, переданные в виде чуть изогнутых острых углов, также находят аналогии в хеттском искусстве[66]. Шерсть на спине и брюхе этих хищников трактована в виде елочек. В этом отношении они перекликаются с изображением волка на двухсоставном электровом сосуде из Келермеса, выполненном в позднеассирийском стиле[67].

---

[63] *Копейкина Л.В.* Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о-ва Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. Рис. 24.

[64] *Максимова.* Ук. соч. С. 295.

[65] *Копейкина.* Келермесское зеркало...

[66] Там же.

[67] Scythian Art / Сост. Л. Галанина, Н. Грач. Л., 1986. Pl. 26.

Сцена борьбы хищника с травоядным животным была очень популярна в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Совершенно права М.И. Максимова, оспорившая выводы Х. Пейна и К. Шефольда, связавших группу на келермесском зеркале с искусством материковой Греции[68]. По мнению Л.В. Копейкиной, восточногреческое искусство завершило композиционное решение этого сюжета в 40—20-е гг. VII в. до н.э.[69], а не в первой четверти VI в. до н.э., как считала М.И. Максимова[70]. Если учитывать роспись ойнохои с о-ва Родос[71] (рис. 7, *2*), относящуюся к 650—600 гг. до н.э., то из датировок нельзя исключить и середину VII в. до н.э. Несмотря на несомненную близость сцены на ойнохое с композицией на зеркале, у них имеется существенное различие — расписные изображения не столь тесно сгруппированы, как на зеркале[72]. К тому же лев, представленный на ойнохое, не имеет четко выраженных «бакенбардов» и ухо у него не округлое, а остроконечное. На основе этих характерных черт «келермесский» хищник может быть сближен со львами позднеассирийского искусства (рельефы дворца Ассурбанапала в Ниневии)[73]. Заметим, что и наиболее тесное смыкание фигур животных обнаруживается также в восточном искусстве (рис. 7, *3*).

Истоки композиции двух сцепившихся львов в секторе 8 исследователи находили в восточном художественном наследии[74]. В качестве примера назовем лишь следующие памятники: хеттский барельеф из Язылкая (XIV в. до н.э.)[75], цилиндрическую ассирийскую печать (1350—1000 гг. до н.э.)[76] и бронзовую булавку из Луристана (начало I тыс. до н.э.)[77]. В греческом искусстве подобная схема встречается, вероятно, с VII в. до н.э.[78] Причем львы там представлены, как и на келермесском зеркале, с тремя поднятыми лапами, что крайне редко наблюдается в восточных образцах, исключая, пожалуй, хеттское искусство[79].

Другое изображение, входящее в эту группу, — фигура быка (рис. 8, *1*). Его облик напоминает канонический образ восточноионийских мастеров (рис. 8, *2*), однако присутствует несколько характерных отличий: у «ионийских» быков более удлиненные уши, раздвоенный хвост переплетается не по всей его длине, а только на самом конце, и голова отделена от шеи «воротником» из складок кожи, чего нет у быка на зеркале. Наибольшее сходство с келермесским изображением обнаруживают резные костяные изделия сиро-финикийской работы IX—VIII вв. до н.э. из Нимруда и Северной Сирии (рис. 8, *3*)[80].

---

[68] *Максимова.* Ук. соч. С. 291.

[69] *Копейкина.* Келермесское зеркало...

[70] *Максимова.* Ук. соч. С. 292.

[71] *Walter H.* Griechische Götter. München, 1971. Tabl. 122, 601.

[72] То же можно сказать и о росписи навкратийской вазы, приведенной М.И. Максимовой в качестве аналогии (Ук. соч. С. 292. Рис. 4). Сцена же терзания на фризе колесницы из Монтелеоне, упоминавшаяся как М.И. Максимовой (Ук. соч. С. 291), так и Г.И. Боровкой (Ук. соч. С. 201), может служить параллелью лишь в качестве последующего развития данного сюжета.

[73] *Barnett R.D., Lorenzini A.* Assyrian Sculpture in the British Museum. London. Pl. 103—105, 110—114, 121—124.

[74] *Фармаковский.* Ук. соч. Л. 15—25, 28—29; *Прушевская Е.О.* Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 50—52; *Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л., 1947. С. 45; *Максимова.* Ук. соч. С. 296; *Пиотровский Б.Б.* Урарту. Ереван, 1944. С. 323; *он же.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 249—252; *Ильинская В.А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 67—68.

[75] *Brentjes B.* Der Tierstil in Eurasien. Lpz, 1982. S. 55.

[76] The Metropolitan Museum... Fig. 78.

[77] *Amiet P.* Les antiquités du Luristan. Collection David Weill. P., 1976. № 171.

[78] *Hogarth D.G.* Excavations at Ephesus. The Archaic Artemisia. L., 1908. Pl. III, 10; *Pfuhl.* Op. cit. Tabl. 30. № 135.

[79] *Brentjes.* Op. cit. S. 55.

[80] *Mallowan.* Op. cit. № 425, 452.

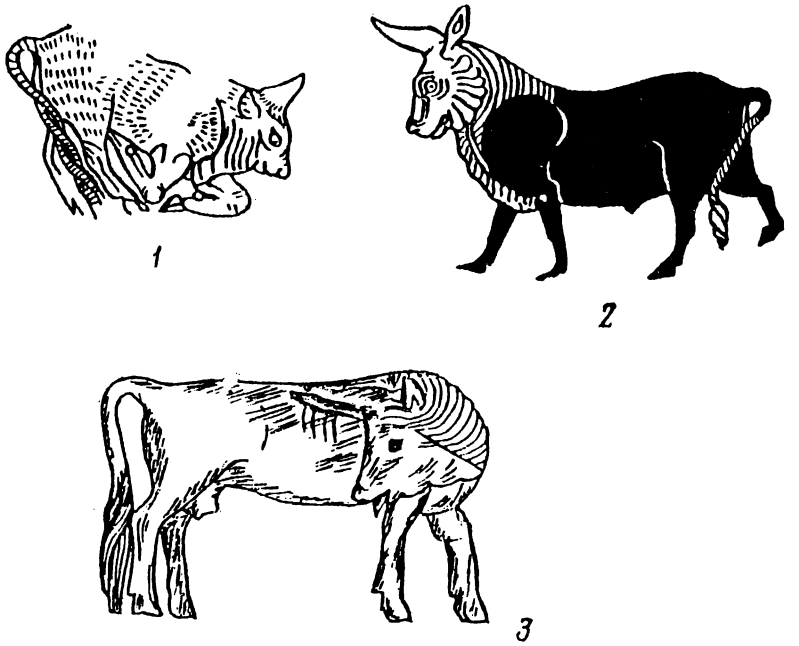

Рис. 8. *1* — бык. Келермесское зеркало; *2* — бык. Ойнохоя. Курган Темир-Гора; *3* — корова. Слоновая кость. Нимруд. VIII в. до н.э.

Сцена борьбы антропоморфных существ с грифоном в секторе 5 является продолжением сюжета схватки мифологических персонажей и героев со львами и быками, зародившегося в искусстве Месопотамии IV—III тыс. до н.э.[81] Однако обращает на себя внимание то, что вместо традиционного для Передней Азии льва или быка на келермесском зеркале представлен грифон. М.И. Максимова считала, что замена произошла по воле скифского заказчика, пожелавшего, чтобы на зеркале был отражен миф об аримаспах и грифах[82]. Этому предположению противоречит тот факт, что мотив сражения героев или божеств с грифоном был широко распространен в Восточном Средиземноморья[83] (финикийские чаши из Афин[84], Куриума и с Кипра[85]). К тому же и в глубинах Передней Азии встречаются памятники с нетипичными персонажами данной темы. Например, известна медная пластина из Нимруда (IX в. до н.э.), где два ламассу одолевают сфинкса[86].

Тела мужчин на зеркале покрыты штрихами, имитирующими густой волосяной покров, что, по-видимому, служит основанием для включения их в круг диких существ. Подобная трактовка шерсти у антропоморфных персонажей встречается как в греческом искусстве VII—VI вв. до н.э.[87], так и в восточном IX—VII вв. до н.э. (ассирийском[88] и сиро-финикийском[89]).

---

[81] *Максимова.* Ук. соч. С. 296; *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. Рис. 39, 44. Табл. XVIII *в*, XX *в*.

[82] *Максимова.* Ук. соч. С. 297—298.

[83] *Жебелев.* Ук. соч. Л. 24—25; *Погребова.* Ук. соч. С. 64.

[84] *Perrot, Chipier.* Op. cit. T. III. Fig. 550.

[85] *Clermont-Ganneau.* Op. cit. Pl. II—IV.

[86] *Mallowan.* Op. cit. № 325.

[87] *Payne H.G.* Protokorinthische Vasenmalerei. B., 1933. Tabl. 21; *idem.* Perachora. The sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens. 1930—1933. V. II. Oxf., 1962. Pl. 30, *924; Bunnep.* Ук. соч. Рис. 127.

[88] *Mallowan.* Op. cit. V. I. № 12. P. 48.

[89] *Clermont-Ganneau.* Op. cit. Pl. I.

О прическах человекоподобных существ на зеркале речь шла выше. Остановимся теперь на одной характерной детали. У героев в секторе 5 длинные бороды и отсутствуют усы. М.И. Максимова связывала это с греческими обычаями VII в. до н.э.[90]. Но подобная мода в искусстве древнего Востока фиксируется еще с III тыс. до н.э.[91] С келермесскими изображениями можно сблизить хеттского лучника на рельефе из Телль Халафа (начало I тыс. до н.э.)[92], выполненного достаточно грубо, но имеющего сходные прическу, бороду и черты лица.

У персонажей сектора 5 и всех представленных на зеркале животных отсутствуют гениталии. В этой связи отметим, что мужчины и самцы животных достаточно часто изображались без привычных половых признаков в шумерской[93], ассирийской[94] и восточногреческой[95] художественной традиции.

Третью группу келермесских изображений составляют кабан (сектор 2), «скребущая» пантера (сектор 3) и баран (сектор 4), которые связываются со скифским звериным стилем. Только у животных данной группы имеется выемка на бедре и выступ на спине, образованный плечом, — наиболее характерные признаки раннего скифского искусства[96]. Хищник к секторе 3, как точно определила М.И. Максимова[97], — это явное подражание «скифским» пантерам VII—VI вв. до н.э. (электровая обкладка горита из Келермеса[98], навершие бронзового ножа из Турана[99], петроглифы Ур-Марала[100], золотая бляшка из Ульского кургана[101]), выполненное, однако, не скифским мастером, поскольку здесь вместе с чертами звериного стиля, соседствуют элементы восточного искусства — подчеркнутая полость живота и шишковидное окончание хвоста.

Еще более явственно обработаны в восточноионийской и сиро-финикийской манере кабан и баран. У обоих штрихами показана шкура и линией выделена полость живота, к тому же кабан имеет поперечное разделение задних ног и длинный витой хвост. Но позы животных соответствуют скифским канонам[102]. Для кабана аналогиями служат изображения VIII—VI вв. до н.э. (оленный камень из кургана Аржан[103], костяное навершие из Сакар-Чага[104], костяная бляшка с золотой обкладкой из Metropolitan Museum[105]). Лежащий баран с плотно прижатыми подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой имеет множество параллелей в скифских памятниках, но, как правило, подобным образом изображались только олени и козы. На раннем этапе скифского искусства баран в такой позе не изображался.

Отдельно мы выделяем два мотива — изображения идущего медведя и хищной птицы в полете (сектор 6). Мы поместили их вместе, так как прямых аналогий им не обнаружили. Как верно подметила М.И. Максимова, медведь не встре-

---

[90] *Максимова.* Ук. соч. С. 297.

[91] *Дьяконов И.М.* Об одной древневосточной скульптуре // Труды Отдела Востока ГЭ. Л., 1947. Т. IV.

[92] *Champdor A.* Kunst Mesopotamiens. Lpz, 1964. F. 126.

[93] Ibid. F. 28.

[94] *Mallowan.* Op. cit. V. I. № 12. P. 48.

[95] *Poulsen F.* Der Orient und die frühgriechische Kunst. Lpz—B., 1912. Abb. 179.

[96] *Переводчикова Е.В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 46; *Шер.* Ук. соч. С. 341—346. Рис. 1.

[97] *Максимова.* Ук. соч. С. 299.

[98] Scythian Art... Pl. 23.

[99] *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. Рис. 30, *1*).

[100] *Гапоненко В.М.* Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. Рис. 9.

[101] Scythian Art... Pl. 12.

[102] *Максимова.* Ук. соч. С. 295—296, 298.

[103] *Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 29, *2*.

[104] *Яблонский Л.Т.* Уникальный образец звериного стиля из древнего кургана в Северной Туркмении // Панорама искусств. М., 1985. № 8. С. 241.

[105] The Metropolitan Museum... № 42.

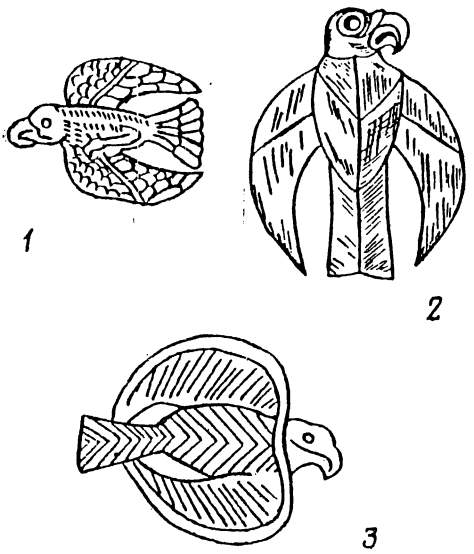

Рис. 9. *1* — хищная птица. Келермесское зеркало (сектор 6); *2* — хищная птица. Электровая бляшка. Литой курган. Вторая половина VII в. до н.э.; *3* — хищная птица. Стеатитовый сосуд. Хафадже. III тыс. до н.э.

чается в греческом архаическом искусстве[106]. Между тем он часто фигурирует в античной мифологии и топонимии, связанной с севером Малой Азии[107]. К тому же искусство древнего Востока оставило множество изображений этого мотива (шумеры[108], египтяне[109], финикийцы[110]). Медведь был запечатлен и скифо-сибирским искусством (петроглифы Ур-Марала[111], бронзовые бляшки с Памира[112] и из Центральной Азии[113]).

Летящая хищная птица отличается от подобных ей изображений в греческом, восточном и скифском искусстве серповидной формой крыльев (рис. 9, *1*). Бесспорной аналогией являются упомянутые М.И. Максимовой[114] золотые бляшки из Мельгуновского клада (рис. 9, *2*), но и их прототип не известен. Судя по рельефу на стеатитовом сосуде из Хафадже[115] (рис. 9, *3*), сходная трактовка летящей птицы бытовала в Месопотамии в начале III тыс. до н.э., но более близких хронологических параллелей мы не знаем.

Декоративные мотивы зеркала — четырехрядная плетенка (сектор 5), розетка (центр), разделительная колонка (сектор 3) и рубчатые пояски (границы секторов), по всей видимости, заимствованы из восточноионийского искусства. Происхождение плетенки верно определила М.И. Максимова[116]. Розетка с острыми язычками с удвоенным контуром между лепестков соответствует, согласно Л.В. Копейкиной, росписям родосско-ионийских сосудов группы Лондонского диноса[117]. Анализируя изображение капители разделительной колон-

---

[106] *Максимова.* Ук. соч. С. 292.

[107] *Жебелев.* Ук. соч. Л. 27—28.

[108] *Флиттнер.* Ук. соч. С. 75; *Champdor.* Op. cit.. Abb. 83.

[109] *Бернхардт.* Ук. соч. С. 28, 43; *Müller-Karpe.* Op. cit. Tabl. 13. A3.

[110] *Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. Табл. XXVII, *3*.

[111] *Гапоненко.* Ук. соч. Рис. 4, *б,в*.

[112] *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. Илл. 10—11.

[113] *Moorey P.R.S., Bunker E.C., Porada E., Markoe G.* Ancient Bronzes, Ceramics and Seals. Los Angeles, 1981. № 934.

[114] *Максимова.* Ук. соч. С. 295.

[115] *Флиттнер.* Ук. соч. С. 75.

[116] *Максимова.* Ук. соч. С. 286.

[117] *Копейкина.* Келермесское зеркало... Обратим внимание, что элемент двойных язычков имеется на внешней чаше двусоставного сосуда из Келермеса (Scythian Art... Pl. 24), миндалевидный орнамент которого восходит к ассирийским образцам.

ки, М.И. Максимова пришла к выводу, что келермесское зеркало следует датировать не позднее 70-х гг. VI в. до н.э.[118]. Однако основывалась она при этом на спорном предположении о перерастании эолийской капители в ионийскую. Между тем исследование И.Р. Пичикяна позволяет утверждать, что вообще не следует выделять эолийскую форму из протоионийского ордера[119]. Двойные линии с поперечными штрихами, украшающие ствол колонны и разделяющие сегменты, находят близкую аналогию на кувшине из Ларисы на Гермосе (VII в. до н.э.)[120], а также в обрамлении большинства архаических греческих гемм[121].

Итак, проведенный анализ приводит к выводу, что все изображения на зеркале выполнены в эклектичном стиле, на который повлияли художественные традиции хеттского мира, Ассирии, Финикии, Сирии, Ионии, отчасти Скифии и, возможно, Ирана. Подчеркнем отсутствие египетских черт, которые следовало бы ожидать.

Большинство упомянутых аналогий — росписи родосско-ионийской керамики середины — второй половины VII в. до н.э. Поэтому нижнюю дату изготовления келермесского зеркала, очевидно, следует отнести к 650-м годам до н.э., судя по особенностям трактовки образов грифонов и сфинксов, — к 620-м годам до н.э., т.е. значительно удревнить датировку, предложенную М.И. Максимовой (580—570-е годы до н.э.)[122].

Решать вопрос о месте изготовления зеркала нам представляется преждевременным.

В.А. Кисель

STYLISTIC AND TECHNOLOGICAL ATTRIBUTION OF THE SILVER MIRROR FROM KELERMES

V.A. Kisel

The author makes a stylistic and technological analysis of the unique, richly decorated mirror from Kelermes. On the basis of the analogies to the representations of the decor he draws the conclusion that the date of the manufacture of the mirror, suggested by M.I. Maximova (580—570 B.C.) is not quite correct. The autor suggests a new date — 650—620 B.C.

[118] *Максимова.* Ук. соч. С. 290 сл.

[119] *Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 266.

[120] *Максимова.* Ук. соч. С. 286.

[121] *Furtwängler.* Op. cit. Tabl. VI—VII.

[122] Существует мнение, что образцами для создания родосско-ионийской вазописи послужили предметы торевтики (*Копейкина.* Формирование... С. 82—100). Вполне возможно, что и орнамент келермесского зеркала создавался под их влиянием, тогда не исключено, что при появлении новых данных дата изготовления зеркала незначительно удревнится.

© 1993 г.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИТОВСКОЙ НАДПИСИ

Ситовская наскальная надпись, найденная более 60 лет назад в Родопах (Болгария), вызвала к жизни немало смелых гипотез и оригинальных толкований. Ни те, ни другие, однако, обычно не попадали на страницы специальных изданий, так как на протяжении десятилетий к надписи сохранялось настороженное отношение; многие столичные болгарские археологи придерживались мнения, что Ситовская надпись — подделка либо цепочка естественных трещин на поверхности скалы. Но поскольку вопрос о дешифровке надписи время от времени вновь вставал, то, чтобы его окончательно закрыть, летом 1988 г. по рекомендации Болгарской Академии наук была организована экспедиция, в которую вошли болгарские археологи и эпиграфисты, геологи и геодезисты, представители Комитета по делам культуры и некоторые другие специалисты[1]. Результатом работы экспедиции было признание того, что «Ситовская надпись» представляет собой случайные трещины на камне, которые были умышленно «доработаны» каким-то местным патриотом, пожелавшим покрыть славой свое селение, небогатое на исторические памятники (L'inscription ; p. 133, 139). Основные аргументы в пользу этой точки зрения, приводимые авторами отчетных публикаций (см. прим. 1), сводятся к следующим: *1*) знаки на протяжении «надписи» якобы не повторяются, не отделены один от другого (L'inscription, p. 132, 136); *2*) они, по мнению авторов, не похожи на знаки других надписей, обнаруженных на территории Болгарии, поэтому их дешифровка невозможна (L'origine, p. 145); *3*) поверхность, на которой обнаружены знаки, является естественным образованием; как заключают, не приводя каких-либо доказательств, авторы одного из отчетов, это «вертикальный разлом, относительно гладкий» (L'origine, p. 144); *4*) обследование трещин на камне, проведенное в радиусе 15 м от надписи, показало, что расположение групп трещин на Ситовском памятнике находит аналогии с группами трещин на других скалах; это, как считают авторы, свидетельствует о их синхронном происхождении, датируемом временем эоцена (L'origine; p. 144—145), т.е. средней эпохой палеогена — первого периода кайнозойской эры.

При внимательном ознакомлении с опубликованными результатами работы экспедиции возникают вопросы, вызванные в одних случаях несоответствием заключений авторов действительности (см. ниже), в других — несогласованностью выводов участников экспедиции, например, в оценке возраста трещин Ситовского памятника, датируемых то 1928 г. н.э. (L'inscription, p. 139), то эпохой эоцена (см. выше). Все это, а также ряд неточностей при подаче материала (многих из которых удалось бы избежать при более активном сотрудничестве с эпиграфистами)[2] заставляет нас, несмотря на категорическое, хотя и не подтверждаемое опубликованными материалами заявление о том, что благодаря работе экспедиции «была разрушена иллюзия, длившаяся 60 лет» (L'inscription, p. 140), еще раз

[1] См. краткие отчеты об экспедиции: *Gérassimova-Tomova V.* L'insctiption de Sitovo // LB. 1989. XXXII, 2. P. 131—141 (далее — L'inscription; *Bonev K., Vanguelov D., Tzontcheva-Boneva A.* L'origine de l'inscription de Sitovo-considérations géologiques et structurales // Ibid. P. 141—146 (далее — L'origine).

[2] Например, на с. 133 старофригийская надпись из Гордиона G-145 обозначена как надпись из Центральной Фригии (C-145); в приведенной прописи этой надписи вместо одного знака (восьмого слева) произвольно изображен другой; перепутаны подписи под рис. 9 и 10 на с. 136, и т.п.

вернуться к Ситовской надписи, которая, как будет видно из настоящей статьи, поднимает проблемы, далеко выходящие за эпиграфические рамки[3].

Сведения о находке Ситовского памятника изложены вкратце его издателями — А. Пеевым и Зл. Ракевой-Морфовой[4], более подробно — археологом В. Герасимовой-Томовой (L'inscription, p. 131), а также некоторыми другими авторами, предлагавшими свое чтение и дешифровку надписи[5]. Но поскольку на основании одних и тех же фактов авторы приходят к совершенно различным выводам, нам показалось целесообразным еще раз обратиться к тому, что известно о самом памятнике и обстоятельствах его обнаружения, тем более что в этой истории достаточно много загадок.

После Пловдивского землетрясения 1928 г. лесники обнаружили в 3 км к северо-западу от дер. Ситово (в 30 км от Пловдива) загадочные знаки на скале. Они сообщали об этом местному учителю А. Божилову, который, посчитав себя некомпетентным в области эпиграфики, обратился к известному пловдивскому адвокату д-ру Ал. Пееву, возглавлявшему местное археологическое общество. В. Герасимова-Томова находит странным, что учитель не обратился в археологические музеи Пловдива или Софии (L'inscription, p. 131), однако это можно объяснить самыми простыми причинами, в том числе и личного свойства. Нам же представляется странным другое: почему со времени первой публикации надписи Ал. Пеевым в 1929 г. и до ее републикации Зл. Ракевой-Морфовой в 1950 г. ни Пловдивский, ни Софийский археологические музеи не проявили к памятнику никакого интереса? Если подлинность надписи с самого начала вызывали сомнения, то было бы достаточно небольшой экспедиции, чтобы в том же 1928 г. развенчать фильсификаторов, тем более что никакой специальной техники, судя по отчету геологов (L'origine, p. 142), для этого не требуется.

Еще одна загадка связана с братьями Х. и К. Шкорпилами, которые в конце прошлого века обследовали Родопы, включая район дер. Ситово, в частности, на предмет изучения карстовых явлений. В их общей работе[6] приведена, среди прочего, карта деревни и ее окрестностей, но о Ситовском памятнике не сообщается. Это, по мнению В. Герасимовой-Томовой (L'inscription, p. 131), может говорить лишь о том, что в то время, когда Шкорпилы составляли свою документацию, надписи еще не существовало. Однако, если верить геологам, относящим знаки на Ситовском памятнике к кайнозойской эре, то совершенно необъяснимо, как Шкорпилы могли не заметить знаки на скале, которые даже без «доработки» должны были резко выделяться на фоне скальной поверхности. Для ответа на этот вопрос в принципе неважно, когда появились эти знаки — 2 млн. или 200 лет назад. Остаться незамеченными для Шкорпилов знаки могли в одном из двух случаев: либо, как полагает В. Герасимова, надпись появилась несколько десятилетий спустя, либо, что нам представляется по ряду обстоятельств более вероятным, до землетрясения 1928 г. она была естественным образом скрыта от постороннего взгляда. Насколько обоснованно

[3] Изучение Ситовского памятника и работа с надписью оказались возможными благодаря помощи наших болгарских коллег. Мы выражаем особую признательность проф. И. Венедикову и сотруднику Софийского Национального музея Е. Пенковой, обративших наше внимание на эту надпись, М. Василевой и Д. Василеву, которые сделали все возможное, чтобы мы смогли обследовать надпись in situ, жительнице дер. Ситово А. Асеновой-Алексевой, указавшей местонахождение надписи, сотруднику Пловдивского Национального археологического музея С. Черновой, а также Д. Златевой — родственнице первооткрывателя надписи, учителя из дер. Ситово, которая сообщила интересные подробности, касающиеся находки памятника.

[4] См. *Пеев Ал.* Новооткрит надпис в Родопите // Известия на Българския Археологически Институт. 1928/1929. Т. V. С. 363—365; *Ракева-Морфова Зл.* Надписът при Ситово//Годишник на Народния Археологически музей. Пловдив, 1950. Т. II. С. 242—245; *Rakeva-Morfova Zl.* Une inscription d'origine inconnue de Thrace // LB. 1972. XVI. 1. P. 49 s.

[5] См. сб.: Тайните на вековете. София, 1982. С. 22. слл.

[6] *Шкорпил Х., Шкорпил К.* Кражки явления. Пловдив, 1900. С. 25—28.

то ли иное предположение — может показать детальное описание памятника и его местонахождения.

Последние километры дороги от Пловдива до Ситова проходят по узкому шоссе, по правую сторону которого — обрыв. Внизу протекает небольшая речка; за ней, почти напротив Ситовского памятника — остатки святилища, упоминаемого издателями надписи[7]. По другую сторону шоссе — крутой поросший деревьями склон горы с выходящими местами на поверхность скальными породами. В одном из таких мест, на высоте около 50 м от шоссе, находится небольшая площадка длиной не более 2 м и шириной менее метра. Площадка расположена перед огромными каменными блоками. На крайнем справа блоке, имеющем массивный неширокий «козырек» в виде каменного монолита, нанесена бóльшая часть Ситовской надписи. От блока слева, на котором обнаружены последние несколько знаков, его отделяет глубокая, суживающаяся кверху трещина, внизу переходящая в невысокую нишу. Фактически правый и левый блоки представляют собой части одной скальной поверхности. Перед левой частью, почти вплотную к ней, так что с трудом может пройти только рука, стоит еще один каменный блок, закрывающий доступ к тем нескольким знакам, которые на нем находятся. Этот блок, соскользнувший на площадку, видимо, во время одного из давних землетрясений (нередких в этих краях, по словам местных жителей), занимает почти всю ширину площадки перед левой частью памятника. Площадка перед правой частью в настоящее время свободна, однако на ней также мог лежать каменный блок, скрывавший надпись и скатившийся при землетрясении 1928 г.: размеры площадки таковы, что при колебаниях земной поверхности на ней едва ли что-то могло бы удержаться[8].

На правом блоке, на расстоянии примерно 20 см от «козырька» и на высоте 2 м от земли, по грубой, неровной скальной поверхности проходит тщательно отшлифованная горизонтальная полоса длиной 280 см и высотой ок. 40 см, на которой находятся знаки. Полоса продолжается на левом блоке (90×30 см). Все сооружение напоминает распространенные в Малой Азии скальные святилища с надписями[9].

Поскольку фотографии фрагментов Ситовского памятника и эстампажи надписи уже опубликованы (см. выше, прим. 1, 4), мы ограничимся сделанной нами in situ прорисью. По техническим причинам первая часть надписи, расположенная на правом блоке (знаки 1—49), разделена на две части (см. рис. 1). Направление обеих строк надписи — слева направо. Знаки нанесены достаточно небрежно, нередки лигатуры (см. ниже). Палеографический анализ позволил выявить значительную близость, а во многих случаях и тождественность знаков Ситовской надписи и бытовавших в Малой Азии I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. Как видно из сопоставительной таблицы (см. рис. 2), ситовские знаки в большинстве своем сходны со знаками старофригийских надписей VII—IV вв. до н.э. — 10 случаев из 14, еще в двух — с новофригийскими (первые века I тыс. н.э.) и лишь в двух находят параллели за пределами фригийского ареала — в ликийском (вторая половина I тыс. до н.э.)[10]. По манере начертания знаков

---

[7] Д. Златева сообщила нам, что по рассказу ее прадеда, учителя А. Божилова, еще до обнаружения Ситовского памятника он вместе с одним из жителей дер. Ситово нашел в этом святилище несколько глиняных черепков с непонятными знаками. Не придав им значения, он перед тем как подняться в горы выбросил их в речку. Хотя достоверность этого рассказа проверить невозможно, однако находки такого рода — не редкость как на Балканах, так и в соседних регионах.

[8] Размерами площадки объясняется отсутствие фотографий общего вида памятника: максимально возможное удаление от скалы позволяет захватить в объектив лишь часть ее поверхности.

[9] Ср., в частности, *Haspels E.* The Highlands of Phrygia. Princeton, 1971; *Brixhe C., Lejeune M.* Corpus des inscription paléo-phrygiennes. T. II. P., 1984. Pl. 1 suiv.

[10] Немаловажно, что между фригийским и ликийскими языками существует ряд грамматических схождений, на которые нам уже приходилось указывать (*Баюн Л.С., Орел В.Э.* Фригийско-анатолийские языковые отношения // Палеобалканистика и античность. М., 1989).

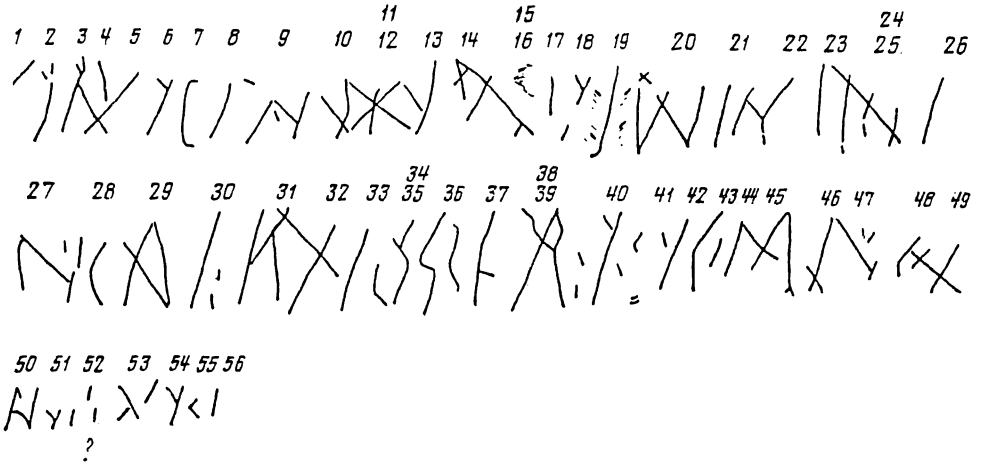

Рис. 1. Надпись из Ситово. Прорисовка

ситовский памятник очень напоминает старофригийские наскальные надписи типа M-01d (VII в. до н.э., см. рис. 3)[11].

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ СИТОВСКОЙ НАДПИСИ

(I) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21
e i v i x u s i n v i x u i p t i u i m i

22 23 24 25 26 27 28 29 30 : 31 32 33 34 35 36 37 38
n i p t i n s a i k u i o i 8 a x

39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49
i u e i s i m i n Z i

(II) 50 51 52 53 54 55 56
n u i x u s i

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

I/1: знак, состоящий их двух черточек, расположенных под углом одна к другой, встречается дважды (см.1/41). Сходен с лик. ᛚ -e за вычетом вертикальной черты, отсутствующей в ситовском знаке.

I/4—5: лигатура ix (с йотой, вписанной в знак x, ср. I/11—12). Существенно, что вписывание йоты в другие знаки характерно главным образом для фригийской эпиграфики (ср. G-113, P-106, Brixhe—Lejeune, 1984:106, 250). Знак x, судя по всему, находится в дополнительной дистрибуции к знаку k, появляясь только в интервокальной позиции. Ср. аналогичную функцию ст.-фриг. Ψ-x в daΨet 'он устанавливает, установит'.

I/10: знак v, отличающийся от v в I/3 несколько более крупными размерами отходящих влево черточек. Интересно, что оба знака для v (как и u I/2, II/51, 54) повернуты влево, хотя вся надпись ориентирована слева направо. Случаи

[11] Ссылка на старофригийские надписи дается в системе нотации Брикса—Лежена; новофригийские отмечаются индексом N.

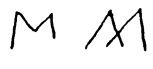
Предполагаемое фонетическое значение	Ситово	Фригийский	Малоазийские алфавиты
a			
à			 Лик. e
b			 Лид. f
k			
m			
n			
p		 Н.-фриг.	
s		 Н.-фриг.	
t			
z			 Лид. [ts]
u			
v			
i			 Лид.
x			 Лик. [kh]

Рис. 2. Сопоставление знаков Ситовской надписи со знаками хронологически близких малоазийских алфавитов

противоположной ориентации знаков типа u нередки в старофригийском, ср. M-01c, W-10 и др. (Brixhe, Lejeune, 1984; p. 12,55 et passim).

I/14—16: лигатура ipt, в которой вертикальная йота пересекает левую «ножку» знака p. В лигатуре pt знаки p и t имеют общую горизонтально-наклонную черту, ср. сходную лигатуру pt в I/24—25. Ломаная линия над правой частью лигатуры образована трещиной на камне.

Рис. 3. Старофригийская наскальная надпись М-01 (по Брик-су — Лежену)

I/19: вокруг йоты несколько трещин.

I/20: перевернутый знак m, ср. I/45. Такого рода написания хорошо известны: в старофригийских надписях как целые строки, так и отдельные знаки могли поворачиваться на 180°, ср. плиту из Гордиона G-01 (VI в. до н.э.)[12].

I/30-31: две черточки между знаками 30 и 31 не являются случайными царапинами. Вероятно, это знак интерпункции.

I/34—35: лигатура oi. Ромбовидное o хорошо известно по старофригийским надписям из Западной Фригии, Гордиона и др.

I/36: знак, напоминающий ромбовидную «восьмерку», может быть отождествлен с ст.-фриг. 8, выступающим в качестве графического варианта b в надписи из Западной Фригии W-08 и в двух надписях из Птерии (см. особенно P-101: Brixhe, Lejeune, p. 52, 244, 250), ср. еще лид. 8-f.

I/37: знак a с несохранившейся правой частью.

I/38—39: лигатура xi, структурно отличающаяся от ix (см. I/4—5, 11—12).

I/46—47: лигатура in; йота пересекает левую несколько наклонную ножку n, ср. аналогичное написание йоты в I/14.

I/48—49: лигатура Zi. Знак в старофригийском используется для передачи зубного спиранта (z?), ср. надпись из Гордиона G-106 (Brixhe, Lejeune, p. 101; Баюн, Орел, 1989, с. 148).

II/52: возможно, йота со случайными царапинами внизу. В то же время знак напоминает кар. e. Идентификация затруднительна из-за отсутствия непосредственного доступа к знаку.

В результате палеографического анализа можно заключить, что Ситовская надпись представляет собой связный текст, содержащий 56 знаков, из которых разных — 14[13].

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАДПИСИ

При интерпретации надписи и, в частности, на первой стадии — при сегментации текста на слова мы исходили из нескольких предварительных допущений, отчасти подтверждаемых проведенным выше анализом, отчасти соображениями прагмати-

[12] О сходных явлениях в хронологически и территориально близкой эпиграфике см. *Pulgram E.* The Prae-Italic dialects of Italy. L., 1958.

[13] Соотношение между общим количеством знаков надписи и числом разных знаков (4:1) в тексте такой длины совершенно обычно для алфавитных письменностей и делает маловероятным предположение о фальсификации надписи дилетантом.

ческого характера. *1.* Текст выполнен алфавитным письмом, причем подавляющее большинство знаков находит аналогии во фригийском ареале. *2.* Язык надписи — индоевропейский, о чем говорят как объективно вычленяемые сегменты (например, заключительная форма uixusi), так и отсутствие реальных свидетельств о неиндоевропейских языках I тыс. до н.э. на северо-востоке Балкан. *3.* В содержательном отношении надпись совершенно определенно связана с нишей, имевшей, судя по аналогиям, культовое назначение.

Очевидно, что для текста такой длины в принципе возможно множество произвольных разбиений на значимые сегменты. Однако исходя из комбинаторного анализа повторяемости знаков и их групп, скоплений гласных/согласных наиболее вероятно деление надписи на слова следующим образом:

(I) ei vixusin vixu iptiu imin iptin sai ku ioi 8axiu eis imin Zi(II)n ùixusi

ei — частица, ср. ст.-фриг. ae (M-OIf), ai (P-06), н.фриг. αι, ει (N-18, -53, 62, -64, -67). Может быть, этимологически связана с греч. ει, αι 'если; ли' (см. Баюн, Орел, 1988/4, с. 142).

vixusin ~ uixusi — 3 л. мн.ч. наст./буд. врем. переходного глагола, который при учете некоторых регулярных фонетических изменений (интервокальный *-k->-x-; *on>u, см. ниже, вин. пад. ед.ч. -u*<-on; ассибиляция *t>s перед i, ср. глагольные формы с конечными -s из *-ti во фригийской надписи из Уючика[14]) может быть возведен к *ɣ(e)ikonti. Конечный -n в vixusin напоминает греч. ν ἐφελκυστικόν и новофригийский вариант флексии претерита -r-en (также -r) в δακαρεν/δακαρ 'они поставили'. Что касается значения vixu-, см. ниже.

vixu — вин.пад. ед.ч. существительного, предположительно восходящего к *ɣ(e)ikōN и бесспорно связанного с предшествующим словом, с которым образует figura etymologica(vixusin vixu). Возможно, родственно греч. εἰκών, όνος, кипр. Fεικόνα 'изображение, подобие; образ' < и.-е. *ɣeik-, и в таком случае все сочетание можно было бы перевести как 'они сделают (букв. 'изобразят') изображение'.

iptiu — вин. пад. ед.ч. прилагательного, согласованного с vixu и образованного посредством суффикса *-io- от теонима (см. ниже).

imin — вин. пад. ед.ч. существительного, идентичного или близкого по значению к ст.-фриг. iman, н.-фриг. ιμον. Во фригийском этим словом обозначается любой предмет (например, стела, алтарь, статуэтка), посвящаемый божеству и приобретающий тем самым присущую божеству магическую силу. К нему могли быть обращены те же просьбы, что и к самому божеству[15]. Окончание вин. пад. -in (см. ниже iptin) может объясняться редукцией -o- перед -n, ср. н.-фриг. σεμουν/σεμιν/σεμν 'этот', κακουν/κακεν/κακυν 'зло'.

iptin — вин. пад. ед.ч. теонима, который использовался в Малой Азии в качестве имени Magna Mater: Ἴπτα, Εἴπτα[16], отражающего хет. ^{D}Hé-pít[17]. На

---

[14] *Bayun L., Orel V.* The 'Moesian' Inscription from Uyucik // Kadmos. 1988. XXVII/2. P. 134.

[15] Представляется перспективным сопоставление iman с хет. ḫimma '(культовое) подобие', опирающееся не только на формальное, но и на функциональное сходство. Ср. хет. I GIŠ GI[GI]R ḫi-im-ma-aš i-ja-an «I тележка в качестве культового предмета сделана», u-e-ra-aš-ša *ŠA* ḫi-im-ma-aš i-ja-an-za « u. (Rosenkranz: Tablett) из глины в качестве культового предмета сделана» (I BoT III 93 + KBo XV 21 7 ff., 9). О хет. ḫimma см. *Oettinger N.* Die militarischen Eide der Hethiter. Wiesbaden, 1976. S. 61ff., и особенно: *Иванов Вяч. Вс.* Проблема происхождения u в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных // Балто-славянские этно-языковые контакты. М., 1980. С. 81 сл. Из новейших работ, касающихся фриг. iman, см. *Orel Vl.E.* Phrygian Religion and Rituals: Indo-European and Non-Indo-European Components // Orpheus. Journal of Indo-European, Palaeo-Balkan and Thracian Studies, 1990. P. 107 f. Личное имя Ιμαν/Ειμαν (*Zgusta L.* Kleinasiatishe Personennamen. Prag. 1964. S. 195 f.), несомненно, надо рассматривать как вторичное явление (иначе без аргументации *Brixhe, Lejeune,* p. 125 et passim).

[16] *Keil J., von Premerstein A.* Bericht über zweite Reise durch Lydien//Denkschriften der phil.-hist. Klasse der Akad. der Wiss. in Wien. Bd LIV. 1911. S. 169. 188; *Heubeck A.* Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Gotternamen der Lyder. Erlangen. 1959. S. 63.

[17] Хурритское заимствование, см. *Kretchmer P.* Mythische Namen (17. Hipta) // Glotta. Bd. XV. 1927. S. 77.

Балканах этот теоним представлен в многочисленных фракийских составных именах типа Επτα-κενθος, Επτα-Πορις и др.[18] Исследование ономастики балканского и сопредельных ареалов привели Л.А. Гиндина, посвятившего этому имени специальный этюд[19], к выводу о существовании фракийской (т.е. палеобалканской) теофорной основы *(H)Epta-, которая вместе с культом Μήτηρ была возвращена в Малую Азию через посредство фригийцев (с. 80). К этому можно лишь добавить, что благодаря публикации старофригийских надписей Бриксом—Леженом стало известно и собственно фригийское имя богини: eμιτą-[epta] в надписи из Гордиона G-112 (см. Баюн, Орел. ВДИ. 1988 № 1. С. 198).

sai — дат. пад. ед.ч. ж.р. указательного местоимения (и.-е. *so-, *sā), тождественного н.-фриг. σαι (N-35, -39: Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 4. С. 152).

ku — исторически — местоименная основа (<*k^{u}o-), не встречается в фригийских надписях. Возможно адвербиальное значение 'когда/тогда', либо, что по синтаксическим причинам более вероятно, значение относительного местоимения 'который, кто'.

ioi — дат. пад. ед. ч. м.р. местоименной основы *i̯o-, хорошо известной из фригийской эпиграфики в значении 'тот; он; кто, который', ср. ст.-фриг. yoi (B-01), н.-фриг. ιοι (N-86).

8axiu — вин. пад. ед.ч. определения, образованного по той же модели, что и iptiu (см. выше): это производное с суффиксом *-i̯o- от имени 8axi- или 8axo-, которое можно сопоставить со ст.-фриг. vaki, ср. надпись на антропоморфной статуэтке G-178 eymi vaki 'я есмь Ваки'. Уже предлагалось сопоставление ст.-фриг. vaki с лидийским теонимом bakiva- и греч. Βάκχος (Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 4. С. 166). Поскольку Вакх-Дионис, согласно источникам, определенным образом связан с Фригией и культами Magna Mater (Apollod. III. 5. 1), очень вероятно, что 8axi- в Ситовской надписи является гипотетическим эквивалентом приведенной выше серии теонимов.

eis — 3 л. ед.ч. сигматического аориста глагола со значением 'делать; посвящать (?)', ср. ст.-фриг. ais 'id' (см. выше о соотношении старофригийской частицы ai Сит. ei) в G-117 и наши комментарии в работе Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 1, С. 193. Форма eis относится к группе аористов на -es<-es -t типа ст.-фриг. edaes 'он посвятил', etoves 'он пожертвовал', tiyes 'он поставил, назначил', н.-фриг. εδαες 'он посвятил', εσταες 'он поставил'.

Zin — вин. пад. ед.ч. местоимения или имени, определения/приложения к imin. Основа Zi — может быть рефлексом и.-е. *d(e)i-u̯- 'бог', ср. ст.-фриг. devo-, и, возможно, διι в N-116 (хотя не исключено, что это грецизм Διι). Особое отражение и.-е. *d перед *i/i̯ характерно для многих языков балкано-малоазийского круга, ср. хет. siu- 'бог'|<*diu-, лик. zi(w) — 'бог' и др. Последовательность imin Zin 'иман бога', где Zin приложение к первому слову, оказывается в этом случае параллельной imin iptin 'иман-Ипту' (оба раза — вин. пад.).

Ситовская надпись имеет отчетливо выраженную метрическую структуру. Она распадается на две части (граница между которыми отмечена интерпункцией), каждая по 15 слогов, а в пределах каждой части (условно — A и B) — на две метрические строки, содержащие соответственно 9+6 (A) и 8+7 (B) слогов. Метрический рисунок текста можно представить следующим образом:

(A)	1	ei vixusin vixu iptiu	⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⏑́
	2	imin iptin sai	⏑́⏑⏑́⏑⏑́
(B)	1	ku ioi 8axiu eis	⏑⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⏑́
	2	imin Zin uixusi	⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⏑́[20]

[18] *Detschew D.* Die trakischen Sprachreste (2). Wien, 1976. S. 167. ff.

[19] *Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 76 слл.

[20] Не исключено, что использование знака u, передающего гласный, в форме uixisi (ср. uixusin в A 1) не случайно и служит для восстановления недостающего слога.

Метрическая структура рассматриваемого текста представляет интерес в свете реконструкции индоевропейских стихотворных размеров, среди которых достаточно распространены восьмисложники (для строк с четным количеством слогов) и девятисложники[21]. В то же время очевидно метрическое своеобразие Ситовской надписи, в которой сохранено равновесие слогов между двумя ее частями, но при этом их распределение по строкам варьирует. Определение Ситовской надписи как метрической поддерживается и многочисленными аллитерациями и повторами типа vixu-vixu, преобладанием ударных i и др. Обращает на себя внимание и рамочное оформление надписи: одна и та же глагольная форма начинает текст и завершает его.

Результаты проведенного выше лексико-грамматического анализа текста хорошо согласуются с выводами относительно его метрической структуры. Две равносложные части текста соответствуют двум взаимосвязанным темам высказывания. Смысловой центр первой части — богиня Ипта, второй — бог Ваки. Обе части надписи построены перекрестно, что обеспечивается постановкой глагола v/uixusi(n) в начале первой части и в конце второй и благодаря чему достигается бóльшая выразительность и ритмическая завершенность текста.

Не настаивая на том, что предлагаемый ниже вариант перевода является единственно возможным — как и в любом подобном случае, выбор из имевшихся в нашем распоряжении этимологических ассоциаций можно считать достаточно субъективным — тем не менее находим целесообразным привести его в качестве одного из вероятных толкований надписи. Как будет показано ниже, в плане семантической структуры он находит соответствия в фригийском материале.

(A) Если создадут образ Ипты в виде имана Ипты для нее (sc. богини),
(B) (то когда) кто (-то) для него (sc. бога) (нечто) Вакхово сделал, иман бога (=Вакха) создадут.

Текст удивительным образом перекликается со старофригийской надписью на каменной плите из Вифинии B-03 (VI в. до н.э.?), в которой говорится следующее: 'Если кто-либо для Справедливой (=Богини-матери, Кибелы) какой-нибудь памятник поставит, для Справедливого (=бога) часть/долю пусть...' (см. подробно Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 1. С. 188).

С лингвистической точки зрения язык Ситовской надписи может быть определен как фригийский диалект. Этот вывод подтверждается относительно большим количеством общей лексики (imin ~ ст.-фриг. iman, н.-фриг. ιμον 'культовый предмет'; sai ~ н.-фриг. σαι 'этой; ей; ioi ~ ст.-фриг. yoi, н.-фриг. ιοι 'ему; которому'; ei ~ ст.-фриг. ai, ae, н.-фриг. αι, ει 'если; вот, же'; eis ~ ст.-фриг. ais 'сделал; посвятил'), специфическими фригийскими синтаксическими структурами, в частности, порядком слов[22], а также некоторыми фонетическими деталями (ср. ассибиляцию звонкого дентала перед главными переднего ряда)[23]. С другой стороны, некоторые фонетические особенности надписи характерны главным образом для западнофригийских диалектов: (1) спирантизация интервокального глухого заднеязычного согласного (-k- > -x- ср. ст.-фриг. daΨet 'он установит'); (2) ассибиляция t перед i (t > s), ср. развитие -ti > -s в надписи из Уючика (см. выше). Учитывая палеографические особенности и фонетическое своеобразие (спирантизацию велярных, редукцию безударных гласных) Ситовской надписи, она может быть предположительно помещена в период между III и I вв. до н.э.

Обнаружение чадписи фригийского типа, восходящей, судя по всему, к

---

[21] *West M.L.* Indo-European metre//Glotta. 1973. 51. P. 164 ff.

[22] Мы уже отмечали в другой работе, что фригийский синтаксис отличается поразительной устойчивостью в пространстве и времени, сохраняя на протяжении ряда веков на всей территории своего распространения одни и те же синтаксические структуры и особенности их функционирования (*Баюн Л.С., Орел В.Э.* Фригийский язык. М., 1991. Гл. IV).

[23] См. об этом *Баюн, Орел* //ВДИ. 1988. № 1. С. 188.

последним векам I тыс. до н.э., на территории исторической Фракии, совершенно очевидно, должно в определенной степени изменить наши представления о ранних этапах культурной истории балканских народов. Если полиэтничный характер древнего населения северо-востока Балкан в принципе не вызывает сомнений[24], то конкретная этноязыковая идентификация ряда народов, упоминаемых древними авторами, обычно наталкивается на отсутствие соотносимого с этими народами оригинального языкового материала. Ситовская надпись предоставляет уникальное (хотя, возможно, не единственное) доказательство присутствия фригийского языка на Балканах в конце I тыс. до н.э., а также наличия там культов, объединяющих малоазийские и древнебалканские черты.

На основе новейших публикаций и исследований более определенно вырисовываются контуры фригийского ареала, куда входили территории распространения старо- и новофригийской эпиграфики[25], часть западной Малой Азии (Phrygia Epictetus), где обнаружена фригийская («псевдомизийская») надпись, а также северо-восток Балкан, где пока найден один фригийский эпиграфический памятник. Вероятно, среди эпихорических надписей Самофракии[26] также есть фригийские, хотя степень их сохранности удерживает от категорических заключений. Дж. Бофанте уже обращал внимание на форму beka (№ 40), которая неотделима от н.-фриг. βεκος 'хлеб'. Форма arkaie (№ 30) также имеет греческие и фригийские параллели. Все это приводит к мысли о существовании обширной зоны распространения фригийских диалектов, включавшей часть Анатолии с почти не прерывавшейся фригийской письменной традицией VIII—IV вв. до н.э. — I—III вв. н.э., Самофракию (VI—III вв. до н.э.) и области на северо-востоке Балкан (Ситовская надпись — III—I вв. до н.э.). Неоднократно отмечавшееся историко-географическое единство этого региона[27], как нам представляется, поддерживалось и этноязыковой близостью, сохранявшейся на протяжении тысячелетий.

Л.С. Баюн, В.Э. Орел

LINGUISTIC AND CULTURAL-HISTORICAL INTERPRETATION OF THE SITOVO INSCRIPTION

L.S. Bayun, V.E. Orel

The insctiption on the rock near the village of Sitovo in the Rhodopes (Bulgaria) which has been considered a fake is viewed by the authors of the article as genuine. Its resemblance to rock inscriptions from historical Phrygia in Asia Minor is pointed out. The lexico-grammatical analysis enables the authors to determine the language of the inscription: it is composed in one of the Phrygian dialects. The structure of the text, mentioning names of two deities, speaks of its metric character. Palaeographic and phonetic peculiarities point to the possible data of this epigraphic monument: the 3 rd - 1 st centuries B.C.

[24] См., в частности, *Georgiev Vl.* Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 108 ff.

[25] *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966. S. 60 ff., 172 ff.

[26] *Lehmann W.* 1955.

[27] Ср. *Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 7 слл.

© 1993 г.

НОВЫЕ ПАПИРУСНЫЕ ФРАГМЕНТЫ КОМЕДИЙ МЕНАНДРА

Данный обзор охватывает не известные ранее папирусные фрагменты комедий Менандра, появившиеся в периодической печати и сборниках после 1974 года[1].

1. Большой интерес представляют несколько папирусных фрагментов, относящихся к комедии Менандра «Третейский суд»[2]. Важное значение этих находок определяется тем, что они относятся к одному и тому же месту в комедии. P. Oxy. 3532 представляет собой три фрагмента, составляющих две колонки, каждая свыше 20 стихов. Точная идентификация фрагментов подтверждается как их содержанием, так и совпадением части третьего фрагмента с фрагментом № 7 из «Третейского суда»[3]. Хотя хорошо сохранилась только левая сторона колонок, а знаки, указывающие на перемену действующих лиц, не дошли, из содержания фрагментов видно, что они представляют собой диалог между Памфилой и Смикрином в IV акте «Третейского суда». Идентификация фрагментов подкрепляется также тем, что в двух местах папирусного текста встречаются те же слова, которые далее произносит Харисий, подслушавший разговор Памфилы с ее отцом (ср.: ἀτυχῶν — Epitr. 918, φυγεῖν — Epitr. 921). Почти одновременно с тремя фрагментами под № 3532 был найден еще один папирусный фрагмент II в. н.э., текст которого дополняет третий фр. 3532. Он опубликован под № 3533 и представляет собой описание попыток Смикрина убедить дочь оставить Харисия.

С этими двумя папирусами частично совпадает изданный Гроневальдом Мичиганский папирус № 4733, состоящий из двух фрагментов. Остатки фр. 1 (сохранилась только полоска шириной в 1 см) представляют собой 26 строк из конца III акта «Третейского суда» Менандра, на что указывает уцелевшая отметка о вступлении хора. Начиная с 5-го стиха текст 1-го фрагмента Мичиганского папируса совпадает с Каирским кодексом Менандра (ст. 680—699). Кроме того, в папирусе встречаются две строки, которых не было в Каирском кодексе (ст. 8—9]κεν[и]λεκ). Они обозначены как 682 а и 682 б. В ст. 17 фр. 1 (ст. 690) имеется указание на перемену действующего лица. Вероятно, здесь была реплика Хэрестрата, который является собеседником Смикрина в этой сцене. Так как в каждой строке фр. 1 Мичиганского папируса сохранились лишь отдельные буквы, то ничего нового в содержании конца III акта «Третейского суда» пока не прибавилось. Однако благодаря Мичиганскому папирусу мы имеем более точное представление о величине III акта.

Со 2-м фрагментом Мичиганского папируса совпадают названные выше Оксиринхские папирусы, которые располагаются друг за другом следующим образом: P. Mich. fr. 2: ст. 1 — ст. 38; P. Oxy. 3532 фр 3: ст. 3 — ст. 26; P. Oxy. 3533: ст. 5 — ст. 24; P. Oxy. 3532 фр. 1+2: ст. 27 — ст. 50[4].

Таким образом, вместе взятые все три папируса составляют 50 стихов в начале IV акта «Третейского суда». 2-й фрагмент Мичиганского папируса состоит, как уже было сказано, из отдельных букв в первой половине строчек. К тому

---

[1] После наиболее полного издания комедий Менандра: Menandri reliquiae selectae / Rec. F.H. Sandbach. Oxonii, 1972.

По этому изданию — ссылки, если нет указаний на предшествующее издание Кёрте-Тирфельдера. См. также *Menander.* A Commentary by A.W. Gomme, F.H. Sandbach. Oxford Univ. Press. 1973.

[2] См. P.Oxy. L. P. 36—48. Также *Gronewald M.* Menander, Epitrepontes. Neue Fragmente aus Akt III und IV // ZPE. 1986. Bd. 66. S. 1—13; *idem* // ZPE. 1987. Bd. 68. S. 19—20.

[3] См. *Менандр.* Комедии и фрагменты. М., 1982 (далее — Менандр). С. 458; *Ярхо В.Н.* У истоков европейской комедии. М., 1979. С. 146.

[4] Таким образом, вопреки предварительному предположению Э. Тэрнера (см. *Turner E.G.* Menander, Epitrepontes // P. Oxy. L. P. 36) P. Oxy. 3532 фр. 3 и P. Oxy. 3533 не следуют за P. Oxy. 3532 фр. 1+2, а находятся перед ним.

же, в начале каждой строки отсутствует по 5—6 букв. Из P. Oxy. 3532 фр. 1+2 мы располагаем началом строк. Содержание этих фрагментов представляет собой диалог между Смикрином и Памфилой: «*Смикрин*: ...он отвергнет тебя... он будет жить... тогда для нее эти уговоры... очень угрюмая, вечно ворчащая (жена)... (с гетерой) внешностью не равняется... она отстранит тебя. Тяжело, Памфила, свободной женщине тягаться с гетерой. Она больше ловчит[5], больше умеет, ничего не стыдится, сильнее льстит[6]... Теперь для тебя все кончено[7]... подумай, так оно и будет... ты всегда будешь рядом с этим... ты никогда не поступила бы вопреки моей воле. *Памфила*: Отец, разреши мне сказать... из всего, что когда-нибудь ведет к выгоде... ибо быть разумным... никогда... пришедшую судьбу... другую[8]... виновного в этом... ничего постыдного... немногим... большинство... говорят и молвят[9]... не достигнув счастья, впереди... следует избегать этого... ибо мы (живем), если же все деньги... (которые) ты дал, он растратил[10]... поэтому или... буду счастливо жить... если же... вместе с ним я перенесу (все трудности). Клянусь (Гименеем), я вместе с ним пошла по жизни. Он виноват? Я вынесу то, что у него есть другой дом, что он уделяет внимание другой женщине... А если же что-то другое (произойдет)... то это не огорчит меня... я согласна (на все)... Если же что-то неизвестное[11]... я разберусь с этим... Он отвергнет меня? Вы поймете, что я верна Харисию... другую... И когда (он сравнит), он легче (увидит) худшее... Она замышляет что-то против нас[12]...».

Эти 50 стихов отчасти заполняют лакуну между стихами 758 и 853 в Каирском кодексе и дают дополнительный материал для того, чтобы судить, как была изображена верная, преданная мужу Памфила, готовая перенести с ним все тяготы жизни и отстаивающая свое право на это в споре с отцом. Нечасто женщины, ставшие предметом насилия, появлялись на сцене в Новой комедии, и еще реже им предоставлялось право на самостоятельное решение и его аргументацию. До сих пор мы знали о решении Памфилы только из уст Харисия — из речи самой Памфилы были известны лишь три стиха (713—715). Этот момент в комедии является очень важным с психологической точки зрения: Харисий, услышав слова жены, прощающей ему измену, стыдится своего поступка и хочет оправдать доверие Памфилы. Так изнутри подготовляется счастливая развязка пьесы.

2. Пять папирусных фрагментов II в. н.э., написанных одной и той же рукой[13], определены как отрывки диалогов из Новой комедии. Первый фрагмент дает начала 20 стихов, четвертый и пятый фрагменты — отдельные буквы. Достаточно полный текст представляет второй фрагмент, верхнюю половину которого дополняет третий фрагмент с остатками 6 строчек. Эти два фрагмента составляют 26 стихов центральной части колонки, написанных ямбическим триметром. Хотя знаки, указывающие на перемену говорящего, отсутствуют, употребление разных

---

[5] Чтение πανουργεῖ в Мичиганском папирусе. против κακουργεῖ в фр. 7 «Третейского суда». Ср. также определение Габротонон πανούργως («Третейский суд», ст. 535).

[6] Ст. 8—11 совпадают с фр. 7 из «Третейского суда».

[7] Смикрин употребляет поговорку ταῦτα σοὶ καὶ Πύθια καὶ Δήλια «так вот тебе и Пифии и Делии» (ср. Heaut. tim. Fr. 123 K-T), близкую по значению к русской пословице «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

[8] Так как конец слова не сохранился, то может быть перевод «другого». Тогда, возможно, Памфила говорит о попытках Смикрина найти ей другого мужа (ср. Папирус Дидо I, ст. 31).

[9] Памфила, видимо, произносит здесь философское изречение.

[10] Ср. «Третейский суд», ст. 749—752.

[11] Вероятно, Памфила имеет в виду появление у Габротонон ребенка от Харисия.

[12] Из ответной речи Памфилы сохранилось 35 стихов, тогда как в папирусе Дидо I речь молодой женщины составила 44 стиха. Можно предположить, таким образом, что до нас дошла большая часть речи Памфилы. Но надо отметить, что, несмотря на схожесть ситуации в комедиях, положение женщин различно: героиня папируса Дидо I не хочет оставить мужа, испытывающего материальные трудности; Памфила же остается верной мужу даже тогда, когда он оставил ее.

[13] P. Oxy. XLIX, № 3431. P. 1—7.

притяжательных местоимений (ст. 1 σοῦ — ἐμοῦ) показывает, что отрывок (фр. 2+3) представляет собой диалог. Собственное имя Мосхион (ст. 22) является настолько распространенным в произведениях Новой аттической комедии, что не дает никакого основания для окончательной идентификации фрагментов. Однако, как кажется, содержание фрагментов представляет некоторые возможности для того, чтобы определить, к какой комедии и какого автора они относятся. Между персонажами (вероятно, это отец и сын) происходит разговор, во время которого выясняется, что отец, возмущенный поведением своего сына и его безмерными тратами, отдал часть состояния, которую должен был унаследовать сын, его сестре. Между отцом и сыном происходит следующий разговор: «(*Отец*): ... и какова твоя часть... (*Сын*): Что значит моя? (*Отец*): Клянусь богами, немало своего имущества ты раздал, а теперь тебе, так как все твое имущество перешло к сестре, нужно будет всегда приходить к ней на завтрак и на обед. (*Сын*): ... это ужасно... (*Отец*): ...а если тебе потребуется плащ, ты должен будешь снова пойти к ней... она гораздо благоразумнее... она будет тебе полезной ...это будет защищать тебя... будет закрыто... они транжирят твое (имущество) ...губит тебя... (она) откроет дверь... отпираться... давшему... (она) будет насмехаться... никто никогда так... (*Сын*): ...сыну, а не дочери... это... (*Отец*):... я не хочу ни жить, ни умереть обманутым... (*Сын*):... обманутым? (*Отец*):... Мосхион... этот мудрец... (*Сын*): Какой мудрец?... пользуйся... ни отпираться, ни губить...».

Из сохранившегося текста фрагментов видно, что отец решил передать все состояние дочери; возмущаясь связью сына с гетерой, он в то же время беспокоится о том, чтобы сын, прокутивший состояние, не был вынужден влачить нищенское существование. Эта сцена очень напоминает аналогичное место из комедии «Самоистязатель» Теренция, где Хремет, разгневанный непомерными тратами своего сына Клитифона, решил отдать все деньги своей дочери, чтобы Клитифон не промотал всего состояния и не остался без единого гроша. Ср. «Самоистязатель» (464—466): «Так твоей родне ближайшей все отдаю, вверяю я. Помощь там всегда получит глупость, Клитифон, твоя: пищу, кровлю, где укрыться, платье».

Практически полное совпадение текста дает возможность предположить, что папирусный фрагмент является отрывком комедии, лежащей в основе «Самоистязателя» Теренция, то есть комедии «Самоистязатель» Менандра (см. Теренций, «Самоистязатель», ст. 7—9). Однако содержание следующих стихов фрагмента (они сохранились гораздо хуже, чем первые 6 стихов) отличается от дальнейшего содержания «Самоистязателя» Теренция, где в разговор далее вступает раб-интриган Сир. У Менандра раб, по-видимому, только лишь упоминается (ст. 24 — «этот мудрец»). Возможно, Теренций несколько сократил и изменил текст греческого оригинала, как это нередко встречается у римских авторов, перерабатывающих произведения Новой аттической комедии. Небольшой объем сохранившегося текста папируса не позволяет провести более развернутое сравнение его с данным местом из комедии Теренция.

3. Фрагмент комедии (P. Oxy. inv. 504 B 30 H/5)[14], находящийся на обратной стороне папируса I в.н.э. представляет собой колонку из 21 стиха, большая часть которой, начиная с 5-го стиха, сравнительно хорошо сохранилась. Фрагмент является частью диалога между женщинами, в котором рассказывается о молодом человеке, вынужденном подчиниться воле отца и жениться на богатой родственнице: «... следующая (волна стремится) смыть меня... у юноши есть старик-отец... он хочет женить его... родственница, богатые дорожные расходы... (когда) услышала, не стала больше ждать... как он влюблен, несчастный... каким-то ветром... эту огромную скалу... этот местный (обычай)... чтобы они вытерпели... что он мог тут сделать... Он клялся, если бы Клиния... из-за пустой (надежды) и взял... да не захочет, мо(й) дорог(ой)... добродетель...».

[14] *Handley E.W.* Recent Papyrus Finds: Menander // BICS. 1979. № 26. P. 81—87. = Actes du VII Congres de la FIEC. V. 2. Budapest, 1983. P. 547—555.

Содержание фрагмента, лингвистические и стилистические особенности текста дают возможность определить принадлежность его Менандру. Однако в отношении вопроса о том, к какой комедии можно отнести данный фрагмент, мнения исследователей разошлись. Собственное имя Клиния, встречающееся в папирусном фрагменте (ст. 17), известно по комедиям Менандра «Одержимая» и «Ненавистный» и по комедиям Теренция «Девушка с Андроса» и «Самоистязатель». Но установить какую-нибудь взаимосвязь между этими комедиями и данным фрагментом трудно. Э. Хэндли, впервые опубликовавший этот фрагмент, считает, что упоминание в нем «огромной скалы» (ст. 12) можно связать только с известной скалой в Левкадии с храмом Аполлона. Эта скала упоминается в комедии Менандра «Левкадия»: с нее, согласно преданию, из-за неразделенной любви к юноше Фаону бросилась в море Сапфо (фр. 258 К-Т πέτρας ἀπὸ τηλεφανοῦς). Поэтому Хэндли отнес новый фрагмент к этой комедии, хотя и оговорил свое предположение тем, что во всех дошедших до нас отрывках из «Левкадии» ничего не говорится об отце молодого человека и о его возможной роли в интриге. Отрицательную позицию по отношению к доводам Э. Хэндли занял К. Гайзер[15]. Он предположил, что новый фрагмент является частью начальной сцены из комедии Менандра «Женщины за завтраком»[16], которая, как было убедительно доказано Б. Бишофом и Э. Френкелем[17], лежит в основе плавтовской «Шкатулки». О том, что эта комедия Менандра была хорошо известна в античности, свидетельствует другая ее переработка, сделанная Цецилием Стацием (под тем же, что и у Менандра, названием).

Сцена из первого действия комедии «Женщины за завтраком», к которой по предположению К. Гайзера относится новый папирусный фрагмент, изображена на одной из митиленских мозаик: в центре за столом сидит молодая женщина по имени Планго, слева от нее — старая гетера Филенида, справа — ее дочь Пифиада[18]. Эта же сцена завтрака изображена на неапольской мозаике Диоскурида[19]. Реконструируя основные сюжеты линии комедии по плавтовской «Шкатулке» (так как от комедии «Женщины за завтраком» остались лишь немногочисленные фрагменты), К. Гайзер соотносит новый фрагмент Менандра со стихами 98—103 «Шкатулки»:

Матери моей он с клятвой обещал, что женится
Он на мне. Теперь, однако, принужден другую взять,
Родственницу из Лемноса, рядом здесь живет она.
Так его отец принудил. Мать моя разгневалась
На меня за то, что сразу я не возвратилась к ней,
Как узнала, что намерен на другой жениться он.

В папирусном фрагменте девушка[20] также рассказывает о своей любви к молодому человеку, который любит ее, но должен подчиниться воле отца, требующего, чтобы юноша взял в жены богатую родственницу (ст. 6—8 «...у юноши есть старик... он хочет женить его»). Мать девушки, узнав об этом, требует, чтобы она вернулась домой (ст. 9 «... когда услышала, не стала больше ждать...»). Девушка сравнивает свое положение с кораблем, который буря разбила о скалы[21], но в то же время она оправдывает своего возлюбленного, понимая, что он не

---

[15] *Gaiser K.* Ein Fragment aus Menanders «Synaristosae» // ZPE. 1980. Bd. 39. S. 99—111.

[16] См. *Менандр.* С. 532 сл.

[17] *Bischoff B.* Zu Plautus und Festus // Philologus. 1932. Bd 87. S. 114—117; *Fraenkel Ed.* Das Original der Cistellaria des Plautus // Ibid. S. 117—120.

[18] *Charitidis S., Kahil L., Ginouvès R.* Les mosaïque de la maison du Ménandre à Mytilene // Antike Kunst. 6 Beiheft. Bern, 1970.

[19] *Bieber M.* The History of the Greek and Roman Theater. Princeton, 1961. № 346.

[20] У Менандра имя девушки — Селения, в комедии Плавта — Планго. Как известно, Плавт всегда изменял имена персонажей своих греческих оригиналов.

[21] Это сравнение является общим местом в Новой комедии. См., например, *Men.* Samia. 206 sq. Fr. 656 К-Т, а также папирусный фрагмент, приписываемый Филемону: Select Papyri III. Literary Papyri / By D.L. Page. London-Massachusets, 1962. № 61. P. 276—280. Подобные сравнения часто встречаются в комедиях Плавта (Merc. 197, Most. 677, Cist. 221).

может противиться воле отца (ст. 15 «... что тут он мог сделать...»), и вспоминает прежние клятвы возлюбленного (ст. 17 «... он клялся, если Клиния...»).

Гипотеза Гайзера выглядит достаточно убедительной, хотя при современном состоянии текста фрагмента сделать какой-нибудь окончательный вывод не представляется возможным.

4. На основании этих же стихов из «Шкатулки» Плавта У. Арнотт попытался дать атрибуцию другого папирусного фрагмента[22]. Этот фрагмент I в. н.э. был опубликован в 1936 г. Г. Герхардом[23], который идентифицировал данный папирус как отрывок из комедии Алексида «Девушка с Лемноса». Основой для идентификации послужило упоминание в 9-м стихе какой-то жительницы острова Лемнос. У. Арнотт полагает, однако, что это может быть та же самая родственница с Лемноса, на которой отец собирается женить Алексимарха («Шкатулка», ст. 100), и идентифицирует, таким образом, этот фрагмент как отрывок из комедии Менандра «Женщины за завтраком», лежащей в основе плавтовской «Шкатулки».

5. К комедии Менандра «Льстец» относится небольшой папирусный фрагмент III в. н.э., в семи дошедших строчках которого сохранились лишь отдельные слова (P. Oxy. L, № 3534). Тем не менее точная идентификация фрагмента основана на упоминании в тексте имен Бианта и Струфии (имен хвастливого воина и льстивого парасита)[24]. Эти персонажи из «Льстеца» были перенесены Теренцием в его комедию «Евнух» под именами Фрасона и Гнафена, о чем сам Теренций говорит в прологе к своей комедии (ст. 30—32). Текст фрагмента также напоминает живую сцену из комедии Теренция «Евнух» (ст. 416—427 сл.), где воин хвастливо расписывает свои подвиги, остроумие и успех у женщин, а парасит лестью усиливает его самодовольство. Однако более развернутое сравнение провести невозможно из-за плохой сохранности текста фрагмента.

Из указаний в тексте на имена действующих лиц видно, что в сцене принимает участие какое-то третье лицо, имя которого содержит сочетание -τραχ, например, Βάτραχος или Βατραχίων. Возможно, этот персонаж соответствует рабу Пармениону в комедии Теренция, который присутствует при разговоре воина и парасита и подчеркивает юмор диалога своими комментариями.

6. Сохранившаяся правая половина 30 строк верхней части колонки папируса конца I в. до н.э. — начала I в.н.э. (P. Oxy. XLIX, № 3433) несомненно является отрывком из комедии Менандра, так как первые 18 стихов папирусного фрагмента совпадают с фрагментом 740 К-Т из неизвестной комедии Менандра, цитируемым у Плутарха (Consolatio ad Apollonium, 103 c-e). Эти 18 стихов представляют собой монолог раба-педагога, вразумляющего своего молодого хозяина, который, по-видимому, страдает из-за невозможности соединиться со своей возлюбленной. Ситуация в сцене комедии (раб-педагог, опекающий влюбленного хозяина), темы, затрагиваемые в монологе (равенство всех людей, изменчивость судьбы, необходимость стойко переносить перемены в жизни, обращение к трагедии как к источнику мудрости), являются достаточно общими как для творчества Менандра, так и для новой комедии, в целом. Поэтому какая-либо точная атрибуция этого фрагмента на основании только этих данных невозможна. К сожалению, незначительные остатки 12 стихов (сохранились только отдельные буквы), представленных в папирусном фрагменте 3433 сверх 18 стихов, известных по фрагменту 740 К-Т, не дают дополнительных сведений для прояснения этого вопроса. Тем не менее новый фрагмент предлагает интересные варианты чтения и

---

[22] *Arnott W.G.* A papyrus scrap of Menanders Συναριστῶσαι // ZPE. 1988. Bd. 72. S. 23—25.

[23] *Gerhard G.A.* Veröffentlichungen aus den badischen Papyrussammlungen. Bd 6. Heidelberg, 1936. S. 18 f. (P. Heid. 175).

[24] Имя Струфии было известно до сих пор только из цитат. Теперь оно засвидетельствовано прямым источником.

дает возможность внести некоторые исправления в текст фрагмента, известного по цитате из Плутарха[25].

7. Небольшой фрагмент папирусного свитка I в. н.э. (P. Oxy. XLV, № 3217) идентифицирован как отрывок из комедии Менандра «Сикионец»[26]. Фрагмент состоит из обрывков семи стихов, в которых читаются лишь отдельные буквы. Встречающееся в тексте фрагмента интерлинеарное π может быть частью аббревиатуры имени Пиррий. Это позволяет предположить, что фрагмент 3217 относится не только к той же комедии, но и к той же сцене, что и фрагмент 1238. Однако плохое состояние текста не дает возможности соединить их непосредственно[27].

8. Имя другой героини комедии Менандра «Сикионец» — Малфаки, встречающееся в фрагменте P. Oxy. inv. 334 B 83 E (8—11)[28], дает основание для идентификации этого фрагмента также как отрывка из комедии «Сикионец». От этого фрагмента конца I в. — начала II в.н.э. сохранились лишь последние слова 29 ямбических или трохеических строчек. Слова о «горестном изгнании» могут относиться к другому персонажу комедии «Сикионец» — воину Стратофану. Без полного контекста окончательно решить вопрос об идентификации фрагмента не представляется возможным.

9. Фрагмент III в.н.э., центральная часть которого (8 строк) хорошо сохранилась, идентифицируется как отрывок из комедии Менандра[29]. Идентификация основана на совпадении 6-го стиха фрагмента с фрагментом 771 К-Т, а стихов 7—8 с концом комедий Менандра «Брюзга», «Ненавистный», «Сикионец»: «И пусть Победа, дева благородная, подруга смеха, будет к нам всегда добра». Указаний на то, к какой именно комедии Менандра относится данный фрагмент, в тексте фрагмента нет.

Новые папирусные фрагменты комедий Менандра, представленные в данном обзоре, не равнозначны: благодаря находке нескольких папирусных фрагментов, относящихся к комедии «Третейский суд», заполнена большая часть лакуны в IV акте этой комедии (1); расширились наши представления о комедиях «Сикионец» (7), «Льстец» (5); стал известен более точный текст фр. 740 К-Т (фр. 263 по изданию Sandbach) (6); идентификация некоторых фрагментов еще не является окончательной и вызывает разногласия и споры исследователей (2, 3, 4, 8); другие фрагменты, хотя и отнесены к Менандру, не сообщают каких-либо дополнительных данных о его творчестве (9). Но все эти тексты предоставляют новый материал для дальнейшего изучения комедий Менандра.

И.Л. Ульянова

NEW PAPYRUS FRAGMENTS FROM MENANDER'S COMEDIES

I.L. Ulyanova

The article offers a review of the papyrus fragments of Menander's comedies that were published in periodicals or collections after 1974. Certain papyrus fragments (P. Oxy. 3532, 3533; P. Mich. 4733), belonging to Menander's comedy «Epitrepontes» is of greatest interest. The

[25] Плутарх, возможно, заимствовал цитату из эллинистического сборника изречений (Hani I. Plutarque Consolation à Apollonios. P., 1972. P. 49—50).

[26] Эта идентификация основана на сходстве почерка, которым написан фр. 3217, и почерка в фр. 1238, который определен как отрывок из комедии Менандра «Сикионец» благодаря упоминанию в рукописи имен действующих лиц — Малфаки, Ферона и Пиррия (имена Малфаки и Ферона в других комедиях Менандра, дошедших до нас, не встречаются). Точное место фр. 1238 в тексте комедии не установлено.

[27] См. *Менандр.* С. 488 сл.

[28] BICS. 1984. 31. P. 25—31.

[29] The Rendel Harris Papyri (P. Harris II). Zutpen, 1985 (Studia Amstelodamensia XXVI). P. 22—23.

importance of these finds lies in the fact that they belong to the same part of the comedy and fill the greater part of the lacuna at the beginning of this comedy's 4 th act. Although these fragments do not give us any new information on the comedy's contents, thay furnish the additional material which helps us view Menander's conception of his heroes' characters, their psychological motivation for makig certain decisions. The identification of certain fragments is not final yet, researchers still argue, offering clashing opinions: the P. Oxy 3431 fragment which is identified as an extract from Menander's «Heautotimorumenos», the P. Oxy. inv. 50 4B30 H/5, P. Heidel. 175 fragments which researchers attribute to his comedy «Synaristosai» and the (P. Harris II) small fragment, which according to the mention of Malthakas name, is identified as a part of «Sikynios». Other fragments which are identified as extracts from the comedy «Kolax» (P. Oxy. 3534), (P. Oxy. 3217), fr. 740 K—T (P. Oxy. 3433) extend our understanding of these comedies, clarify the previously known text and give new opportunities for further study of Menander's artistry.

© 1993 г.

БИБЛИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

(Рассказ о творении мира и греческий ритор)

1. Первая, насколько нам известно, цитата из Библии в классической греческой литературе содержится в риторическом трактате «О возвышенном». Трактат был написан, по-видимому, в I в. н.э. неизвестным литературным критиком (поскольку манускрипты ошибочно отождествили его с Лонгином, известным ритором III в. н.э., в научной литературе за ним закрепилось прозвище Псевдо-Лонгина). И сам трактат, и приведенная в нем цитата из книги Бытия постоянно привлекали и привлекают к себе внимание исследователей: спорят об авторстве, о времени и месте создания трактата, о возможных путях знакомства Псевдо-Лонгина с Септуагинтой. Странно на первый взгляд, но сама цитата, ее несколько необычное звучание не становились при этом предметом специального исследования. Между тем, тут тоже есть над чем задуматься.

Библейская цитата приведена Псевдо-Лонгином как пример такого текста, который должным образом отображает величественную природу Божественного и непосредственно следует за заимствованным у Гомера описанием Посейдона. Вот как она звучит:

Ταύτῃ καὶ ὁ τῶν Ἰουδαίων θεσμοθέτης οὐχ ὅ τυχὼν ἀνήρ, ἐπειδὴ τὴν τοῦ θείου δύναμιν κατὰ τὴν ἀξίαν ἐχώρισε κἀξέφηνεν, εὐθὺς ἐν τῇ εἰσβολῇ γράψας τῶν νόμων "εἶπεν ὁ θεός" φησί, τί;

«γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο».

«Так и Законоположитель иудеев, муж незаурядный, ибо мощь божественного и вместить смог по достоинству и провозгласить, в самом начале Законов пишет: „Бог сказал". — Что же? „Да будет свет — и стал; Да будет земля — и стала"»[1].

Хотя контекст скорее подразумевает точную цитату, а не простой пересказ, отличие от подлинного текста Септуагинты вполне ощутимо. Соответствующие строки греческой Библии гласят:

[3] καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς.

[4] καὶ εἶδεν ὁ θεὸς τὸ φῶς, ὅτι καλόν· καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ φωτὸς καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σκότους.

[1] Περι Ὕψους, IX.

[5] καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ φῶς ἡμέραν καὶ τὸ σκότος ἐκάλεσε νύκτα· καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωΐ, ἡμέρα μία.

[6] καί εἶπεν ο θεος· γενεθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος καὶ ἔστω διαχωρίζον ἀνὰ μέσον ὕδατος καὶ ὕδατος. καὶ ἐγένετο **οὕτως.**

[7] καὶ εποίησεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα, καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος, ὃ ἦν ὑποκάτω τοῦ στερεώματος, καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος **τοῦ** ἐπάνω τοῦ στερεώματος.

[8] καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα οὐρανὸν καὶ εἶδεν ὁ θεός, ὅτι καλόν. καὶ ἐγένετο ἑσπέρι καὶ ἐγένετο πρωΐ, ἡμέρα δεύτερα.

[9] καὶ εἶπεν ὁ θεός· συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν, καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρά. καὶ ἐγένετο οὕτως. καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν, καὶ ὤφθη ἡ ξηρά[2] (Быт. 1:3,6,9).

Первая часть цитаты, действительно, почти дословно повторяет текст греческой Библии:

Септуагинта: καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς. Περὶ Ὕψους: εἶπεν ὁ θεός... γενέσθω φῶς, καὶ εγένετο·

Разница здесь чисто стилистическая: γενέσθω вместо γενεθήτω.

Напротив, вторая часть цитаты не имеет себе в Библии точного соответствия. Бог не приказывает земле быть. Он приказывает водам собраться в одно место, чтобы явилась суша. Суша (ξηρά) отнюдь не тождественна земле (γῆ) — да и происходит все совсем по-другому.

Исследователи, занимавшиеся Псевдо-Лонгином, обычно предполагали (или просто подразумевали), что автор трактата самовольно изменил звучание строк Быт. 1:9—10 так, чтобы они больше походили на первую часть цитаты — Быт. 1:3. Это объяснение все же звучит не слишком убедительно. Конечно же, автор, греческий ритор, мог поправить стиль цитируемого «варварского» текста (например, заменить неклассическое γενεθήτω на грамматически правильное γενέσθω), но стал ли бы он сознательно и столь существенно менять сам смысл цитируемого?

Есть и еще один вопрос, который также остается без ответа: зачем было автору трактата, цитируя Книгу Бытия, полностью опускать стихи Быт. 1:4—8? Как я уже говорил, он ищет и приводит (из Гомера, из Библии) примеры величественных и возвышенных теофаний — но что может быть более величественным и возвышенным, чем творение Неба (Быт. 1:6)?

Стих, описывающий творение Неба, прекрасно подходил бы для автора не только с точки зрения своего содержания, но и с точки зрения своей внешней формы: он обладает той же самой структурой, что и Быт. 1:3 — «*Бог сказал: Да будет... И стало...*». Параллелизм двух частей цитаты, для достижения которого Псевдо-Лонгину пришлось переделывать стих Быт. 1:9, достигался бы здесь сам собою. Достаточно сравнить друг с другом:

Быт. 1:3

καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς.

Быт. 1:6

καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος... καὶ **ἐγένετο** οὕτως.

Но:

Быт. 1:9—10

καὶ εἶπεν ὁ θεος συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν, καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρά. καὶ ἐγένετο οὕτως.

Почему же автор трактата опустил в своей цитате стихи, которые так прекрасно подходили бы ему и по содержанию своему и по форме? Как правило, загадки такого рода не могут быть разгаданы — как восстановить ход мыслей

[2] Быт. 1:3—9.

неизвестного человека, писавшего тысячелетия назад? И все же в этом случае, как кажется, стоит попробовать.

2. Постараемся представить себе, как мог греческий ритор, искушенный в классической литературе, но впервые в жизни читающий Библию, понять и истолковать начальные строки Книги Бытия. Перед ним стояла непростая задача: Септуагинта подчас вкладывает в греческие слова новый смысл, отличный от классического греческого языка.

Так, например, στερέωμα в Быт. 1:6 означает твердь небесную. Читая текст, мы автоматически подставляем именно это значение. Так же поступали и греки-христиане, и грекоязычные иудеи. Но вправе ли мы ожидать того же от грека, не знакомого с Библией? Что значило это слово в классическом греческом?

Στερέωμα — дериват от глагола στερεόω укреплять, поддерживать, подтверждать и, соответственно, первое значение этого слова — поддержка, подтверждение, далее — опора, скелет, наконец — твердое тело. В классической литературе слово встречается не часто.

«Змеи имеют хрящевидные кости, кроме самых больших, а у тех, как и у живородящих, по силе [тела их] и скелет должен быть сильнее» (πρὸς τὴν ἰσχυροτέρων δεῖ τῶν στερεωμάτων — Arist. De part. anim. II.9.655a 22).

«Пар, восходящий от кипящей воды, стоит ему встретить *твердое тело,* (στερέωμα) к которому можно прильнуть, сгущается, уплотняется, и капли капают...» (Hippocr. De nat. VIII).

«Анаксагор и Демокрит [считали, что Луна это] раскаленное *твердое тело* (στερέωμα), на котором есть равнины, горы и ложбины.» (Placita Philosophorum. II.25.9)[3]. В одном языческом тексте из Карфагена (III в. н.э.) στερέωμα встречается нам, с первого взгляда, в том же самом значении, что и в Книге Бытия: этот текст именует Бога τὸν τῶν οὐρανίων στερεωμάτων δεσπότην[4].

Мне кажется, однако, что ключ к правильному пониманию этого места дает нам уже приводившийся выше отрывок из Placita Philosophorum, где о Луне говорится как о στερέωμα διάπυρον. Это пример приложения слова στερέωμα к небесному телу — но не к самому Небу! — и резонно предположить, что ὁ τῶν οὐρανίων στερεωμάτων δεσπότης означает не «Владыка небесных небес», но «Владыка небесных тел» (заметим, кстати, что слово στερέωμα в значении «небо» вообще не употребляется во множественном числе).

Таким образом, στερέωμα в значении «небесная твердь» — это неологизм, созданный авторами Септуагинты. Причины появления его достаточно прозрачны: еврейская Библия знает два слова для обозначения неба: שמים «небеса» и רקיע «твердь» (רקיע השמים «твердь небесная»). Принцип пословного соответствия заставляет авторов Септуагинты переводить два разных еврейских слова двумя греческими: «обычному» еврейскому שמים соответствует «обычное» греческое οὐρανός, для רקיע приходится изобретать какой-то неологизм. В качестве такового было выбрано слово στερέωμα, возможно, ввиду некоторого этимологического параллелизма между στερέωμα и רקיע подобно тому, как στερέωμα образовано от στερεόω укреплять, так и רקיע образовано от רקע распростирать (о небе или о земле — Ис. 42:5, 44:24, Пс. 136:6). Возможно, сыграло свою роль и то, что слово στερέωμα уже употреблялось в значении «небесное тело».

Филон Александрийский в I в. н.э. различает умопостигаемое небо в Быт. 1:1 и телесное небо Второго Дня Творения. Телесное небо именуется στερέωμα именно для того, чтобы подчеркнуть различие (Philo. De opificio mundi, 36). Сомнительно однако, чтобы такого рода толкования входили в намерения переводчиков III в. до н.э.

Так или иначе, но неологизм прижился. Его используют и грекоязычные

---

[3] Doxographi Graeci / Ed. H. Diels. B., 1879. P. 356.

[4] Defixionum tabellae quotquot innotuerunt / Ed. A. Audollent. P., 1924. 242. 8.

иудеи, и христиане. Языческой литературе, однако же, слово στερέωμα в значении «небесная твердь» полностью неизвестно. Мог ли автор «О возвышенном» догадаться об этом значении исходя из непосредственного контекста? Похоже, что этот контекст мог только запутать его: то, что говорится о небе в Быт. 1, совершенно не согласуется с тем, как греки привыкли представлять себе Небо.

3. Согласно Библии, Небо (στερέωμα) создается Богом посреди воды — это представление типично для древневосточной космологии, но не для греческой. Небо, согласно греческим философам, есть сфера, обнимающая собою весь видимый мир, в то время как земля и вода, заполняющая ее полости, находятся, напротив, в центре мира.

«Земля [находится] в воде, вода в воздухе, воздух в эфире, эфир в небе, небо же — больше уже ни в чем» (Arist. Phys. IV. V. 3. 212b).

Сама мысль о водах над небом — нелепица для греческого мыслителя. Если что-то и может быть по ту сторону неба — то лишь нематериальные, умопостигаемые предметы. «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоет по достоинству. Она же вот какова [...]. Эту область занимает бесцветная, лишенная очертаний, неосязаемая сущность, подлинно сущая, зримая лишь кормчему души — разуму; на нее-то и направлено истинное знание» (Plat. Phaedr. 247 c. Перевод А.Н. Егунова).

Автор трактата «О возвышенном» несомненно был знаком с этими представлениями: он почитатель Платона, он упоминает Аристотеля и Феофраста, цитирует все того же «Федра».

Στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος — твердое тело посреди воды — никак не могло быть понято им как небо. Скорее уж как земля. Сравним: Στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος — в книге Бытия 1:6, ἡ μὲν γῆ ἐν τῷ ὕδατι — у Аристотеля (Arist. Phys. IV.V.3. 212b).

4. Кажется, это предположение наконец объясняет нам странный вид библейской цитаты в Περὶ Ὕψους. Автор его дает (в его понимании почти дословное) изложение сначала истории Первого Дня Творения (Быт. 1:3), затем — истории Второго Дня (Быт. 1:6). Изменения, которые он вносит в цитируемые стихи, были, с его точки зрения, чисто стилистическими: 1) он заменяет неклассическое γενεθήτω на грамматически корректное γενέσθω; 2) фразы καὶ ἐγένετο φῶς, καὶ ἐγένετο οὕτως сокращаются до более компактной и более экспрессивной формы καὶ ἐγένετο; 3) он заменяет непривычное στερέωμα на общепринятое γῆ.

Он просто не понимал, что от этого меняется весь смысл текста!

5. Эта гипотеза предполагает, однако, что автор трактата «О возвышенном» не был знаком со стихами Быт. 1:7—8, иначе он неизбежно догадался бы о значении слова στερέωμα. Как это могло быть? Можно предлагать разные объяснения: например, что у него в руках был только обрывок свитка с текстом Септуагинты. Единственным, однако же, правдоподобным объяснением будет предположение о том, что он был знаком с Септуагинтой из вторых рук — через цитату из нее у кого-то из своих предшественников, причем эта цитата не включала в себя стихи Быт. 1:7—8.

Мы даже можем предположить, кто именно был этот предшественник.

6. С самых первых строк трактата его неизвестный автор сопоставляет свой труд с аналогичным (и одноименным!) трактатом Цецилия из Калеакты, известного ритора начала I в. н.э.

«Когда мы вместе с тобою, как помнишь ты, о дражайший Постумий Флорентиан, изучали то сочинение, что Цецилий написал о Возвышенном, показалось нам, что оно ниже предмета своего, что почти не затронуты в нем важнейшие вещи, что, наконец, не доставит он большой пользы читателям — а ведь об этом-то, в первую очередь, писателю и надлежит радеть. Ведь от всякого руководства требуются две вещи: первая — показать, о чем идет речь, вторая же — по порядку, хотя и первая по значимости — как и какими именно способами можно достичь того. Цецилий меж тем пытается

тысячами примеров показать нам — будто не знающим того — что такое Возвышенное, а вот каким бы образом могли мы возвести свой нрав к возрастанию в оном — это уж, почему, не знаю, опустил он как нечто ненужное.

Впрочем, не так, пожалуй, стоит осуждать сего мужа за его упущения, как стоит похвалить сам замысел его и труды. Поскольку же велишь ты и нам, в свою очередь, нечто написать для тебя о Возвышенном, — посмотрим, заслуживают ли наши мнения внимания мужей государственных» (Περὶ Ὕψους, I).

В последующем обсуждении природы «возвышенного» и путей достижения его в литературном творчестве автор трактата то тут, то там опять-таки ссылается на Цецилия. Так, в гл. 4 он критикует стиль Тимея — и сообщает нам, что Тимеем уже обстоятельно занимался Цецилий, а потому сейчас достаточно лишь пары примеров. В гл. 8 перечисляются пять источников возвышенности — нам сообщают, что Цецилий также составлял такие перечни, однако некоторые источники забыл упомянуть. В гл. 21 анализируется стиль Феопомпа — по этому поводу вновь возникает дискуссия с Цецилием.

Похоже, что Псевдо-Лонгин заимствовал название (а до некоторой степени и содержание) своего трактата у Цецилия из Калеакты. Схожие вопросы рассматривались на схожем — или даже том же — материале. Трактат Цецилия потерян, однако некоторые сведения о нем мы можем почерпнуть у сохранившихся авторов. Так, Плутарх пишет в «Жизни Демосфена» (III): «Вот почему в этой [...] книге сравнительных жизнеописаний, повествуя о Демосфене и Цицероне, их нрав и образ мысли мы будем изучать и сопоставлять по их поступкам и государственной деятельности, но сравнивать речи, чтобы решить, кто из них говорил внушительнее или приятнее, не беремся. Не то и мы попали бы в положение, о котором Ион сказал: „Дельфин на суше неуклюж" — слова, коих самонадеянный Цецилий не знал, иначе бы не отважился выпустить в свет сравнение Демосфена с Цицероном» (перевод Э. Юнца).

Можно предположить, что Цецилий осмелился сопоставлять стили Демосфена и Цицерона. Ни в одном из дошедших до нас античных трактатов по риторике мы не можем встретить ничего подобного — кроме, опять-таки «О возвышенном» (гл. 12).

Главным источником наших сведений о Цецилии является Суда: «Цецилий, сицилиец, из Калеакты[5] (Калеакта — это город в Сицилии), ритор, практиковал в Риме при Августе Кесаре и до времен Адриана[6], из рабского сословия, как некоторые повествуют, прежде звался Архагатос, по вере иудей».

Так значит, автор трактата, служившего для Псевдо-Лонгина и моделью, и точкою отсчета, был «по вере иудей» (τὴν δὲ δόξαν Ἰουδαῖος)! Заметим, что сам Псевдо-Лонгин, напротив, говорит о себе как об эллине (καὶ ἡμῖν ὡς Ἕλλησιν: Περὶ Ὕψους, XII). Естественно, что уже довольно давно выдвигалось предположение о том, что именно Цецилий из Калеакты и был промежуточным звеном между Септуагинтой и «О возвышенном»[7]. До сих пор эта гипотеза опиралась лишь на «внешние» аргументы — иудейская вера Цецилия, роль его труда для Псевдо-Лонгина. Наше исследование, похоже, добавило к этим «внешним» аргументам «внутренний»: анализ самой цитаты приводит нас к заключению о том, что она была заимствована Псевдо-Лонгином у его предшественника.

Можно предположить, что дело обстояло следующим образом.

1. Цецилий из Калеакты, иудей по вере, включает в свой трактат «О возвышенном» анализ первых стихов Бытия. Цитата могла звучать примерно так:

---

[5] Вместо Καλαντίς, Καλαντιανός следует читать Καλάκτη, Καλακτῖνος.

[6] Текст несомненно испорчен: Адриан жил столетие с лишним спустя после Августа.

[7] *Reinach T.* // Revue des études juives. 1893. XXVI. P. 43; suiv.

εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς. γενεθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος. καὶ ἐγένετο οὕτως.

2. Неизвестный продолжатель и соперник Цецилия пишет трактат под тем же названием и на ту же тему, используя некоторые из примеров Цецилия. Он переносит в свой трактат и библейскую цитату, обнаруженную им у Цецилия, но при этом «правит ее стиль». В «правленом» виде эта цитата и доходит до нас:

εἶπεν ὁ θεός· γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο.

М.Г. Селезнев

BIBLE IN THE HELLENISTIC WORLD. A STORY OF WORLD CREATION AND A GREEK RHETOR

M.G. Seleznev

We can reconstruct the pre-history of the biblical quotation in Pseudo-Longinus' Περὶ Ὕψους in the following way:

1. Cecilius of Calacte as a man «of the Jewish religion» introduced the analysis of the first verses of Genesis in his treatise Περὶ Ὕψους. This quotation might have run as follows:

εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς. γενεθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος· καὶ ἐγένετο οὕτως.

2. The anonymous successor and rival of Cecilius wrote his own treatise under the same name and of the same content using some of Cecilius' examples for his own purposes. He also included Cecilius' biblical quotation in his treatise, but "corrected" its style. The result of this "correction" is the actual wording of the quotation:

εἶπεν ὁ θεός· γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο.

The article demonstrates that Στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος — *a solid body in the midst of the waters* — could not have been understood by a Greek philosopher or rhetorician as *the heaven*, but on the contrary, it must have been understood as *the earth*.

© 1993 г.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГАЛЛЬСКИХ ПАНЕГИРИКОВ КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ МЕТОДАМИ

Сборник «XII Panegyrici Latini» является одним из крупнейших источников по истории Поздней Римской империи. Первая из входящих в него речей — «Панегирик» Плиния Младшего императору Траяну (100 г.)[1]. Остальные 11 речей принадлежат галльским ораторам III—IV вв. и носят общее название «галльских панегириков». Первый из них, написанный в 289 г., посвящен императорам Диоклетиану и Максимиану[2], а последний (389 г.) — Феодосию Великому. Адресатами остальных речей являются императоры Констанций Хлор (панегирики 297 и 298 гг.), Константин Великий (речи 307, 310, 312, 313 и 321 гг.) и Юлиан Отступник (панегирик 362 г.).

Авторы пяти панегириков известны: это Мамертин (pan. lat. III), Евмений (pan. lat. V), Назарий (pan. lat. X), Клавдий Мамертин (pan. lat. XI) и Латин Пакат

[1] «Панегирик» Плиния Младшего переведен на русский язык В.С. Соколовым (см.: Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 212—272).

[2] Им же посвящена речь 291 г.

Дрепаний (pan. lat. XII)[3]. Их имена сохранились в заголовках[4] или в тексте речей[5]. Остальные шесть речей сборника не атрибутированы[6].

Интенсивное изучение сборника «XII Panegyrici Latini» началось после его публикации, предпринятой в 1513 г. ректором Венского университета Куспинианом (И. Шписсхаммером)[7]. В результате было замечено следующее:

1. В панегириках строго выдерживается трехчастная композиция (вступление, основная часть и заключение).

2. События могут или излагаться в хронологическом порядке (pan. lat. II, IV, VII, IX, X, XII) или группироваться по темам (pan. lat. III, V, VI, VIII, XI)[8].

3. Широко используются различные тропы и риторические фигуры, из которых наиболее часто встречается риторический вопрос, умолчание, антитеза.

4. Панегирикам присуще периодическое строение фразы, часто основанное на ритмичности (ритмические конструкции по большей части встречаются во вступлении, в заключении и в особо патетических местах).

5. Широкое использование исторических и мифологических сравнений.

6. Ориентация в качестве литературного образца на «Панегирик» Плиния и некоторые речи Цицерона.

7. В языковом отношении авторы всех галльских панегириков следуют образцам классической латыни[9].

В целом следует отметить, что, изучая жанровое единство галльских панегириков, исследователи смогли выделить лишь один признак, формально определяющий собственно панегирик (т.е. не приложимый ко всем другим риторическим произведениям) — непременное наличие похвалы адресату речи.

Пристальное внимание исследователи уделяли выявлению индивидуальных особенностей каждой речи сборника и атрибуции анонимных панегириков. В 1599 г. издатель сборника И. Ливиней выдвинул гипотезу о том, что автору pan.lat. V — Евмению — принадлежат также речи IV, VII, VIII[10], и с этим согласились многие историки[11]. Впоследствии эту точку зрения разделял филолог В.-С. Тойффель[12]. Решительнее всех поступил О. Зеек, приписав Евмению все без

---

[3] Здесь и далее нумерация панегириков дается в соответствии с их хронологической последовательностью.

[4] 2. Finitus panegyricus primus Plinii. Incipit panegyricus Latini Pacati Drepanii dictus Theodosio (XII)
3. Finitus panegyricus Latini Pacati Drepanii dictus Theodosio in urbe aeterna Roma. Incipit gratiarum actio Mamertini de consulatu suo Juliano imperatori (XI)
4. Explicit oratio Mamertini. Incipit Nazarii dictus Constantino (X)...
11. Item eiusdem magistri Mamertini Genethliacus Maximiani Augusi (III).

[5] Имя автора pan. lat. V содержится во включенном в текст речи письме Констанция, обращенном к оратору: Vale Eumeni carissime nobis (V. 14. 5). Что касается автора pan. lat. XI, то, строго говоря, в рукописи содержится лишь имя Mamertinus. Второе имя — Claudius — является конъектурой издателя Куспиниана, который прочел таким образом слово dandi, содержащееся в рукописи. Контекст речи (XI. 17.4: Claudi Mamertine, non frustra hucusque vixisti) делает подобное прочтение убедительным, и имя «Клавдий Мамертин» считается установленным для автора этого панегирика.

[6] Общую характеристику галльских панегириков см.: *Шабага И.Ю.* Галльские панегирики // ВИ. 1985. № 12. С. 174—179.

[7] Впервые сборник был издан, вероятно, в Милане в 1482 г.

[8] Ср.: Quintil. Inst. orat. III. 7. 15.

[9] *Фолькман Р.* Реторика греков и римлян. Ревель, 1891. С. 23—24; *Boissier G.* Les rhéteurs gaulois au IV siècle (à propos de l'éd. des Panegyrici Latini d'E.Bährens) // JdS. P., 1884. Jan. — Dec. P. 6—17; *Mesk J.* Die anonym überlieferten lateinischen Panegyrici und die Loebrede des jungeren Plinius // WS. Wien, 1912. Bd 34. Ht 1. S. 246—252; Panégyriques Latins: In 3 vol. / Texte établi et trad. par E. Galletier. P., 1949—1955. T. I. P. XXXI—XXXV; *Mesk J.* Zur Technik der lateinischen Panegyriker // RhM. Francfurt, 1912. Bd 67. Ht 4. S. 569—591, etc.

[10] Цит. по кн.: *Schanz M.* Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Theodosius. In 4 Bd. München, 1896; Bd 3. Die Zeit von Hadrian (117) bis auf Constantin (324). S. 150.

[11] *Burckhardt J.* Die Zeit Constantins des Grossen. Lpz, 1898. S. 56; *Gibbon Ed.* The Decline and Fall of the Roman Empire. T. I. L.—N. Y., 1927. P. 347. Not. 2; *Preuss Th.* Kaiser Diocletian und seine Zeit. Lpz, 1869. S. 26. Anm. 2; *Tillemont M. Le nain.* Histoire des empereurs et des autres princes qui ont regné durant les six premiers siècles de l'Église. T. 4. P., 1704. P. 37, 41, etc.

[12] *Teuffel W.-S.* Geschichte der römischen Literatur / Neu Bearb. von L. Schwabe. Lpz, 1890. S. 931.

исключения анонимные речи сборника (т.е. pan. lat. II, IV, VI—IX)[13], невзирая на имеющееся в рукописях заглавие: Panegyrici diversorum VII (в ряде рукописей: Panegyrici diversorum VIII), т.е. «Панегирики семи (восьми) различных лиц» или «Семь (восемь) панегириков различных лиц». Основным аргументом, позволяющим приписать Евмению те или другие анонимные речи, стало для исследователей наличие в тексте панегириков биографических данных, совпадающих или дополняющих друг друга. Однако по другим параметрам (лексика, риторические приемы, наличие или отсутствие определенных мифологических и исторических примеров и т.д.) различия анонимных речей и панегирика Евмения видны довольно отчетливо[14]. Поэтому мнение О. Зеека не получило поддержки ни у одного исследователя, хотя некоторые из них признавали авторство Евмения за той или иной анонимной речью[15].

Долго обсуждался и вопрос о принадлежности автору pan. lat. III — Мамертину — речи 289 г. (pan. lat. II). На основании сохранившегося в ряде рукописей заглавия pan.lat. III: Item eiusdem magistri Mamertini, а также многочисленных совпадающих в обеих речах мест и прямых указаний автора pan. lat. III на произнесенный им ранее панегирик (III 1.2; 5.1), большинство исследователей считают авторство Мамертина для pan. lat. II и III доказанным[16]. Однако существует и прямо противоположная точка зрения, наиболее обстоятельно изложенная Ф. Рюлем[17].

Высказывались гипотезы и относительно авторства других речей. Так, некоторые ученые считали, что pan. lat. VII и VIII принадлежат какому-то одному неизвестному автору[18], а pan. lat. IX — Назарию, автору pan. lat. X[19].

Итак, даже краткий перечень существующих гипотез относительно атрибуции анонимных речей сборника XII Panegyrici Latini показывает, что единого мнения по этой проблеме не существует. Общепринятыми являются два факта: *1*) Евмению принадлежит pan. lat. V; *2*) единство происхождения может быть признано для pan. lat. II и III.

Почему же не удавалось однозначно атрибутировать анонимные галльские панегирики? Нам представляется, что, *во-первых,* исследователи не проводили комплексного анализа речей. Как правило, каждый изучал какую-то одну сторону проблемы. При этом основными направлениями в изучении анонимных панегириков были следующие: *1*) установление наличия (или отсутствия) и степени заимствований из произведений античных авторов; *2*) анализ содержащихся в речах галльских ораторов биографических сведений, мифологических и исторических

---

[13] *Seeck O.* Studien zur Geschichte Diocletians und Constantins // Neue Jahrbücher. 1888. S. 713; *idem.* Eumenius // RE. Hlbd II. Sp. 1105—1114.

[14] *Ampère J.-J.* Histoire littéraire de la France avant le douzième siecle. In 3 vol. P., 1867. T. I. P. 205; *Brandt S.* Eumenius von Augustodunum und die ihm zugeschribenen Reden. Ein Beitrag zur Geschichte der römischen Literatur in Gallien. Freiburg-in-Brisgau — Tübingen, 1872. S. 39; *Goetze R.* Questiones Eumenianae. Halle, 1892. Цит. по кн.: *Klotz A.* Rezension zu A. Stadlers. Die Autoren der anonymen gallischen Panegyrici // BPhW. Lpz, 1913. Jg. 33. № 24. S. 745; *Mesk.* Die anonym... S. 252; *idem.* Zur Technik... S. 569—591; *Stadler A.* Die Autoren der anonymen gallischen Panegyrici. München, 1912. S. 47; *Schanz.* Geschichte... Bd 3. S. 150; *Ziegler K.* Panegyrikos // RE. 1949. Hlbd 36. 2. Drittel. Sp. 576.

[15] Например, А. Закс (*Sachs A.* De quattuor panegyrici, qui ab Eumenio scripti esse dicuntur. Halle, 1885. S. 7, 10. Цит. по ст.: *Ziegler.* Panegyrikos. Sp. 574).

[16] *Baehrens W.A.* Zur Quaestio Eumeniana // RhM. Frankfurt, 1912. Bd 67. Ht 1. S. 312; *Jullian C.* Histoire de la Gaule. T. 7. P., 1926. P. 59. Not. 4; *Galletier Ed.* La mort de Maximien d'après le panégyrique de 310 // REA. 1950. V. 52. № 3. P. 298; *Klotz.* Rezension... S. 744; *Mesk.* Die anonym... S. 252; *Ziegler.* Panegyrikos. Sp. 574 etc.

[17] *Rühl F.* De XII Panegyrici Latini propaedeumata. Greisswald, 1868. S. 18. Цит. по ст.: *Ziegler.* Panegyrikos. Sp. 574. Так же считает М. Шанц (Geschichte... S. 150).

[18] *Ampère.* Histoire... P. 205.

[19] В.-С. Тойффель тщательно проанализировал эту гипотезу и пришел к убедительному выводу о ее несостоятельности (Op. cit. S. 939).

параллелей; *3*) выявление сходных мест в различных произведениях сборника. *Во-вторых*, проводился почти исключительно[20] смысловой анализ текстов. Другими словами, исследователи пользовались для атрибуции входящих в сборник XII Panegyrici Latini речей классическими методами — литературным и историческим анализом текстов. Ни в коей мере не оспаривая правомерности использования этих методов, следует все же признать, что они оказались недостаточными для решения поставленной проблемы. Поэтому необходимо прибегнуть к новым методам, которые, по нашему мнению, помогут продвинуться дальше в вопросе атрибуции анонимных речей и четче определить характеристики панегирического жанра.

Речь идет о методах формализации, близких к методам контент-анализа, которые во многом «заменяют впечатления исследователя, зависящие от его личных качеств, более стандартизированными процедурами, часто предполагающими измерение и во всяком случае выражающими материал в виде данных, которые могут рассматриваться научно»[21].

В этой статье мы поставили перед собой *две задачи*: пользуясь количественными методами, попытаться *1*) выявить количественные характеристики панегирического жанра; *2*) атрибутировать анонимные галльские панегирики.

Методики исследования. Средством для решения поставленных задач была избрана методика анализа текстов на уровне грамматических классов слов (существительное, прилагательное, местоимение и т.д.). Проведению этой работы очень помог опыт сотрудников исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.В. Милова, Л.И. Бородкина и Л.Е. Морозовой, которые в течение ряда лет вели работу по фиксации авторских особенностей древнерусских текстов, анализируя закономерности расположения частей речи в рамках предложения. Исследователи выработали четкую, научно обоснованную методику, подробно изложенную в ряде статей[22]. Суть ее заключается в определении особенностей авторского стиля на основе изучения парной встречаемости грамматических классов слов в предложении[23]. При этом связи между грамматическими классами учитываются только справа от исходного объекта, т.е. в направлении развертывания текста, поскольку это адекватно отражает порядок слов в предложении[24]. Основанием для такого анализа служит то, что употребление и порядок, в котором расположены отдельные грамматические классы слов, объективно отражают сознательные и бессознательные особенности автора, т.е. присущие только ему приемы организации текста.

Дальнейшее исследование базируется на изучении матрицы частот парной встречаемости на уровне грамматических классов, для построения которой требовалось прежде всего выбрать определенную единицу анализа[25] (ее выбор имеет огромное значение, являясь базисом для проведения всей работы) и перекодировать последовательность слов исследуемого текста в последовательность соответствующих обозначений грамматических классов.

---

[20] Методы количественного анализа, но в очень ограниченном размере, применялись лишь в указанных работах Ф. Рюля и В.-С. Тойффеля: они исследовали частоту употребления ряда грамматических категорий в некоторых панегириках.

[21] *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972. С. 327.

[22] *Бородкин Л.И., Милов Л.В., Морозова Л.Е.* К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в призведениях Древней Руси // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 301—326; *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* Некоторые аспекты применения количественных методов и ЭВМ в изучении нарративных источников // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

[23] *Бородкин, Милов.* Некоторые аспекты... с. 369.

[24] *Бородкин и др.* К вопросу о формальном анализе. С. 301.

[25] Единица анализа — это такая «мера» текста, которая берется за основу его измерения. Ею может быть слово, тема, предмет и т.д. Подробнее см.: *Пэнто, Гравитц.* Ук. соч. С. 345.

Итак, в качестве единицы анализа нами был избран грамматический класс. При этом сразу же встал один из многих вопросов, связанных с проведением подобного исследования, а именно: какие грамматические категории (классы) необходимо отобрать, чтобы проводимый анализ был репрезентативным? Универсального ответа на этот вопрос, как показывает опыт работы с текстами (нас интересуют прежде всего древние тексты), не существует, и каждый исследователь должен сам решать для себя эту проблему. Например, группа западногерманских ученых под руководством В. Фукса, следуя разработанной еще в 60-е годы методике Х. Глинца, «разбила» исследовавшиеся новозаветные тексты[26] на 18 грамматических классов[27]. С другой стороны, отобранные для анализа тексты древнерусских произведений были «разбиты» Л.И. Бородкиным, Л.В. Миловым и Л.Е. Морозовой на 92 грамматических класса[28].

Для анализа галльских панегириков нами было выделено 40 грамматических классов.

1 — Существительное в nominativus
2 — » genetivus
3 — » dativus
4 — » accusativus
5 — » ablativus
6 — » vocativus
7 — Прилагательное в положительной степени
8 — » в сравнительной степени
9 — » в превосходной степени
10 — Местоимение
11 — Числительное
12 — Наречие
13 — Союз сочинительный
14 — Союз подчинительный
15 — Предлог
16 — Междометие
17 — Infinitivus
18 — Participium praesentis activi в ablativus
19 — » в других падежах
20 — Participium futuri
21 — Participium perfecti passivi в ablativus
22 — » в других падежах
23 — Gerundium
24 — Gerundivum
25 — Supinum I
26 — Supinum II

Глагол (сказуемое) в главном предложении:

27 — ..... indicativus 1 лица
28 — » 2 лица
29 — » 3 лица

[26] Анализировались древнегреческие тексты Деяний Апостолов, Апокалипсиса, Евангелий от Матфея и от Иоанна.

[27] *Фукс В.* По всем правилам искусства (Точные методы в исследованиях литературы, музыки и изобразительного искусства) // *Моль А., Фукс В., Кассер М.* Искусство и ЭВМ. М., 1975. С. 406.

[28] *Бородкин и др.* К вопросу о формальном анализе. С. 308 сл.

30 — ..... coniunctivus 1 лица
31 — » 2 лица
32 — » 3 лица

Глагол (сказуемое) в придаточном предложении:

33 — ..... indicativus 1 лица
34 — » 2 лица
35 — » 3 лица
36 — ..... coniunctivus 1 лица
37 — » 2 лица
38 — » 3 лица
39 — Местоименное прилагательное
40 — Imperativus

Поясню выбор некоторых грамматических классов, сразу же оговорившись, что, как показало дальнейшее исследование, такие классы слов, как междометие, supinum I и supinum II, глагол (сказуемое) главного предложения, стоящий в форме 1 лица indicativi и 2 лица coniunctivi на статистически значимом уровне не прослеживаются.

Причастие. Как видно из перечня, в отдельные категории были выделены причастия, стоящие в ablativus. В данной грамматической форме они теоретически могут или выступать как participium coniunctum или иметь значение логического сказуемого в обороте ablativus absolutus, причем вероятность их употребления во втором значении больше. В этом-то и состояла цель выделения причастий в ablativus — посмотреть, имеет ли статистическое значение использование этого синтаксического оборота тем или иным оратором.

Глагольные формы. А.: у глаголов в личной форме, помимо лица и наклонения, учитывается и их роль (в качестве сказуемого) в главном или придаточном предложении. При этом также преследовалась определенная цель: в главном предложении наклонение сказуемого позволяет, на наш взгляд, точнее учитывать характер и эмоциональность речи оратора. Что касается придаточных предложений, то известно, что некоторые их типы грамматически могут быть выражены по-разному. Так, например, придаточное причинное, вводимое союзом quum (cum), всегда соединяется с конъюнктивом, в то время как с другими причинными союзами может употребляться и конъюнктив, и индикатив. Наличие той или иной формы глагола-сказуемого определяется, таким образом, индивидуальными особенностями и пристрастиями автора, которые мы и пытаемся проследить.

Б.: аналитические формы глагола рассматривались как единое целое, не расчленяясь на именную часть и глагол-связку. Например, форма ingressus est (допустим, что это сказуемое главного предложения) рассматривается не как набор «причастие + связка» (22—29), а как одна смысловая единица (29).

Помимо выбора единицы анализа надо было решить и другие вопросы:

1. *Где ставить точку?* Следует учитывать, что при издании латинских (как и вообще античных) текстов невозможно последовательное проведение пунктуации, основанной на грамматическом принципе. Причины этого таковы: 1) свободный порядок слов в латинском тексте; 2) общий принцип, которого придерживались античные грамматики при расстановке знаков препинания: «они исходили в пунктуации не из грамматического анализа текста, а из его естественного членения в живом выразительном произношении; другими словами, знаки препинания для читающего имели то же значение, что произносительные паузы для слушающего устную речь»[29].

Мы пользовались изданием панегириков, предпринятым Эд. Галлетье и

[29] *Боровский Я.М., Болдырев А.В.* Учебник латинского языка. Для гуманит. ф-тов ун-тов. М., 1975. С. 201.

учитывающим достижения предыдущих издателей, и в целом приняли предложенную им пунктуацию. Но иногда от нее приходилось отступать. Это требовалось в следующих случаях:

а) когда в латинском тексте вводное или вставное предложение заключено в скобки. Например, в pan. lat. III 1.1: Omnes quidem homines, sacratissime imperator, qui maiestati vestrae laudes canunt et gratias agunt, debitum vobis conantur exsolvere (quis enim est qui possit implere?), sentio tamen a me..., — предложение, заключенное в скобки, мыслится как самостоятельное.

б) слова прямой речи рассматриваются как самостоятельное предложение (pan. lat. VI 12.6): Quid enim putas tibi, Maximiane, Jovem ipsum respondisse, cum tu ingenti animo diceres: «Recipe, Juppiter, quod commodasti»?

в) если придаточное зависит от впереди стоящего предложения, отделенного от него одним из знаков, обозначающих конец предложения, то этот знак не учитывается: An si eius saeculo mos ille vixisset... nonne hodie pauciora in annalium scriniis quam in vestrae domus titulis cognomenta legerentur? cum ipse Saxonicus, ipse Sarmaticus, ipse Alamannicus diceretur... (XII 5.4). Несмотря на вопросительный знак, стоящий после слова legerentur, грамматически это предложение является единым.

2. *Каким образом учитывать связи между словами текста?* Как уже было отмечено, связи между грамматическими классами учитывались нами справа от исходной категории, так как это адекватно отражает порядок слов в предложении[30]. Так, например, формализованная фраза из pan. lat. X 29.5: Cuius rei cum imaginem cepi, dicturus horresco[31] — выглядит таким образом — 10.3.14.4.33.20.27. Связи грамматических классов учитываются, как было сказано, слева направо: 10—3, 3—14, 14—4, 4—33 etc.

Исходя из всего этого, была проведена формализация текста галльских панегириков (общим объемом около 46 тысяч знаков) и материал был готов для обработки на ЭВМ по специальной программе[32], после чего была составлена искомая матрица частоты парной встречаемости (иначе говоря, статистических связей) на уровне грамматических классов слов исследуемого текста.

§ 2. АНАЛИЗ ТЕКСТОВ НА УРОВНЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ

Для проведения этого исследования прежде всего надо было выявить тот уровень, на котором индивидуальные особенности каждого автора проявляются в наибольшей степени. С этой целью была проделана следующая работа.

Были взяты несколько отрывков по 1300 знаков (это половина pan. lat. II)[33]. ЭВМ выдала распечатку результатов обработки каждого отрывка, в которой были представлены пороги частоты встречаемости[34] для каждой пары грамматических классов.

При анализе полученных результатов был выявлен порог частоты встречаемости, при котором сходство внутри одного текста (например, между двумя

---

[30] *Бородкин и др.* К вопросу о формальном анализе... С. 301.

[31] «Представив в воображении эту <битву>, я содрогаюсь от страха, хотя только собираюсь рассказать <о ней>.»

[32] Приношу искреннюю благодарность за помощь при работе над этой статьей ведущему научному сотруднику кафедры источниковедения исторического факультета МГУ Л.И. Бородкину.

[33] Было взято два отрывка из pan. lat. V, четыре отрывка из pan. lat. XI, шесть отрывков из pan. lat. XII и три отрывка из «Панегирика» Плиния Младшего. Выбор этих речей обусловлен тем, что их авторство сомнению не подлежит.

[34] Порог частоты встречаемости — это определенная величина, показывающая, какое минимальное количество раз встречается в тексте конкретное сочетание грамматических классов (например, сочетание 5—15, т.е. существительное в ablativus с предлогом). В нашем случае низший порог равнялся четырем, верхний — двадцати.

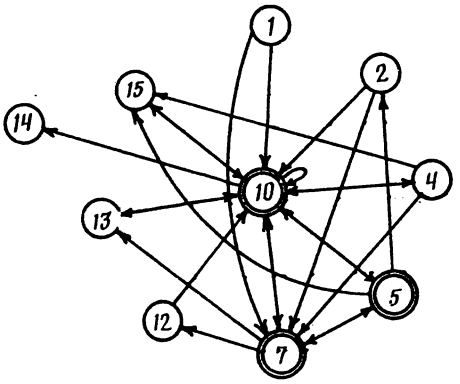

Рис. 1. Граф сильных связей общеязыкового ядра

отрывками из pan. lat. V) и различие между разными текстами было бы максимальным. Анализ показал, что для исследуемых латинских текстов объемом 1300 знаков этим требованиям отвечает порог семь[35].

В зависимости от объема текста каждой речи по пропорции были установлены следующие пороги:

pan. lat.	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
порог	14	16	17	15	13	22	14	23	34	29	50

Выделив для каждого текста совокупность грамматических связей с высокими частотами (т.е. имеющих значение не ниже заданного порога), удалось определить так называемое общеязыковое ядро (таковым мы считает набор связей, присутствующих не менее чем в десяти речах из одиннадцати)[36]. Затем, удалив его из каждой совокупности (т.е. общего набора грамматических связей, присущих каждому панегирику), получаем «существенные» статистические связи каждой совокупности, которые достаточно четко характеризуют особенности авторского стиля. Полученная система этих статистически значимых связей служит основой для построения графов сильных связей[37], т.е. «формализации разных аспектов понятия совокупности связей посредством языка теории графов»[38].

На рис. 1—7 приведены граф сильных связей общеязыкового ядра и графы сильных связей II галльских панегириков.

Выводы, которые можно сделать на основе анализа графов сильных связей, сводятся к следующему.

1. Всем панегирикам присуще общеязыковое ядро (рис. 1). Интерпретировать его можно по-разному. Его могут составлять связи, присущие структуре латинского языка, или же связи, отражающие стилистические особенности, присущие данному (в нашем случае — панегирическому) жанру[39]. Мы полагаем,

---

[35] Интересно отметить, что для древнерусского текста объемом тысяча знаков оптимальный порог равнялся пяти. *Бородкин и др.* К вопросу о формальном анализе... С. 309.

[36] Всего в галльских панегириках зафиксировано 76 значимых связей, из которых 25 составляют общеязыковое ядро.

[37] Граф состоит из «вершин» и «дуг», где «вершина» — это формализованный грамматический класс, а «дуга» — сильная связь между вершинами (не ниже заданного порога). «Вершины», насчитывающие не менее четырех связей, называются «узлами». Методика построения графов сильных связей подробно изложена в статье: *Бородкин и др.* К вопросу о формальном анализе... С. 305 сл.

[38] *Милов Л.В., Селунская Н.Б.* Основные направления применения количественных методов в исторических исследованиях // Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 355.

[39] Интересно, что сравнение общих существенных статистических связей галльских панегириков с общими связями трех анализировавшихся отрывков из «Панегирика» Плиния показало, что количество общих связей речи Плиния практически совпадает с числом общих связей общеязыкового ядра галльских панегириков, составляя 86% от их числа.

Таблица 1

Количество связей общих узлов с другими вершинами

	pan. lat.										
узлы	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1	4	5	4	2	3	5	4	2	5	4	5
2	3	5	5	7	3	4	2	3	3	5	2
7	2	3	4	5	2	2	3	3	3	7	4
10	3	3	2	2	7	5	5	4	3	1	3
13	4	7	6	7	2	4	5	4	3	6	4

Таблица 2

Уникальные связи галльских панегириков

pan. lat. II	38—1	pan. lat. VII	13—12
pan. lat. III	29—12	pan. lat. VIII	—
pan. lat. IV	5—12	pan. lat. IX	—
pan. lat. V	2—2, 7—14, 9—6, 35—5	pan. lat. X	14—29
pan. lat. VI	6—10, 10—17	pan. lat. XI	4—4, 15—4, 29—4, 29—7
		pan. lat. XII	4—17, 14—13

Таблица 3

Значения коэффициента r для каждой пары панегириков

pan. lat.	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
II		35	25	28	28	24	17	29	19	24	25
III			29	24	24	26	20	27	32	33	30
IV				32	16	29	23	23	22	26	14
V					22	27	16	26	18	28	20
VI						29	19	28	24	18	24
VII							23	28	22	23	24
VIII								17	23	14	17
IX									19	22	19
X										21	25
XI											29
XII											

что выявленное общеязыковое ядро можно рассматривать как набор существенных статистических связей, характерных для структуры литературного латинского языка. Это, на наш взгляд, подтверждает и то обстоятельство, что в общеязыковое ядро, как видно из приведенного графа, входит много связей с узлом 10, т.е. с местоимениями, которые, как известно, очень употребительны в латинском языке. Оговоримся, однако, что это — гипотеза, требующая проверки на материале произведений других жанров.

2. После удаления общеязыкового ядра видна большая структурная близость галльских панегириков (рис. 2—7). Во всех речах присутствуют узлы 1, 2, 7, 10, 13 (общие узлы), причем активность их в разных панегириках неодинакова. Это хорошо видно из приводимой табл. 1.

3. Налицо большое количество общих связей, характерных для исследуемых речей. Так, в девяти из одиннадцати панегириков на статистически значимом уровне присутствуют следующие пары грамматических классов: 2—4, 4—2, 10—1, 10—2, 12—13. Кроме того, в панегириках часто встречаются связи 29—1 (в восьми речах), 5—13, 7—1, 7—15, 13—7 (в семи речах), 1—2, 10—12, 13—1, 13—4 (в шести речах). Присутствие этих связей говорит о большой статистической близости речей, составляя как бы второе «общее ядро», которое может быть истолковано как набор связей, характерных для панегирического жанра.

4. В то же время имеется ряд связей, которые являются уникальными для той или иной речи. Это наглядно видно из приводимой табл. 2.

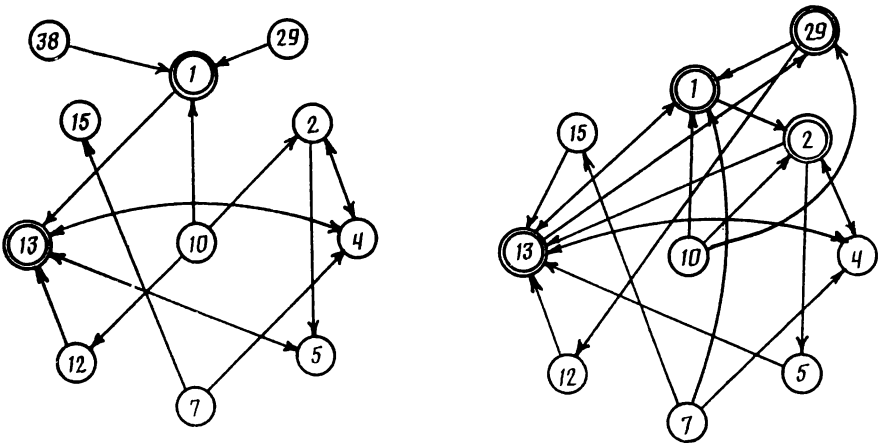

Рис. 2. Pan. lat. II—III

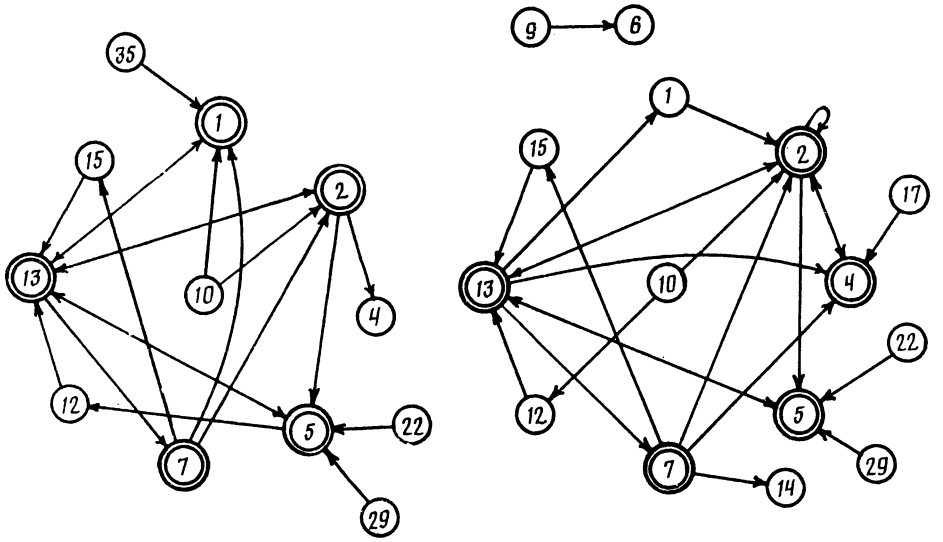

Рис. 3. Pan. lat. IV—V

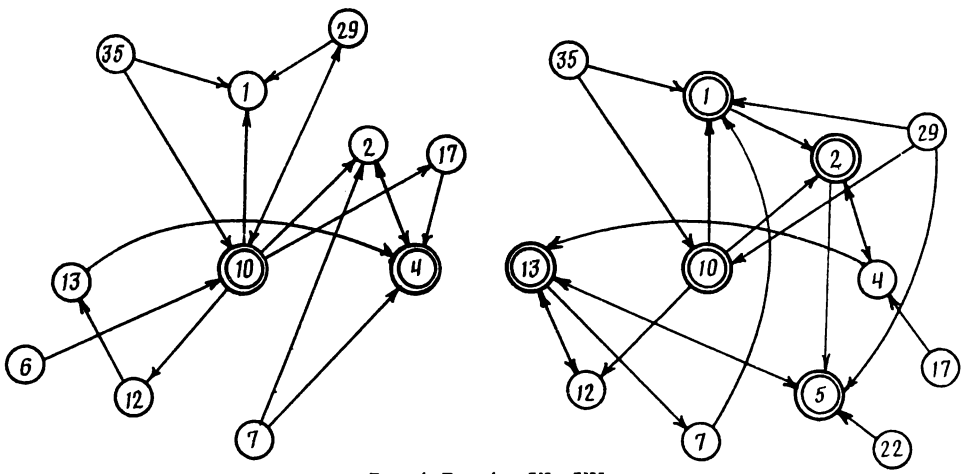

Рис. 4. Pan. lat. VI—VII

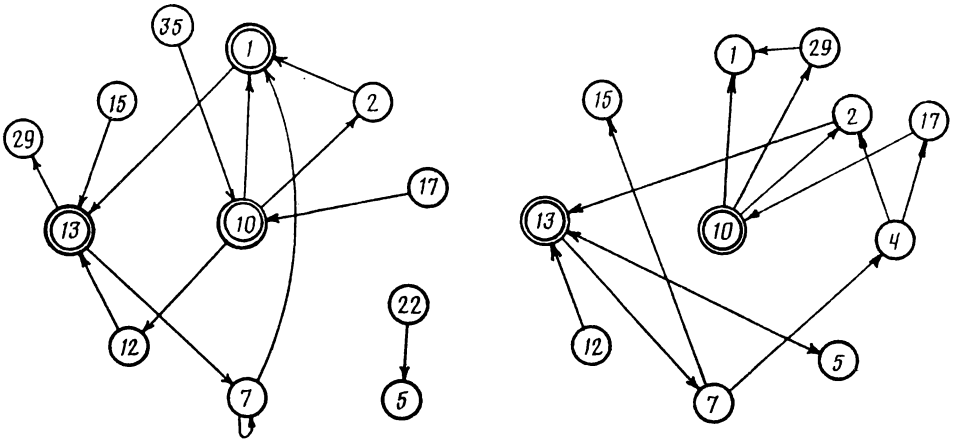

Рис. 5. Pan. lat. VIII—IX

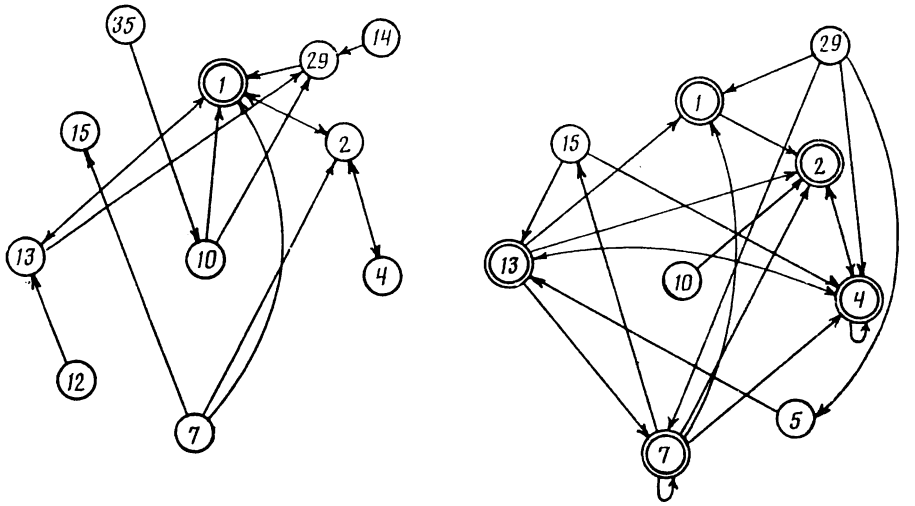

Рис. 6. Pan. lat. X—XI

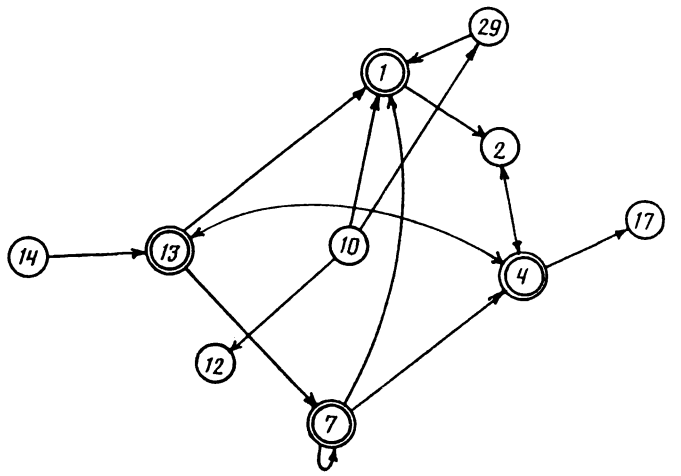

Рис. 7. Pan. lat. XII

Таблица 4

Мера сил притяжения между предложениями

№ pan. lat.	медиана	матрица дд дк кд кк	силы притяжения $\frac{кк + дд}{дк + кд}$	коэффициент корреляции c_1 $\frac{(кк + дд) — (дк + кд)}{(кк + дд) + (дк + кд)}$
II	17	29 26 25 26	$\frac{55}{51} = 1{,}08$	$\frac{55—51}{55+51} = \frac{4}{106} = 0{,}04$
III	16	40 25 24 38	$\frac{78}{49} = 1{,}59$	$\frac{78—49}{78+49} = \frac{29}{127} = 0{,}23$
IV	22	32 26 26 31	$\frac{63}{52} = 1{,}21$	$\frac{63—52}{63+52} = \frac{11}{115} = 0{,}10$
V	29	21 20 19 15	$\frac{36}{39} = 0{,}92$	$\frac{36—39}{36+39} = \frac{—3}{75} = —0{,}04$
VI	17	28 27 27 27	$\frac{55}{54} = 1{,}02$	$\frac{55—54}{55+54} = \frac{1}{109} = 0{,}01$
VII	16,5	57 44 44 57	$\frac{114}{88} = 1{,}63$	$\frac{114—88}{114+88} = \frac{26}{202} = 0{,}13$
VIII	16	26 33 33 29	$\frac{55}{66} = 0{,}83$	$\frac{55—66}{55+66} = \frac{—11}{121} = —0{,}1$
IX	16	61 43 43 60	$\frac{121}{51} = 1{,}40$	$\frac{121—86}{121+86} = \frac{35}{207} = 0{,}17$
X	15	95 67 67 105	$\frac{200}{134} = 1{,}50$	$\frac{200—134}{200+134} = \frac{66}{334} = 0{,}20$
XI	12	90 74 74 83	$\frac{173}{148} = 1{,}16$	$\frac{173—148}{173+148} = \frac{25}{321} = 0{,}08$
XII	14	135 98 98 144	$\frac{279}{196} = 1{,}42$	$\frac{279—196}{279+196} = \frac{83}{475} = 0{,}18$

Следующий этап работы был связан с выявлением того, насколько сильно один панегирик связан в структурном отношении с другим. Для этого был введен коэффициент связи r, показывающий отношение совпадающих статистических связей в каждой паре речей к общему их количеству в том и другом панегирике. Значения могут колебаться от нуля до единицы, т.е. r = 0 показывает, что между двумя панегириками нет ни одной общей статистически значимой связи, а r = 1 показывает полное совпадение этих связей. Так, например, если в pan. lat. II и III всего насчитывается 37 связей, из которых 13 являются общими, то

$$r = \frac{13}{37} = 0{,}35.$$

Анализ полученных значений коэффициента связи r показывает (табл. 3):

1. Максимальное сходство характерно для pan. lat. II и III (35%).

2. Минимальное сходство наблюдается между pan. lat. IV и XII и pan. lat. VIII и XI (14%)[40].

3. В pan. lat. V (речь Евмения) встречается четыре уникальные связи. Такое же количество уникальных (но иных) связей встречается еще только один раз — pan. lat. XI (речь Клавдия Мамертина). На этом основании можно сделать вывод о том, что в рамках исследуемой совокупности четыре уникальные связи должны

[40] Интересно сравнить значения коэффициента r для галльских панегириков с его значениями, полученными при анализе древнерусских произведений. Подчеркнем, что Л.И. Бородкин, Л.В. Милов и Л.Е. Морозова, заинтересованные в фиксации формального различия или формального сходства речей, намеренно привлекли к работе те тексты, авторы которых достоверно известны. При анализе было установлено, что произведения, несомненно принадлежащие одному автору, характеризуются значениями $0{,}20 \leqslant r \leqslant 0{,}67$ (в большинстве случаев значения r = 0,25 или 0,50), в то время как произведения, написанные различными авторами, имеют r = 0, кроме одного случая, когда r = 0,25 (*Бородкин и др.* К вопросу о формальном анализе... С. 309 сл., 326).

свидетельствовать о ярком своеобразии авторского стиля и, следовательно, Евмений определенно не является автором pan. lat. IV, VI, VII, VIII, IX, т.е. количественные методы полностью доказывают несостоятельность теории О. Зеека.

4. Поскольку на основании рукописной традиции и историко-филологического исследования pan. lat. II и III убедительно доказана их принадлежность одному автору — Мамертину, а количественные методы анализа показывают наибольшую стилистическую близость этих речей в рамках рассматриваемой совокупности ($r = 0{,}35$), следует, что при $r \geqslant 0{,}35$ речи несомненно принадлежат одному автору. Этот вывод подтверждается, во-первых, тем, что уже при $r = 0{,}33$ произведения могут принадлежать разным авторам: такой коэффициент связи имеют pan. lat. III и XI, явно написанные разными авторами (достаточно посмотреть на временной промежуток между датами их написания — соответственно 291 и 362 годы); во-вторых, характеризующиеся наибольшей стилистической близостью pan. lat. IV и pan. lat. V ($r = 0{,}32$) явно принадлежат разным авторам, так как в pan. lat. IV — одна уникальная связь, а в pan. lat. V — четыре (табл. 2)[41].

§ 3. АНАЛИЗ «СИЛ ПРИТЯЖЕНИЯ» МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

Излагаемая ниже методика позволяет найти упорядочивающий фактор, который можно интерпретировать как силу притяжения[42] между предложениями данного текста[43].

Мы рассматривали текст каждого панегирика как совокупность всех имеющихся в нем предложений при условии, что последнее предложение примыкает к первому, и, таким образом, последовательность предложений предстает в виде замкнутого цикла[44]. После определения медианы [45] все предложения исследуемого текста были разделены на два типа: длинные (д) и короткие (к). Чтобы выяснить, каковы силы притяжения между предложениями различного типа, была построена матрица, учитывающая все возможные комбинации последовательности предложений: короткое предложение следует за коротким (кк), длинное — за длинным (дд); короткое предложение следует за длинным (дк), длинное — за коротким (кд)[46]. Эти

---

[41] Стилистически наиболее близки следующие анонимные речи: pan. lat. IV—VII ($r = 0{,}29$); pan. lat. VI—VII ($r = 0{,}29$); pan. lat. VI—IX ($r = 0{,}28$). Это в значительной мере объясняется тем, что авторы pan. lat. VII и IX были хорошо знакомы с произведениями более ранних панегиристов. Так, pan. lat. IV использовался автором pan. lat. VII при описании походов Констанция в 293—296 гг. (IV 6.1—2, 7.3 — VII 5.1—2; IV 11.1—2 — VII 9.1—3; IV 14.4 — VII 5.4, 7.5), а pan. lat. VI был привлечен им же для краткого описания походов Констанция против франков (VI 4.2 — VII 10.2) и изображения сходства Константина с Констанцием (VI 3. 3—4 — VII 4. 3—4). Автор pan. lat. IX также использовал речь 307 года (VI 4. 2—4 — IX 25. 2; VI 8.7 — XI 19.5, etc.).

[42] Термин «силы притяжения» довольно условен. Он был введен в научный обиход В. Фуксом, который обнаружил, что в расположении «длинных» и «коротких» предложений любого текста (литературного) существует определенный порядок. Фактор, обусловливающий этот порядок, В. Фукс и назвал «силами притяжения» (ук. соч. С. 341).

[43] В общих чертах эта методика изложена: *Фукс.* Ук. соч.

[44] Там же. С. 342.

[45] Определение медианы, или середины упорядоченного ряда, объясним на конкретном примере. Так, pan. lat. II насчитывает 111 предложений, длина которых колеблется от 2 до 121 слова. Выписав все предложения в порядке их следования в тексте и обозначив число слов в каждом из них (начало pan. lat. II, формализованное таким образом, будет выглядеть так: 30.26.61.48.13.28...), строим так называемый «упорядоченный ряд», в котором все предложения расположены уже не так, как они следуют в тексте, а по мере возрастания их значений (2.3.3.5.6.6.6.7 ...67.88.121). Серединой этого ряда оказывается предложение, насчитывающее 17 слов, — это и есть медиана. Следовательно, все предложения, состоящие из 18 и более слов, считаются длинными, а предложения объемом менее 17 слов — короткими.

[46] Чтобы установить, каким образом чередуются длинные и короткие предложения, рассмотрим их последовательность в тексте относительно медианы. Так, приведенный в прим. 45 последовательный ряд предложений в pan. lat. II будет выглядеть таким образом: 30. 26. 61. 48. 13. 28...
дд дд дд дк кд

сведения представлены в графе III табл. 4. На основе построенной матрицы получаем отношение одноименных пар предложений (кк + дд) к разноименным (дк + кд), которое и показывает, что между предложениями, охарактеризованными с помощью их длин, существуют определенные силы притяжения (графа IV табл.). Можно выяснить и меру их силовых взаимодействий (графа V таблицы). Показателем ее является коэффициент корреляции c_1, который представляет собой «меру сил притяжения между двумя соседними предложениями, усредненный по всему отрывку (тексту)»[47].

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы: 1. Коэффициент корреляции c_1 в pan. lat. V и pan. lat. VIII имеет отрицательное значение (соответственно —0,04 и —0,10). Это значит, что в этих речах преобладают (подчеркнем, что очень незначительно) разноименные пары предложений. В остальных панегириках одноименные пары предложений превалируют над разноименными.

2. Значения коэффициента корреляции c_1 у всех панегириков близки к нулю, т.е. для всех речей характерно примерно равное количество предложений с одноименными и разноименными парами. При этом в pan. lat. II, V, VI, XI количество тех и других типов предложения практически одинаково (превышение того или иного типа составляет менее 10%), в то время как в pan. lat. III, IV, VII, IX, X, XII преобладание одноименных пар предложений над разноименными колеблется в пределах от 10 до 23%, а в pan. lat. VIII, наоборот, количество разноименных пар предложений превышает количество одноименных на 10%.

Общие выводы. Проведенный анализ галльских панегириков преследовал две цели: атрибутировать анонимные речи сборника XII Panegyrici Latini и выявить количественные характеристики панегирического жанра в рамках исследуемого сборника. Что касается первой из поставленных проблем, то количественные методы анализа позволили установить следующее:

1. Pan. lat. II и pan. lat. III принадлежат одному автору — Мамертину, что соответствует данным рукописной традиции.

2. Каждая из анонимных речей сборника (pan. lat. IV, VI, VII, VIII, IX) принадлежит отдельному автору.

3. В рамках исследуемой совокупности установлен критерий принадлежности панегириков одному автору ($r = 0{,}35$).

Не исключено, что коэффициент связи с подобным значением устанавливает единство происхождения речей не только панегирического жанра, но и других литературных произведений, написанных по канонам классической латыни. Проведенный количественный анализ текста галльских панегириков дал возможность сделать еще один шаг к окончательной атрибуции каждой речи. Однако безусловно решить эту проблему возможно только при условии дальнейшей работы по сопоставлению полученных результатов с результатами анализа других литературных произведений. Если в дальнейшем не будет найдено совпадения стилей галльских панегириков ни с одним другим произведением, то применяемые методы дадут возможность устанавливать общность и отличие произведений в рамках исторических школ и эпох.

Что касается жанровых особенностей галльских речей, то их принадлежность к панегирическому жанру обусловлена набором следующих существенных статистических связей: существительное в nominativus с существительным в genetivus; существительное в genetivus с существительным в accusativus; существительное в ablativus с сочинительным союзом; прилагательное в положительной степени сравнения с существительными в nominativus и accusativus и с предлогом; местоимение с существительными в nominativus и genetivus и с наречием; наречие с сочинительным союзом; сочинительный союз с существительным в nominativus и accusativus и с прилагательным в положительной степени сравнения; глагол-сказуемое главного предложения в форме третьего лица изъявительного наклонения

[47] *Фукс.* Ук. соч. С. 345.

с существительным в nominativus; существительное в accusativus с существительным в genetivus. Другой характеристикой панегирического жанра можно, на наш взгляд, считать практически равное число одноименных и разноименных пар предложений, свидетельствующее о чрезвычайно уравновешенной структуре текста галльских панегириков.

И.Ю. Шабага

ANALYSIS OF GALLIC PANEGYRICS BY QUANTITATIVE METHODS

I. Yu. Shabaga

The article is devoted to the analysis of eleven Gallic panegyrics included in the corpus of XII Panegyrici Latini. Using quantitative methods of content-analysis the author has set herself two tasks: *1*) to find out quantitative characteristics of the panegyrical genre, *2*) to attribute anonymous Gallic panegyrics.

The article sets forth two methods: *a*) the analysis of texts at the level of grammatical categories and *b*) the analysis of «forces of gravity» between sentences. Each stage is described in detail so that scholars who in the course of their work with narrative documents face similar problems can see for themselves new opportunities for research created by quantitative methods of the content-analysis which replace personal, in many ways subjective impressions of a scholar by more standardizied procedures subject to strict mathematical verification.

The article contain a number of graphs and charts illustrating the author's conclusions which can be summed as follows:

1. Anonimous panegyrics II and III belong to one author, — rhetorician *Mamertinus*.
2. Anonimous panegyrics IV, VI, VII, VIII, IX belong to different authors.
3. Within the framework of the texts under study a criterion of refering panegyrics to one author is established (r = 0,35), calculated by the *ratio* of the number of common statistical ties to number of all ties in every pair of panegyrics.
4. The presence of a specific number of essential statistical ties, inherent in all the texts under study, is the peculiarity of panegyrical genre established on the basis of the analysis of the Gallic panegyrics.

© 1993 г.

СТРАТЕГИИ ГОСПОДСТВА И РЕГУЛЯЦИЯ ПОЛИТИКИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА В ЛАТИНСКИХ ПАНЕГИРИКАХ*

В процессе широкомасштабной перестройки государства, его гражданского и военного аппарата изменения характера осуществления императорской власти в III—IV вв. порождали идеологические столкновения решающей важности, которые в особенности обострялись в периоды правления Диоклетиана, Константина и Юлиана. Эти конфликты наложили сильный отпечаток на сферу соответствующих представлений в европейской культуре. Можно обнаружить эти следы во многих других переходных периодах, когда сама образцовость этих конфликтов превратила их в негативный пример при оценке эволюции

* Перевод Е.В. Ляпустиной.

римского императорского режима или эстетических форм по меркам классицизма. В частности концепция (в духе витализма) рождения, расцвета и упадка империй и государств, восходящая непосредственно к античным источникам и разработанная Монтескье и Гиббоном, повлияла на историографическую интерпретацию Поздней империи, рассматриваемой как последний этап, этап «вырождения» империи, достигшей расцвета во II в.[1] Сопряженная с христианской эсхатологической перспективой и романоцентризмом, унаследованным от идеологии империи, эта концепция долгое время сковывала мысль и определяла направленность исследований[2].

Исследования последнего тридцатилетия способствовали ослаблению этого скрытого финализма и переоценке политики империи, показав, насколько в этот период изменений проявилась огромная способность к организации и даже инновациям в различных сферах — как политико-административной[3], так и религиозной[4] или символической[5].

Обновленный императорский режим характеризуется оживленной борьбой, в которую вовлекались значительные силы; династические войны, социальные волнения, эндемия разбоев — все это усиливало милитаризацию империи в той же мере, как и оборона границ. Но в то же время нарушения традиционного равновесия давали простор для новой политики — разнообразной и смелой, свидетельствующей о жизнеспособности и динамизме государственного аппарата, способности самого общества к приспособлению и изменениям.

Императорская политика, нацеленная на управление противоречивым процессом разрастания верховной власти и факторами дробления и распыления полномочий, сталкивалась с оформлением католичества, которое основывалось в той или иной степени на доктринальных разработках, ведущих свое происхождение от неоплатонических течений II в. Упрочение монархической модели dominus сопровождалось необходимостью выработки нормативной ортодоксии и ее внедрения. Отсюда — конфликты, отсюда же и значительные усилия как по созданию, так и по распространению самого образа императора.

Конечно, этот факт не новость, но он дает возможность для некоторой систематизации. В то время как монеты[6], речи, статуи и изобразительные памятники продолжали, в соответствии со своими специфическими способами выражения, передавать образ императора, а церемониал adventus, profectio, триумфы или игры[7] вписывали власть в городское пространство, признаки господства становились еще более весомыми по мере возведения дворцов и грандиозных общественных зданий и умножения числа столиц империи. Сакрализация власти находила также очевидное соответствие в установлении нового церемониала. В обществе, где социальная стратификация разрушается и воссоздается вновь, такие манифестации демонстрируют в разных регистрах место средоточия представлений и многообразное воздействие на духовную сферу. Ораторское ис-

---

[1] В этом отношении показательны лапидарные формулировки А. Пиганьоля, А.-И. Марру и А.Джоунза (*Piganiol A.* L'Empire chrétien. P., 1950; *Marrou H.-I.* Saint Augustin et la fin de la culture antique. P., 1958 (до его retractatio); *Jones A.H.M.* Le déclin du monde antique, 284—610. V. 1—2. P., 1970).

[2] Университетские структуры во Франции усиливали «разрыв» IV в., когда не ввели его в программу.

[3] В огромной библиографии работ, обновивших проблематику Западной Европы или углубивших некоторые вопросы, см.: *Mazzarino S.* Antico, tardoantico ed era constantiniana. V. 1—2. Roma, 1974; *Seston W.* Scripta varia. Rome, 1980; *Vogler C.* Constance II et l'administration impériale. Strasbourg, 1979; Crise et Redressement dans les provinces européennes de l'Empire (Actes du colloque. 1981). Strasbourg, 1983; *Barnes T.-D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. L., 1982; Società romana e tardo antico. Istituzioni. Ceti. Economie / A cura di A. Giardina. V. 1—4. Roma, 1985.

[4] *Nouailhat R.* Saints et patrons. P., 1988.

[5] *Mac Cormack S.* Art Ceremony in Late Antiquity. Berkeley. 1981.

[6] См. об этом: *Perez C.* Monnaie du pouvoir et pouvoir de la monnaie. Besançon, 1986.

[7] *Clavel-Lévêque M.* L'Empire en jeux. Espace symbolique et pratique sociale dans le monde romain. P., 1984.

кусство со своей стороны вносило в это немалый вклад, и я хотела бы проанализировать, почему и каким образом официальная риторика включалась в процесс прославления и вписывалась в него как способ регуляции авторитета.

КРАСНОРЕЧИЕ И РЕГУЛЯЦИЯ ПОЛИТИКИ. СЛОВА ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СЛОВ

Если судить по числу риторов и произносимых речей, которые сохранились, ораторское прославление императоров активно участвовало в выработке форм новой верховной власти. Облик императора был многим им обязан, так как официальная риторика, в том числе и в панегириках, представляла собой одно из тех мест, где упрочивались модели легитимности. Действительно, красноречие использовалось для создания и распространения образа, включавшегося в процесс прославления[8]. Однако роль риторики в комплексе этих явлений долгое время преуменьшалась, считалось, что ею можно и пренебречь, принимая во внимание саму цель парадного красноречия — восхваление принцепса — да и банальность представлений, с этим связанных[9]. Тем не менее долговечность риторики, общественная значимость тех, кто брал на себя эту миссию, противоречат столь обесценивающей интерпретации хвалебного красноречия, упускающей из виду определенную часть способов регуляции политики. Нужно изучать как раз то, что́ и каким образом произносилось[10]. Поэтому не следует отделять похвальные речи, панегирики, благодарения, прославления побед от контекста, в который они вписывались, и, чтобы уяснить их действенность, не надо разделять слова и само дискурсивное событие. Ведь это событие, соединяющее оратора и императора в пару по античному принципу do ut des, подразумевает оформление, мизансцену, драматургию речи, придающие словам особое значение, выходящее за пределы их собственного смысла[11]. Этим полностью определяются стратегии построения речи. Они исходят из специфических условий, включаются в ход церемонии, принадлежат к сфере выставляемого напоказ, что и придает им их полное значение. В игре зеркал, где попеременно отражаются оратор и император, следует усматривать нечто большее, нежели просто дань низкопоклонства, считающуюся маловажной в силу своей ритуальности. На мой взгляд, она имеет значение именно постольку, поскольку она ритуальна.

Более того, как известно, эти произведения, изначально предназначенные для ограниченного круга придворных и знати, стали образцом для риторических школ. Это положение зачастую используется в качестве доказательства их чисто литературного характера, далекого от всяких последствий политического порядка. Напротив, я вижу в этом лишний повод увидеть в таком занятии выдающихся людей способ выражения политики в данной общественной формации. Парадное красноречие служило проводником официальной идеологии. Двойственный статус этих речей, сначала произносимых и воспринимаемых в сфере политики[12], а затем изучаемых в качестве образцов в школах, наглядно де-

---

[8] См. об этом прежде всего: *Previale L.* Teoria e prassi del panegirico bisantino // Emerita. 1949. 17. P. 72—105.

[9] «Proprium laudis est res amplificare et ornare» (Quintil. III. 7.6.); «Nihil libenter audis nisi quod pro tuis gratuleris» (Pan. lat. VIII. V. 2). Ссылки даются по изданию: Panégyriques latins / Ed. E. Galletier. V. 1—3. P., 1949, 1952, 1955.

[10] Эти положения получили развитие в докторской диссертации, защищенной в 1988 г. в университете Франш-Контэ под руководством М. Клавель-Левек (*L'Huillier M.-C.* Les Panégyriques latins. Approches discursives des représentations du pouvoir. Besançon. 1988).

[11] «... Nec mihi verba quamvis imparato defuissent... sed habui rationem loci ac temporis... sed propter assistentium paucitatem minus quam te dignum esset...» (Pan. lat. VIII. I.4; 5).

[12] «Ad me longinquae convenient civitates, a me gestarum ordinem rerum stilus omnis accipiet, a me argumentum poetica, a me fidem sumet historia. Compensabo tibi istam, imperator, iniuriam, si, cum de te ipse nil dixerim quod legendum sit, instruam qui legantur» (Pan. lat. XII. XLVII. 6; ср.: V. X. 2).

монстрирует, что императорская власть и красноречие оставались неразделимыми[13] и что Юлиан поступал правильно, контролируя преподавательские кафедры.

Тот, кто заинтересуется политической и социальной историей и идеологией этого периода, окажется таким образом перед необходимостью рассмотреть генезис, функционирование и эффективность официальных речей и изучить представления, тщательно разработанные ораторами, как дискурсивную практику. Императоры доверяли эту задачу — munus pium[14], о котором говорят мастера нормированной речи, — верным людям из числа представителей школьного и административного аппарата. Знаменитые риторы искали милости — произнести похвальное слово принцепсу — и воспринимали ее одновременно и как обязанность, и как своего рода обмен. Юлиан, в бытность Цезарем, счел необходимым смириться с этим[15].

Среди обильной продукции на греческом и латинском языках привлекает внимание один особенно однородный комплекс. Речь идет о латинских панегириках галльского происхождения, произнесенных с 289 по 389 г., к которым в качестве образца добавлена gratulatio Плиния Младшего Траяну в благодарность за получение консулата. Этот сборник, сложившийся, вероятно, в конце IV в., представляет собой всего навсего галльскую антологию, переработанную в несколько приемов. Он включает лишь незначительную часть похвальных или благодарственных речей, произносимых в ходе многочисленных официальных церемоний в тот золотой век genus demonstrativum ораторами — малоизвестными, как ритор Евмений из Отена, знаменитыми, как Назарий или Пакат (оба из Бордо), консул Клавдий Мамертин, или ушедшими в забвение анонимами. Их произведения остаются существенно важным источником по истории Галлии конца III и IV в., а также по эволюции императорского режима. Именно в этом качестве они и интересуют меня в первую очередь. Но вместо того, чтобы извлекать из этих похвальных речей информацию, удаляя риторические прикрасы, считавшиеся долгое время излишествами, я полагала необходимым принимать во внимание эту речь во всей ее целостности. Ибо именно совокупность мотивов имеет значение. Далекое от пустозвонства, парадное красноречие обнаруживает свою необходимость, как только его помещают в контекст процессов регуляции социальной практики. Поэтому следует воспринимать всерьез этот «язык иллюзорного»[16], который стремится, обольщая словом[17], достичь совпадения образа и личности.

Мне казалось необходимым еще раз рассмотреть этот аспект риторики, продолжающий оставаться важнейшей стороной культуры, средством коммуникации и признания для аристократии, используемым императорской властью в ее собственных целях[18]. А также постараться уточнить, как оформляется идеология, когда панегирист становится воспитателем.

---

[13] «Quo magis horum nova et incredibilis est virtus et humanitas qui inter tanta opera bellorum ad haec quoque litterarum exercitia respiciunt atque illum temporum statum, quo, ut legimus, Romana res plurimum terra et mari valuit, ita demum integrari putant, si non potentia, sed etiam eloquentia Romana revirescat» (Pan. lat. V. XIX. 4 — Eumen.).

[14] Munus pium — Pan. lat. II. XIII. 1. Ораторы употребляют panegyricus или более охотно sermo, oratio, включающие в свое семантическое поле слова pius, sacrosanctus, religio, votum.

[15] Юлиан в «Похвале Констанцию» уточняет: «Они не отступили перед огромным трудом, лишь бы ни одно из твоих деяний не оказалось покрыто мраком времени ... (они) пожертвовали безопасностью молчания ради желания посвятить тебе свои собственные усилия» (I. 1). Либаний в своей «Автобиографии» подчеркивает рвение ораторов подле Констанция и Юлиана.

[16] По выражению Гиббона (Histoire du déclin et de la chute de l'Empire Romain. P., 1970. P. 109).

[17] Речью высокого стиля, stilus major; именно это подчеркивает Евтропий, который, обращаясь к Валенту, указывает, что для описания деяний живущих императоров следует пользоваться высоким стилем, тогда как прошлое, область истории, описывается иначе (Brev. 10. 18).

[18] Это очевидно следует из речи Евмения о восстановлении школ в Отене.

Поскольку преувеличение диктуется задачей окончательной легитимации, мне казалось прежде всего, что оценочные критерии, основанные на эстетических и моральных *a priori*[19], не могут быть основанием для анализа, но, напротив, необходимо стремиться разрушить ловушки, расставляемые интуицией, и не требовать от текстов разнообразия иллюстративного материала. Эти программные речи опирались на слова в парадной униформе, на общие места, стереотипы, клише, набор которых представляет собой готовые мысли, обращенные к сфере коллективных представлений. Устранение какой-то их части ведет к искажению знания об этой созидательной алхимии официальных истин. Такая хвалебная речь должна восприниматься во всей своей целостности, а работа по отбору информации может стать лишь следствием функционирования самого текста. Этот подход в ходе его реализации сближался с разработками лингвистов и историков нового времени[20], обращающихся в своих исследованиях к анализу речи.

Чтобы принять во внимание всю целостность речей, распутать паутину восхваления, уловить внутреннюю норму, линии развития и моменты сходства в корпусе 11-ти панегириков, охватывающих период с 289 по 389 г., очень скоро оказалось необходимым располагать формализованным корпусом текста и статистическими данными, для того чтобы прибегнуть к некоторым методам квантитативной лексикологии. Запись информации была произведена вычислительным центром Безансонского университета. Программы дают возможность составить указатели частотности слов — графических единиц — в тексте, их группировки по главам, фразам, их расположения внутри фразы, а также частотности для всего корпуса в целом. Эта совокупность данных делает возможным новое прочтение, с выявлением индивидуальных особенностей отдельных частей корпуса. На втором этапе факторный анализ соответствий позволил затем уточнить словоупотребление разных авторов.

С помощью этих методов получена ценная информация о корпусе: лексические характеристики, классифицирующая география речей, специфическое своеобразие каждой из них. Разбор высказывания проясняет генезис лексики. Так, на основании сопоставления хронологии с частотностью (на одной из осей факторного анализа соответствий) можно сделать вывод о все более и более стереотипном словоупотреблении, о многословности и нагромождении слов в конце рассматриваемого периода. На этой же оси выделяются речи III, V, XI и XII, тогда как ось № 3 подчеркивает оригинальность речей Евмения (V) и Клавдия Мамертина (XI) по сравнению с другими и содержит иную информацию о выборе лексики в зависимости от условий создания и общей тематики речи.

Эта обработка, в частности, по-особому освещает дискурсивное событие, привлекая внимание к ситуации общения, проступающей сквозь сказанное, к устному характеру actio и, следовательно, к такой форме информации, как deixis. В самом деле, сильнейшая персонализация указывает на напряженность между говорящим и внимающим, которая устанавливалась благодаря первому Мамертину в 291 г., Евмению и Клавдию Мамертину. Речи пересыпаны многочислен-

---

[19] Вплоть до недавнего времени и литературоведческие, и исторические исследования о панегириках основывались прежде всего на эстетических и моральных критериях. Перемена подхода проявляется в работе: *Mac Cormack S.* Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire // Revue des Études Augustéennes. 1976. XXII. 1—2. P. 30—77.

[20] См., например: *Robin R.* Histoire et linguistique. P., 1973; *Guilhaumou J., Maldidier D., Prost A., Robin R.* Langages et idéologies. Le discours comme objet de l'Histoire. P., 1974; *Guespin L.* L'analyse du discours politique en France. Acquis et tendences // Le Discours politique. Lyon, 1984; *Mactoux M.-M.* Douleia. Esclavage et pratiques discoursives dans l'Athènes classiques. P., 1980; *eadem.* Esclavage et enjeux de l'analyse lexicale // DHA. 1985. 11. P. 143—293; а также журналы Revue. Informatique et statistique dans les sciences humaines (Liège) и Mots (Paris).

ными личными местоимениями; чередование «я» и «ты» или обнимающего «мы» выражает форму регуляции, отношение, устанавливаемое оратором с императором и миром, в особенности во вступлениях и в заключениях, означающее соучастие в дискурсивной игре. Ораторы определяют место протагонистов и связи между ними, вписывают их в политическое время и пространство во вступлениях и заключениях, одновременно фиксируя их отношения. Выборка единиц информации позволяет определить общую схему кода (например, расширение пространства в заключении, влекущее изменение первоначального образа) и варианты (например, подчеркивание Вечности, начиная с IX панегирика 313 г.).

Император превращается в deus praesens с помощью различных речевых средств, аналогий. Многозначные слова уделяют божественную часть своего смысла императорам, которые становятся, по фиктивному родству, образом этого Иного, наделенного свойствами абсолюта. Praesens или plenus — вот два стержня, кристаллизующих связи между небесным dominus и земным dominus, чтобы таким образом наделить долей своей божественности императоров, будь то константиновская благодать или некоторые моральные и политические качества. Непрестанный переход из одного регистра в другой, от одного адресата к другому позволяет с помощью умолчаний в этот период интенсивных религиозных конфликтов быть выслушанным, услышанным, понятым.

Императорская теология занимает в корпусе немалое место: иовиевско-геркулиевская комбинаторика (Pan lat. II; III; IV; V), аполлоновская идентификация (VII), упоминание неопределенного божества. Начиная с 313 г. в лексической выборке преобладают deus, divinitas, divina mens, что указывает на тенденцию замены полисемантичными словами, поддерживающей двусмысленность во многих отношениях, в то время как боги римского пантеона исчезают[21].

Лексические выборки указывают, с другой стороны, на преобладание слов, относящихся к политической и военной сферам. Среди самых частых из 259 лемм следующие: imperator, res, princeps, virtus, imperium, respublica, animus, homo, tempus, victoria.

Этот список отличается от предлагаемого частотным словарем LASLA[22], так как в нашем случае среди имен существительных господствует политическая лексика. Местоимения также встречаются гораздо чаще, как и глаголы credere и videre, имеющие особое значение в процессе восхваления.

Показательна равным образом повторяемость таких обращений, как imperator, sacratissime, auguste, редко имени собственного, фиксирующая место протагонистов в ролевой игре и указывающая на возможность изучения обращений как механизма убеждения.

Обращения появляются как сокращенные формы императорской титулатуры. Легко узнаваемые, эти краткие формулы походили на лозунги и служили отправной точкой для последующего употребления. Принимая форму заклинаний, они в сочетании с другими формулами, использовавшимися в концовке речи, такими как beatissimus, conditor, restitutor, помогали лучше запомнить сообщаемое.

Ars dicendi, достигнув полного развития, отныне пользуется теми регистрами, где повторяемость становится приемом, а сокращение используется для того, чтобы внедрить в память слушателей главные элементы титулатуры в этой витрине власти.

---

[21] Summe rerum sator (IX), sancta divinitas (XI). Множественное число di устраняется после 312 г., тогда как сами имена богов исчезают почти полностью.

[22] *Delatte L., Eurard E., Govaerts S., Denooz J.* Dictionnaire fréquentiel du latin. Liège, 1981.

На основе этих исчерпывающих и достоверных выборок стало возможным обосновать исследование тематики речей и приступить к рассмотрению сферы представлений, составляющих образ императора. Для этого, хотя такой подход и сохраняет кое в чем произвольность, я взяла в качестве основы подсчетов количество слов, приходящихся на ту или иную тему.

Важно также установить, каким образом оформляется императорский образ, учитывая характер и специфические условия похвального слова. Основой его чаще всего становятся деяния императора, что достигается повторяемостью лексики и длинностью высказывания. Война становится преимущественным местом применения власти. Это заложено в сердцевине образов, в особенности Максимиана, Констанция и Константина, причем в гораздо большей мере в отношении внутренних конфликтов, где осуществление власти обнаруживает свой грозный и предостерегающий характер перед лицом возможных грядущих битв[23], чем в войнах против внешнего врага.

Замечено также, что когда упоминаются социальные волнения, их значение преуменьшается. Первый Мамертин, вынужденный все же упомянуть багаудов, чтобы напомнить о роли Максимиана в Галлии, ни разу их не называет, обозначая намеком[24], и посвящает этому всего 5% слов своей речи.

Таким образом, на всем протяжении речей императоры оказываются лицом к лицу с войной[25]. Победоносные битвы императоров дают пищу для прославления[26]. Война представляет собой испытание, в ходе которого император предстает одновременно и мыслящим, и действующим, и испытывающим воздействие божества-покровителя. Это пункт перехода, где победа одного становится победой другого, и в повествовании используются приемы уподобления и сходства в решающие моменты elocutio, выводящие успех из virtus.

Оратор отбирает элементы своего изложения в сфере избитой темы мистики победы, предшествующей прославлению мира. Но между ораторами имеются значительные различия. В речах периода тетрархии выбор примеров основан на устранении специфических черт ради достижения строгости и ясности изложения. Назарий в 321 г. использует совсем иной регистр, погружая свой рассказ в чудеса с помощью вмешательства божественного воинства, а Клавдий Мамертин в 362 г. придает прибытию Юлиана в Иллирию черты, характерные для описания деяний, в центре которого — личность победоносного imperator. Затем в 389 г. Пакат более ничего не почерпнет из такого образа императора, и тот таким образом исчезает с театра военных действий. Победа, в которой достигает кульминации изображение отношений господства, придает этим «лоскуткам» вид законченного полотна, причем панегирик воздает должное сиюминутному. Vindex, liberator, conditor, restitutor — повторяемость таких эпитетов связывает с прошлым, а ритуальное избиение врагов придает законченность прославлению virtus. Повторение неизменной идеологической формы удобно, кажется успокоительным, поскольку таит угрозу. Оно также предостерегает.

Итак, победа вновь взводит пружину империализма, но если речь и идет о стереотипе, авторы все-таки стремятся его оживить. Старая идеологическая форма обосновывает и оправдывает постоянно возобновляющиеся попытки поиска производительных сил и подкреплений для войска[27]. Однако это вошедшее в при-

[23] Pan. lat. VII; IX; X.

[24] Pan lat. II. IV. Автор использует сочетание перифразы, oxymoron и сравнения с гигантами, военно-политическая функция которых очевидна и, кроме того, упомянута Макробием: «Гиганты, нечестивый народ, отрицающий существование богов и по этой причине, как считают, пожелавший изгнать богов из их небесного жилища» (Sat. I. 13).

[25] «Война — царское удовольствие» (*Iulian.* fr. 178 — Lettres. V. I. P., 1924. P. 217).

[26] 37% высказываний и в частности основное содержание elocutio в pan. lat. II; IV; VII; IX; X; XII.

[27] Pan. lat. IV. XXI, XXII; VI. VIII. 6; VII. VI. 2.

вычку и ориентированное на образцы прошлого восхваление опирается на реальности, и хвалебные речи содержат весьма полезную информацию. Панегирики II, III, IV, V и VIII представляют собой настоящее досье по истории Галлии периода тетрархии.

Другая стратегия, выбирающая эмоциональность, как показывает, например, использование слов amor, voluptas или лексики восхищения у Назария, переводит в термины pathos политические проблемы и решающую важность армии, так же как и нестабильность, ею вызываемую. Хвалебные речи, в частности посвященные Константину, противопоставляют любовь, вызванную харизмой правителя, минутному сговору по интересам, соединяющему ради кратковременного эпизода его противников. Роль армии, затушеванная в других местах, разрастается в этих речах, что соответствовало чрезвычайной мобилизации военных сил в 305—312 гг. после отречения Диоклетиана и Максимиана.

На такое структурирование pathos накладывается сосредоточение аргументации вокруг двух полюсов: положительный полюс императорского образа противостоит отрицательному полюсу противника в порицании, процедуре исключения из политической и социальной общности. Именно эта общность обосновывает оправдание победителя, легитимирует его успех. Переворачивая знаки, оратор дает возможность аудитории выслушать квалифицирующие эпитеты, ориентирующие ее собственные суждения. С точки зрения морализаторской эстетики, процесс квалифицирующей оценки, с одной стороны, и обесценивания, с другой, обнажают роль преувеличения и его действенность. Семиотика тирана, подменяя в частности штампом морального или психологического порядка всякую иную категорию суждения, приспосабливается к широкой публике. Средоточие всего отвергаемого, противник, называемый узурпатором, воплощает в себе последствия гражданских войн для общества. Регистр movere, в который вписываются эти построения, становится нормой выражения политики.

И наконец, речи воспитывают посредством doxa добродетелей, которые стремятся увековечить ораторы. Как знаки, далекие от практики власти, эти добродетели, совмещая императорские качества и коллективные ценности и маскируя тем самым реальные процессы, скрывают, как никогда, разорванность изменяющегося общества[28]. Эпидейктическое красноречие приводит в действие механизмы, создающие сверхреальность, и панегирики ясно формулируют свою цель: дать материал для тех, кто подхватит эстафету в этой, да и во многих других областях. Они располагают для этого выкованным за долгое время арсеналом, но создают разнообразные портреты, изменяя палитру в зависимости от обстоятельств. Лексические выборки уточняют стратиграфию для каждого случая: триада «доблесть—благочестие—счастье» остается неизменной[29], значительно опережая «милосердие—удачу—счастье». Однако императорские харисмы, передаваемые по наследству, расширяются в зависимости от обстоятельств и династических хитросплетений.

Император в галльских панегириках соединяет в себе преемственность юридического суверенитета, воинской активности и изобилия. Его добродетели демонстрируют это и, располагаясь в разном порядке, составляют образ императора в соответствии с этими основными направлениями, в зависимости от обстоятельств изменяя угол зрения. Смысл этой вереницы добродетелей заключается в том, чтобы говорить двойным языком: они вносят упорядоченность и легитимируют, они же и обожествляют. В этой уникальной и всеобщей идентичности, в этом процессе преображения император отдаляется от людей и приближается к богам, и в то же время он остается эталоном гражданского

[28] Как Юлиан мастерски показывает это в «Брадоненавистнике».

[29] Отмечены следующие случаи: virtus (72), felicitas (52), pietas (48), virtutes (45), clementia (29), fortuna (14), providentia (13), iustitia и prudentia (11), fides и fortitudo (10).

общества и его моральных ценностей. Исключительное приобретает характер нормы[30].

Однако полисемичные слова ораторов равно приложимы и к богам, и к императорам. Язык прославления культивирует двойственность и с большой гибкостью приноравливается, умножая искажения буквального смысла двусмысленностью[31].

С помощью представлений о единстве верховной власти и о locus сверхъестественного, оказывающегося стержнем аргументации, ораторы принимали участие в происходивших серьезных конфликтах, но если в период с 289 по 310 г. их участие оказывалось существенно важным благодаря программным речам, в дальнейшем дело обстояло иначе. Сдержанность и умолчания в конце сборника подчеркивают, что в этой сфере функции официальной риторики изменились, и она смирилась с еще большим удалением от реальности. Эти все более и более туманные речи проливают лишь самый рассеянный свет на идеологические конфликты. В этом отношении другой институт — Церковь — подхватывает эстафету панегиристов в распространении идей и информации.

ИЕРОФАНИЯ

Со своей стороны речь, слово интерпретирует восхваление и зрелище церемонии, где демонстрируется господство. Речь разрабатывает также символику церемониала, как свидетельствуют структура текстов и их словесная география. В частности, речь создает обратную связь, обеспечивая более широкое распространение, а значит и воздействие церемониала.

Выражения, которые избирает оратор[32], демонстрируют информацию и ее оформление, утверждающие определенные аспекты политических течений, даже если этому и посвящается лишь ограниченная часть высказываний. Именно таким образом речи периода диархии оказываются отзвуком политики Диоклетиана и подчеркивают роль панегиристов в распространении информации. Уделяя особенное внимание церемониалу, оба Мамертина — первый Мамертин в 289 и 291 гг. и Клавдий Мамертин в 362 г. — создают совершенно противоположные образы, прекрасно выражая таким образом различные ориентации Диоклетиана и Юлиана на этот счет.

Риторы включаются в процесс восхваления с помощью абстракций и обобщений, выставляя власть в блеске ее славы на обозрение, как показывает использование слов videre или spectaculum. Повествование превращает императора в икону, в которой воплощается божественный образ[33]. Ораторы обозначают место — тело императора — и код восприятия; обозрению публики предлагается наделенное определенным значением тело императора, его лицо, в особенности глаза, уста, руки. Процесс всматривания становится мировым спектаклем, а тело и лицо — предметом умопостижения. Реципрокность связей, завязывающихся между оратором и императором, между публикой и императором подтверждает опосредующую роль феноменов идентификации и ассимиляции индивида и общества, императора и Рима, Рима и вечности.

---

[30] Мы сталкиваемся с моделирующей и нормализующей ролью pietas в облике Лерэнского аббата, исследованном в диссертации: *Nouailhat*. Op. cit.; см. также: *Clavel-Lévêque M., Nouailhat R.* Histoire et normalisation du christianisme. La rénovation idéologique des moines de Lérins au Ve s. // La Pensée. 1987. 257. P. 87—95.

[31] Исчерпывающая выборка подтверждает анализ Ж. Беранже (L'expression de la divinité dans les Panégyriques latins // Museum Helveticum. 1970. 27. P. 242—254).

[32] Речь идет о том, чтобы «показать императора таким, каким ему следует поклоняться» (Pan. lat. XII. V. 2).

[33] См. по этому поводу очень проницательные замечания Ж. Гаже. Все более и более схематичные образы императоров воздействуют своей тематикой на образы богов (*Gagé J.* Le paganisme impérial à la recherche d'une théologie vers le milieu du 3e siècle // AWL. 1972. P. 3—20).

Описывая придворный церемониал или adventus[34], панегиристы совершенно сознательно демонстрируют основополагающую иерофанию, приписывающую каждому свое место и ранг, организующую социальную ткань и устраняющую беззаконность. Все общество в целом, как хорошо теперь известно, обретает осознание своего существования в ходе церемонии, которая устанавливает связи между прошлым и будущим, упрочивает неизменность, противясь расплывчатости настоящего и способствует вечности государства.

Поэтому риторы равным образом оперируют общепринятыми представлениями о прошлом Рима — окольным путем, с помощью exempla, или более ловко, используя язык интертекста. Они при этом заключают реальность в эти эксплицитные или имплицитные сплетения. История почти не появляется в этих речах открыто. Она затушевывается, чтобы возвеличить настоящее. Тем не менее история подпитывает содержание elocutio словами, образами, скрытыми ссылками, которые разрабатывают прошлое. Это своего рода certamen, несомненный ораторский поединок. Но ставя своей целью добиться соучастия, эти специалисты не отбрасывали тем не менее и сферу представлений более широкой публики. Мне кажется, что в этом смысле следует понимать и сохранение лексического употребления слова triumphus после проведения этой церемонии в последний раз в 312 г. Повторение прошлого — в словах — так же как и вторичное использование рельефов Траяна и Адриана на арке Константина, отвечает более широкой форме социального контроля.

Потребность в быстроте исполнения не объясняет сама по себе эту неизменность и постоянство. Обращение к общепризнанному и известному успокаивает и укрепляет. По старому шаблону кроится политическая практика Константина, например, в 321 г., когда Назарий в Риме спустя восемь лет прославляет его победу над Максенцием в 312 г. (Pan. lat. X). Многочисленные переклички с Вергилием, которыми усыпан этот dictus, вводят имплицитное, но очевидное сравнение Константина с Августом.

Или обратимся к стратегии Мамертина в 289 г. в Трире. Она с самого вступления эксплицитно выражена и нацелена на напоминание о годовщине основания Рима (Pan. lat. II. I). Оратор, представляя то, что оформляется в самом дискурсивном акте, — дату, воспоминание, соединяющее историю и современность, событие, сплетающее сеть соответствий между оратором, публикой, императором и божеством, — решает поместить все это в момент, когда группа воспринимает себя как таковая. Упоминая об алтаре Геркулеса и фамилии Пинариев, он отсылает к недатированной, незапамятной традиции, заимствованной непосредственно у Тита Ливия, с одной стороны, но также и к конфликту из-за открытия гентильных культов и опубликования законов во время цензуры Аппия Клавдия, который как бы поддерживает тем самым политику диархов. Упоминая Палатин, Энея, Паллантей, он обращается за поддержкой к Вергилию. Отталкиваясь от этой сакральной топографии и истории первоначал, Мамертин кристаллизует единство земного и небесного мира вокруг триады Рим — Геркулес — императоры, выстраивая последовательные круги легитимации.

Дело риторов, как мы видим, заключалось в том, чтобы воскресить целые куски прошлого, окутывающего облик императора легитимирующей аурой. Всякая новая власть соотносит себя с прошлым, как показывают в 289 и 291 гг. формулы conservatores, restitutores, заимствованные из императорской титулатуры.

Играя таким образом уже сложившимися представлениями, чтобы увековечить образ императора, образ мира, панегиристы пользуются заимствованными словами и ищут в прошлом символы, придающие истинность всякой творческой активности. Маскируя при этом под известными одеждами все то, что было

[34] *Mac Cormack.* Op. cit.; La fête, pratique et discours. P., 1980.

насильственным, новым и шокирующим в политике последовательно Диоклетиана, Константина или Юлиана, они клали свой камень в сложное дело построения согласия.

Риторика здесь включается в достижение сублимации, которая преображает личность в образ, чтобы продолжать свою регулирующую деятельность с помощью «деревянного» языка, который на символическом уровне структурирует способ выражения политики. Она остается имперской[35]. Тот, кто соединил речи в сборник, хотел это показать. Давая образец галльским риторическим школам, он утверждал функционирование имперской власти. Берясь за защиту римских ценностей, он упрочивал политическую форму, по отношению к которой галльская аристократия при Феодосии, после поражения Максима, должна была вновь подтверждать свою приверженность. В этом смысле археология становится манифестом. Нет ничего удивительного в том, что отводится место различным с точки зрения религиозного выбора интерпретациям, потому что сама природа похвального слова и обращение с разными регистрами, ею предполагаемое, делают это возможным. Так, описание adventus Феодосия в Гемоне (Pan. lat. XII. XXXVII) рождает две гипотезы. Шла ли речь о том, чтобы в рассказе о прибытии, отмеченном присутствием языческого жречества, подчеркнуть присоединение языческого города к христианскому императору, или о том, чтобы подчеркнуть изложением события сохранение древних культов и форм прославления? Ритор из Бордо, как и его предшественник Назарий, поддерживает двусмысленность, что является очевидным признаком переходного состояния.

Давая речи в качестве образцов, автор сборника предлагает оригинальный путь галльскому эпидейктическому красноречию, которое отличалось и от красноречия поэтов, и от красноречия советников принцепса, которым подражали другие в конце IV в. в Риме и Константинополе. Этот путь был равно далек и от Клавдиана, погружавшего хвалебную речь в поэзию, удаляя ее еще более от реальности, и от Синезия из Кирены — епископа, который мог порицать императора.

Сборник сохранил зафиксированной археологию принцепсов III—IV вв. Он несет на себе отпечаток трансформаций императорской власти. На смену кратким и насыщенным речам-программам начала периода диархии и тетрархии и молодого Константина приходят долгие славословия, менее точные и информативные, демонстрирующие стратегию уклонения от реальности и определяющие поворот в способе регуляции политики. Можно видеть результат этого, например, у Паката[36] в появлении стиля, близкого молитве, что находит себе соответствие и в восприятии речи, так как ритмические акклямации[37] являются объектом точной и к тому же эффективной кодификации. Это целостное явление. Как мы видели, внося свой вклад в распространение римских ценностей, эпидейктическое красноречие участвует в нормализации и легитимации. Его сила заключается столь же в утверждении, сколь и в отрицании.

Стандартизирующие сюжеты цементируют общество, так как они отрицают классовые антагонизмы и центробежные силы, чтобы их устранить. Они выстраивают некую сверхреальность, которая воздействует на реальность, все менее

---

[35] По выражению К. Перельмана (*Perelman C.* L'Empire rhétorique. P., 1977). См. также предупреждение Юлиана: «Не пренебрегайте риторикой» (Ep. 55).

[36] «Romam vidi, Theodosium vidi et utrumque simul vidi; vidi illum principis patrem, vidi illum principis vindicem, vidi illum principis restitutorem!» (Pan. lat. XII. XLVII. 5).

[37] CTh I. VI. IX. По этой теме: *Burian J.* Die Kaiserliche Akklamation in der Spätantike. Ein Beitrag zur Untersuchungen der Historia Augusta // Eirene. 1980. XVII. P. 17—43.

и менее настоящую, камуфлируют или замалчивают столкновения и предлагают их интерпретацию, основанную на полисемичной харисме императора, превращающей таким образом правителя в парадигму добродетели, парадигму власти.

М.-К. Люйе

STRATEGICS OF DOMINATION AND REGULATION OF POLITICS WITHIN TRANSITION: THE PRODUCTION OF THE IMPERIAL IMAGE BY THE LATIN PANEGYRICS

M.-C. L'Huillier

The article is based on the formalized corpus of texts and the statistical data subject to analysis by some means of the quantitative lexicology.

The author considers Latin Panegyrics as reflecting the conflicts during the large scale restructuration of the Roman state and its civil and military machinery, and the changing character of the exercise of imperial power in the IIIrd — IVth cent.

Official rhetoric was one of the tools regulating politics and making the new sovereignty. By the production and diffusion of the emperor's image, it contributed to the sacralisation of power.

The article deals with different discursive strategies and mechanisms used by panegyrists. This laudatory eloquence had features of hierophany.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

ЕВРАЗИЯ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

(Последние открытия на Кавказе)

Вопрос о времени и путях расселения человечества на территории Евразии прямо связан с местоположением и датировками наиболее ранних памятников каменного века за пределами Африканского континента. В этом свете чрезвычайный интерес представляет хронологическая позиция древнейших стоянок Кавказа. В своей недавней статье[1] авторы показали, что на основании имевшихся данных первые люди появились на Кавказе, по-видимому, не ранее 1 млн. лет назад. Не успела, однако, эта статья выйти в свет, как поступили новые, поистине ошеломляющие сведения о первопришельцах Кавказа. Главная сенсация пришла из Южной Грузии, где в августе — сентябре 1991 г. начала работу совместная Грузинско-Немецкая экспедиция под руководством Медеи Ниорадзе и Герхарда Босинского. Продолжив раскопки древнепалеолитической стоянки Дманиси, где ранее были обнаружены галечные орудия и остатки теплолюбивой виллафранкской фауны[2], экспедиция добыла новые коллекции архаичных каменных изделий и костей ископаемых животных (саблезубого тигра, южного слона, носорога, пралошади и др.). Но самой драгоценной находкой была нижняя челюсть архантропа (Homo erectus), в которой сохранились все 16 зубов. Подбородочный выступ у нее совершенно отсутствует. По степени изношенности зубов челюсть принадлежала человеку 20—25 лет[3]. Все до сих пор известные и уверенно датируемые костные остатки Homo erectus в Евразии моложе миллиона лет[4]. Челюсть же из Дманиси была найдена в осадочном слое, который, по предположению Г. Босинского, сформировался в период 1,6—1,7 млн. лет (возраст подстилающей этот слой долеритовой лавы, по уточненным данным специалиста по вулканическим породам Г.Л. Шминке, равен 1,8 млн. лет), и такая датировка вполне согласуется с фаунистическими показателями. Таким образом, эта челюсть является, видимо, древнейшей на сегодня находкой Homo erectus в Евразии. Находка эта существенно корректирует наши представления о времени первого проникновения африканских архантропов не только на Кавказ, но и на Евроазийский материк[5].

Гипотеза о приходе древнейших людей на Кавказ со стороны африканской прародины, предложенная ранее на основании лишь археологических данных (галечные и бифасные индустрии Леванта и Кавказа)[6], получила теперь серьезнейшее палеоантропологическое подтверждение: остатки

---

[1] *Любин В.П., Куликов О.А.* О возрасте древнейших палеолитических стоянок Кавказа // СА. 1991. № 4.

[2] *Габунич Л.К., Векуа А.К., Бугианишвили Т.В.* Среда обитания древнейших ископаемых людей Кавказа // Изв. АН Грузии. Серия биол. 1988. Т. 14. № 15; *Габуния Л.К., Векуа А.К.* Антропогеновые лошади Грузии. Тбилиси, 1989; *Любин, Куликов.* Ук. соч.

[3] Доклад Г. Босинского на заседании отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН 3 мая 1992 г.

[4] Lumley (de) Henry and Marie Antoinette. The Diffusion of Man in the Ancient World: Homo erectus // Homo. Journey of the Origins of Man's History. Venezia, 1985.

[5] *Bosinski G.* Eurasiens erster Mench // Geoskop. Anthropologie. 1992. № 1.

[6] *Любин В.П.* Палеолит Турции и проблема расселения раннего человечества // СА. 1957. Т. XXVII; *он же.* Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М., 1984 (Археология СССР); *Любин В.П.* Кавказ и Ближний Восток в палеолитическом мире // Российская археология. 1992. № 2.

Homo erectus столь глубокой древности в настоящее время, помимо Кавказа, известны только в Африке. Предположительные миграционные пути первых «номадов» простирались при этом с юга на север — из Африки, через Левант и Восточную Анатолию, в Закавказье[7].

Что касается северной части кавказского перешейка, отгороженной от Закавказья горным барьером Большого Кавказа, то до последнего времени здесь были известны лишь сравнительно скудные переотложенные остатки верхнеашельских индустрий и единичные, оспариваемые нередко, находки каменных изделий более древнего облика (Цимбал, Саратовская). Открытие Л.В. Головановой и В.Б. Дороничевым в Карачаево-Черкессии пещерной стоянки с ненарушенными культурными слоями, содержащими архаичные археологические материалы, явилось второй сенсацией последнего времени. Стоянка эта — Треугольный грот — расположена на северном склоне Скалистого хребта, на абсолютной высоте 1510 м[8].

Треугольный грот — единственный в Российской Федерации и во всей зарубежной Евразии нижнепалеолитический пещерный памятник, в котором представлено несколько палеонтологически хорошо охарактеризованных культурно-хронологических комплексов каменных орудий столь большой древности. Наиболее интересны, по данным В.Б. Дороничева: первый (верхний) комплекс с небольшими кремневыми изделиями, напоминающими таковые из ашельских слоев юго-осетинской пещеры Кударо I, и второй — с крупными галечными орудиями (чопперы, чоппинги, скребла и др.). Фауна нижнепалеолитических уровней грота, по данным Г.Ф. Барышникова, может быть отнесена к тираспольскому фаунистическому комплексу. В составе пыльцы большинства уровней, по данным Г.М. Левковской, обильно представлены экзоты (энгельгардтия, таксодиум, пальма, миртовое и земляничное дерево и др.) Второй, третий и четвертый комплексы стоянки, как допускает В.Б. Дороничев, могут быть отнесены к минделю и гюнц-минделю, т.е. ко времени 0,9—0,7 млн. лет назад. Г.Ф. Барышников, однако, считает более вероятным время кромерского межледниковья (0,7—0,6 млн. лет назад)[9].

Наконец, третьей сенсацией явилась серия радиотермолюминесцентных дат, впервые полученных для мустьерских и ашельских культурных слоев юго-осетинской пещеры Кударо III. Датировка по рыхлым отложениям была выполнена в лаборатории радиотермолюминесцентного датирования (РТЛ) кафедры радиохимии и геоморфологии Московского университета по методике, разработанной В.К. Власовым и О.А. Куликовым. По данным О.А. Куликова РТЛ-дата одного из нижних мустьерских уровней (слой 4 в) этой пещеры равна 96±24 тыс. лет назад (РТЛ-513); РТЛ-даты для эродированных низов мустьерских отложений (слой 4 е) и граничащих с ними верхов ашельского слоя 5 равны, соответственно, 252±51 тыс. лет назад (РТЛ-511) и 245±49 тыс. лет назад (РТЛ-534); РТЛ-дата для самого нижнего ашельского слоя 8а равна 560±112 тыс. лет назад (РТЛ-512). Первые три даты были получены по образцам, отобранным из поперечного разреза F—Q—Z (раскопки 1990 г.), на котором контактная зона «мустье-ашель» была весьма расплывчатой; четвертая — по образцу из шурфа, поставленного ранее у древнего входа в пещеру, где сохранилась самая нижняя часть толщи осадков (слои 7—10).

Наиболее интересны, разумеется, РТЛ-даты, полученные для различных ашельских уровней кударских пещер. В настоящее время их пять: две — для пещеры Кударо I: 350±70 тыс. лет назад. (РТЛ-373) и 360±90 тыс лет назад (РТЛ-379)[10] и три, приведенные здесь для Кударо III. Возрастной диапазон этих дат весьма значителен — до 300 тыс. лет назад. РТЛ-хронометрия ашеля кударских пещер, если она будет подтверждена другими методами датировок, впервые ориентирует нас в отношении возраста кавказского ашеля с ручными рубилами. Последний, по-видимому, является результатом автохтонного развития местных галечных индустрий, а «занесен» сюда второй волной пришельцев с юга[11].

В целом значение открытий в Дманиси выходит далеко за рамки кавказского региона, в той или иной мере проливая свет на этапы и рубежи расселения раннего человечества, на время и пути продвижения древнейших гоминид на территорию Евразии.

В.П. Любин, О.А. Куликов

---

[7] *Любин, Куликов.* Ук. соч.; *Любин.* Кавказ...

[8] *Дороничев В.Б.* Палеолит Карачаево-Черкессии // Проблемы антропологии каменного века Евразии. Тез. докл. науч. конф. Иркутск, 1987.

[9] *Дороничев В.Б., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М.* Исследования Треугольного грота (доклад на заседании отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН 16 марта 1992 г.).

[10] *Любин, Куликов.* Ук. соч.

[11] *Любин.* Кавказ...

ДЕЛО О НАЗНАЧЕНИИ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА ГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В обиходно-бюрократическом диалекте великого и могучего русского языка существовало (а, быть может, существует и поныне) выражение «зачумленная ставка». Так кадровики и руководители разных уровней именовали обычно единицу штатного расписания, которая часто оставалась вакантной и с которой, по их мнению, приключались различные неприятности. Впрочем, ничто не ново под луной, и похожие (хотя и не совсем) неприятности случались и почти век назад, на рубеже XIX и XX столетий, о чем с достоверностью свидетельствует архивное «Дело канцелярии попечителя Московского учебного округа. О возведении экстраординарного профессора Шеффера в ординарные, о переводе профессора Новороссийского университета фон Штерна на службу в Московский университет, о переводе экстраординарного профессора Юрьевского университета Никитского, об оставлении Никитского на службе. Началось 24 февраля 1900 г. Исполнено 28 ноября 1908 г. В сем деле нумерованных листов 42»[1].

Эта полная драматизма история началась еще 14 февраля 1900 г. В этот самый день именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, «директору Константиновского межевого института и заслуженному ординарному профессору Императорского Московского Университета[2], доктору греческой словесности, тайному советнику Шварцу всемилостивейше повелено быть попечителем Рижского учебного округа» (л. 4). А тогдашний попечитель Московского учебного округа Павел Алексеевич Некрасов 1 марта 1900 г. писал по поводу замещения освободившейся вакансии министру народного просвещения Николаю Петровичу Боголепову, что «остановился своим выбором на экстраординарном профессоре Московского Университета, статском советнике Шеффере» (л. 4). Сложность заключалась в том, что согласно Уставу ИМУ занимать кафедру древнеклассической филологии мог только ординарный профессор, имевший ученую степень доктора. Валериан Александрович Шеффер ученую степень доктора имел, но профессором был лишь экстраординарным. Впрочем, формулярный список его был вполне достойным: «По окончании курса наук в Императорском Университете Св. Владимира утвержден в степени кандидата в 1884 г.; состоял стипендиатом при сем Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре греческой словесности с 31 мая 1884 г. по 31 мая 1886 г.; был командирован за границу с ученою целью на два года с 1 июля 1886 г., каковая командировка была продолжена по 1 сентября 1889 г.» (л. 4—4 об.). Далее последовала защита в Юрьеве магистерской диссертации «De Deli insulae rebus» и назначение приват-доцентом ИМУ по кафедре классической филологии в

[1] ЦГИА Москва. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5244. В действительности в деле 71 нумерованный лист, из которых 6 — чистые. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте с указанием листов.

[2] Далее — ИМУ.

1889 г., публичная защита в 1892 г. диссертации «Афинское гражданство и народное собрание», после чего Шеффер был утвержден в степени доктора греческой словесности, и в том же году «Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. Министра народного просвещения соизволил на назначение его сверхштатным экстраординарным профессором...» (л. 4 об.). И, наконец, в 1897 г. Шеффер был утвержден в должности штатного экстраординарного профессора по кафедре классической филологии (л. 4 об.).

Дело казалось предрешенным, но в те времена большое значение имело мнение научной общественности, т. е. коллег Шеффера по историко-филологическому факультету. Появляются две записки — отражение кулуарных дебатов среди профессуры ИМУ. «Донести Министру Народного Просвещения, что обстоятельная беседа декана Историко-филологического факультета Московского университета со всеми членами факультета по вопросу о лице, подходящем для замещения вакансии профессора по кафедре греческого языка и словесности, привела к разногласию мнений, которые разделились между кандидатурою главным образом двух лиц: ординарного профессора Казанского университета Мищенко и экстраординарного профессора Харьковского университета Денисова. Весьма немногими голосами выставлялась также кандидатура профессора Нежинского института Жданова. Ввиду сего просить Министра объявить на означенную кафедру конкурс» (л. 6—6 об.). И, наконец: «Просить Департамент задержать движение дела по представлению Шеффера в ординарные (профессоры. — *С.К.*) впредь до выяснения вопроса о замещении профессорской вакансии, освободившейся после Шварца» (л. 7).

Не прошло и месяца после первоначального обращения в Петербург, как 28 марта 1900 г. в министерство народного просвещения отправляется из канцелярии Московского учебного округа новая бумага, в которой пересказываются все обстоятельства дела; завершается она следующим образом: «... Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство упомянутое представление за № 4562, о профессоре Шеффере оставить без движения и разрешить объявление конкурса на означенную кафедру» (л. 10 об.). Почта в те далекие времена работала исправно, и 31 марта 1900 г. бумага была зарегистрирована Департаментом народного просвещения в Петербурге. Бюрократическая машина Российской империи в общем и целом была вполне дееспособной: уже 4 апреля министр начертал резолюцию «Согласен». Впрочем, какие-то интриги продолжались, и рядом с резолюцией министра стоит карандашная пометка «Задержать до получения ответа на заказное письмо по сему делу» (л. 10). Задержка была не слишком долгой, и 17 апреля предложение об объявлении конкурса вновь вернулось в канцелярию попечителя Московского учебного округа. На следующий день, 18 апреля 1900 г. Валериан Александрович Шеффер скончался[3].

Почему Шеффер так и не стал ординарным профессором, сказать трудно. Возможно, этот вдумчивый ученый не пользовался авторитетом среди профессуры ИМУ либо из-за своей молодости (он умер на 36-м году жизни), либо из-за других качеств. Может быть, руководству уже было что-либо известно о болезни, которая свела его в могилу — так или иначе, но В.А. Шефферу не суждено было стать ординарным профессором ИМУ.

Был отложен и конкурс — как писал попечитель министру «в виду обстоятельств, изложенных в моем письме от 14 апреля» (л. 11 об.—12). Что это были за обстоятельства, можно со значительной долей вероятности предположить. Дело в том, что наибольшие шансы победить в конкурсе имел Федор Герасимович Мищенко, ординарный профессор Казанского университета, начавший свою научно-педагогическую деятельность в Киевском университете Св. Владимира. С 1872 по 1884 г. Мищенко преподавал в Киевском университете,

[3] Некролог см.: ЖМНП. 1900. № 6. С. 128—130.

был командирован во Францию, успешно защитил магистерскую и докторскую диссертации, перевел «Географию» Страбона (М., 1879).

Однако 12 июня 1884 г. товарищ министра внутренних дел генерал П.В. Оржевский пишет тогдашнему министру народного просвещения И.Д. Делянову отношение, в котором указывает: «Сведениями, полученными в последнее время департаментом полиции из разных источников, вполне определилось крайне вредное противо-правительственное направление профессоров Муромцева, Мищенко, Дриля и Сыцянко, относительно которых и прежде сего имелись указания, свидетельствующие о их политической неблагонадежности»[4]. В конце отношения было предложено «признать неудобным дальнейшее оставление на государственной службе Муромцева, Мищенко, Сыцянко и Дриля, противо-правительственное направление коих в настоящее время, казалось бы, достаточно доказано»[5]. Относительно Мищенки было дано специальное разъяснение: «Он (Мищенко. — *С.К.*) известен департаменту полиции за лицо, политическая неблагонадежность которого находится вне сомнения, вследствие принадлежности его к группе украинофилов и близости к государственному преступнику Ивану Басову»[6]. Мищенке ставили в вину произнесение речи на праздновании годовщины Шевченки в Петербурге в начале 1884 г., и 25 июля 1884 г. ученый был уволен.

Мищенко написал 30 августа 1884 г. И.Д. Делянову полное достоинства письмо, в котором описывал свои научные заслуги и отвергал обвинения. При этом он не отрицал своих украинофильских взглядов, но писал: «Однако, самое украинофильство, как таковое, не представляет собою не только противогосударственного, но и вообще политического движения. Малорусская разновидность русского народа существует, как непререкаемый факт; любовь малороссиян по происхождению к своему родному, Украине, к ее языку, песням, музыке, само по себе не исключает безупречной лояльности относительно общерусского правительства»[7].

Мищенко не играл сколь-нибудь заметной роли в национальном движении на Украине и напрочь отрицал (очевидно, совершенно справедливо) приписываемую ему связь с социалистическими кругами, но власти были неумолимы. Царствование Александра III не было временем либеральных послаблений и заигрывания с интеллигенцией. Мищенко был не только уволен со службы, но и выслан из Киева в административном порядке.

Для компрометации Мищенки было использовано и так называемое «дело Свиридова», директора лопнувшего банка, разорившего многих людей в Юго-Западном крае. Мищенко был старшиной присяжных заседателей, разбиравших дело Свиридова, причем молва ему приписывала деловые связи с банком. Некоторые присяжные открыто заявили о том, что Мищенко оказывал на них давление. Свиридов был оправдан, а 22 профессора Киевского университета (в основном из так называемой «немецкой партии») направили ректору Ренненкампфу в январе 1884 г. заявление, в котором требовали обсудить в Совете университета действия Мищенки[8].

Казалось бы, события более чем 15-летней давности не должны были играть столь существенной роли. К тому же Мищенко с 1889 г. был профессором Казанского университета, в 1895 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, ездил в научные командировки в Европу и на

---

[4] *Сватиков С.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 22.

[5] Там же. С. 23.

[6] Там же. С. 29.

[7] Там же. С. 31.

[8] Там же. С. 34. Ректор отказался поставить вопрос на обсуждение ввиду недоказуемости обвинений. Характерно, что Мищенко после всего этого не разбогател, и материальные трудности были одной из побудительных причин к переводу Полибия и Фукидида.

Ближний Восток[9]. Но, как говорилось, *колпак сняли, да хвост остался*. Министр был непреклонен, профессура в столичном университете была для Мищенки недоступной, и мнение «членов факультета» никакой роли здесь не играло. Впрочем, специалисты-классики профессора Соболевский и Покровский кандидатуру Мищенки как раз и не поддерживали, возможно, из-за слишком общего, по их мнению, характера его научных работ и склонности к публицистике.

Наибольшие шансы занять вакантную должность были, казалось, у профессора Штерна, которого рекомендовали Покровский и Соболевский. Попечителю Московского учебного округа ректорат ИМУ 24 июня 1900 г. отправил донесение, в котором ясно указывалось, что «было бы более желательным назначение на вакантную кафедру греческой словесности ординарного профессора Московского университета, доктора классической филологии, Статского Советника Эрнеста Романовича фон Штерна, так как он рекомендуется профессорами-специалистами классиками и является, как очевидно из отзывов о его научных трудах, специалистом именно по классической филологии. Кроме того, свою научную деятельность профессор Штерн начал лишь в 1884 г., потому ввиду солидной подготовленности и любви к науке, которыми он успел уже зарекомендовать себя, можно с уверенностью сказать, что в дальнейшей своей деятельности он принесет еще большую пользу науке, а следовательно и университету» (л. 18—18 об.).

Однако еще 10 июня Сергей Иванович Соболевский писал попечителю Московского учебного округа: «Честь имею уведомить Вас, что проф. Штерн отказался от перехода из Одессы в Москву» (л. 14). До Штерна «дошли слухи о кандидатуре Мищенко. Это вызвало в нем опасение, что он будет неприятен факультету. Опасается он поставить свою кандидатуру и потому, что не уверен в утверждении его Министерством. По этим сомнениям и опасениям он отказывается от перехода в Москву, хотя этот переход, как кажется ему и нравится» (л. 17).

Но министр был непреклонен.

«23 июня 1900 г.

Его Превосходительству П.А. Некрасову.
Конфиденциально.
Милостивый Государь,
Павел Алексеевич.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 14 сего июня относительно замещения освободившейся в Московском университете за смертью профессора Шеффера вакансии считаю долгом уведомить Вас, Милостивый Государь, что я решительно затрудняюсь согласиться на предоставление оной профессору Казанского университета Мищенко. Между тем, по Вашему заявлению, кандидатура Мищенко послужила поводом к отказу профессора Новороссийского университета Штерна, опасающегося перевеса означенной кандидатуры в факультете и в высшей инстанции, так как ни ему, ни профессорам-классикам Московского университета неизвестен мой взгляд на допустимость подобной конкуренции. Посему, если у профессора Штерна помимо указанного опасения имеются еще другие какие-либо причины к отказу от перехода на службу в Московский университет, я, со своей стороны не усматриваю в настоящем случае иного исхода, как просить Вас приостановиться представлением о замещении помянутой вакансии впредь до приискания Вами более соответствующего интересам Министерства кандидата, чем профессор Мищенко.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности Бого[лепов]» (л. 19—19 об.).

17 июля 1900 г. последовал циркуляр ректору Московского университета «О

---

[9] *Шестаков С.П.* Мищенко (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 7. См. также: *Шофман А.С.* Ф.Г. Мищенко. Казань, 1974.

переводе профессора Новороссийского университета фон Штерна на службу в Московский университет» (л. 24—24 об.). Однако нашла коса на камень: фон Штерн так и не согласился на этот переход. Вряд ли когда-нибудь удастся узнать о всех мотивах его решения, но, очевидно, главную роль сыграла свойственная Эрнесту Романовичу деликатность, нежелание «навязываться» московским коллегам, «перебегать дорогу» Мищенке. А возможно, фон Штерн «прикипел душой» к теплой провинциальной Одессе, к милым его сердцу греческим надписям, к Одесскому обществу истории и древностей и, вспомнив судьбу Шеффера, не хотел перебираться в Первопрестольную. *Что русскому здорово, то немцу смерть.*

Между тем следующий (1900/1901) учебный год уже начался, а злосчастная кафедра по-прежнему пустовала. 2 сентября 1900 г. товарищ министра народного просвещения отправляет очередную бумагу попечителю Московского учебного округа, а тот, в свою очередь, переправляет ее ректору ИМУ. Из этой бумаги мы узнаем, что «профессор фон Штерн обратился в Министерство с докладной запиской, в коей, указывая на сопряженные для него с означенным переводом материальный ущерб и неудобства семейного характера, просит об оставлении его на службе в Новороссийском университете. Признав возможным удовлетворить изложенное ходатайство, предложить Начальству вверенного Вам университета принять меры к обеспечению преподавания классической филологии на историко-филологическом факультете в наступившем академическом году» (л. 25—25 об.). Меры были приняты: уже 9 октября 1900 г. товарищ министра народного просвещения начертал «Разрешаю» на прошении попечителя округа «о разрешении поручить чтение греческого историка со студентами классического и исторического отделений 5—6 и 7—8 семестров ординарному профессору Соболевскому...» (л. 30).

Таким образом, благодаря безотказному Сергею Ивановичу Соболевскому учебный процесс не прервался, и вопрос на время был закрыт. Университет, очевидно, не желал вновь беспокоить петербургское начальство надоевшей всем проблемой замещения вакантной ставки, не без основания опасаясь праведного гнева министра Николая Петровича Боголепова, человека твердых правил и знатока римского права. Боголепов весьма дорожил реноме Московского университета, ректором которого он был дважды, в 1883—1887 и 1891—1893 гг. А профессор Мищенко, наверное, ассоциировался у него с беспорядками в Киевском университете: в 1900 г. по его приказу были отчислены за участие в беспорядках 183 студента Университета Св. Владимира, что влекло за собой отбывание ими воинской повинности. Как в вопросе о замещении профессорской вакансии, так и в случае с исключением студентов Боголепов проявил твердость. Во втором случае она обошлась ему слишком дорого: 14 февраля 1901 г. Н.П. Боголепов был смертельно ранен исключенным из Киевского университета студентом П.В. Карповичем.

Оправившись от шока, руководство ИМУ решается вновь поднять вопрос о вакантной кафедре. Ректор 10 апреля 1901 г. пишет попечителю округа, «что, принимая во внимание единодушные отзывы профессоров по кафедрам греческой и римской словесности профессоров Покровского и Соболевского, к которым [...] безусловно присоединяется и профессор сравнительного языкознания профессор Фортунатов, наиболее желательным кандидатом является и[справляющий] д[олжность] ординарного профессора Юрьевского университета А.В. Никитский» (л. 33). Попечитель (П.А. Некрасов) наложил резолюцию: «Представить, присоединившись к мнению ректора и прибавив, что мнение специалистов кафедры, поддерживающих Никитского, (важнее. — *С.К.*), нежели мнение преимущественно историков, поддерживающих кандидатуру Мищенки. Упомянуть о необходимости сношения Министерства с избранным лицом о согласии его принять должность, дабы не повторились недоразумения, которые произошли при перемещении на эту кафедру фон Штерна, не пожелавшего этого перехода. Присоединить, что дело это

длится больше года и нуждается в окончательном решении до наступления будущего учебного года» (л. 33).

Однако Александр Васильевич Никитский к тому времени доктором еще не был, хотя звание на «исправление должности» ординарного профессора имел и соответствующее содержание в Юрьеве получал (л. 36), и поэтому на переход «с понижением» не соглашался. Ректор ИМУ должен был признать, что «назначение г. Никитского ординарным профессором тотчас по защите им докторской диссертации будет своего рода обидной для тех профессоров Факультета, которые уже имеют степень доктора, но состоят еще экстраординарными профессорами» (л. 33 об.).

Наученное опытом с фон Штерном, министерство уже не торопилось, и только 11 июня 1901 г. уведомило университет о том, что «профессор Юрьевского университета Никитский выразил согласие на переход на службу в Московский университет, но с тем, чтобы назначение его в названный университет было отложено на несколько месяцев, так как он надеется к ноябрю сего года получить степень доктора греческой словесности и тем самым приобрести право на сохранение должности ординарного профессора и в Московском университете» (л. 40—40 об.). Со стороны Московского университета такая просьба Александра Васильевича Никитского никаких возражений не вызвала, и 20 сентября 1901 г. ректор писал попечителю округа: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что согласно заключению декана Историко-филологического факультета, перевод профессора Никитского на службу в Московский университет к 10 января будущего 1902 г. не вызовет никаких затруднений» (л. 48).

И, наконец, 24 января 1902 г. попечителю Московского учебного округа пришел подписанный товарищем министра народного просвещения циркуляр: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, последовавшим 5 сего января за № 3, исправляющий должность ординарного профессора Юрьевского университета, доктор греческой словесности, Статский Советник Никитский назначен ординарным профессором Московского университета, по кафедре греческой словесности, с 1 сего Января» (л. 51). К тому времени А.В. Никитский уже блестяще защитил в Юрьеве осенью 1901 г. докторскую диссертацию, которая была опубликована тогда же по-русски («Исследования в области греческих надписей») и частично — по-немецки[10]. Ученый пользовался высоким авторитетом среди своих коллег по историко-филологическому факультету ИМУ, и в 1906—1908 гг. был его деканом.

21 июля 1907 г. профессор Никитский «выслужил 25-летний срок в учебной службе. Согласно ст. 504 Свода Законов Росс. имп. т. XI ч. 1 изд. 1893 г.» для продолжения службы по истечении 25 лет требовалось ходатайство попечителя учебного округа и разрешение министра (л. 54). Разрешение на дальнейшее оставление на службе сроком на 5 лет было подписано 4 сентября 1907 г. (л. 60). Впрочем, в Московском университете А.В. Никитский остался на недолгий срок: уже 20 ноября 1908 г. министерство вновь затребовало копию формулярного списка ординарного профессора, уже действительного статского советника Никитского (л. 62). Результатом стало назначение его попечителем Оренбургского учебного округа. В Москву Александр Васильевич Никитский больше не возвращался. Он умер в нищете и одиночестве в голодном Петрограде в 1921 г.[11]

А через несколько лет, в первую военную зиму, состав кафедры классической филологии, согласно «Ведомости о состоянии кафедр по историко-филологическому факультету Императорского Московского Университета к 15 декабря 1914 г.»[12],

---

[10] *Яйленко В.П.* Александр Васильевич Никитский (К 50-летию со дня смерти) // ВДИ. 1972. № 4. С. 176.

[11] Там же. С. 180.

[12] ЦГИА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 7604. Л. 24 об.—25 об.

был уже следующим: штатные ординарные профессоры — Соболевский, Покровский, Грушка, сверхштатный профессор — Новосадский, приват-доценты магистранты — Рождественский, Дератани, оставленные при университете — Сергей Соловьев и Федор Петровский. На кафедре всеобщей истории преподавал тогда штатный профессор Р.Ю. Виппер.

Таков happy end этой любопытной истории. Автору может быть задан резонный вопрос: а где же выводы? Мне представляется, что в отдельных случаях историографические штудии могут обойтись и без заключения. Гизо как-то заметил, что историю в конечном счете творят люди. К историографии это относится еще в большей степени. Важно уже хотя бы то, что Шеффер, фон Штерн, Мищенко, Никитский предстают перед нами не только как «вехи в историографии», но как живые люди с присущими им самим и той эпохе достоинствами и недостатками, важен сам фон, на котором разворачивалась их научная и педагогическая деятельность.

Однако некоторые выводы все же напрашиваются. Стоит хотя бы отметить достаточно высокий моральный уровень действующих лиц: российские антиковеды стремились к академической карьере, но отнюдь не любой ценой. Университеты в тот период находились под сравнительно жестким контролем вышестоящих инстанций, и мнение профессоров (Совета факультета) учитывалось лишь в том случае, если не противоречило мнению попечителя учебного округа либо министра народного просвещения. Но благодаря этой же административной системе престиж научной и преподавательской деятельности был весьма высок и подкреплялся чинами, солидным жалованием и прочими льготами. Характерно также, что проблема замещения вакансии профессора греческой словесности живо интересовала и попечителя учебного округа, и министра народного просвещения.

Приятно встречать в архивных делах знакомые по прежним штудиям фамилии ученых, рассматривать четкий почерк Сергея Ивановича Соболевского, к чьим грамматикам обращаешься в трудные минуты противоборства с древними языками, и осознавать, что цепочка все-таки не прервалась, что российское антиковедение — единый поток, то широкий, то узкий. И последнее: подшивайте, уважаемые коллеги, документы в папки и бережнее относитесь к архивам своих предшественников. *Verba volant, scripta manent.* Мы ведь историки.

С.Г. Карпюк

THE CASE OF THE APPOINTMENT OF A PROFESSOR OF GREEK PHILOLOGY TO THE STAFF OF MOSCOW UNIVERSITY

S.G. Karpyuk

The article is devoted to a curious episode in the history of Russian antiquity studies at the beginning of the XXth century, a long (1900—1902) search for a successor to professor Swartz who taught ancient Greek language and literature at Moscow University. Professors Scheffer, Mishchenko and von Stern were among the candidates, but failed to get the post for different reasons, whether personal, academic or political (The Ministry of Public Education came out against the appointment of Mishchenko). Finally, the authorities chose the candidature of Professor Alexander Nikitsky, a well-known specialist in Greek epigraphy. On the basis of archival documents the article throws light on the relationships existing among Russian professors, important for study of the history of science.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА

(Из неизданного научного наследия)

Среди личных фондов, хранящихся в Архиве Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, один из богатейших — фонд выдающегося отечественного антиковеда академика Сергея Александровича Жебелева (1867—1941). Его перу принадлежит более 300 научных работ, посвященных истории и литературе античной Греции, истории раннего христианства, античной археологии и искусству, а также историографии и истории науки. Около 40 исследований, главным образом относящихся к послереволюционной эпохе, остались неопубликованными[1]. Эти труды С.А. Жебелева, а также материалы, связанные с его биографией и ученой деятельностью, представляют большой научный интерес, так как могут существенно расширить наши представления о судьбах русской науки об античности в конце XIX — первой трети XX в.

Особое положение С.А. Жебелева в отечественной науке определяется тем, что он оказался единственным из крупных — мирового уровня — антиковедов, кто в годы революции и гражданской войны не эмигрировал, сумел выжить и своей деятельностью обеспечил преемственность и связь русской и советской науки классической древности. Его личность оказывается ключевой в становлении новейшей советской историографии античности.

Важнейшие аспекты научной деятельности С.А. Жебелева представлены в исследованиях, относящихся к собственно классической истории, филологии, археологии и истории искусств. Среди них — большая статья о келермесских зеркале и ритоне — уникальных памятниках греко-скифского искусства архаической эпохи, в основе которой — доклад С.А. Жебелева на Первом Международном археологическом конгрессе в Афинах (1905); три этюда, посвященных вопросам античного горного дела и металлургии на материалах Северного Причерноморья; отчетный доклад в ГАИМК «Население Боспорского царства» (1931); обстоятельный анализ греческой литературы в эпоху эллинизма и др.

Особую группу составляют статьи, касающиеся истории раннего христианства: исследование предания о воскресении Христа, перевод апокрифа «Деяния Пилата», специальное исследование о терминах «православие» и «православный».

Целый ряд рукописей касаются сюжетов историографии гуманитарных наук. Как известно, С.А. Жебелев был большим мастером историографического жанра. Составленные им за долгие годы его жизни многочисленные, нередко весьма обстоятельные некрологи отечественных и иностранных ученых доставили ему заслуженную славу Плутарха новейшей науки об античности. Среди неопубликованного научного наследия С.А. Жебелева важное место занимают воспоминания, записки, некрологи о Ф.Ф. Соколове, А.В. Никитском, М.М. Покровском, С.Ф. Ольденбурге, Б.А. Тураеве, А.А. Дмитриевском, Э.Л. Радлове, Г. Узенере и др., а также автобиографические материалы. Для понимания общей ситуации в Академии наук СССР в конце 20-х годов большую ценность представляют документы, связанные с избранием С.А. Жебелева в действительные члены Академии (1927) и с его пресловутым «делом» (1928) — политическим скандалом, вызванным опубликованием статьи памяти академика Я.И. Смирнова в зарубежном эмигрантском издании «Seminarium Kondakovianum».

С.А. Жебелев был известен как автор обобщающих трудов по истории науки. Именно его перу принадлежит одна из первых русских книг по истории мировой археологии[2]. Неизданная монография «История Русского археологического общест-

---

[1] Авторы настоящей публикации готовят к печати том «С.А. Жебелев. Неизданные труды и материалы к биографии» (40 п.л.) в серии «Научное наследство», куда войдут материалы из Петербургского филиала Архива Российской АН и Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН.

[2] *Жебелев С.А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания.

ва за третью четверть века его существования. 1897—1921 гг.» прямо продолжает и завершает работу по истории РАО, начатую когда-то востоковедом, членом-корреспондентом Петербургской АН Н.И. Веселовским[3]. С ней перекликается статья «Археология и общая история искусств», подготовленная С.А. Жебелевым в начале 1918 г. для историко-научного сборника «Русская наука», который так и не вышел в свет.

Представляет интерес большая записка о присуждении ученых степеней в СССР — «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем» (1935), где подняты принципиальные вопросы подготовки научных кадров и их квалификационной оценки, что, как известно, является предметом оживленной дискуссии и в наше время.

Вниманию читателей ВДИ предлагаются четыре ранее не публиковавшихся этюда С.А. Жебелева, представляющих разные варианты историографического жанра: воспоминания о своем университетском наставнике профессоре Ф.Ф. Соколове, о друге академике Б.А. Тураеве, очерк собственного творчества и обзор одного из важнейших трудов по экономике античной Греции немецкого историка И. Хазебрека.

Первый очерк является текстом доклада, подготовленного С.А. Жебелевым для заседания, посвященного столетию со дня рождения Ф.Ф. Соколова. Он датирован 3 декабря 1941 г. Дело, стало быть, происходило в блокированном Ленинграде, за три с небольшим недели до смерти самого С.А. Жебелева (он умер 28 декабря 1941 г.). Доклад перекликается с более ранней обширной статьей о Ф.Ф. Соколове, написанной С.А. Жебелевым сразу после смерти своего учителя в 1909 г.[4], однако он имеет и собственную ценность: в нем сквозь призму суждений о Ф.Ф. Соколове более кратко, но и более выпукло выражены взгляды самого С.А. Жебелева на смысл и значение научной и педагогической деятельности ученого — исследователя классической древности.

Та же тема представлена в двух других очерках. Первый — «Воспоминания о старом товарище» — посвящен Б.А. Тураеву, крупнейшему русскому востоковеду, сокурснику С.А. Жебелева по Петербургскому университету; второй — оригинальный автонекролог, составленный в 1932 г. по случаю собственного 65-летия и содержащий неоценимые сведения не только о деятельности самого С.А. Жебелева, но и о его учителях и коллегах, о научном и политическом климате в стране, его весьма откровенные признания и высказывания по самым разным вопросам. В свое время Д.П. Каллистовым были опубликованы выдержки из автонекролога С.А. Жебелева[5], но теперь настало время познакомить публику с полным текстом этого оригинального сочинения вместе со всеми приложениями. Эта автобиографическая работа представляет для нас исключительный интерес, так как характеризует жизненное и научное кредо С.А. Жебелева и дает объективную оценку всего им содеянного.

Что же касается четвертого этюда, то его значение определяется тем, что это — единственный на русском языке обстоятельный обзор исследования И. Хазебрека, сыгравшего большую роль в утверждении восходящей к И. Родбертусу и К. Бюхеру примитивизирующей концепции античной экономики и античной цивилизации в целом. Учитывая широкое распространение этой концепции или ее элементов в отечественном антиковедении (сошлемся на повторяющиеся в общих университетских курсах утверждения о натуральном характере экономики античного мира), надо думать, для русского читателя будет полезным ознакомиться через посредство добротного жебелевского обзора с одним из первоисточников указанной концепции.

---

[3] *Веселовский Н.И.* История императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896 гг. СПб., 1900.

[4] *Жебелев С.А.* Федор Федорович Соколов (1841—1909) // ЖМНП. 1909. № 9. Отд. 4. С. 17—64. Отд. отт.: СПб., 1909.

[5] *Каллистов Д.П.* «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелева // ВДИ. 1968. № 3. С. 152—158.

Возвращаясь к очерку о Ф.Ф. Соколове, которым открывается ряд публикаций из архива С.А. Жебелева, подчеркнем важность его для понимания собственных взглядов С.А. Жебелева на смысл и значение антиковедения. Они раскрываются не только в прямом обосновании роли и значения исторической памяти, но и через сочувственные отзывы о научных трудах и воззрениях Ф.Ф. Соколова, о его педагогической деятельности и жизненной позиции. С.А. Жебелев справедливо указывает на удивительную научную основательность диссертации Ф.Ф. Соколова о древнейшем периоде истории Сицилии, что позволяет этой работе сохранять свое значение и в наше время. Он отмечает основополагающее значение эпиграфических исследований Ф.Ф. Соколова, ставших исходным моментом в развитии русской эпиграфической школы. Особенную роль в формировании этой школы сыграли такие ценные, нестандартные педагогические начинания Ф.Ф. Соколова, как ведшийся им на дому на протяжении многих лет эпиграфический семинар («соколовские пятницы») и посылка лучших и перспективных учеников по окончании университета на двух- или трехгодичную стажировку в Грецию и Италию. С нескрываемым сочувствием излагает С.А. Жебелев суть исторической методологии Ф.Ф. Соколова, его ставшего притчей во языцех фактопоклонничества, в котором сам С.А. Жебелев несомненно видел здоровую антитезу распространившемуся в советское время социологическому верхоглядству. Равным образом и в восхищении чистой любовью к науке, ответственным отношением к делу и трудолюбием, которые были характерны для Ф.Ф. Соколова, нельзя не усмотреть реакции С.А. Жебелева на нравы современной ему научной среды.

Все это наглядно проступает в воспоминаниях С.А. Жебелева и не нуждается в особых пояснениях. Специального разъяснения требует лишь сдержанное отношение С.А. Жебелева к школе М.С. Куторги, стремление дистанциировать Ф.Ф. Соколова (а вместе с тем и всех «соколовцев», в том числе и себя самого) от патриарха русского университетского антиковедения. Позиция эта, кстати, нашедшая отражение уже и в некрологе 1909 г.[6], по существу неверна. Хотя Ф.Ф. Соколов и не слушал курса древней истории у М.С. Куторги в бытность свою студентом Петербургского университета (Куторга находился тогда в отъезде за границей), самая атмосфера научной жизни на историко-филологическом факультете Петербургского университета была уже пропитана духом созданной последним школы, и избежать ее воздействия Ф.Ф. Соколов никак не мог. Впрочем в диссертации о Сицилии Ф.Ф. Соколов прямо благодарит М.С. Куторгу за научную помощь и тем подтверждает наличие прямых контактов между ними, а вместе с тем и известное воздействие маститого профессора на его, Ф.Ф. Соколова, становление как ученого[7].

Стремление дистанциироваться от школы М.С. Куторги развилось у «соколовцев» не в силу их генетической чужеродности «первоначальнику у нас науки об эллинстве»[8], — в конце концов они также выросли из того мощного древа, каким стала созданная М.С. Куторгой петербургская историческая школа, — а вследствие их более сдержанного отношения к характерным для основоположника этой школы стремлениям дать глобальное историко-социологическое истолкование греческой древности. М.С. Куторга пытался охватить греческую (прежде всего афинскую) историю общим понятием полиса, тогда как новое поколение русских исследователей классической древности по примеру Ф.Ф. Соколова считало необходимым раньше, до таких обобщений, провести исчерпывающий анализ

---

[6] *Жебелев С.А.* Ф.Ф. Соколов. СПб., 1909. С. 5.

[7] См.: *Соколов Ф.Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 50. Прим. 59 к главе 1. Ср. также: *Фролов Э.Д.* Ф.Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // ВДИ. 1977. № 1. С. 215.

[8] Определение принадлежит редактору посмертного «Собрания сочинений М.С. Куторги» (М., 1894. Т. I. С. IX).

документальных свидетельств и на их основе дать надежную реконструкцию исторических фактов[9]. Все же, по большому счету, соколовское историко-филологическое (или эпиграфическое) направление было не безусловной антитезой, а исторически обусловленным коррективом к направлению, намеченному М.С. Куторгой. Современная наука об античности в конце концов вновь вернулась к проблеме полиса, поставленной М.С. Куторгой, но вернулась, опираясь на более прочное фактическое основание и оперируя более изощренной методикой исторического исследования. Но этим новым оружием она уже была обязана Ф.Ф. Соколову и его школе.

И еще одно разъяснение. Говоря о себе как о преемнике Ф.Ф. Соколова по кафедре классической филологии Петербургского университета, С.А. Жебелев с нескрываемой горечью и обидой упоминает о причине своего ухода из университета. В рамках проводившейся Главпрофобром кампании по изгнанию дореволюционной профессуры из стен Ленинградского университета, осенью 1927 г. ему было предложено перейти с должности профессора в приват-доценты[10], что было несправедливо по отношению к крупному ученому. С.А. Жебелев, естественно, не согласился и покинул университет.

Текст доклада С.А. Жебелева «Столетие рождения Ф.Ф. Соколова» публикуется по автографу со следами авторской правки, которая отмечена в подстрочных примечаниях. Сокращенные слова дополнялись без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Слова, восстанавливаемые по смыслу, заключены в квадратные скобки, неразобранные слова отмечены отточиями.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

---

[9] Подробнее см.: *Фролов.* Ук. соч. С. 213, 224 сл.

[10] Аналогичное предложение было сделано крупнейшему археологу, члену-корреспонденту АН СССР А.А. Спицыну, что послужило причиной его ухода на пенсию. См.: *Тихонов И.Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1988. Вып. 3 (№ 16). С. 13.

СТОЛЕТИЕ РОЖДЕНИЯ Ф.Ф. СОКОЛОВА

Мы живем обыкновенно настоящим, не прочь гадать о будущем, но сравнительно гораздо реже обращаемся к воспоминаниям о прошлом. Может быть, в житейском обиходе такой распорядок и правилен. Но, мне думается, он едва ли может быть приложим к той области человеческой деятельности, которая объединяет нас сегодня — к области научного знания, научного исследования. В этой области знакомство, а в некоторых случаях знакомство детальное, с тем, что было сделано в соответствующей области знания в предшествующее время обязательно, на мой взгляд, для всякого добросовестного научного работника. Нечего и говорить, что такое требование имеет в особенности приложение в области наук исторических, поскольку сама история является зеркалом, отражающим прошлое, без знания которого невозможно постигнуть настоящее. Поэтому и к тем ученым деятелям, которые изучали прошлое, как бы далеко оно от нас ни отстояло, и которые оставили в истории своей науки заметный след, мы должны относиться с сугубым вниманием, а памятные даты в их жизни вспоминать. Все это, думается мне, оправдывет меня в моем намерении представить вам посильное сообщение об одном из видных представителей той специальности в области исторического знания, к которой и я отчасти принадлежу, т.е. к области, занимающейся изучением истории античного мира, профессоре Ф.Ф. Соколове, столетие со дня рождения которого исполнилось недавно.

Ф.Ф. Соколов родился в Стрельне 12 ноября ст. стиля 1841 г. Отец его был священник. Соколов учился три года в С.-Петербургской духовной семинарии, в 1858 г. поступил в существовавший тогда Главный педагогический институт, а в следующем году, когда институт был закрыт, перешел на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, который и окончил в 1862 г. со степенью кандидата. По окончании университета Ф.Ф. Соколов провел три года на педагогических курсах. Осенью 1864 г. он выдержал при факультете магистерский экзамен по всем отделам всеобщей и по русской истории, по политической экономии. Весной 1865 г. Ф.Ф. Соколовым была представлена в факультет и защищена им магистерская диссертация. В начале лета 1865 г. 24-летний магистр был командирован на два года за границу и провел эти два года исключительно в Германии. О его заграничных занятиях речь впереди. С осени 1867 г. Ф.Ф. Соколов стал приват-доцентом, в конце этого года он был избран на должность штатного доцента по кафедре всеобщей истории, в 1870 г. — экстраординарным профессором в С.-Петербургский историко-филологический институт, в 1883 г. стал ординарным профессором института. В течение 20 лет Ф.Ф. Соколов был ученым секретарем Конференции института, и в эти годы имел в нем казенную квартиру, где и проживал со своим братом, Аркадием, известным в свое время преподавателем географии. В 1884 г. Ф.Ф. Соколов был утвержден экстраординарным профессором университета, в 1890 г. исполняющим должность ординарного профессора (исполняющим должность потому, что Соколов не имел докторской степени, что по уставу 1884 г. требовалось, чтобы не быть исполняющим должность). Наконец, в 1892 г. Ф.Ф. Соколов получил звание заслуженного профессора, которое давалось прежде прослужившему 25 лет в университете преподавателем.

Ф.Ф. Соколов скончался 1 июня 1909 г., прослужив свыше 40 лет преподавателем двух высших учебных заведений. Похоронен был Соколов на Смоленском кладбище, но могила его не сохранилась: она, очевидно, погибла в первые же революционные годы, когда на кладбищах в старые могилы хоронились свежие покойники, если место этой старой могилы было почему-либо облюбовано родственниками свежего мертвеца.

Прежде чем говорить о научной деятельности Ф.Ф. Соколова, поскольку она нашла выражение в изданных им трудах, необходимо напомнить, с какою подготовкой он вступил на ученое поприще. Университет вряд ли что-либо дал ему в этом отношении. Главный представитель кафедры всеобщей и, в частности, древней истории М.С. Куторга, человек вполне достойный занимать кафедру, оставивший после себя много важных и интересных трудов, в годы студенчества Ф.Ф. Соколова путешествовал по Востоку. Никаких семинариев в ту пору в университетах не существовало. Таким образом, высшей школы по древней истории Ф.Ф. Соколов не прошел. Это важно отметить тем более, что через два года после окончания университета Соколов уже защитил свою магистерскую диссертацию, о которой речь впереди.

По защите диссертации Ф.Ф. Соколов, как уже было упомянуто, был командирован на два года за границу. О его заграничных занятиях мы знаем по его отчетам. Он был в Берлине, где уже кончали семестр. Ф.Ф. Соколов прослушал лишь несколько лекций Т. Моммзена о римском уголовном праве и И. Дройзена по истории Европы нового времени. Из Берлина Соколов поехал в Геттинген, где прослушал курсы крупного филолога Зауппе «О культе, праве и обычаях афинян», которого, по словам Ф.Ф. Соколова, «менее, чем кого-либо можно упрекнуть в неосновательных гипотезах, в любви к фразам, в излишнем стремлении обобщать и в пристрастии к философскому обозрению предмета». Эти слова о Зауппе, как увидим далее, в полной мере могут быть приложимы и к лекциям Ф.Ф. Соколова. Но чем же занимался он за границей, раз лекций очень мало слушал? Он работал, главным образом, в библиотеках Берлина и Геттингена, а в первом из названных городов усердно посещал, сверх

того, музей. По его словам, он старался «пополнить пробелы в сведениях своих о Греции и Риме, для чего обращал особенное внимание на изучение греческих надписей, с археологией и историей искусства, знакомясь в то же время с поэтами греческой и римской антологии, с "малыми географами", греческими риторами II в.н.э., римскими юристами древнего времени и разными схоластами».

Если Ф.Ф. Соколову пришлось лишь «пополнять» свои пробелы в сведениях о Греции и Риме, знакомясь с указанными сочинениями, строго говоря второстепенного значения, то с главными основными источниками, касающимися Греции и Рима, когда же он ознакомился? Очевидно, в студенческие годы и в пору составления своей диссертации, причем никаким руководством в этом случае Ф.Ф. Соколов не пользовался. Знание древних авторов, всех без исключения, знание глубокое, можно сказать, поражало всякого, с кем беседовал Ф.Ф. Соколов. Важно также отметить, что Ф.Ф. Соколов за границей proprio motu засел за греческие надписи, знанию которых он всегда придавал такое значение, которые, он любил далеко не платонической любовью. Думал Ф.Ф. Соколов также и об изучении вещественных памятников, оставшихся от античности, считая и их (что в 1860-х гг. далеко еще историками не сознавалось) важными источниками для познания истории античного мира, но от этого намерения должен был отказаться, так как для занятия археологией и историей искусства, по словам Ф.Ф. Соколова, «необходима подготовка иного рода, необходимы знания технические, что никогда не входило в планы моих занятий». Тем не менее за всеми археологическими новостями Ф.Ф. Соколов постоянно следил. Доказательством этого служат найденные в бумагах его многочисленные выписки из книг и статей чисто археологического содержания.

К концу пребывания Ф.Ф. Соколова за границей у него была готова тема и для докторской диссертации — она должна была служить продолжением диссертации магистерской. Но докторской диссертации, по неизвестным мне причинам, Ф.Ф. Соколов так-таки и не написал.

Перехожу к научной продукции Ф.Ф. Соколова, нашедшей выражение в его напечатанных трудах. В числе их имеется только одна монография, его магистерская диссертация под заглавием «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии». В книге этой триста с небольшим страниц, напечатанных почти петитом. Излагать содержание книги заняло бы слишком много времени. Поэтому вынужден ограничиться лишь приведением заглавий отдельных глав и общими выводами. Глава 1 — об источниках и пособиях по древнейшему периоду истории Сицилии (под этим периодом Ф.Ф. Соколов разумеет время до тирании Клеандра, начавшейся в 505 г. до н.э.); к этому своего рода приложение — некоторые черты физического описания Сицилии. Глава 2 — жители Сицилии до греков; происхождение сиканов, сикулов, элимов, сведения о их древнейшей жизни; финикияне. Глава 3 — о древнейших сношениях греков с Сицилией; разбор мифических преданий и известия исторические. Глава 4 — основание греческих колоний в восточной части Сицилии; расширение территории и политическое состояние этих колоний в VIII и VII вв. Глава 5 — отношения греков к сикулам в VIII и VII вв.; о религии сикулов.

Результаты «критических исследований» были сопоставлены Ф.Ф. Соколовым в 13 положениях, наиболее важными из которых являются следующие: 1) сикулы-италики, сиканы-иберийцы, элимы пришли в Сицилию через Италию из Эпира; 2) финикияне не строили городов внутри Сицилии, не оставались ни в своих факториях, ни в греческих колониях при поселении греков, не имели влияния на религию сикелиотов; 3) греки уже до основания первой своей колонии, Накса, в 736 г. имели торговые отношения с Сицилией; 4) во всех сицилийских полисах существовало до конца VI в. правление землевладельческой знати — потомков первых колонистов, причем правление переходило иногда, в силу возникновения революций, в руки тирана или эсимнета, но демократии не было;

5) история Сицилии не протекает исключительно на морском берегу; берега и внутренние части Сицилии были в постоянной, тесной связи, имели одну и ту же историческую жизнь, причем сицилийцы, как национальность, не произошли от смешения греков и сикулов и не отличались ни в чем существенном от греков собственно Греции.

Уже В.В. Григорьев, историк Санкт-Петербургского университета за первое пятидесятилетие его существования, охарактеризовал труд Ф.Ф. Соколова о Сицилии такими словами: «Подобного этому труду по древней истории Запада у нас не бывало». Да и в заграничной литературе, прибавлю я, лишь один Рауль-Рошетт в своей истории греческой колонизации отвел Сицилии несколько достойных для своего времени страниц.

Ф.Ф. Соколов назвал свои исследования «критическими» и имел на то полное право. Вся монография носит действительно критический характер — в ней постоянно критически разбираются либо данные источников, дошедшие, за исключением связного, но очень короткого рассказа в VI книге Фукидида, лишь во фрагментах, либо суждения новых ученых. А из последних единственно в «Истории Греции» Джорджа Грота можно было найти применение правил исторической критики.

Конечно, за истекшие 75 лет, отделяющих нас от «Сицилии» Ф.Ф. Соколова, наши сведения о древнейшем периоде истории острова значительно возросли, главным образом благодаря поступившему в наше распоряжение археологическому материалу, и в некоторых пунктах суждения Ф.Ф. Соколова должны быть пересмотрены, но что касается источников литературных, то из критического исследования их, данного Ф.Ф. Соколовым, и теперешний ученый может многому научиться, и в этом отношении труд его сохраняет по сей день актуальную значимость и, если угодно, свежесть.

Этот труд, как уже упомянуто, является в ученом наследии Ф.Ф. Соколова единственной монографией. Все остальные работы его — статьи, печатавшиеся главным образом в «Журнале Министерства народного просвещения», и рецензии — последних, впрочем, немного, всего 5; они посвящены разбору обеих диссертаций, магистерской и докторской, Никитского и моих, и IV тому известного свода южнорусских древних надписей В.В. Латышева.

Все статьи Ф.Ф. Соколова (их 29), а также упомянутые рецензии уже после смерти автора были объединены в одном томе (около 700 страниц) под общим заглавием «Труды Ф.Ф. Соколова» и изданы в 1910 г. на средства его учеников. 22 статьи сопоставлены под общим подзаголовком «В области древней истории». Приводить заглавия статей, тем более излагать их содержание потребовало бы много времени, так как содержание статей детальное и строго фактическое. Скажу лишь, что статьи посвящены разбору спорных или неверно понимаемых вопросов в области греческой истории VI, V и IV вв., главным же образом III и II вв. до н.э. Лишь одна статья разбирает хронологию римской истории IV в.

В одних статьях Ф.Ф. Соколов исходит из древних авторов, в других из надписей, в третьих из папирусов, в четвертых из комбинирования всех этих источников. Иногда в статьях разбираются частные, так сказать, вопросы, иногда общие. Таковы, например, статьи об афинских клерухиях, о т.н. «пятидесятилетии» (промежутке между окончанием Греко-персидских войн и началом Пелопоннесской войны), о народном собрании Этолийского союза. В статьях «В области древней истории» сказались с полной наглядностью разносторонние и глубокие знания предмета, характерные черты метода исследования Ф.Ф. Соколова, о чем я еще буду говорить, равно как и непрерывающийся интерес к любимой науке — главная цель научных стремлений и разысканий.

Под рубрикой «В области древней истории» появились 22 статьи. Но в бумагах Ф.Ф. Соколова нашелся листок, из которого явствует, что он собирался написать 60 статей, и в числе их такие, как, например, «Договор Филиппа V Македонского с

Ганнибалом», «Додонский оракул», «Соответствие римской истории VI и V вв. с афинскою», «Антигон Гонат», «История Аркадского союза», «История Беотийского союза», «Карфагенское и спартанское устройство» (из личной беседы с Ф.Ф. Соколовым знаю, что он сопоставлял карфагенскую пентархию со спартанскими эфорами). Никаких черновиков или заметок к намеченным темам статей в бумагах Ф.Ф. Соколова не оказалось. Да и искать их было бы трудом напрасным: Соколов держал весь материал в голове и по тщательном обдумывании его и наведения необходимых справок в литературе предмета писал свои статьи прямо набело, почти без каких-либо помарок.

Из статей Ф.Ф. Соколова, не вошедших в рубрику «В области древней истории» считаю нужным выделить следующие. Большая статья Соколова, появившаяся в 1868 г., посвящена пресловутому и все еще не получившему окончательного решения, каковое вряд ли когда-либо и последует, — гомеровскому вопросу. За 70 с лишком лет, протекших со времени появления статьи Ф.Ф. Соколова, гомеровским вопросом занимались с большою настойчивостью. С этой точки зрения работа Ф.Ф. Соколова, конечно, устарела. Но и теперь она имеет не только историческое, но и методологическое значение, главным же образом интересна с точки зрения методологических воззрений автора. Ф.Ф. Соколов в решении гомеровского вопроса принадлежал к числу т.н. унитариев, т.е. тех ученых, которые признают и в «Илиаде», и в «Одиссее» одного автора. Стоя на позиции унитарной теории, Соколов не отрицает, что «единство Илиады и Одиссеи есть, строго говоря, гипотеза, но она стоит... на общем предании древности, на единстве дошедшего до нас текста, на художественной целости поэм». В течение многих лет «унитарная теория» признавалась порочной, но замечательно, что в более близкое к нам время некоторые ученые начинают к ней возвращаться.

Если даже «Гомеровский вопрос» Ф.Ф. Соколова в настоящее время представляет лишь историческое значение, то другая большая статья, относящаяся к истории III в. до н.э. и вышедшая в 1879 г., сохраняет актуальное значение, а результаты ее приняты теперь всеми. Статья эта носит название «Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского». Несмотря на это скромное название, статья проливает свет на одну из самых темных областей греческой истории III в. Благодаря твердо установленным в ней пунктам оказалось возможным фиксировать целый ряд фактов, стоящих с ними в связи. До такой степени эта работа Ф.Ф. Соколова изумительна по тонкости детального анализа. При этом нужно отметить, что Соколов исходил в нем из рассмотрения одного обломка афинского декрета в честь Аристомаха, аргосского гражданина. Издатель чадписи, знаменитый эпиграфист Ульрих Кёлер, и вслед за ним Дройзен в своей «Истории эллинизма» принял Александра, упоминаемого в обломке, за Александра Великого. Ф.Ф. Соколов безапелляционно доказал, что имеется в виду не последний, а Александр, сын Кратера, племянник македонского царя Антигона Гоната. Чтобы установить это, Ф.Ф. Соколову пришлось много «сражаться» против различных комбинаций Дройзена, пришлось исследовать все время царствования Гоната и спуститься за пределы этого царствования. Но что замечательно: предположения, высказанные Ф.Ф. Соколовым в «Аристомахе», были блистательно подтверждены несколькими новыми эпиграфическими находками.

Статья Ф.Ф. Соколова «Третье столетие до н.э.» — речь, произнесенная на акте Историко-филологического института в 1886 г. Эта речь поистине может быть названа «тронной речью» по тому отделу древней истории, в котором в своем роде царствовал Ф.Ф. Соколов. В речи устанавливается ряд «фактических» тезисов из истории III в., пожалуй, наименее освещенного века греческой истории.

В 1877 г. появилась в «Отчете» Санкт-Петербургского университета речь Ф.Ф. Соколова, произнесенная в университете в столетнюю годовщину рождения Александра I — единственное произведение Ф.Ф. Соколова, выходящее за пределы

его специальности. Я не берусь судить о достоинстве речи; могу только сказать, что написана она очень живо и увлекательно. Личность Наполеона всегда привлекала Ф.Ф. Соколова, может быть потому, что, по его словам, «многое в природе этого человека напоминает людей древнего времени». «В начале XIX в., — говорил он, — в цивилизованной Европе уже не умели презирать до такой степени род человеческий, не умели строить таких грубых варварств, как бы взятых у древних греческих сборников анекдотов о военных хитростях; не умели и лгать так ужасно, как лгал этот человек (Наполеон). И по великим дарам природы своей не похож он был на людей нового времени. Смелость, новизна и громадность его инициативы, стальная энергия в исполнении, неутомимая настойчивость в преодолении всех препятствий, ясность взгляда и быстрота решения при всяком стечении обстоятельств — таковы качества гениального полководца, которыми Наполеон далеко оставляет за собою всех вождей нового времени и напоминает Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря...». А вот слова Ф.Ф. Соколова об Отечественной войне: «Отечественная война для России имела не политическое только значение: она была могущественным орудием движения русской жизни, она породила цвет нашей литературы, те могучие стальные стихи, эти роскошные, полные жизни и правды произведения изящной прозы, которые родились у нас в XIX в. и каких нет нигде в новейших европейских литературах. Двенадцатый год, бессознательно для нас, воспитал нас всех; если бы истребить из истории двенадцатый год, то в каждом из нас истребилось бы нечто вошедшее в плоть и в кровь нашу».

Ф.Ф. Соколов не издал своих лекций. После него остался лишь не поступивший в продажу, изданный в первой половине 80-х гг. «Конспект древней истории» для студентов Историко-филологического института. Изложение событий доведено до 109 г. до н.э.; он ограничивается исключительно сообщением фактов. Разумеется, в некоторых частях «Конспект» устарел. Но для всякого рода справок он представляет и теперь хорошее пособие.

В последний период писательской деятельности Ф.Ф. Соколов переработал некоторые из своих статей, входящих в цикл «В области древней истории», по-немецки и поместил их в переработанном виде в журнале «Klio». Эти статьи касаются исключительно III в. до н.э.

Такова научная продукция Ф.Ф. Соколова. Попробуем теперь кратко охарактеризовать, если можно так выразиться, методологию научного творчества Ф.Ф. Соколова. Сложилось убеждение, что Соколов стремился только к одному — устанавливать факты, недаром его называли «фактопоклонником». Говорили, что он был лишен способности и вкуса к обобщениям или, в крайнем случае, не искал их. В правильности такого представления о Ф.Ф. Соколове как историке есть своя доля правды, но полной правды нет.

Напомним то, что Ф.Ф. Соколов писал еще в начале своей научной деятельности, в 1866 г., в одном из своих заграничных отчетов: «Стремление отыскать общую связь и внутренний смысл частных и разнообразных явлений исторической жизни вполне естественно и законно... Но с другой стороны, успех здесь дело нелегкое. Если попытка не удается, все испорчено, факты окрашены в один цвет или изуродованы, и происходит вредное и упорное ослепление... Очень часто случается, что какой-нибудь вывод многое объясняет, по-видимому, согласен с фактами, остроумен, блестящ, — но не надо торопиться признать его справедливость, это очень опасно. Надобно строго разобрать сущность выражений, которые нас чаруют; надобно привести их к фактам, к действительности... Жизнь человеческая слишком сложна и многостороння: исторические системы, имеющие претензии обнять все, захватывают постоянно лишь небольшую часть».

Отличительною чертою ученой деятельности Ф.Ф. Соколова было, так сказать, какое-то удивительное ученое самозабвение. Какой бы вопрос Соколов ни разбирал, его прежде и главнее всего занимал сам разбираемый вопрос. Личность исследователя отходила на задний план. И в науке, как и в жизни, мы не

находим у Ф.Ф. Соколова ни малейшей тени эгоистических наклонностей и стремлений, желания выставить свое «я». Здесь играла роль врожденная скромность Ф.Ф. Соколова, но наряду с ней и скромность сознательная. Дело в том, что Соколов относился с удивительной бережностью к культивируемой им науке. Единственную цель своих ученых стремлений он видит в отыскании, установлении исторической истины. В своей «Сицилии» Ф.Ф. Соколов неоднократно заявляет: «Постараюсь доискаться, насколько возможно, правды». «Историческое знание есть более или менее отдаленное приближение к истине» — вот научный принцип Соколова. Понятно, что этот принцип повел на практике к вполне объективному и беспристрастному методу в исследовании (см. из «Некролога» с. 32).

Другим средством приблизиться к исторической истине служило, по мнению Ф.Ф. Соколова, детальное исследование и изложение исторических событий. «Невозможно определить, — по словам Соколова, — с точностью, какой размер исторического изложения достаточен для научного знания. Невозможно определить, какие подробности нужны, какие можно отбросить... Всякое сокращение исторических фактов вредит ясности и верности образа». И этого Ф.Ф. Соколов старался достигнуть двумя путями: 1) привлечением всех данных, имеющих отношение к тому или иному историческому факту или фактам, и 2) критическим анализом этих данных. Потому что, говорит Ф.Ф. Соколов, «в науке нет мелочных или ненужных истин».

Глубокое знание источников давало возможность Ф.Ф. Соколову ставить при исследовании всякое лыко в строку; критический дар, которым он обладал, позволял разбираться в источниках, оценивать их, ставить каждое данное на подлежащее ему место. Обобщений Ф.Ф. Соколов остерегался, если ему не хватало уверенности, что данный факт или группа фактов достаточно разработаны. Конечно без гипотез, говорит Ф.Ф. Соколов, ни в каком научном исследовании не обойдешься, но гипотеза, чтобы быть вероятною, во-первых, должна быть согласна с показаниями источников, во-вторых, должна быть правдоподобна.

В своей речи о III в. Ф.Ф. Соколов кратко, но определенно формулирует два правила исторической критики: первое — «текст древних авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно», слишком много выводить из фраз необдуманных, случайных; наоборот — «текст официальных актов, надписей должно толковать самым близким и точным образом». Ф.Ф. Соколов называл надписи «краеугольными камнями» всей науки о классической древности.

Можно подумать, что Ф.Ф. Соколов, придавая такое значение фактам, терял общую нить исторического процесса, за деревьями не видел леса. Далеко не так! В упомянутой речи Ф.Ф. Соколов заявлял: «Жизнь человеческого рода не прекращается и не останавливается. Останавливаться необходимо только нам, отдельным личностям, и все равно, на каком пункте мы остановимся для обозрения событий. Где бы мы ни провели черту, всякая такая граница будет произвольна... Всякое событие, а тем более важное или крупное, состоит из целого ряда событий или фактов, и неразрывно связано с событиями предшествующими или последующими».

Свой предмет — древнюю историю — Ф.Ф. Соколов, конечно, не модернизировал. Но будучи очень начитан в исторической литературе вообще, он не прочь был иногда приводить примеры из новой истории, особенно из истории XIX в., ...* сопоставлять их с событиями древними. На древних Ф.Ф. Соколов учил смотреть как на живых людей, а не как на материал, годный только для археологических исследований. Но как бы ни была велика любовь Ф.Ф. Соколова к античности, он в своей ученой деятельности всегда руководствовался не чувством, а рассудком, не красивыми словами, а делом, не стремлением путем

* Слово не разобрано.

заманчивых, но иной раз эфемерных построений объять необъятное, в установлении хотя бы приблизительной, но точной исторической истины.

Таковым представляется мне Ф.Ф. Соколов как ученый. Параллельно с ученою работою у Ф.Ф. Соколова шла и преподавательская деятельность. Какова была она? Соколов читал лекции по греческой и римской истории, по т.н. греческим древностям, по истории Востока, разбирал со студентами в Университете и Историко-филологическом институте Фукидида, Полибия, Диодора, «Афинскую политию» Аристотеля; на вечерних занятиях на дому, по пятницам с 7 и иной раз до 11 часов вечера разбирал греческие надписи. Отличаясь в своей преподавательской деятельности большою аккуратностью, он прочитал и в университете, и в институте в общей сложности не менее 10000 лекций. Не боясь оскорбить памяти покойного, я должен сказать, что с тех пор, как я связан был с университетом, т.е. с поступления моего в студенты в 1886 г. и до смерти Ф.Ф. Соколова, лекции его в студенческой (толпе), если уместно употребить это слово в отношении студентов-филологов, которые обычно вряд ли доходили до 400, maximum 500, успехом не пользовались. Один из авторов газетных некрологов говорил: «Аналитический склад ума, который составлял главную силу Соколова, сказывался в крайне скептическом отношении его ко всяким попыткам общих построений, социологических обобщений... Этим объясняется, что ценимый весьма высоко в кругу специалистов-исследователей, Соколов мало давал более широким кругам слушателей Историко-филологического факультета»

Совершенно верно. Ф.Ф. Соколов не был поклонником ни общих построений, ни социологических построений, но не в них было дело. К тому же свои общие курсы Ф.Ф. Соколов читал для первокурсников, которые в пору своего гимназического обучения вряд ли знакомились с «построениями» и «настроениями», а просто зубрили «Иловайского». Ф.Ф. Соколов, как мы указывали, признавал «общие построения», но при условии, чтобы они возводились на прочной фактической, строго расчищенной почве, чтобы они создавались не ради объяснения фактов, но вытекали из объяснения фактов. И это требование Ф.Ф. Соколов ставил во главу угла не только в своих ученых работах, но и в своих курсах, невзирая на то, была ли подготовлена его аудитория не только оценить, но в некоторых случаях даже усвоить себе это требование. В результате получалось полное недоразумение: профессор не мог стать на уровень со своими слушателями, слушатели, в большинстве своем, не могли приблизиться к уровню профессора. Ко всему этому присоединилось то, что Ф.Ф. Соколов старался охватить в своем курсе наивозможно больший период времени, поэтому он спешил, да и вообще ораторским талантом он не отличался. Во всяком случае Ф.Ф. Соколов сообщал на своих лекциях то, что он считал нужным сообщить. Может быть иной раз увлекался подробностями, но быв много раз ассистентом на экзаменах у Ф.Ф. Соколова, считаю долгом засвидетельствовать, что на них он требовал знания главных фактов и никакими подробностями не интересовался, и на почве экзаменов у него почти никогда не бывало каких-либо недоразумений.

Все же для рядового студента лекции Ф.Ф. Соколова были трудны для усвоения, и наш поэт Д.С. Мережковский в одном из своих произведений так аттестовал общие курсы Ф.Ф. Соколова: «История без образов, без лиц — ряды хронологических таблиц». Зато наш известный композитор А.К. Глазунов, к моему удивлению, так аттестовал в одном из писем к музыкальному меценату Митрофану Беляеву (Глазунов одно время был вольнослушателем нашего университета): не быв удовлетворен чтением лекций других профессоров Историко-филологического факультета, он отметил лекции лишь Ф.Ф. Соколова, назвав их крайне интересными. А в природном «вкусе» А.К. Глазунову, судя по его музыкальным opus'ам, думается отказать нельзя.

Еще на одну тоже любопытную черту мне хочется указать: немногочисленная аудитория Ф.Ф. Соколова была убеждена, что Соколов так хорошо знает свои

«факты», так крепко держит их в голове, что ему подготовляться к лекциям нечего. Но что оказалось на поверку? В бумагах Ф.Ф. Соколова я нашел не только подробные конспекты его лекций (сам он в мое еще время никакими «записками» не пользовался), но и краткие программы каждой лекции, при этом программы относятся к последним годам его жизни. При одной из программ стояла такая, между прочим, заметка: завтра пораньше встать и хорошенько подготовиться и обдумать то-то и то-то.

Остается упомянуть о той стороне деятельности Ф.Ф. Соколова, которая нашла себе заслуженное признание даже со стороны лиц, не сочувствующих ему как преподавателю вообще. Я имею в виду практические занятия Ф.Ф. Соколова со специалистами. Занятия эти заключались в чтении и разборе греческих надписей. Количество участников этих занятий колебалось от 2 до 8, скорее в сторону меньшей, нежели большей из указанных цифр. Занятия велись регулярно на квартире Ф.Ф. Соколова, по пятницам, начинались, как я сказал, с 7 часов вечера и заканчивались иной раз в 11 часов, причем на них подавался чай обязательно с плюшками. Занятия состояли в переводе и разборе самом детальном надписей, со всякого рода экскурсами. Это была такая «ученая лаборатория» по греческой истории, которая была под силу только Ф.Ф. Соколову с его знаниями и пониманием древней истории. На этих незабвенных «пятницах» завязывались те тесные связи между Ф.Ф. Соколовым и его непосредственными учениками, которые не порывались в дальнейшее время. Не нужно, однако, думать, будто бы здесь Ф.Ф. Соколов непременно стремился к тому, чтобы привить своим ученикам свои интересы, свой метод. Далеко нет. Ф.Ф. Соколов признавал только свободное знание, не насиловал чьих бы то ни было ученых симпатий и влечений. Каждый из его учеников мог идти, да и пошел своей дорогой, но каждый из них учился сознавать, что конечная цель всякого исторического знания — это приближение к исторической истине, что знание есть нечто самодовлеющее, и чтобы достичь его, нужно работать много и упорно. Нередко на «пятницах» у участников их зарождались и темы их будущих диссертаций.

Не менее крупной заслугой Ф.Ф. Соколова, помимо организации им таких серьезных, полезных занятий, какие проводились на «пятницах», было и то, что по его инициативе впервые у нас стали командироваться молодые ученые на два, а иной раз и на три года в Грецию для знакомства с нею вообще, в частности для занятий надписями по оригиналам (сам Ф.Ф. Соколов побывал в Греции только один раз и сравнительно короткое время). Пребывание молодых русских ученых в Греции вело также к знакомству их с иностранными учеными (в Афинах уже тогда существовали Ecole française, отделение Немецкого археологического института, позднее Английская, Американская, Итальянская «школы»). Таким образом, не за кем иным, как именно за Ф.Ф. Соколовым, остается слава человека, прорубившего окно в Грецию для наших специалистов по греческой истории, филологии и археологии (ранее их посылали зимой в Германию).

Из этих специалистов и создалась та «соколовская школа», о которой мы вправе говорить, которая несомненно у нас зародилась и к которой принадлежали ученые деятели, много сделавшие для культивируемой им науки. Вот их имена в хронологическом порядке выступления их на ученую арену: акад. В.В. Латышев, создавший себе громкое имя изданием IOSPE, акад. В.К. Ернштедт, отец П.В. Ернштедта, акад. А.В. Никитский, первоклассный эпиграфист, знаток в особенности дельфийских надписей, член-корреспондент АН Н.И. Новосадский, безвременно умерший** А.Н. Щукарев, Р.Х. Лепер, С.А. Селиванов, А.И. Покровский, К.В. Хилинский, член-корреспондент АН И.И. Толстой (его большинство знает).

К этим именам позволю себе присоединить и свое имя, которому выпала на

** Два слова зачеркнуты.

долю великая и вряд ли заслуженная честь стать преемником Ф.Ф. Соколова в нашем университете после его смерти в 1909 г. и вести преподавание в нем почти в течение 20 лет и***, может быть, продолжить его и дальше, если бы тогдашним заправилам (nomina sunt odiosa) не вздумалось перевести меня из заслуженных профессоров в приват-доценты***.

Большою и отрадною честью я считаю и то, что мне довелось сегодня помянуть 100-летие со дня рождения моего учителя, этого бесспорно крупного ученого и полезного деятеля на ниве нашего просвещения в области гуманитарных наук, прекрасного во всех отношениях человека, о душевных качествах и свойствах которого я говорить не буду, ибо для тех, кто не знавал покойного, мои разглагольствования на эту щекотливую тему были бы одними словами, а одних-то слов во всей своей жизни и деятельности и не признавал покойный Ф.Ф. Соколов.

У Вас же, посетивших сегодняшнее собрание в память столетия его рождения своим присутствием, прошу снисхождения за мой далеко несовершенный доклад, да еще в ту пору, когда нас окружает далеко неспокойная и еще тем менее радостная обстановка. В лице вашем благодарю и те учреждения, представители которых здесь присутствуют: Институт истории, Исторический и Филологический факультеты Ленинградского университета. Этим факультетам, объединенным, правда, в один Историко-филологический факультет, много своих сил и знаний отдал в свое время столетний теперь старец Ф.Ф. Соколов. Ave vir doctissime, anima candida.

3 декабря 1941 г.

ААН СССР. Ф. 729. Оп. 1. Д. 31. Автограф.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

(Продолжение следует)

ZHEBELEV'S HISTORIOGRAPHIC STUDIES

(from unpublished scientific heritage)

I.V. Tunkina, E.D. Frolov

The material opens a series of publications from the archive of Academician Sergei Alexandrovich Zhebelev (1861—1941), outstanding Russian Scholar of antiquity. It is the text of the report written by S.A. Zhebelev in 1941 on the occasion of a one-hundredth anniversary of the birth of his teacher, F.F. Sokolov (1841—1909), which presents the curriculum vitae of F.F. Sokolov.

*** Фраза зачеркнута.

© 1993 г.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АНТИЧНОСТИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия сборников статей, выпущенная кафедрой истории древней Греции и Рима исторического факультета Ленинградского, ныне Санкт-Петербургского государственного университета стала итогом нескольких конференций, посвященных античному полису, и обобщает деятельность ряда исследователей из различных антиковедных центров России[1]. Ключевой темой, объединяющей эти статьи, является тема античной гражданской общины и античного государства, его политической структуры, идеологии, межполисных отношений, соотношения с другими государственными системами и многие другие вопросы. Сборники охватывают широкий тематический спектр, включающий историю гомеровской и архаической Греции, Афин и Спарты классического периода, различных регионов эллинистического и римского мира, культуру и идеологию античного общества. Вместе с тем многообразие тематики статей сочетается с единством задачи, стремлением исследователей раскрыть сущность того важнейшего явления общественной жизни греко-римского мира, которое именуется античным полисом.

Эта общая задача сформулирована главным редактором сборников, заведующим кафедрой истории древней Греции и Рима, профессором Э.Д. Фроловым. В статье «Тема полиса в новейшей историографии античности» (Античный полис. С. 3—8) автор отмечает, что полис является как фактом общественной жизни древней Греции, политическая действительность которой характеризовалась существованием множества независимых городов-государств, так и теоретическим понятием, выдвинутым самими древними и развитым наукой нового времени. Начатая учеными XIX в. (Б. Констаном, А. Валлоном и Н.Д. Фюстель де Куланжем), тема полиса стала практически ведущей как в западной, так и в отечественной историографии XX в. Внимательное рассмотрение истории греческого полиса наводит на мысль о его определяющей и универсальной роли в древности. Возникнув в специфических условиях послемикенской Греции, а затем пройдя ряд разнообразных стадий, полис представлял собой уникальный тип общественной организации, основанной на единстве города, государства и гражданской общины, сохраняющей свое определяющее значение в более крупных объединениях типа Афинского и Пелопоннесского союзов, державных образованиях позднеклассической эпохи и, наконец, в преодолевших полис, но сохранивших его традицию и идеологию греко-македонских эллинистических царствах и Римской империи. Противоречие полисного начала и его преодоления придавало античной истории и определенную трагическую окраску, выраженную в большой роли войны, политического террора и подавления, а изучение этого дуализма дает большие возможности для более всесторонней оценки античной цивилизации.

Сформулированные во введении тезисы развиваются и в других статьях Э.Д. Фролова. Первая из них, «История одного поиска» (Социальная структура... С. 3—9), посвящена рассмотрению антиковедных исследований в Петербургском университете и выделению темы полиса как одной из ключевых тем изучения, введенной в обиход основоположником Петербургского университетского антиковедения М.С. Куторгой и продолженной вначале другим крупнейшим петербургским антиковедом, преемником М.С. Куторги, Ф.Ф. Соколовым и его учениками, а затем и историографией XX в. в лице С.И. Ковалева, С.Я. Лурье, К.М. Колобовой, А.И. Доватура и других ученых. В этом смысле нынешняя школа антиковедов является преемником достаточно длительной традиции, идущей еще

[1] Античный полис. Л., 1979; Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982; Проблемы античной государственности. Л., 1982; Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984; Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985; Античная гражданская община (Проблемы социально-политического развития и идеологии). Л., 1986; Город и государство в античном мире (Проблемы исторического развития). Л., 1987; Античное общество и государство. Л., 1988; Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989; Город и государство в древних обществах. Л., 1989; Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990.

с дореволюционных времен. В статье также рассматривается различие между основанной на широком концептуально-теоретическом подходе школой М.С. Куторги и школой Ф.Ф. Соколова, тяготевшей к скрупулезному конкретно-историческому источниковедческому исследованию, а также тот плодотворный синтез, который воплотился в петербургском антиковедении.

В другой статье, «Рационализм и политика в архаической Греции» (Город и государство в древних обществах. С. 17—34), Э.Д. Фролов анализирует основные этапы истории архаической Греции с точки зрения рационалистической направленности политических и культурных процессов. Признавая определяющую роль объективных социально-экономических и политических факторов в становлении классической греческой цивилизации, автор, однако, выступает против тенденции к механическому сведению деятельности политиков и мыслителей только к отражению социально-экономической реальности и выделяет особую роль сознательных творческих рациональных усилий, без которых общественный потенциал не мог быть реализован. Как показано им же в статье «Социальная революция, тирания и демократия в античной Греции» (Социальная борьба... С. 4—16), архаическая революция в древней Греции являла собой сочетание острых конфликтных ситуаций с непрестанно возобновляемыми поисками конструктивных решений гражданского согласия. Подтверждением этому была деятельность социальных посредников-эсимнетов, отсутствие резких «нулевых» решений и участие господствующего класса, аристократии, в общественных преобразованиях. Наоборот, тирании рассматриваются автором как сугубо негативное явление, которое не внесло существенного вклада в строительство нового общества. Переход греков к новой цивилизации происходит именно в рамках демократической революции, сумевшей избавиться от тирании и путем разумных реформ создать одну из выдающихся мировых цивилизаций[2].

Тема становления греческого полиса и ранние этапы греческой истории рассмотрены в ряде статей Ю.В. Андреева. Основные теоретические позиции автора представлены в статьях «Античный полис и восточные города-государства» (Античный полис. С. 8—27), «Историческая специфика греческой урбанизации» (Город и государство в античном мире. С. 4—34) и «Начальные этапы становления греческого полиса» (Город и государство в древних обществах. С. 17—34). Выступая против неправомерного стирания границ между античной цивилизацией и цивилизациями Передней Азии, Ю.В. Андреев считает, что оно во многом основано на произвольном смешении понятий полиса и города-государства. Вместе с тем, констатируя наличие существенных сходств, выраженных в тенденциях к автономии и автаркии, а также в унаследованной от эпохи «примитивной демократии» системе общинного самоуправления, автор отмечает, что город в обществах восточного типа был всего лишь придатком храма или дворца, а непомерно разросшийся государственный сектор полностью подчинил общину и создал функциональную стратификацию общества, обрекая общину на стагнацию и вырождение и создавая почву для олигархических и автократических режимов. К этому типу общества могут быть отнесены общества Передней Азии и даже микенские государства. В лучшем случае восточные города-государства достигли той стадии социально-политического развития, которую греки миновали в VII—VI вв. до н.э. В греческом полисе возникают два новых фактора, обусловивших разрыв с застойными формами древневосточной государственности, а именно рабство и частная собственность. Вместе с тем наметившееся в греческом мире слияние и взаимопроникновение общины и государства не имеют аналогий за его пределами, а в классических обществах Востока эти две структуры находятся в состоянии противостояния и взаимоотчуждения.

Другой проблемой, интересующей Ю.В. Андреева, является тема соотношения полиса и города. Автор отмечает, что специфичность греческого города определяется конкретными формами его генезиса, в котором роль чисто экономических факторов уступала роли факторов демографического и военно-политического характера. Сами города на ранней стадии представляли собой крупные аграрные поселения или модифицированные сельские общины, а урбанизация носила предварительный характер. Впрочем, городская полисная община оказала стимулирующее воздействие на перестройку архаических структур и их превращение уже в V—IV вв. до н.э. в развитый античный город, ставший центром сосредоточения, перераспределения и реализации прибавочного продукта.

Раннегреческой общине посвящена также статья Ю.В. Андреева «К проблеме гомеровского землевладения» (Город и государство в древних обществах. С. 17—34). Автор отмечает, что основной формой землепользования, известной Гомеру, был семейный надел или клер, бывший наследственным имуществом семьи, а общим правилом была тенденция к его неделимости. Гомеру была известна какая-то форма общинной собственности на землю, однако эта форма носила скорее пережиточный характер. Вместе с тем вмешательство общины в хозяйственную деятельность семей носило лишь поверхностный характер, а господствующей экономической тенденцией был рост

[2] В статье С.С. Казарова «К вопросу о характере и значении реформы Тарипа в Эпире на рубеже V—IV вв. до н.э.» (Античное общество... С. 106—118) рассмотрен тип замедленного развития полиса в Эпире на аграрной периферии греческого мира, что демонстрирует универсальность процессов архаической революции даже несмотря на временные дистанции.

частной собственности на землю и мобильности земельной собственности, и как раз в рамках новой формы общинной организации окончательно сложился тот широкий слой свободного крестьянства, который стал главной социальной опорой полиса. В статье «Труд в жизни гомеровских героев» (Государство... С. 4—13) автор считает, что реальной основой гомеровской модели общества следует считать наметившуюся в середине VIII в. до н.э. тенденцию к самоопределению и самоутверждению аристократической прослойки. Формой этого самоутверждения стал (согласно Гомеру) героический этос, причем, соединяя в одном лице черты рыцаря и крестьянина, греческая знать пыталась избавиться от второго, сохраняя, однако, генетическую связь с прошлым.

Завершая тему Гомера, следует упомянуть статью А.И. Зайцева «Идеология гомеровского эпоса и личные взгляды автора "Илиады" (Илиада, XV, 638—651)» (Античное общество... С. 141—147). Рассмотрев несколько отрывков из поэмы (Hom. Il. XVI. 387—388; 638—642), автор приходит к выводу, что тезис об аристократическом характере идеологии Гомера можно принять только с оговоркой, что это была идеология перерастающей в аристократию племенной верхушки.

Достаточно широко представлена и спартанская тематика. В большой статье Ю.В. Андреева «К проблеме "ликургова законодательства" (О так называемом перевороте VI века в Спарте)» (Проблемы античной государственности. С. 10—31) дается анализ законодательства Ликурга и формирования особого спартанского варианта полиса. Сопоставляя данные литературной традиции и археологическую информацию, Ю.В. Андреев признает наличие переломного периода, отмеченного интенсивной преобразовательной деятельностью, и ставит его в прямую связь с наблюдаемым археологами угасанием спартанского искусства и культуры. Ю.В. Андреев считает, что пережитки всевозможных архаических институтов в Спарте были сознательным их приспособлением к особой спартанской ситуации, а не результатом естественного развития, причем часто сама сущность этих реликтов радикально менялась.

Бесспорную связь со статьями Ю.В. Андреева имеет статья В.В. Чолач «Борьба поколений в политической жизни греческих полисов» (Античное общество... С. 23—28), где автор разбирает возрастные категории лиц в греческих полисах, а также их роль в общественной и политической жизни последних и политической борьбе в них. Проблемы полиса и хоры рассмотрены в работе Д.Р. Хапаевой «Структура хоры греческого полиса» (там же. С. 4—23). Автор считает, что хора была не просто полисной территорией, но имела поселения иного типа, небольшие городки типа πολίδιον и комы, поселения сельского типа. В работе приводится типологический анализ терминов πόλισμα, δρμητηρία, φρούριον, χωρίον.

Истории политического развития Спарты и межгосударственным отношениям в классический период посвящены статьи В.М. Строгецкого. В статье «Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте» (Античный полис. С. 42—58) рассматриваются отношения этих институтов в конце VI в. до н.э., а в другой статье «Политическая борьба в Спарте в 70-е гг. V в. до н.э. (Дело Павсания)» (Проблемы античной государственности. С. 60—85) автор прослеживает конфликт между регентом Павсанием, командовавшим греческой армией при Платеях, и спартанскими властями, прежде всего эфорами и герусией, являющийся ярким примером столкновения гражданской общины с сильным лидером и завершившийся победой коллегиальной власти.

Ряд работ В.М. Строгецкого касаются роли панэллинского союза в борьбе против персидского нашествия и его последующего распада: «Панэллинская лига 481 г. до н.э. (Возникновение и структура)» (Социальная структура... С. 45—75), «К оценке афино-спартанского соперничества в 70-е годы V в. до н.э. Совещание эллинского союза против персов на Самосе в 479—478 гг.» (Проблемы политической истории... С. 28—43). По мнению автора, антиперсидская коалиция напоминала эпимахию, которая мыслилась ограниченной во времени. Структура общеэллинского союза после платейской победы 479 г. немногим отличается от первоначального варианта, однако в истории панэллинского союза появляются новые моменты, крайне существенные для его эволюции, а именно его пополнение за счет новых членов и растущий авторитет Афин, а также тенденция к возникновению постоянного сухопутного войска и флота. Общеэллинский союз превращался в постоянную симмахию. Раскол в общей симмахии был, естественно, подготовлен афинянами, в то время как Спарта стремилась сохранить единство союза. Именно этим было вызвано завершившееся неудачей стремление Спарты переключить внимание союза на греческих союзников Персии, а затем вынужденное согласие на афинское требование продолжать операции против персов в Эгеиде. Тема эволюции панэллинского союза завершается статьей «К вопросу о возникновении и целях делосской симмахии» (Античное общество... С. 51—66), в которой автор признает Делосскую симмахию новым и отличным от Эллинской лиги объединением, оговаривая, однако, генетическую связь этих структур, их целей и способов их достижения.

Параллельно с рассмотрением действий Спарты В.М. Строгецкий анализирует и внутреннюю ситуацию в Афинах в статье «Внутриполитическая борьба в Афинах в период греко-персидских войн (Фемистокл и Аристид)» (Социальная борьба... С. 39—60), в которой автор прослеживает перипетии соперничества двух выдающихся политиков и отражение их в нашей традиции. По мнению

В.М. Строгецкого, Фемистокл последовательно ломал традиционные устои и обычаи, идя впереди своего времени, намечая разрыв со Спартой и идеей общеэллинского единства. Этому противостояли консервативные силы во главе с Аристидом, позиции которого, однако, претерпели серьезную эволюцию от враждебного отношения к морской программе Фемистокла к признанию большой роли флота. Политике Афин посвящены еще две статьи этого автора — «Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии» (Город и государство... С. 55—79) и «Экономическая политика Афин в процессе формирования Афинской империи» (Государство... С. 42—60). Он считает, что экономическая политика Афин, включавшая мероприятия финансового характера, выведение колоний и клерухий, конфискации земли и введение режима закрытого моря вместе с политическими и идеологическими акциями составляли главные черты афинского империализма и подготовили Афины к попытке взять в руки гегемонию в Греции.

Истории Спарты в классическую эпоху посвящены статьи Л.Г. Печатновой. Серию ее статей начинает разбор спартано-персидских отношений в период Пелопоннесской войны и трех договоров между Спартой и Персией («Спарта и Персия в конце V в. до н.э.» // Проблемы античной государственности. С. 85—109). Темы спартанской гегемонии и устройства спартанской державы после победы в Пелопоннесской войне разобраны в статьях «Декархии Лисандра» (Античная гражданская община... С. 4—31), «Спартанская наварxия» (Город и государство... С. 97, 107), «Организация спартанской державы (гармосты и форос)» (Античное общество... С. 90—106)[3], «Царь Павсаний и политическая ситуация в Спарте в конце V в.» (Проблемы политической истории... С. 43—63). По мнению автора, идея декархий и ее осуществление полностью связаны с личной инициативой Лисандра, который поставил олигархическое движение в Греции на качественно новую ступень, причем в данном случае он во многом использовал опыт Афин, строивших свою державу на принципах тоталитарного единства. С другой стороны, система гармостов существовала еще с архаического времени, однако претерпела серьезные перемены в период Пелопоннесской войны, а после спартанской победы гармосты и гарнизоны стали главным средством, объединившим города в спартанскую державу. Гармосты были также теснейшим образом связаны с деятельностью Лисандра, однако институт пережил его на 30 лет и исчез после битвы при Левктрах. Именно на них в основном держалась спартанская гегемония. Наоборот, система фороса (точнее синтелии), также во многом копировавшая афинскую систему, успеха не имела. Анализируя тему наварxии, Л.Г. Печатнова указывает, что это была первая магистратура, не принадлежавшая к категории магистратур полисного типа и приведшая к возвышению Лисандра.

Фигура этого выдающегося спартанского политика явно интересует Л.Г. Печатнову, которая в специальной статье «Лисандр и Пелопоннесская война» (Государство... С. 42—60) дает специальный очерк его политической карьеры. В деятельности Лисандра сочеталось проведение в жизнь интересов Спарты и желание обеспечить собственную власть, что обусловливалось традиционной спартанской политикой и авторитарными тенденциями. Его роль в создании спартанской державы была весьма велика, и последняя во многом держалась на авторитете этого выдающегося политического деятеля. Вместе с тем консервативная Спарта оказалась полностью неспособной решить возникшие перед ней организационные задачи, и ее гегемония, опиравшаяся исключительно на силу, была обречена на скорый крах. Попытки Лисандра реформировать центр вызвали сопротивление консерваторов во главе с царем Павсанием. Агесилай, пытавшийся держать среднюю линию между экспансионистским и консервативным курсами, смог несколько стабилизировать положение, но не был в состоянии остановить кризис.

Победа в Пелопоннесской войне и неприспособленность государства к новым задачам, а также неспособность консервативной экономической системы к интеграционным процессам и адаптации к более развитым товарно-денежным отношениям вызвали кризис в Спарте, начавшийся после общегреческого кризиса IV века до н.э., но именно поэтому, по мнению Л.Г. Печатновой, имевший более острый и тяжелый характер. Самому кризису посвящена статья «Социально-экономическая ситуация в Спарте на рубеже V—IV вв. до н.э. (Закон Эпитадея)» (Проблемы соц.-полит. организации... С. 32—48). В другой статье — «К проблеме социальных противоречий в древней Спарте на рубеже V—IV вв. до н.э. (Закон Эпитадея)» (Социальная борьба... С. 76—96) автор характеризует гипомейонов как лишенную земли и потерявшую основную базу своего гражданского равноправия массу рядовых общинников. Вместе с тем автор считает бесперспективными меры спартанских властей по спасению своего гражданского коллектива, стремительно исчезавшего в ходе кризиса.

Ряд статей в сборниках посвящен Афинам. В работах А.И. Юделевича («К предыстории олигархического переворота 404 г. до н.э. в Афинах» // Античное общество... С. 84—90), «Подготовка олигархии 404 г. до н.э. (дело Клеофонта)» (Город и государство... С. 79—97) рассматриваются

[3] Статья написана совместно с И.А. Алексеевой.

олигархические перевороты 411 и 404 гг. до н.э., а в статьях С.И. Гинзбурга и В.А. Коршункова — правовые институты афинского государства. Анализируя институт остракизма (статьи «О дате издания закона об остракизме в Афинах» // Город и государство... С. 44—56), «Малоизвестный византийский источник об остракизме» (Античное общество... С. 41—51) и «Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э.» (Государство... С. 32—42), С.И. Гинзбург считает, что в V в. до н.э. остракизм, способствуя демократизации афинского полиса, отражал интересы подавляющего большинства демоса, пройдя в своем развитии два этапа. На первом этапе он выполнял роль орудия в борьбе против тирании и защищал интересы демократии, а на втором стал орудием в межпартийной внутриполитической борьбе. Факт введения института остракизма свидетельствует об острейших политических коллизиях в афинском обществе, отражает идущую в нем борьбу и все нарастающее противоречие полисного и личностного начал.

В статье В.А. Коршункова «Эфиальт и значение реформы Ареопага» (Античное общество... С. 66—84), напротив, анализируется тот институт, который олицетворял консервативное начало в структуре афинского общества. Эфиальт был первым, кто нанес удар по его правам; реформа носила политический характер, лишив Ареопаг старинных и достаточно неопределенных прав, позволяющих влиять на положение дел в государстве, и оставив ему только религиозно-судебные полномочия. Впрочем, и после реформы Ареопаг продолжал существовать как своеобразная альтернатива демократическим органам.

Теме сицилийских тираний посвящены работы И.Р. Блохиной и А.И. Попова. И.Р. Блохина дает характеристику деятельности Тимолеонта, характеризуя ее как возвращение демократических порядков при сохранении компромисса с аристократией. Тем не менее оздоровляющие общество реформы не могли сдержать процесс кризиса полиса и наступление новой тирании («Возрождение республики в Сиракузах в середине IV в. до н.э. (реформы Тимолеонта)» // Проблемы античной государственности. С. 109—128). В статьях А.И. Попова («Тирания Агафокла Сиракузского в историографии XIX—XX веков» // Проблемы соц.-полит. организации... С. 48—71; «Власть Агафокла Сиракузского» // Проблемы полит. истории... С. 75—88; «Агафокл и диадохи» // Античная гражданская община... С. 77—92) дается характеристика этого сицилийского тирана и историография вопроса. Рассмотрев историографическую традицию об Агафокле и данные источников, автор отмечает наличие дуализма власти, когда правитель, с одной стороны, является тираном, стоящим вне закона и попирающим полисные традиции,а с другой — сохраняет правовые полномочия стратега-автократора и эпимелета полиса, будучи вынужденным считаться с силой традиции и сотрудничать с гражданской общиной.

Ряд статей касается вопросов эллинистической истории. В статьях Г.С. Самохиной «Развитие представления о χώρα δορίκτητος в эпоху эллинизма» (Античный полис. С. 92—101). «Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э.» (Социальная структура... С. 104—119), «Афины и ранние Антигониды» (Античная гражданская община... С. 59—77) разбираются некоторые периоды эллинистической истории. Анализ данных Диодора показывает, что суверенитет диадохов и их право на царский титул основывалось на так называемом праве копья, возникшем в качестве развития теории государственности греческих софистов. «Право копья» оправдывало любую внешнеполитическую агрессию и любое расширение власти эллинистического правителя. Выраженные в более грубой форме, эти представления послужили в конечном счете основанием для притязаний царя на неограниченную власть.

Другой темой работ Г.С. Самохиной является тема контакта между эллинистическими государствами, прежде всего Македонией и греческими полисами. Материал IV—III вв. до н.э. показывает определенную преемственность в использовании панэллинской идеи македонскими правителями, однако, несмотря на живучесть этой традиции, ее применение было обусловлено реальной политической ситуацией. В конечном счете, идея панэллинизма, по мнению автора, нашла свое выражение в Эллинской лиге 220 г.

Работы С.К. Сизова («Начало политической деятельности Арата: освобождение Сикиона» // Проблемы политической истории... С. 105—125; «Тирания в Пелопоннесе в эллинистическое время (272—229 гг. до н.э.)» // Социальная борьба... С. 76—96) посвящены истории Пелопоннеса в эллинистическую эпоху; А.Я. Тыжов разбирает различные аспекты политической биографии Полибия («Полибий в Риме» // Античная гражданская община. С. 92—100; «Политическая миссия Полибия в Элладе» // Город и государство... С. 107—115).

В сборниках нашла отражение и традиционная для отечественной историографии тема Северного Причерноморья. Общие аспекты греческой колонизации а этом регионе разбираются в статье Я.В. Доманского «Некоторые закономерности колонизационного движения греков (Эллада — Северный Понт)» (Проблемы античной государственности. С. 20—33). Автор, соглашаясь с распространенным мнением, что общей предпосылкой миграционного движения греков архаической эпохи было перенаселение, обусловленное недостаточным развитием производительных сил античного общества и началом утверждения рабовладельческого строя, вместе с тем отмечает, что процесс переселения не

был ограничен только демографическим аспектом. Так, колонизации Северного Причерноморья предшествовали длительные доколонизационные торговые связи. Города возникают в VII в. до н.э., после чего в VI в. происходит резкое расширение колонизации, а в V в. до н.э. идет новый этап в развитии городов, когда смешение греческих колонистов с туземным населением резко меняет облик Северного Причерноморья. Тема истории Боспора затронута в статье Е.А. Молева «К вопросу об уплате Боспором дани варварам» (Античная гражданская община... С. 176—190).

Ряд статей Л.А. Пальцевой касается истории античного Херсонеса («Херсонес и понтийские цари» // Античный полис. С. 71—81; «К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху» // Проблемы соц.-полит. организации. С. 108—126; «К вопросу о формировании гражданской общины Херсонеса» // Проблемы полит. истории. С. 88—105). Анализ херсонесской присяги показывает явное наличие угрозы государству, причем в данном случае речь идет об экономической и политической угрозе полису-гегемону со стороны новой волны греческих переселенцев Северо-Западного Крыма, которая могла стимулировать внешнее давление со стороны скифов и внутренние конфликты в старом гражданском коллективе. Рассматривая государственный строй Херсонеса, Л.А. Пальцева присоединяется к общему мнению о наличии в городе демократического строя, однако, по ее мнению, факты говорят также и о наличии сильной аристократической оппозиции и росте аристократической тенденции в сфере государственного управления, что в общем отражает тенденции политического развития этого времени. В специальной статье рассмотрены отношения между Херсонесом и Понтийским царством.

Кроме сюжетов, связанных с Северным Причерноморьем, Л.А. Пальцева анализирует некоторые общие проблемы колонизации, в частности роль в них дельфийского оракула (статьи «Дельфы и колонизация» // Античное общество... С. 29—41; «Роль дельфийского оракула в колонизационной деятельности Мегар» // Античная гражданская община... С. 4—31). Проведя подробный анализ историографии вопроса, автор считает, что активное участие Дельфийского святилища в колонизации приходится на период начиная с 60-х годов VII в. до н.э., и его возвышение было связано с тем, что Дельфы поддерживали полисы, победившие в Лелантской войне. Признавая большую роль оракула, Л.А. Пальцева считает, что мнение о Дельфах как о панэллинском центре, руководившем колонизационным движением, является явным преувеличением. Конкретному сюжету колонизации в Пропонтиде посвящена ее статья «К оценке традиции об основании Астака» (Город и государство... С. 34—44).

Блок статей касается римской истории. В статье В.Н. Парфенова «Триумвир Марк Эмилий Лепид» (Проблемы соц.-полит. организации... С. 126—140) дан нетрадиционный взгляд на роль Лепида в триумвирате. Автор указывает, что Лепид играл значительную роль на первых этапах объединения и стал терять свои позиции только после сражения при Филиппах, что было вызвано не его личной слабостью, как это показывает традиция, а скорее невыгодным положением, в которое он был поставлен по отношению к Октавиану и Антонию. В статье С.К. Сизова рассматривается история института commune Sicilia, игравшего роль политического объединения сицилийских городов («Объединение городов в римской Сицилии (III—I вв. до н.э.)» // Проблемы античной государственности. С. 158—179).

Тема республики затронута и в работах А.Б. Егорова. В статье «Политические взгляды Саллюстия» (Античный полис. С. 101—124) автор отвергает две крайние точки зрения, первая из которых оценивает историка как популяра и сторонника Цезаря, а вторая — как консерватора. По мнению А.Б. Егорова, Саллюстий не находит позитивного начала ни в плебсе, ни в аристократии и, по-видимому, приходит к идее реставрации государства с помощью сильного лидера, сочетающего авторитарную власть с консервативной ориентацией. В работе «Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н.э. (К истории диктатуры Суллы)» (Социальная борьба... С. 108—144), автор отмечает внутреннюю противоречивость политической биографии и политики Суллы: если диктатура и террор сближают сулланский режим с монархическими, то общей тенденцией реформ стала консервативная реставрация. Диктатура была ориентирована на выход из кризиса, однако, будучи консервативным режимом, она не смогла выполнить своей задачи и усугубила кризисные процессы.

В работах А.Б. Егорова и И.П. Портнягиной рассмотрена тема центральной власти в Римской Империи. Три статьи А.Б. Егорова касаются различных аспектов развития императорской власти и системы принципата. В первой, «Развитие императорской власти при Тиберии» (Социальная структура... С. 135—163), автор пытается дать оценку правлению Тиберия, мнения о котором расходятся как в исторической традиции, так и в последующей литературе. Последовательно разбирая политическую биографию Тиберия, правовой статус принцепса, юридическую и политическую стороны закона об оскорблении величия, а также полемизируя с тенденцией «реабилитации» Тиберия в современной историографии, А.Б. Егоров приходит к выводу о правомерности традиционной оценки, основанной на сообщениях Тацита, Светония и Диона Кассия, при учете отдельных корректив. В статье также делается вывод о том, что правовое положение принцепса, бывшего высшим магистратом

«республики», дополнялось такими факторами, как auctoritas, реальный контроль над обществом, религиозный культ, и т.п., что превращало власть принцепса в абсолютную. В специальной статье («Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса» // Проблемы античной государственности. С. 150—158), проводится анализ надписи, которая имеет особое значение для понимания правовой сущности принципата. В работе «Флавии и трансформация Римской Империи в 60—90-е гг. I в. н.э.» (Город и государство... С. 131—151) дается оценка этому периоду римской истории. Переломный характер флавианского правления выразился в целом ряде факторов: смена династии, усиление институционализации власти, схождение со сцены республиканской знати, приток италийских и провинциальных сенаторов, провинциализация армии и бюрократии, прогресс в распространении гражданства среди провинциалов, финансовая унификация, экономический подъем и т.п. Все эти перемены органично вытекали из предшествующего развития Империи, однако именно теперь они приобрели качественный характер. Элементы нового были достаточно сильны для обеспечения перехода к новому этапу, когда, совместив и направив в одну сторону полисные и державные тенденции, Империя сумела добиться своего расцвета.

Статьи И.П. Портнягиной посвящены теме процессов об оскорблении величия в эпоху Юлиев — Клавдиев («Процессы об оскорблении величия в эпоху раннего принципата» // Проблемы античной государственности. С. 128—150; «Дело Кремуция Корда (к вопросу о республиканской оппозиции в период раннего принципата)» // Проблемы политической истории... С. 172—180). Делая вывод о значительном расширении закона в эпоху принципата и деспотическом характере lex maiestatis, И.П. Портнягина отвергает мнение, что закон был предназначен для борьбы с республиканской оппозицией, которая фактически не представляла угрозы для режима. Сенаторское сословие стремилось использовать этот закон как инструмент внутренней борьбы и пользовалось им для закрепления сословных привилегий, а монархический режим — для подавления инакомыслия и утверждения абсолютной власти правителя.

Наряду с исследованием центральной власти в сборниках рассматриваются и периферийные области — Испания, Галлия, восточные провинции Римской империи. Две статьи Ю.Б. Циркина посвящены государственной структуре западносредиземноморских обществ. В работе «Карфаген и проблема полиса» (Проблема соц.-полит. организации. С. 179—196) автор разбирает проблему универсальности полисного строя. Исходя из традиционной для авторов сборника позиции, что полис как система присущ только античному, греко-римскому миру, автор, однако, указывает, что в силу особых условий развития карфагенское общество, сохранив генетическую связь с Востоком, приобретает основные черты полиса (институт гражданства, суверенитет народного собрания, республиканский строй и т.п.) В статье «Эволюция политического строя в Массилии» (Проблемы античной государственности. С. 31—45), проводя скрупулезное текстологическое сопоставление данных Аристотеля и Страбона, Ю.Б. Циркин делает вывод об изменениях в политическом строе города, которые не устранили аристократический режим, но все же привели к его смягчению.

Центральное место в работах Ю.Б. Циркина занимают сюжеты, посвященные истории античной Испании от времени карфагенского господства до позднеантичного периода. В статье «Держава Баркидов в Испании» (Античный полис. С. 81—87) рассматривается структура державы Баркидов, которую автор считает не унитарной, а федеративной с разными формами зависимости ее разных компонентов и мало зависимой от Карфагена. Тема политической структуры Испании в римский период разбирается в статье «Сельские объединения в Римской Испании» (Проблемы политической истории. С. 154—174), где автор отмечает наличие трех типов сельских объединений в Испании римского времени: паги, вики и кастеллы, первые из которых были принесены на Пиренейский полуостров римскими колонистами, а остальные стали результатом трансформации местных общин. Указанные объединения отражают и разные пути романизации: если в Бетике и Тарраконской Испании романизация была более полной и быстрой и характеризовалась сильной степенью объединения иммигрантов с местным населением, то во внутренней Испании римские виллы сочетались с местными объединениями, будучи достаточно от них обособленными. В статье «Римский Эмпорион. Путь к муниципию» (Государство... С. 109—129) прослеживается история одного из испанских городов, Эмпориона, бывшего основной базой римлян на северо-востоке Пиренейского полуострова и проделавшего длительный путь от римской военной базы П. Корнелия Сципиона Африканского до муниципия императорского времени.

Тема зон романизации получает развитие в статье «Кризис античного общества на территории Испании в III веке» (Античная гражданская община... 152—172), в которой Ю.Б. Циркин выделяет три зоны: полностью романизированную Южную и Восточную Испанию, где находилось около 70% городов, внутренние, западные и смешанные районы, где римский мир сосуществовал с туземным, и, наконец, практически неромanизированные зоны на севере. Кризис III века начался в романизированной зоне, которая пострадала от него больше, нежели зона смешанная, куда и переместился центр тяжести испанской политики. В статье «Контребийская таблица и романизация

Испании» (Античная гражданская община... С. 114—131) автор, анализируя эпиграфический документ, также рассматривает проблему зон романизации Пиренейского полуострова. В работе «Движение Сертория» (Социальная борьба... С. 144—152) Ю.Б. Циркин дает подробный обзор восстания и исторической традиции о нем. Отмечая оппозиционность романизированных районов по отношению к Серторию, автор считает, что главной опорой движения были малороманизированные племена кельтиберов и лузитан. Держава Сертория имела двойственный характер: с одной стороны, она управлялась римским правительством в изгнании, а с другой — представляла союз испанских племен. Движение Сертория было одновременно и значимым эпизодом римских гражданских войн, и освободительным движением малороманизированных испанских племен против Рима. В конечном счете оно стало важным этапом романизации Испании.

Со статьями Ю.Б. Циркина смыкаются работы Н.С. Широковой, посвященные истории древних кельтов. В хронологическом отношении обзор можно начать со статьи «Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества)» (Социальная структура... С. 44—56), где автор дает подробный обзор кельтских миграций во второй половине I тыс. до н.э. (вторжение в Италию, войны с Римом, поход к Дунаю, вторжение на Балканы и в Малую Азию, миграции в Италию и Испанию). По мнению Н.С. Широковой, кельты были важным фактором в военной и политической истории Европы I тысячелетия, и, хотя они не создали единого государства, миграции способствовали созданию четкой социальной структуры общества. Проблемам развития галльской цивилизации в доримский период посвящена ее статья «Бибракте — город древних кельтов» (Античная гражданская община. С. 132—152), имеющая выход на проблему города. Отмечая наличие разных типов галльских поселений и сопоставляя данные литературных и археологических источников, касающихся Бибракте, Н.С. Широкова находит в нем все основные черты развитого города античного типа — постоянное, социально дифференцированное населения, наличие стен, ремесленного квартала и рыночной площади, правильная система планировки, достаточно высокий уровень экономического развития. Это позволяет ей сделать вывод о достаточно развитой городской жизни у галлов накануне римского завоевания.

Темой другой статьи, «Императорский культ и собрания галльских провинций» (Проблемы античной государственности... С. 164—194), является организация культа императора в Галлии I—II вв. н.э. Рассматривая эту проблему, Н.С. Широкова считает ошибочной абсолютизацию какой-либо из существующих точек зрения и считает, что императорский культ связан как с архаическими религиозными представлениями (древний культ царя), так и с влиянием восточных и эллинистических культов правителя, оказавших сильное влияние на Рим. Подробно описывая организацию культа императора в Галлии, Н.С. Широкова выступает против распространенного мнения о провинциальных собраниях как учреждениях, сохранявших традиции галльского единства и, наоборот, считает их инструментом римского господства.

Другой аспект истории доримской Галлии рассмотрен автором в статье «Институт клиентелы у древних кельтов» (Проблемы политической истории... С. 140—154). Подробно разобрав сведения источников, Н.С. Широкова пытается объяснить характер клиентелы в доримской Галлии и видит его в неспособности социально-политических институтов общества обеспечить защиту социально слабых слоев населения. Особенностью Галлии накануне римского завоевания была огромная власть знати и отсутствие жесткой государственной структуры, что привело к выходу клиентелы за пределы военной демократии и превращению в явление, типологически сходное с европейскими структурами периода раннего феодализма.

Н.С. Широкова также касается темы освещения жизни варваров в античной традиции и философских путей решения проблемы «варварство — цивилизация». В статье «Идеализация варваров в античной литературной традиции» (Античный полис. С. 124—139) автор пытается рассмотреть тему идеализации древних народов, применяя понятия «жесткого» и «мягкого» примитивизма. Эти две линии можно заметить и в традиции о кельтах. Общий вывод автора заключается в том, что информация античных авторов о кельтах, во многом имея объективный характер, предстает перед нами пронизанной философскими концепциями, часто имеющими априорный характер.

Две статьи И.С. Свенцицкой касаются социальной структуры малоазийского общества в эллинистический период. В одной из них, «Святилища в социально-политической структуре эллинистического полиса (На примере Западной Малой Азии)» (Античный полис. С. 58—71) рассматриваются отношения между эллинистическими полисами и местными храмовыми организациями. Автор отмечает, что наличие относительно независимых храмовых общин характерно не только для эллинизма, но и для других периодов истории Малой Азии, а также для ее негреческих регионов. Эти храмовые общины следует отличать от других святилищ, которые были инкорпорированы в состав полиса и полностью им контролировались. Эллинистическая гражданская община пыталась инкорпорировать и использовать святилища как центры общественной и религиозной жизни для сохранения полисной организации, однако в этой тенденции заключалось и противоречие между стремлением полиса сохранить исключительность гражданства и необходимость включения в полисную жизнь масс

гражданского населения, в частности связанного с храмовыми общинами. Это противоречие смогло отчасти разрешить только римское завоевание, превратившее эллинистический полис в римский провинциальный город. Вторая статья, «Полис и община, к вопросу о формировании общинного самоуправления в эллинистический период» (Проблемы политической истории... С. 71—80), посвящена малоизученному вопросу о сельском самоуправлении в эллинистическом мире. Отмечая развитие самоуправления в сельской местности, И.С. Свенцицкая видит в этом не только чисто внешний процесс, но и более глобальные тенденции изменения социальной психологии, развития идеи коллективизма и чувства коллективной солидарности, принесенных на восточную почву античным мировоззрением.

Тема отношений царя и полиса рассматривается И.С. Свенцицкой в статье «Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики)» (Государство... С. 97—109). Не имея возможности сохранить подлинную автономию, полисы пытались сохранить свои традиции, сказавшиеся на формировании образа царя, издающего распоряжения, но вместе с тем и признающего «отеческие законы» полиса. Автор статьи полагает, что специфический характер подобных отношений соответствовал основам социальной психологии эллинов.

Отношению римских правителей к эллинистическому менталитету И.С. Свенцицкая посвящает статью «Марк Антоний и малоазийские полисы» (Проблемы античной государственности. С. 119—135). Рассматривая небольшой эпизод пребывания Антония в Малой Азии, автор считает, что триумвир действовал не только как представитель римского государства, но и как единоличный правитель, тяготеющий к образу эллинистического монарха. Вместе с тем Антоний исходил не столько из политических реалий эллинистического мира, сколько из примитивизированной модели восточного монарха, противопоставлявшего себя идеалу римской гражданской общины и живущего в роскоши и произволе восточного властителя. Полное непонимание Антонием реалий эллинистического мира видно и в его отношении к полису. Этот образ восточноэллинистического деспота, созданный римским правителем, не соответствовал ни политическим реалиям эллинизма, ни потребностям нарождающейся Римской империи.

Последняя статья, написанная в соавторстве с Д.Г. Годером, «Семья в городах провинции Азия II - III вв. н.э.» (Город и государство... С. 151—162) анализирует кризисные явления указанного периода на материале семейных отношений в малоазийских городах. Используя методы статистической обработки малоазийских некрополей, авторы получают ряд выводов, дающих возможность достаточно убедительно проследить процессы распада семейных отношений и связей (преобладание малодетных и бездетных семей, слабость горизонтальных семейных отношений и связей, распад местных традиций и т.п.). Эти процессы были наиболее характерны для больших городов, однако они ощущались и в городах мелких.

Часть работ посвящена темам культуры, связанной с историческими судьбами полиса. Статья Н.О. Харламовой «Симонид Кеосский как ранний представитель гражданской лирики» (Город и государство... С. 162—177) содержит перевод и комментарий надгробных эпиграмм поэта и краткий очерк биографии Симонида. А.Б. Шарнина рассматривает греческие союзы технитов Диониса, их состав и структуру, связь с государственной религией, отношение к технитам в обществе и межполисный характер объединений («Специфические черты союзов технитов Диониса» // Античное общество... С. 127—141). В статье Л.Ю. Меньшиковой «Частные библиотеки древнего мира» (Античное общество... С. 147—166) затрагивается интересный и редко освещаемый сюжет. В статье отмечено, что первыми книги стали собирать Писистрат Афинский и Поликрат Самосский, большое число библиотек было также в Афинах V—IV вв. до н.э., причем наиболее известна была библиотека Аристотеля. Вторая часть статьи касается римских библиотек, где речь идет о книжных собраниях Эмилия Павла, Суллы, Лукулла, Цицерона, Тита Помпония Аттика, Варрона, Плиния Старшего и Герода Аттика.

В статьях Ю.Г. Чернышева рассмотрены античные представления о Золотом веке и утопические учения древнего мира («О возникновении понятия "золотой век"» // Проблемы политической истории... С. 124—132; «Три концепции "Сатурнова царства" у Вергилия» // Античная гражданская община... С. 100—114; «Миф о Золотом веке и утопический социализм» // Город и государство... С. 120—137; «Идеологическая оппозиция принципату при Нероне (соотношение критики и социальной утопии)» // Социальная борьба... С. 162—188; «Брундизийский мир и "загадка" IV эклоги Вергилия» // Государство... С. 136—149). Автор отмечает развитие представлений о «золотом роде», возникших еще у Гесиода, в направлении идеи «золотого века», выработанной уже во времена Августа. Смыслом эволюции было перенесение пессимистических сожалений о прежнем благоденствии в некие отдаленные мифические времена в плоскость утопических чаяний о благоденствии в будущем, которые император Август превратил в один из центральных лозунгов пропаганды принципата. Особое значение в этом плане имело творчество Вергилия, наиболее ярко выразившего назревшие идеи и утопические мечтания и давшего древнему мифу новую жизнь. В мифе о «золотом веке» можно увидеть своеобразную первоначальную историческую форму социальной утопии.

Таким образом, статьи сборников, изданных Ленинградским, ныне Петербургским университетом, представляют собой результат плодотворных усилий многих исследователей, сочетая разнообразие сюжетов и мнений, широкий спектр охвата тем и проблем и вместе с тем концентрацию на одной определенной проблеме, проблеме античного полиса, и в целом схожие взгляды авторов на ключевые вопросы античной истории.

А.Б. Егоров

© 1993 г.

ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ СЫМА ЦЯНЯ НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

(Историко-библиографический обзор)

Называемый по аналогии с Геродотом «отцом китайской истории», Сыма Цянь (145 — ок. 87 гг. до н.э.) в начале I в. до н.э. завершил свой знаменитый труд «Ши цзи» («Исторические записки»). Охватывающие не менее чем двухтысячелетний предшествующий период, «Записки» представляют собой весьма объемное сочинение: они содержат свыше 562 тысяч иероглифов и состоят из 130 глав. Китайские ученые подсчитали, что для их написания понадобилось около 13 тысяч бамбуковых дощечек, на которые в то время летописцы наносили свои труды.

По-видимому, «Ши цзи» не сразу обрели известность. В письме к своему другу Жэнь Шао-цину Сыма Шянь сам поведал нам: «Я действительно закончил эту книгу и укрыл ее на горе знаменитой»[1]. Судя по всему, только внук тайшигуна Ян Хуэй извлек из тайника рукопись своего деда. Через какое-то время «Ши цзи» стали распространяться среди читающей знати, что, очевидно, произошло не ранее второй половины I в. до н.э. Начальный период знакомства с этим сочинением оказался весьма специфическим: в то время предпринимались попытки дополнить текст памятника вставками, а также продолжить «Записки» Сыма Цяня. Интерполяторов первого типа современный ученый Ли Чан-чжи[2] насчитывает 20 человек: в их числе имена Лю Сяна, Лю Синя, Вэй Хэна, Ян Сюна, Ши Цяня, Дянь Су, Лянь Шэна, Сы Жэня и других. Однако их дополнения, если они и существовали, в сохранившемся тексте памятника найти и вычленить уже не представляется возможным. Танский историограф Лю Чжи-цзи в своем труде «Ши тун» («Проникновение в историю») тоже называет эти имена, полагая, что указанные люди продолжили летопись империи Хань до конца I в.

Единственный интерполятор, оставивший ясный и значительный след своей деятельности, — это Чу Шао-сунь[3], все добавления которого четко отделяются от подлинника и обозначены фразой «Чу сянь шэн юэ» («Учитель Чу говорит»). Интерполяции Чу Шао-суня обнаруживаются в 37 главах с общим числом иероглифов более 45 тысяч. Это довольно значительный пласт памятника (7% всего текста), что и дало основание Т. Покоре считать Чу Шао-суня чуть ли не третьим автором «Ши цзи» — после сына и отца Сыма. Но эта посылка представляется все же преувеличенной, так как интерполяции Чу Шао-суня не определяют ни общий тон, ни основное содержание «Ши цзи»[4].

Что касается тех, кто пытался продолжать труд Сыма Цяня, то источники донесли до нас твердо лишь одно имя — Фэн Шана, которого упоминает Бань Гу (32—92 гг. до н.э.) в своей «Истории Хань»[5], где сказано, что Фэн Шан составил семь глав продолжения книги тайшигуна. Вэй Чжао (204—273 гг. до н.э.) уточнил, что Фэн Шан получил на эту работу повеление императора и дополнил не семь, а десять глав в «Ши цзи». Имя Фэн Шана упоминают также Бань Бяо в библиографии «Бе лу» и Янь Ши-гу (581—695 гг. н.э.). Следовательно, работа этого человека зафиксирована неоднократно.

Начиная со II в. н.э. и вплоть до конца I тыс. интерес китайского общества к первой истории Китая — «Ши цзи» — неизменно растет. Ее распространению и популярности несомненно

---

[1] Ши цзи. Т. VI. Пекин, 1959. С. 3320 (на кит. яз.).

[2] *Ли Чан-чжи.* Сыма Цянь как человек и его стиль. Шанхай, 1949. С. 201.

[3] Годы его жизни, по М.В. Крюкову, 48—7 гг. до н.э. (см. Исторические записки. Т. 1. М., 1972. С. 31), а по данным чешского синолога Т. Покоры — 104—30 гг. до н.э. (см. *Pokora T.* // De Annali dell Instituto Orientale de Napoli. 1981. Т. 41).

[4] *Pokora.* Op. cit.

[5] Хань шу. Пекин, 1983. Кн. 6. Гл. 30. С. 1714.

способствует и такой объективный фактор, как изобретение в 105 г. н.э. и последующее внедрение бумаги. Трудоемкое копирование огромного текста на бамбуковых дощечках сменилось его воспроизведением на бумажных листах, что дало возможность ознакомиться с «Ши цзи» широкому кругу грамотных людей.

Изобретение книгопечатания с деревянных, а затем с металлических плит в конце I — начале II тыс. (напомним, что первая Библия была напечатана Гутенбергом лишь в середине XV в.!) послужило громадным стимулом к изданию и распространению классических и исторических текстов, в том числе и «Ши цзи». Одним из наиболее ранних и аккуратно выполненных ксилографических изданий «Исторических записок» считается южносунское издание XII в., напечатанное домом Хуан Шаньфу, и последовавшее за ним переиздание в южнорусской серии династийных историй «Бона бэнь»[6].

Отдаленные от автора многими столетиями бурной истории, читатели «Ши цзи» уже не все понимали в написанном, сомневались в начертании и смысле отдельных иероглифов, в именах исторических деятелей и географических названиях, а при сопоставлении с другими древними источниками находили противоречия в описании тех или иных событий. Все это вместе взятое породило особую область историографии — комментаторство. Этот новый вид прочтения текста «Исторических записок» образовал огромный пласт литературы, развивающийся до настоящего времени. Первым из трех самых известных комментаторов «Ши цзи» стал житель южносунского царства Пэй Инь (V в. н.э.), который составил комментарий «Цзи цзе» («Собрание объяснений»). Ко времени творчества Пэй Иня уже был пройден значительный путь изучения «Исторических записок», о чем свидетельствуют неоднократные ссылки сунского комментатора на своих предшественников I—IV вв. Среди них можно назвать Ма Юня (79—166 гг.), Ин Шао (110—206 гг.), Фу Цяня (125—195 гг.), Цяо Чжоу (201—170 гг.), Чжэн Сюаня (197—200 гг.), Хуанфу Ми (215—282 гг.) — автора «Ши цзи бянькао» («Рассмотрение сомнительных мест в "Исторических записках"»), Ван Жо-сюя (IV в.) — автора «Ши цзи инь и» («Смысл и звучание слов в "Исторических записках"»), Сюй Гуана (352—425 гг.) и многих других. Все эти работы подготовили базу для расширения фронта исследований «Ши цзи» в один из блестящих периодов развития — в эпоху Тан (618—907 гг.). Именно тогда трудились Сыма Чжэнь (713—792 гг.), составитель «Соинь» («Поиски сокровенного смысла»), и Чжан Шоу-цзе — автор комментария «Чжэн и» («Выправление смысла»). Вместе с Пэй Инем они составляют триаду самых крупных толкователей всего текста «Ши цзи», причем их комментарии печатаются до сих пор вместе с основным текстом памятника.

Именно в танский период появились и общеаналитические работы, содержащие разбор композиции «Исторических записок» с характеристикой разных сторон творчества Сыма Цяня. Прежде всего следует назвать имя Лю Чжи-цзи (661—721 гг.), который в своем фундаментальном труде «Ши тун» («Проникновение в историю») рассмотрел содержание всех пяти разделов «Ши цзи», эпилогов к главам, общие вопросы структуры исторических трудов[7]. Среди других танских ученых выделяются имена Лю Бо-чжуана, автора «Ши цзи инь и» («Чтение и значение знаков в "Исторических записках"») и «Ши цзи ди мин» («Географические названия "Исторических записок"»), Чу У-ляна, автора «Ши цзи чжи янь» («Слово об "Исторических записках"»), а также комментаторов Сюй Цзы-жу, Ли Чжэнь-ю, Ван Юань-хо, Чэнь Бо-сюаня, Сюй Цзяня[8].

Последующая эпоха, время господства династий Мин и Цин (1368—1911 гг.), отмечена несомненным расширением исследований многих древнекитайских памятников, в том числе, разумеется, и «Ши цзи». Достаточно сказать, что в китайских библиографиях по XVII—XIX вв. указано несколько сот ученых, посвятивших свои труды и публикации «Историческим запискам». Понятно, что перечислить их невозможно, но некоторые наиболее значительные имена назвать следует. Это минские ученые Хэ Цзин, автор «Ши цзи сосо» («Отрывки из "Исторических записок"»), Лин Я-лун, автор «Ши цзи цзуань» («Компиляция по "Историческим запискам"»), Кэ Вэй-ци, автор «Ши цзи као яо» («Важнейшее в исследованиях "Исторических записок"»), Сюй Фу-юань, автор «Ши цзи и це» («Определение смысла в "Исторических записках"»), Хуан Чунь-яо, автор «Ши цзи пин лунь» («Толкования к "Историческим запискам"») и многие другие. Эти исследования весьма разнообразны по замыслу и неоднозначны по уровню исполнения.

В плеяде цинских ученых-сымацяневедов мы назвали бы еще: Фан Бао (1668—1749 гг.) и его труд «Ши цзи чжу бу чжэн» («Дополнительные замечания по комментариям к "Историческим запискам"»), Кан Ши-цзюня (1696—1773 гг.) и его «Ши цзи као чжэн» («Исследования по "Историческим

---

[6] *Carter Th.F.* The Invention of Printing of China. N.Y., 1955. Pt 1.

[7] *Лю Чжи-цзи.* Ши тун («Проникновение в историю»). В 4-х кн. Пекин, 1961.

[8] Их имена и труды упоминаются в «Старой и новой истории Тан», а также в книге Чэн Цзинь-цзао «Ши цзи гуань куй» («Мой скромный взгляд на "Исторические записки"»). Сиань, 1985. С. 183.

запискам"»), Линь Бо-туна и его «Ши цзи лицэ» («Скромные попытки уяснить содержание "Исторических записок"»), Ван Юань-ци и его «Ши цзи чжэн Вэй» («Правильное и ошибочное в "Исторических записках"»), блестящий многотомный труд Лян Юй-Шэна (1745—1819 гг.) «Ши цзи чжи и» («О сомнительных местах в "Исторических записках"»), Ван Цзюня (1784—1854 гг.) и его книгу «Ши цзи цзяо» («Выверка текста "Исторических записок"»), Го Сун-тао (1819—1891 гг.) и его «Ши цзи чжацзи» («Различные заметки по "Историческим запискам"»). Под аналогичным названием создал свой труд и Чжан Вэнь-ху (1808—1885 г.).

Специальные разделы о «Ши цзи» мы встречаем и в обобщающих работах, посвященных династийным историям, Чжао И (1727—1814 гг.), Цянь Да-синя (1728—1804 гг.), Ван Мин-Шэна (1720—1798 гг.) и в десятках других исследований. Видный цинский историограф Чжан Сюэ-чэн (1738—1801 гг.) писал о Сыма Цяне так: «Историк Цянь был исключительно начитан, после создания (Конфуцием) «Чунь-цю» он был единственным человеком такого рода. Он охватил масштабно тысячи древностей, объял учение ста школ, творил, исходя из общего, имел возвышенные взгляды и исключительную образованность и создал свой труд, следуя древним устоям. Он использовал все, что в то время хранилось в каменных ларях и металлических сундуках»[9]. Подобные высокие оценки труда древнего историка были нередкими на протяжении всего средневековья.

В первой половине XX в. многосторонняя исследовательская деятельность в отношении «Исторических записок» и их автора Сыма Цяня развернулась с еще большей силой, в ее орбиту были втянуты многие крупные китайские ученые, известные всему миру. В их числе можно упомянуть Кан Ю-вэя (1858—1927 гг.) и его труд «Синьсюэ вэй цзин-као» («Новое исследование искажений в канонических текстах»), Лян Ци-чао (1873—1929 гг.) и его труд «Чжунго лиши яньцзюфа» («Методология изучения китайской истории»), Ван Го-вэя (1877—1927 гг.)[10], Го Мо-жо (1892—1978 гг.) и его исследование биографии Сыма Цяня. Отметим также специальные исследования различных сторон труда Сыма Цяня: книгу Цуй Ши (1852—1924 гг.) «Ши цзи шэнь юань» («Исследование истоков "Исторических записок"»), статьи Ло Гэнь-цзэ по биографии Лао-цзы и исследованию источников «Ши цзи»[11], комментарии Ли Ли к «Ши цзи» — «Ши цзи дин бу», труд Ван Цзюнь Ту и Ван Цзюнь-гуаня и «Ши цзи цзю яжу пинъи» («Беспристрастные суждения о старых толкованиях "Исторических записок"»), статьи Люй Сы-мяня в «Гушибянь», книгу Чжу Дунжуня «Ши цзи каосо» («Исследование «"Исторических записок"»), труд Ли Куй-яо «Ши цзи цзюэй» («Решение спорных вопросов в изучении "Исторических записок"»)[12], исследование Юй Цзя-си (1883—1955 гг.) о пропавших главах книги тайшигуна «Тайшигун шу ван пянь као» и множество других работ разного объема и значимости.

После образования КНР (1949 г.) не сразу, но налаживается научно-исследовательская работа сымацяневедов. Первым толчком к этому послужили общие статьи ведущих историков Китая Цзянь Боцзяня (1951 г.), Го Мо-жо, Бай Шоуи, Ци Сыхэ (1956 г.), ставившие общие задачи в изучении «Ши цзи» и дававшие обобщенные оценки этого труда. Появился цикл общедоступных книжек о Сыма Цяне, очевидно, подготовленных ранее. В их числе книга Ли Чжэньхуая «Сыма Цянь» (1957 г.), Ху Пэйвэя «Сыма Цянь и "Исторические записки"», упоминавшиеся уже книги Ли Чанчжи «Сыма Цянь как человек и его стиль»[13], Чжу Дунжуня «Ши цзи каосо» («Исследование "Исторических записок"»)[14]. В 1959 г. «Ши цзи» были изданы в Пекине в шести томах с современной пунктуацией. Эта работа была начата под руководством Гу Цзегана (1893—1981 гг.), одного из редакторов «Гушибянь»[15], и Сюй Вэньшаня еще в 1936 г. и к концу 1950-х годов завершена группой ученых под руководством Гу Цзегана. К тому же периоду относятся книги Цзинь Дэцзяня «Сыма Цянь соцзянь шукао» («Исследование о книгах, которые читал и использовал Сыма Цянь») и работа Чэнь Чжи «Ши цзи Синь-чжэн» («Новые данные об "Исторических записках"»).

Со времени образования КНР все большее внимание уделялось исследованию мировоззрения Сыма Цяня, идейных основ его творчества. Это осуществлялось на основе марксистских положений, причем делался акцент на народности историка, его классовых позициях, прогрессивности взглядов. Позднее такие схемы и явная модернизация древности постепенно уступают место более взвешенным и более продуманным оценкам древнего труда. 70—80-е годы отмечены стремительным ростом количества исследований по «Ши цзи» и несомненным их углублением. Наряду с традиционными темами о структуре «Исторических записок», их языке, об интерполяциях и комментариях к ним появляются исследования об экономических взглядах Сыма Цяня, его политической

---

[9] *Чжан Сюэ-чэн.* Вэнь шитунъи. Пекин, 1956. С. 134—135.

[10] См. статьи о «Ши цзи» в его собрании сочинений Гуаньтан цзилинь (т. 3).

[11] Гушибянь. Т. 4. 1933.

[12] «Цин хуа сюэбао». Т. 4. 1927.

[13] *Ли Чанчжи.* Сыма Цянь как человек и его стиль. Шанхай, 1949.

[14] *Чжу Дунжунь.* Исследование «Исторических записок». Шанхай, 1948.

[15] «Гушибянь» — многотомное издание «Исследования по древней истории Китая».

платформе[16], его философии истории[17], но встречаются и не вполне глубокие изыскания, элементы апологетики в отношении фигуры древнего историка. Будущее этой отрасли историографии несомненно в комплексном подходе к теме, в многоплановом анализе всех сторон «Ши цзи». Последнее десятилетие ознаменовалось также появлением ряда трудов монографического плана, в числе которых книги Чжан Дакэ «Ши цзи яньцзю» («Исследование "Исторических записок"»), Сяо Ли «Сыма Цянь пинчжуань» («Критическая биография Сыма Цяня»), труд Хань Чжаоци «Ши цзи пиньи шанси» («Оценки и критический анализ "Исторических записок"»), книга Чэн Цзиньцзао «Ши цзи гуань куй» («Мой скромный взгляд на "Исторические записки"») и коллективный труд «Лидай минцзя пин Ши цзи» («Как оценивали "Исторические записки" известные ученые разных эпох»)[18]. Ометим и переводы ряда глав на разговорный язык байхуа[19].

Количественный рост научных работ, посвященных как самому великому древнекитайскому историку, так и его выдающемуся труду, находился в корреляции с расширением диапазона исследовательской тематики и несомненным углублением анализа всех сторон творчества Сыма Цяня[20]. По явно неполным данным, которые приводит Сяо Ли, с 1951 по 1984 г. в журналах, сборниках и университетских вестниках было опубликовано около четырехсот исследований о Сыма Цяне и «Ши цзи», а также несколько десятков книг. Надо при этом отметить, что в 1955 г. в Китае, да и в других странах мира достаточно широко отмечалось 2100-летие со дня рождения Сыма Цяня.

Хорошо известно, что никакая отрасль науки не может развиваться без необходимых справочников, индексов, указателей. Что же имеет сымацяневедение? Еще в 1947 г. Гарвард-Яньцзинский институт в Пекине выпустил «Иньдэ» («Индекс») по «Ши цзи» и по главным комментариям к ним (Пэй Иня, Сыма Чжэня, Чжан Шоуцзе и Такигава). В 1957 г. в Пекине был издан Указатель исследовательских материалов и статей к «Историческим запискам» — «Ши цзи яньцзюды цзыляохэ луньвэнь соинь». В книге Хэ Цышзюня «Ши цзи шу му» (Шанхай, 1958) содержится перечень ксилографов, списков и изданий «Ши цзи» и данные о них начиная с сунских времен. В 1977 г. в Пекине выпущен «Индекс персоналий "Исторических записок"» — «Ши цзи жэньмин соинь», составленный Чжун Хуа.

Завершая раздел об изучении «Ши цзи» в Китае, подчеркнем, что сымацяневедение представляет собой лишь небольшой ручеек в общем потоке исторической и историографической литературы Китая, но ручеек этот живет полнокровной жизнью и с годами ширится, стремясь в полной мере отразить уровень исторической мысли древнекитайского общества.

СЫМАЦЯНЕВЕДЕНИЕ НА ТАЙВАНЕ, В ГОНКОНГЕ И СИНГАПУРЕ

Когда в 1949 г. гоминьдановская армия была разбита и часть ее вместе с правительством Чан Кай-ши бежала на Тайвань, туда эмигрировала и значительная группа научной интеллигенции. На острове начала функционировать «Академия Хисторика», «Академия Синика», а также некоторые институты и музеи. Отдельные ученые продолжали свои прежние исследования, в том числе и над «Ши цзи» Сыма Цяня. Эти изыскания сначала проводились в традиционно комментаторском направлении. Так, ряд лет в журнале «Далу цзачжи» («Континент») печатались новые комментарии к ряду глав «Ши цзи», появился 12-томный труд Чжан Сэнькая и Ян Цзяло «Ши цзи синьцзяо чжугао» («Наброски новых сверенных толкований к "Историческим запискам"») (Тайбэй, 1967), 5-томный труд «Ши цзи пин линь» («Лес комментариев и суждений к "Историческим запискам"»). (1968 г.). В последнюю работу наряду с прежними комментариями Пэй Иня, Сыма Чжэня и Чжан Шоу-цзе были включены толкования минских ученых Лин Чжи-луна и Ли Гуан-цзиня, японского историка Арии Норихара и других комментаторов разных периодов. К 1980 г. группа тайваньских ученых завершила огромный труд — до сей поры не проделанный на материке — полный перевод всех глав «Исторических записок» на современный разговорный язык байхуа. На свет появился трехтомник «Байхуа Ши цзи». И хотя переводы различных глав не равноценны, все же в руки современников, не всегда готовых к чтению древних текстов, этот уникальный памятник попал в более доступном переложении. Разумеется, продолжалась и напряженная разноплановая работа по истории, историографии и исследованию «Исторических записок», отраженная в многочисленных статьях и в

[16] См., например, статья Ян Яньцзи в журнале «Жэньвэньцза чжи». 1983. № 5; статью Ши Дина в «Лишияньцзю». 1980. № 2.

[17] Например, статья Ян Сянкуя в журнале «Чжунго ши янь цзю» (Пекин, 1979. № 1).

[18] *Чжан Дакэ.* Ши цзи янь цзю. Ланьчжоу, 1985; *Сяо Ли.* Сыма Цянь пин чжуань. Цзилинь, 1986; *Хань Чжаоци.* Ши цзи пиньи шанси. Хух Хото, Внутренняя Монголия, 1985; *Чэн Цзиньцзао.* Ши цзи гуанькуй. Сиань, 1985; Лидай минцзя пин Ши цзи. Пекин, 1986.

[19] Ши цзи сюань и. Чэнду, 1989.

[20] О некоторых итогах работы ученых КНР см.: Чжан Дакэ. Ши цзи яньцзю, гл. 23; Сяо Ли. Сыма Цянь пинчжуань, предисловие.

отдельных книгах. Отметим лишь некоторые из подобных публикаций. Труд Ли Цзунтуна «Чжунго ши сюэ-ши» («История китайский историографии») (Тайбэй, 1955), труд Цянь Му «Чжунго лиши цзиньшэнь» («Дух китайской истории») (Тайбэй, 1957), сборник У Цзяньсы «Ши цзи лунь вэнь» («Статьи об "Исторических записках"») (Тайбэй, 1967), работа Сунь Дэцзяня «Тайшигун шуфа» («Стиль книги великого историографа») (Тайбэй, 1969), исследование Сюй Вэйшаня «Ши цзи пинцзе» («Критические оценки "Исторических записок"») (Тайбэй, 1972) и другие.

Таким образом, очевидно, что тайваньские ученые внесли ощутимый вклад в изучение китайской историографии и «Ши цзи.»

Нельзя исключить из восточного сектора сымацзяневедения и работу, проделанную в этом направлении в центрах Юго-Восточной Азии, населенных преимущественно китайцами-эмигрантами и располагающих своими кадрами китайской научной интеллигенции. К таким центрам в первую очередь следует отнести Гонконг и Сингапур. Назовем лишь некоторые из известных нам и опубликованные там работы: Чэнь Аньжэнь «Лиши чжуань ти луньцун» («Сборник исследовательских статей по специальным историческим проблемам») (Сянган, 1960); Хуан Фулунь «Ши цзи соинь» («Индекс к "Историческим запискам"») (Сянган, 1963); Цянь Му «Ши цзи ди мин као» («Исследование о географических названиях в "Исторических записках"») (Сянган, 1968).

СЫМАЦЯНЕВЕДЕНИЕ В ЯПОНИИ

Мы не располагаем, к сожалению, достаточно полными материалами, поэтому данный раздел будет несколько фрагментарным. Считается, что первые ксилографы «Ши цзи» вместе с династийными историями попали в Японию в VIII в. и через какое-то время были переизданы с соответствующими толкованиями, что подтверждает библиография китаеведных трудов в Японии, составленная в конце IX в. Фудзиварой[21]. Во II тыс. началось систематическое изучение древнекитайской историографии, в том числе и «Ши цзи». Следует помнить, что этот процесс происходил на фоне достаточно успешного развития основ собственной национальной историографии. К тому времени уже существовали такие классические работы, как «Кодзики» (VIII в.), «Нихон», «Секу нихон коку» (IX в.). Позднее появились труды представителей «школы древней науки» (в эпоху Токугава, например, Ито Дзинсай (1627—1705)) и других корифеев японской исторической науки. Историографические исследования получили дальнейшее развитие в XIX—XX вв. Среди имен японских ученых — специалистов по истории китайской историографии и по исследованию «Ши цзи» — можно прежде всего назвать Ниидзима Садао, Оба Осаму, Кувахара Кура, Като Сигеру, Уияма Тосикихо, Есикава Кодзио. Разделы о «Ши цзи» присутствуют, например, в обобщающем труде Найто Торадзиро «Сина сигакуси» («История китайской историографии») (Токио, 1953).

Публикуются и специальные работы по «Историческим запискам»: Онда Нака (Нин) «Сики Ко» («Исследование "Исторических записок"»); Мурао Мотою «Току сики кокон» («Читая рукопись "Исторических записок"»). Кроме того, стали широко известны комментарии к «Ши цзи» Окасиро Кома, Накаи Сэкитоку, Камеи Ику и некоторых других.

Большое число научных статей и исследований о Сыма Цяне и «Ши цзи» опубликовано в Японии за последние десятилетия. Назовем лишь некоторые из них: статья Исигуро Тосихая о биографиях «Ши цзи» в сборнике «Надайбэнкакубукэнкю ронсю», статья Уцуномия Сэйкити о биографии стяжателей в «Ши цзи» (1952), работа Макота Иматака о некоторых философских проблемах «Ши цзи» («Тюгоку бункакухо», 1958, т. 8), статья Танака Кэндзи об изображении характеров в «Ши цзи» («Тюгокубунгакухо». Киото. 1960, т. 13), работа Ито Тодан о добродетельных и жестоких чиновниках под пером Сыма Цяня («Кодайгаку». 1962, т. 9, № 24), статья Такэда Тайцзюн и Уеда Такудзи о жестоком окружении Сыма Цяня («Бунгакукай») и десятки других интересных работ по данной теме. В ряду подобных общих и частных печатных изданий своеобразными «вершинами» можно считать огромные по замыслу и исполнению труды Такигава и Мидзусава. Такигава Каметаро в результате многолетних усилий создал уникальный многотомник «Сики дэн по косэй» («Свод комментариев и критическое исследование "Исторических записок"»), изданный в Японии в 1934 г. и переизданный в 10-ти томах в 1955—1956 гг. в Шанхае. В этой работе собраны суждения десятков китайских и японских комментаторов разных эпох, а также самого Такигава. Использована чуть ли не вся древняя и средневековая китайская историческая литература, сосредоточен богатейший материал, помогающий лучше понимать содержание глав «Ши цзи». Не менее впечатляет девятитомник Мидзусава Тоситада «Сики дэн по косей кохо», изданный в 1967—1970 гг. в Токио и являющийся по сути дополнением к труду Такигава. Фактически это текстологическое исследование, в котором фраза за фразой проанализирован весь текст «Ши цзи» по сохранившимся спискам начиная с ксилографов сунского времени с имеющимися в них ошибками и разночтениями.

[21] См. об этом статью *Loewe M.* // Cambridge Histo.y of China. V. 1. Cambr., 1986.

В последние десятилетия в Японии было опубликовано также несколько переводов текста «Ши цзи» на современный литературный японский язык (что в известной степени сходно с усилиями, предпринимаемыми в Китае по переводу «Исторических записок» на разговорный язык байхуа). Таковы многотомная работа Отаке Фумио и Отаке Такео «Гэндай Гояку сики» (Токио, 1956—1957), Ногути Садао «Сики» (Токио, 1958—1959), Иккаи Тоноиоси и Танака Кэндзи «Selected translations in Shichi by Tanaka Kanji and Ikkai Tonoyochi» (Токио, 1958), Кода Рентаро и некоторых других. Как видим, японское сымацяневедение достигло несомненных успехов и представляет собой интегральную часть этой отрасли науки.

КИТАЙ И ЕВРОПА. СЫМАЦЯНЕВЕДЕНИЕ НА ЗАПАДЕ

Прошло не одно столетие после сенсационного путешествия Марко Поло в Среднюю Азию и Китай в XIII в. и его нашумевшего описания дальних стран, прежде чем стали развиваться более оживленные связи между Китаем и Западом. Фактически уже с XV в. в пределы цинской империи проникают первые миссионеры, коммерсанты, путешественники, которые несли с собой знания о западном мире и начинали познавать неведомый им мир восточный. Естественно, что на первых порах их интересы сосредоточивались на торговле, пропаганде христианства, знакомстве с религиозными воззрениями китайцев — конфуцианских постулатах, канонах даосизма и буддизма. Однако через какое-то время желание европейцев глубже познать страну побуждает их к изучению китайского языка: делаются попытки чтения китайской классики попутно с внедрением христианских догм. Уже к XVIII в. в Европе возникает своеобразная китайская мода, получившая название *шинуазри* — особая популярность всего китайского: фарфора, живописи, архитектуры, садов. Это проявилось во многих областях культуры, например в драматургии (вспомним «Китайскую сироту» Вольтера). Чисто внешнее, сильно искаженное представление о китайском мире постепенно сменяется более целенаправленным интересом к подлинным ценностям китайской культуры, ее идейным основам, и, в частности, к классическим канонам конфуцианства. Начинается знакомство с историей китайского народа, появляются первые работы западных китаеведов. Среди них можно назвать 13-томный труд иезуита Майя (Mailla) (1669—1736) «Всеобщая история Китая», представляющий собой пересказ «Цзы чжи тун цзянь» — китайского компендиума по истории; книги Дюгальда (du Galde) (1675—1743), Станислава Жюльена (St. Julien) (1799—1873), Био (Biot) и многих других.

С конца XVIII в. внимание европейцев привлекает труд Сыма Цяня «Ши цзи» и другие династийные истории. Начинается работа по переводу отдельных глав из этих историй, шедшая одновременно с переводом классических канонов конфуцианства. Так, Броссе переводит гл. 123 «Исторических записок» о Давани[22], Август Пфицмайер (1808—1887) перевел десятки глав из династийных историй, в их числе 25 глав «Ши цзи», частично опубликованных в трудах Венской Академии наук в 1858—1861 гг.[23] Хотя уровень этих переводов подвергался справедливой критике, это были неизбежные издержки начального периода западного сымацяневедения. Научный подход еще отсутствовал, и предъявлять повышенные требования к этим работам нет резона. Несколько позже появились переводы из «Ши цзи» итальянца А. Зоттоли (A. Zottoli) (главы 61, 62, 84, 122 и 130).

Со второй половины XIX в. главенствующую роль начинают играть профессиональные китаеведы, посвятившие себя изучению истории Китая, исследованию «Ши цзи», а также переводам классических канонических книг древности. Среди этих ученых в первую очередь нужно назвать француза Г. Кордье (H. Cordier), автора «Всеобщей истории Китая» в 4-х томах[24], переводчиков классических книг Китая С. Куврера (S. Couvreur) (1835—1919) и англичанина Джеймса Легга (J. Legg)[25].

Однако первым, кто смог осуществить фундаментальное исследование «Исторических записок» на Западе, стал француз Эдуард Шаванн (E. Chavannes) (1865—1918), который в 1895—1905 гг. опубликовал пять томов «Les Memoires Historiques de Se-ma Ts'ien». Академик В.М. Алексеев, лично знавший Э. Шаванна, писал о нем: «Заслуги Шаванна перед наукой неизмеримы, он сделал для синологии больше, чем все предыдущие синологи... он дал основание научной историографии китаеведа великолепным памятником-переводом Сыма Цяня... Он отец научной историографии Китая»[26]. Переводы Э. Шаванна содержат 47 глав «Ши цзи» с подробным научным комментарием; объемная вступительная статья всесторонне охватывает творчество Сыма Цяня. Этот труд до сих пор служит образцом для синологов всего мира. К чести французских ученых они сумели в память своего мэтра издать в 1969 г.

---

[22] *Brosset M.* Relations du pays de Tawan // Journal Asiatique. 1888. № 2. P. 419—450.

[23] Sitzungsberichte Wiener Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.

[24] *Cordier H.* Histoire Generale de la Chine. P., 1920.

[25] *Legg J.* The Chinese classics with a Translation, Critical and Exegetical notes, Prolegomena and Copious Indexes in seven volumes. Hongkong — London, 1865—1895.

[26] Цит. по кн.: *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982. Из доклада «Памяти профессора Эдуарда Шаванна». С. 74.

6-й том «Исторических записок»[27], в который включены главы 48—52 (в переводах Э. Шаванна и М. Кальтенмарка), а также общий указатель ко всем томам — прекрасная концовка общего замысла.

Попытки перевода глав «Ши цзи» на западные языки временами предпринимались отдельными учеными, в числе которых были Теодор Бэннер (T. Bönner) и Эрик Хэниш (E. Haenisch), сосредоточивший свои усилия на материалах периода Чжаньго[28].

Во второй половине XX в. деятельность синологов западных стран в области сымацяневедения была многообразной, и охватить ее всю в одном обзоре едва ли достижимо. Вероятно, можно различить два основных ее направления. Первое — исследования общего характера, дающие обзор как всего творчества Сыма Цяня, так и отдельных его сторон, а также анализ методологии древнекитайского историка, его мировоззренческих позиций; и второе — переводы отдельных глав или групп глав «Ши цзи» с научными комментариями и сопутствующими рассуждениями на темы, связанные с содержанием этих глав.

Обратимся к некоторым конкретным научным результатам. Прежде всего следует остановиться на впечатляющей монографии американского синолога Бартона Уотсона (B. Watson) «Сыма Цянь — великий историк Китая»[29]. В работе рассмотрены вопросы исторического фона эпохи, биография Сымя Цяня, его вклад в историографию Китая, структура «Ши цзи», идейная платформа их автора. Кроме того, даны переводы отрывков из разных глав, а также ставится проблема датировки письма историка к Жэнь Аню. К книге приложены комментарии и указатели.

Вскоре тот же автор порадовал нас двухтомником, где имеются полные переводы 57-й и частичные — 9-й глав «Ши цзи»[30]. В большинстве своем эти главы по содержанию связаны с ханьским периодом. К сожалению, целью переводчика было дать достаточно «читабельный» материал, поэтому комментарии ограничены минимумом, что сужает исследовательский характер работы. В целом труд, проделанный американским синологом, вызывает безусловное уважение. Отметим также, что в 1969 г. Б. Уотсон осуществил новое издание, включив в книгу 18 глав, пять из которых — связанных с доханьским периодом — переведены заново.

Отметим также некоторые другие труды. Профессор Дерк Бодде (D. Bodde) после публикации книги о царстве Цинь[31] выпустил свою вторую книгу об этом же времени, в которой осуществил перевод 3-х глав «Ши цзи» (85—87) с солидным научным комментарием[32]. Фрэнк Кирмэн (F. Kierman) опубликовал монографию «Four Late Warring States Biographies», где содержатся жизнеописания деятелей периода Чжаньго (гл. 80—83 «Исторических записок»). Французский ученый китайского происхождения Цзо Цзин-чжуань (Dzo Ching Chuan) издал книгу о Сыма Цяне, связав тему с общим развитием древнекитайской историографии[33]. В работе подняты проблемы традиций в китайской историографии (доханьского классического периода и периода Хань), структуры «Ши цзи» и другие вопросы, связанные с творчеством Сыма Цяня. Монография Цзо выдержана в традиционной манере.

Отдельные переводы из «Ши цзи можно» найти в изданиях общего характера — в различных антологиях по философии и литературе: например, в работах В. Грубе (Grube) 1909-го г., А Форке (Forke) — 1927-го г., Е. фон Заха (von Zach) и других. И. Эрвет (Hervoet) в 1972 г. издал перевод гл. 117 с биографией литератора Сыма Сян-жу. Представляют интерес труды чешского синолога Тимотеуса Покоры о Си Мэнь-бао и интерполяторе Чу Шао-суне[34].

Следует отметить, что в распоряжении ученых ныне имеются сводные библиографии исследований и переводов из «Ши цзи», подготовленные Фрицем Иегером в 1933 г., и еще более полная библиография переводов, опубликованная Т. Покорой в 1962 г., — ценные пособия для западных синологов[35]. В числе европейских исследователей китайской историографии и «Ши цзи» последних

---

[27] Les Memoires Historiques de Se-ma Ts'ien, traduits et annotes par Edouard Chavannes. P., 1969.

[28] *Haenisch E.* Gestalten aus der Zeit Chinesischen Hegemoniekämpfe. Übersetzungen aus Sse-ma Ts'ien's Historischen Denkawürdigkeiten. Wiesbaden, 1962.

[29] *Watson B.* Ssu-ma Ts'ien. Grand Historian of China. N.Y., 1958.

[30] *Idem.* Records of the Grand Historian of China / Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien, by B. Watson. N.Y.—L., 1961.

[31] *Bodde D.* China's First Unifier, a study of the Ch'in Dynasty as seen in the life of Li Su. Leiden, 1938.

[32] *Bodde D.* Statesman, Patriot and General in Ancient China. Peiping, 1940.

[33] *Dzo Ching Chuan.* Ssu-ma Ts'ien et Historiography Chinoise. P., 1978.

[34] *Pokora T.* Hsi Men Bao in fiction and history // Altorientalischeforschungen. V. 8; Chu Shao-sun. The narrator of stories in Shih chi // De Annali del Istituto Orientale de Napoli. 1981. V. 41.

[35] *Jäger F.* Der Heitigen Stand der Shih chi Forschung // Asia Major. 1933. V. 9; *Pokora T.* The Present State of Translations from the Shih chi // Orient Extremus. V. 9. № 2. Wiesbaden, 1962. Эта же библиография опубликована в упомянутом VI томе переводов Э. Шаванна из «Исторических записок».

десятилетий следует также назвать А. Хулсве (Hulsewe), Р. Вильхелма (Wilhelm), Р. Хайтауэра (Hightower), Е. Саймона (Simon), К. Латуретта (Latourette), Г. Крила (Creel), А. Коена (Cohen)[36] и многих других, внесших свой посильный вклад в изучение связанных с этой тематикой проблем.

К сожалению, приходится признать, что, несмотря на имеющиеся серьезные научные труды, заложившие прочный фундамент западного сымацяневедения (Шаванн, Уотсон, Бодде, Кирмэн, Хэниш и другие) и продолжающиеся — пусть разрозненные — изыскания в этой области, западная синология в целом еще далека от объемного, комплексного понимания «Исторических записок», всей системы взглядов великого их автора и многих проблем, связанных с его творчеством. И главное препятствие, мешающее европейскому читателю сформировать достаточное представление об уникальном памятнике древнекитайской мысли и историографии, — отсутствие полного научного перевода всех глав «Ши цзи» на европейские языки.

СЫМАЦЯНЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ

В Россию первые сведения о Китае дошли от дипломатов, а наиболее глубокие — от духовных лиц — членов Российской духовной миссии в XIX в. В этот период увидели свет труды П.И. Годунова, Н.Г. Спафария, А. Леонтьева, К. Рассохина, Сивиллова (архимандрита Даниила) и некоторых других. Однако первым русским синологом в истинном смысле этого слова можно считать отца Иакинфа (Николая Яковлевича Бичурина, 1777—1853), в связи с чем следует назвать прежде всего его многоплановый труд «Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Т. 1—3. СПб., 1851; переиздано в 1950—1963 гг.). Н.Я. Бичурин впервые представил русскому читателю материалы из «Исторических записок» Сыма Цяня, в том числе гл. 110 «Повествование о сюнну».

В первой половине нашего века многое в раскрытие образа Сыма Цяня и анализ его труда внес выдающийся китаевед академик Василий Михайлович Алексеев (1881—1951). В 1907 г. В.М. Алексеев ездил в Китай вместе с Эдуардом Шаванном и посетил родину Сыма Цяня в Шэньси, о чем рассказал в статье «Историк-литератор Сыма Цянь и его культ»[37]. Он же осуществил ряд переводов из глав 1, 7, 16, 18, 48, 49, 61, 62, 84, 122, 124, 126, 130 и дал общую оценку, по его выражению, «первому настоящему историку Китая». Все эти переводы опубликованы уже после кончины академика[38].

Победа народной революции 1949 г. в Китае стимулировала значительный рост советского китаеведения. Целый ряд синологов проявил себя и в области сымацяневедения. Так, несколько трудов опубликовал М.В. Крюков, в их числе вступительную статью к т. 1 «Исторических записок» — «Сыма Цянь и его "Исторические записки"» и статью «Некоторые вопросы перевода и популяризации "Исторических записок" Сыма Цяня»[39]. Значителен вклад в сымацяневедение ленинградского китаеведа Ю.Л. Кроля. Прежде всего следует назвать его монографию «Сыма Цянь — историк» (М., 1970) — фундаментальное исследование «Ши цзи» и мировоззрения их автора, а также цикл статей, где рассматривались проблемы предшественников Сыма Цяня, особенности «Ши цзи» как литературного произведения и другие[40].

В 1955 г. в связи с празднованием 2100-летия со дня рождения Сыма Цяня в Москве издана книга «Избранное», где представлены 18 глав «Ши цзи» (62—66, 69—71, 80, 81, 84—87, 91, 92, 117, 130) в переводе В.А. Панасюка. Переводам предшествует предисловие Л.И. Думана, в котором показаны историческая обстановка, сложившаяся в Китае в период творчества тайшигуна, его жизненный путь, кратко изложено основное содержание и главные идеи «Исторических записок».

Л.С. Переломов перевел гл. 48 «Ши цзи»[41]. Появились отдельные переводы «Ши цзи», в частности фрагментов поэм и элегий первых поэтов Китая Цюй Юаня, Сун Юн, Сыма Син-жу, Цзя И (А. Ахматова, А. Адалис, А. Гитович). Стихотворные фрагменты из «Ши цзи» напечатаны

---

[36] Одна из последних известных нам работ в этом направлении: *Cohen A.* Avenging Ghosts and Moral Judment in Ancient Chinese Historiography: Three Examples from Shih chi // Legend, Lore and Religion in China. San Fransisco, 1979.

[37] См.: *Алексеев В.М.* Китайская народная картина. М., 1966. С. 227—232.

[38] См.: Китайская классическая проза / Пер. В.М. Алексеева. М., 1958. С. 79—154; *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды; *он же.* Актеры — герои на страницах китайской истории. М., 1978. С. 353—367 (о гл. 126) «Ши цзи»; см. также его неоднократные характеристики «отца истории Сыма Цяня» в других работах, например в статье «Китайская история в Китае и Европе», с. 333.

[39] Советское востоковедение. 1957. № 3.

[40] См., например: *Кроль Ю.Л.* Записи историка как литературное произведение // Литература древнего Китая. М., 1969. С. 231—259.

[41] См.: Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 193—205.

в литературных хрестоматиях и сборниках по литературе древнего Востока, выходивших в Москве в 1959, 1962 и 1984 гг.

В начале 1970-х годов в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР была начата работа по систематическому научно комментированному переводу на русский язык «Исторических записок» Сыма Цяня с учетом всего накопленного наукой в этой области. За прошедшие два десятилетия вышли в свет тома I (1972) и II (1975), подготовленные Р.В. Вяткиным и В.С. Таскиным, включающие первые 12 глав «Анналов» (Бэнь цзи), и последующие тома, подготовленные Р.В. Вяткиным: т. III (1964), содержащий главы 13—22 «Хронологических таблиц» (Бяо), т. IV (1986), содержащие главы 23—30 «Трактатов» (Шу), т. V (1987) и т. VI (выход намечен в 1992 г.), содержащие главы 31—60 «Истории наследственных домов» (Ши цзя). Завершается работа над т. VII, содержащим главы 61—85 из последнего раздела «Ши цзи» «Биографии» (или «Жизнеописания») (Ле чжуань). Таким образом, в нашей стране впервые предпринята попытка осуществить более полный перевод «Исторических записок» на русский язык.

* * *

Мы попытались изложить процесс изучения «Ши цзи» и творчества Сыма Цяня как на Востоке, так и на Западе. Конечно, размах исследований на Востоке значительно более масштабен — достаточно вспомнить многотомные труды Такигава Каметаро, Мидзусава Тоситада, коллективный труд «Байхуа Ши цзи». Однако и Западу есть чем гордиться в этой области: работы Э. Шаванна, Б. Уотсона и др. Научные исследования в сымацяневедении продолжаются, свидетельство тому — работы последних лет.

Р.В. Вяткин

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТРУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В насчитывающей более двух с половиной столетий истории углубленного изучения этрусской культуры 1985 год был отмечен попыткой представить этрусков во всем разнообразии их материальной культуры и связанных с нею проблем. Решением правительства Италии, Европейского парламента, организации ЮНЕСКО он был объявлен «Этрусским годом» и в связи с этим был развернут ряд тематических экспозиций дающих представление об этрусском вкладе в культурную историю человечества.

Выставки, организованные к этрусскому году, отличались не только большим количеством экспонатов, но и тем, что их материал издан в восьми томах[1] альбомов-публикаций, дополненных исследованиями историографических, социально-экономических, искусствоведческих аспектов всей этой документации. Помимо того, каждый из томов содержит библиографические указатели новейшей научной литературы на европейских языках. Таким образом, в семи рецензируемых томах на 2024 страницах широкого формата почти исчерпывающий зрительный ряд этрусской культуры и искусства встает параллельно с новейшими оценками и интерпретациями.

Особое место в серии занимает том, документирующий любительский этап истории этрускологии на примере «Этрусской академии древностей и надписей» в Кортоне[2]. Не останавливаясь на общих причинах интереса к этрусской старине в начале XVIII в., П. Барокки и Д. Галло рассматривают как непосредственный толчок к организации Академии выход в 1723—1726 гг. во Флоренции двух томов «Царской Этрурии...» Т. Демпстера[3]. В подготовке этого монументального труда, ставшего «библией этрускологии», наряду с соотечественником Демпстера Ф. Куком принимали участие тосканцы Ф. Буонороттн, Дж. Боттари и др., которых впоследствии выбрали в почетные члены Академии.

Зародышем Академии стало созданное в 1726 г. по инициативе М. Венути «Общество для покупки книг», участники которого кроме книг собирали и другие предметы, имевшие значение как для гуманитарных, так и для естественных наук. Осенью 1727 г., когда к частной коллекции общества оккультных наук было присоединено собрание древностей аббата О. Балделли, было решено создать «Этрусскую академию древностей и надписей».

Структура Академии, копирующая организацию феодального ордена, включала и этрусский вариант. Глава Академии, избиравшийся на год, носил титул «лукомон». В 1744 г. из практики «Società colombaria» (Общества по раскопкам гробниц) возникли «Кортонские ночи» (Notti Coritane), на которых заслушивались доклады и сообщения членов Академии на темы истории и искусства.

---

[1] Первый том, которого мы не касаемся, является путеводителем (*Staccioli R.A.* Guida ufficiale del «Progetto Etruschi». Ambiente, itinerari, musei e mostre nell'Etruria settentrionale. Firenze, 1985).

[2] L'Accademia etrusca / A cura di Paolo Barocchi e Daniela Gallo. Milano, 1985.

[3] *Dempster T.* De Etruria Regali. V. I—II. Firenze, 1723—1726. См. оценку этой работы: *Немировский А.И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 4 сл.

Разнообразию программы «Кортонских ночей» и богатству музея Академии способствовали эрудиция и официальное положение ее фактического создателя маркиза М. Венути. Как доверенное лицо короля Обеих Сицилий, Венути направлял его интересы в области античной археологии, побудил начать раскопки в Геркуланум и был назначен их руководителем. Естественно, что именно ему было поручено осветить первые результаты раскопок[4]. Высокое положение Венути при дворе в Неаполе давало ему возможность обогащать музей своего «кортонского детища»[5]. После смерти М. Венути (1755 г.) заканчивается первый блестящий период истории Этрусской академии, и на четверть века прекращается издание «Saggi di Dissertazioni»[6].

Название «Этрусская академия...» не означало, что академики занимались одними этрусскими сюжетами. Считая вслед за Т. Демпстером этрусков учителями римлян и всех других народов Средиземноморья,, члены Академии постулировали родство всех памятников искусства, находимых в Италии, доставленных туда морем, с произведениями этрусских мастеров. Таким образом, музей при Этрусской академии наполнялся вещами, не имеющими к этрускам никакого отношения. Представлявшиеся академиками труды публиковались в «Saggi di Dissertazioni» — издании, созданном по модели «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres» (Paris).

Этрусская цивилизация в целом представлена в рецензируемой серии томом «Civiltà degli Etruschi»[7]. Во введении, написанном М. Кристофани, обосновывается его структура, состоящая из трех «блоков»: Начало города; Городская цивилизация; Эпоха упадка.

Начальный этап этрусской цивилизации рассматривается на материалах протовиллановианской культуры (конец бронзового века — XII—X вв. до н.э.). В то время на границе между Тосканой и Лацием, существовали сельские поселения, выявленные в ходе археологических раскопок за последние тридцать лет[8]. Они занимали либо вершины холмов, либо располагались на туфовой равнине при слиянии водных артерий, реже на морском побережье и на берегах озер. Большей частью они имели площадь в пределах 5 (немногие — 10) гектаров. Поселения располагались группами, что позволяет предположить наличие одного или нескольких центров, ведавших религиозными празднествами и контролировавших военные действия и подготовку к ним.

Хижины различной формы (овальной, круглой, прямоугольной) имели стены из прутьев, обмазанных глиной, и такую же кровлю, поддерживаемую деревянными столбами. Перед входом часто находился небольшой портик-крыльцо. К жилым помещениям примыкали аналогичные сооружения, но меньших размеров, очевидно, кладовые. Внутреннее пространство хижины, иногда из нескольких помещений, имело печи из обмазанных глиной камней. Были строения значительной площади (15×8 м), подтверждающие наличие общинной организации поселения, — это дом вождя или дом для собраний.

Расположенные рядом с хижиной некрополи (обычно трупосожжения, но также и трупоположения) для небольшой группы умерших (от 3 до 45 погребенных) позволяют установить, что община состояла примерно из сотни людей. Погребальные урны биконической формы укладывались в выкопанные в туфе ровики или ящикоподобные углубления. Древнейшие погребения (XII в. до н.э.) почти полностью лишены инвентаря — обнаружены лишь личные украшения. Иногда ряд трупоположений находился под погребальным холмом курганного типа (tumulus). Полагают, что это семейные захоронения. Для поздней фазы протовилланoвианской культуры (XI—X вв. до н.э.) археологическая документация некрополей становится более богатой. Некоторые погребения демонстрируют явные следы имущественный дифференциации, отсутствующей в более ранних могилах.

Экономическую основу жизни общин в эту эпоху составляло земледелие и скотоводство, почти вытеснившие охоту. Из злаков засвидетельствованы ячмень (hordeum vulgare), полба-однозернянка (triticum dicocum), а также различные виды пшеницы (triticum compactum, triticum aestivum, triticum durum). Стада состояли из овец, коз, коров. Были известны и свиньи. Внутри общин развивалось ремесло — бронзолитейное, гончарное, костерезное. О технике обработки металлов этой эпохи можно судить по многочисленным кладам бронзовых изделий.

Бронзолитейщики Южной Этрурии не только обеспечивали нужды в оружии и орудиях труда собственных общин, но снабжали своими изделиями Южную Италию, Сицилию и Балканы. Микен-

---

[4] *Venuti M.* Descrizione delle prime scoperte dell'antica Città d'Ercolano. Napoli, 1746.

[5] В музее Кортонской Академии оказалась часть фрески с изображением юноши в маске, сдвинутой на волосы, и кифаристки (L'Accademia etrusca. P. 71. № 31). Кроме того, в Музее имеется копия геркуланумского бюста Псевдо-Сенеки (Ibid. P. 74. № 36), гипсовая копия рельефа из театра в Геркуланум (оригинал ныне утерян — см.: ibid. P. 58. № 28).

[6] Saggi di Dissertazioni accademiche pubblicamente lette nella nobile Accademia Etrusca dell'antichissima Città di Cortona. Roma-Firenze (1735—1791).

[7] Civiltà degli Etruschi / A cura di Mauro Cristofani. Milano, 1985.

[8] *Östenberg C.E.* Luni sul Mignone e problemi della preistoria d'Italia // Acta Inst. Rom. Sue. Lund. 1967. XXV; *Delpino F.* Presenze del bronzo finale ad Ardea // Archeologia Laziale. 1978. 1. P. 26 sg.

цы, укрепившиеся в эпоху поздней бронзы на юге Аппенинского полуострова, посещали район будущей Этрурии, о чем свидетельствуют единичные находки микенской керамики в Луни суль Миньоне, Монте Ровелло. Но только с XI в. можно говорить об организованной торговле в этом регионе.

В IX—VIII вв. до н.э. территория между Арно и Тибром, а также район современной Болоньи становится ареалом распространения villanoвианской культуры раннего железного века. Автор посвященного ей раздела Б. Аугустино видит в ней подготовительный период этрусской культуры и соответственно начальный этап имущественной дифференциации и урбанизации. Подчеркивая общие черты протовillanoвианской и villanoвианской культур: погребальный обряд (трупосожжение), использование как оссуария сосуда биконической формы, преемственность металлургии, он выделяет и различия между ними: изменение форм керамики и ее декора. Новой была и демографическая ситуация: резко возросла численность населения.

В развитии villanoвианской культуры выделяется ранний период (IX в. до н.э.), характеризующейся трупосожжениями в тех же оссуариях биконической формы, что и в протовillanoвианскую эпоху. Но наряду с ними появляются урны в форме хижины. Более богатый погребальный инвентарь впервые позволяет различать мужские и женские погребения. Некоторые мужские оссуарии покрыты глиняными крышками в форме шлема. Все это говорит о новой социально-экономической роли полов — мужчина становится воином и защитником общинного поселения, женщина — работницей по дому и его хранительницей.

Во второй период villanoвианской культуры (VIII в. до н.э.) общество отличается возросшим богатством. В погребениях появляется больше изделий из металла, в том числе наконечники копий, шлемы с художественной отделкой. Наряду с местными изделиями в качестве погребального инвентаря используется греческая керамика преимущественно с о-ва Эвбеи и Кикладских островов. Находками документируется также установление контактов с восточными странами и Сардинией. Ремесло приобретает профессиональный характер. Происходит разделение сельскохозяйственного и ремесленного труда. Рост богатств, разделение общества на классы развиваются в различных частях Этрурии с разной степенью интенсивности. Авангардную роль играют южноэтрусский ареал с центрами в Тарквинии, Вейях и Вульчи, Капуя и Понтеканьяно в этрусской Кампании, а в Паданской Этрурии — район Болоньи.

Раздел тома «Культура principes»[9], написанный Дж. Кампореале, концептуально определяется историко-социологической схемой этрусской истории, предложенной М. Торелли[10]. Выделившаяся в ходе социально-экономического развития VIII в. до н.э. этрусская знать становится ведущей социальной и политической силой и аккумулирует сформировавшуюся в Греции культуру, которая в свою очередь восприняла влияние Востока — Лидии, Урарту, Сирии, Палестины, Ассирии и Египта, — и поэтому может быть названа ориентализирующей. Аккумуляция была настолько всеохватывающей и глубокой, что коренным образом изменяется образ жизни и религиозные представления верхушки общества. В результате осуществляется переход от трупосожжения к трупоположению, и вместо захоронения пепла знатных покойников в простых или декорированных биконических сосудах для их тел сооружаются величественные камерные гробницы, наполняемые престижными заморскими изделиями и высококачественными предметами местного производства.

Аккумуляция в Этрурии экзотических товаров проиллюстрирована находками египетского, финикийского, кипрского происхождения из «княжеских» гробниц в Цере, Популонии, Вейях, Пренесте. Наплыв восточного экспорта, помимо отмеченных выше социально-экономических причин в самой Этрурии, объясняется также изменением политической ситуации на Востоке — захватом в конце VIII в. до н.э. ассирийцами сиро-финикийского побережья. Это сделало Этрурию магнитом, притягивающим предметы восточной роскоши, но также и изделия Центральной Европы и Сардинии.

Вместе с торговцами, привозившими в Этрурию экзотические товары, туда стали переселяться и их изготовители — скульпторы, художники, косторезы. Некоторые сведения об этом сохранила литературная традиция (предание о переселении в Этрурию вместе с Демаратом нескольких художников). Но, главным образом, прибытие чужеземных мастеров документируется появлением ранее не известных ремесел и изменением техники ранее существовавших ремесел. Изделия этрусских мастерских этого же времени говорят о развитии художественного вкуса и об открывшихся возможностях конкуренции с Грецией и Востоком, обладавшими древними художественными традициями. Развитие ремесла, торговли, рост богатств обусловили первоначальную урбанизацию. Появляются города-государства, в которых господствующее положение занимали principes.

Заслугой итальянской этрускологии является постановка проблемы организации городской терри-

[9] Civiltà degli Etruschi. P. 79—110.

[10] *Torelli M.* Storia degli Etruschi. Bari, 1981; *idem.* Per una storia dell'Etruria antica // Storia della società italiana. V. 1. Dalla preistoria all' espansione di Roma. Milano, 1981. P. 165—191.

тории. Трактуя ее в краткой статье[11], Гв. Мансуелли прослеживает различия полисных структур, обусловленные географическим положением — близостью к морю, наличием рудных богатств, качеством почвы и другими факторами.

Интересен подход М. Кристофани и Ф. Цеви к вопросам этрусской экспансии[12]. Крайняя скудость литературной традиции применительно к военно-политической истории Этрурии компенсируется использованием данных о местах находок этрусских надписей. Карта с обозначением пунктов этих находок дает представление о территории, занятой этрусками в процессе их экспансии на север и на юг. Для понимания исторических судеб Италии в связи с этрусской экспансией наибольший интерес представляют факты, относящиеся к пребыванию этрусков в Риме и Лации. Здесь в отличие от других регионов существует достаточно богатая литературная традиция о трех последних римских царях этрусского происхождения[13]. Не ставя своей задачей установление ее историчности, авторы раздела приводят археологические свидетельства этрусского присутствия в Риме и Лации и дают им историческую интерпретацию.

Характеризуя производственную деятельность как основу общественных сдвигов в Этрурии в процессе преодоления семейных и родовых начал новыми формами социально-экономической кооперации, М. Кристофани обращает внимание на уникальное сочетание естественного плодородия почвы с возможностями развития металлургии железа, притом в более раннее время, чем в какой-либо другой части Италии. В то же время, как он полагал, спецификой этрусков в VIII—VII вв. до н.э. было сохранение контроля над ремесленным производством в руках земельной аристократии, которая пользовалась его плодами в своих интересах[14].

Раскопки минувших 15 лет на тирренском побережье Этрурии, выявившие ряд портовых центров полисов Цере, Тарквиний и Вульчи (Пирги, Грависки и Регисвилла), заставили итальянских исследователей пересмотреть господствовавшую ранее модернизаторскую концепцию этрусской торговли. По мнению М. Мартелли, основание в VII в. до н.э. причалов для преимущественно греческих кораблей, а затем и эмпориев типа Пирги и Грависки, связано не с развитием товарного производства, а с перераспределением знатью этрусских городов получаемых от чужеземных торговцев изделий, не становящихся товарами.

Археологические раскопки на тирренском побережье, выявившие там греческие эмпории VII—V вв. до н.э., заставили усомниться в справедливости репутации морских разбойников, прилагаемой к этрускам во все времена их истории. Именно поэтому раздел, посвященный этрускам на морях, М. Кристофани озаглавил: «Пиратство или торговля»[15]. «Нет сомнения, — пишет он, — что слава пиратов, созданная этрускам в греческой истории, не более чем проекция на раннее время исторической реальности IV в. до н.э., когда пиратские акции на морях явились формой компенсации испытываемого этрусками внутреннего кризиса»[16].

Видя в этрусках народ, сформировавшийся в Италии и генетически не связанный с населением эгейско-анатолийского региона, Кристофани ищет истоки навыков этрусков в судостроительстве и судовождении у villanовианцев, плававших по внутренним озерам Этрурии. Это не мешает ему считать именно этрусков учителями римлян в морском деле и отыскивать доказательства этого в лингвистике.

Третий раздел тома — «Эпоха упадка»[17] освещает агонию этрусских полисов, затянувшуюся на несколько столетий от начала римской экспансии на земле Этрурии до установления там римской гегемонии. Упадок этрусских полисов изучается в различных планах: экономическом, социальном и идеологическом. «Смерть» этрусского общества рассматривается как медленное и постепенное исчезновение того способа производства, при котором фундаментальное и господствующее место занимает рабство, что не исключает других форм эксплуатации. При этом прослеживаются два варианта этого процесса. На юге Этрурии, более близком в социально-экономическом и культурном плане Риму, осуществляется широкая конфискация земель, что ведет уже в IV—III вв. до н.э. к разорению местных социальных слоев. Они пауперизируются и в значительной степени изгоняются из страны, чтобы стать резервом эллинистического рынка труда. На севере Этрурии процесс распада старых форм осуществляется замедленными темпами.

Том «Рудная Этрурия»[18] является обобщением всего, что сделано в этом направлении в Италии и за

[11] Civiltà degli Etruschi. P. 111—120.

[12] Ibid. P. 121—136.

[13] Из последних работ см.: *Pallottino M.* Etruscologia. Milano, 1984.

[14] Civiltà degli Etruschi. P. 137—174.

[15] Ibid. P. 225—241.

[16] Ibid. P. 225. Эта точка зрения была ранее высказана М. Кристофани в монографии «Gli Etruschi sul mare» (Milano, 1983). К такому же выводу, независимо от Кристофани, пришли и мы в книге того же года (*Немировский.* Ук. соч. С. 158 сл.).

[17] Civiltà degli Etruschi. P. 309—400.

[18] L'Etruria mineraria / A cura di Giovannangelo Camporeale. Milano, 1985.

ее пределами, и исключительно важной документации, стимулирующей дальнейшие исследования в этой сфере, находящийся на грани между гуманитарными и естественными науками. В обстоятельном введении, написанном Дж. Кампореале, дается анализ сведений об этрусском рудном деле в античной традиции и оценка состояния изученности проблем этрусской металлургии в современной науке[19]. Прослеживая местные корни этрусской металлургии, Дж. Кампореале не забывает отметить, что уже микенцам была известна Италия как страна исключительно богатая металлом. С пониманием относится автор к гипотезе Дж. Пульезе Карателли о вывозе пилосцами с о-ва Эфалии (Эльбы) квасцов[20]. В этой связи обращается внимание на свидетельство Гомера об обмене «блестящего железа» на медь Темесы (Od. I. 79—180). Разумеется, сообщение об обмене железа на медь не может быть отнесено к микенской эпохе, когда железо практически было неизвестно. Это свидетельство эпохи великой греческой колонизации, времени основания фактории греков на Питекуссе и первой греческой колонии на Западе Кум, когда колонисты уже знали об Эфалии и Популонии, где железо добывалось и выплавлялось. Микенцы уже посещали богатые металлом области, впоследствии населенные тирренами-этрусками, о чем свидетельствуют находки микенских черепков. В последнюю эпоху начального периода греческой колонизации Запада об Эфалии как месте добычи и выплавки железа сообщают многие древние авторы, которым также известно, что руда перевозилась с острова в Популонию, где поступала в переплавку. Эти свидетельства подтверждаются огромными залежами шлака в районе Популонии, занимающими пространство в 200.000 кв. м и в виде холмов и холмиков высотой от 20 м до 1 м.

Раскопки, осуществленные под Популонией археологической инспекцией Тосканы совместно с университетом Сиены в 1977—1980 гг., выявили постройку регулярного плана со стенами из блоков местного камня, положенных насухо. В слоях этого здания, датируемых по находкам коринфской и краснофигурной керамики серединой VI в. до н.э., обнаружены плавильные печи, свидетельствующие о производственном назначении помещения. Таким образом, начало выплавки железа в Популонии датируется серединой VI в. до н.э., но ей предшествовала выплавка меди на о-ве Эфалия.

Долгое время Популония и ее окрестности были единственным изученным районом этрусской металлургии. Попытки выявить другие неизвестные античной традиции центры деятельности этрусских металлургов были безуспешны. В 1928—1930 гг. под руководством Д. Леви начались раскопки близ озера Аччеса, которые обнаружили остатки стен постройки неизвестного назначения и поблизости от нее этрусский некрополь. Раскопки в этом же районе в 1979—1984 гг. под руководством Дж. Кампореале позволили понять, что выявленное Д. Леви здание — часть обширной производственной зоны, включавшей 10 комплексов различного назначения. Здесь происходила выплавка местной руды, содержащей свинец, цинк и серебро. Местность эта называлась в древности Massa Vetulonenses, что уже само по себе указывало на наличие рудных богатств (massa — синоним металла). Повсеместно обнаружены остатки печей и керамических ванн производственного назначения. Следы примитивных жилищ, обнаруженных в этой зоне, позволяют думать, что в них жили рабы или военнопленные, обреченные на каторжный труд в рудниках[21].

В соединении двух элементов, образующих тему выставки «Дома и дворцы» (и соответственно, заглавие тома)[22], востоковед и микенолог не уловят ничего сногсшибательного. Но этрусколог, не следивший 15 лет за новейшими раскопками, испытает некое подобие шока. Ведь о дворцах Этрурии в 60-х годах нашего века не было ничего известно, хотя наличие царской власти заставляло предполагать их существование.

Изменения в представления об этрусской светской архитектуре внесли раскопки двух комплексов Акваросса и Мурло и выявление в Риме на Форуме царского дома, «регии», впервые упомянутой в связи со вторым римским царем Нумой Помпилием.

Исключительная сложность вновь открытых сооружений и сам предварительный характер появившихся о них сообщений способствовал осторожности выводов по предметам, в которых интуитивно ощущается связь между этрусской и римской архаикой. Вводная статья к рецензируемому тому написана видным итальянским этрускологом М. Торелли, которого всегда привлекали проблемы широкого исторического и социологического звучания[23]. Не ограничиваясь памятниками, вошедшими в экспозицию, М. Торелли позволил себе извлечь, как он выразился сам, из «старых археоло-

---

[19] Ibid. P. 21—36.

[20] Ibid. P. 28; *Pugliese-Caratelli G.* // La parola del Passato. 1962. XVII. P. 5. Автор обратил внимание на пилосскую табличку с текстом ataro turupterija ono. Под ataro, по его мнению, следует понимать Эфалию (Черный остров), под turapteria — квасцы, под ono — коммерческую выгоду.

[21] L' Etruria mineraria. P. 127—182.

[22] Case e palazzi d'Etruria / A cura di Simonetta Stopponi. Milano, 1985.

[23] *Torelli M.* Per la storia etrusca in età imperiale // RFIC. 1971. 99. P. 489 sg; *idem.* Beziehungen zwischen Griechen und Etrusker im V. und IV. Jahrhund v.u.Z. // Hellenische Polis. Bd II. B., 1974; *idem.* Per la definizione del commercio greco-orientali // Atti Napoli. 1982. P. 304 sg.

гических досье» материалы, позволяющие представить эволюцию жилища на территории Этрурии и Лация. Начальным этапом этой эволюции возможно рассматриваются «доисторические» хижины и «длинный дом», дающие возможность наиболее зримо выявить технологическую революцию в этрусском пространстве, документируемую как памятниками ориентализирующей эпохи, так и литературной традицией, сообщающей о переселении в Этрурию мастеров эгейского происхождения, появление построек нового типа.

Стены домов складывались в нижней части из туфовых блоков, в верхней — из необожженного кирпича. Встречаются дома с каркасом из бревен, на который накладывалось покрытие из плетеного камыша, обмазанного глиной. Дошло множество остатков этой обмазки, частично обожженной сильным пожаром. На них ясно выступают следы бревен и камышового плетения. Крыша делалась из чередующейся плоской и полукруглой черепицы. Такая черепица, чаще всего размером 57—60×51—54 см, была найдена в большом количестве в ходе раскопок Рузелл.

Рост богатств и политического престижа аристократии, господствовавшей в Лации и Этрурии VII—VI вв. до н.э., имел следствием появление в этом пространстве дворцов. О них дают представление дворцовые комплексы Аквароссы и Поджо Чивитате (Мурло). В Аквароссе раскопано два здания, расположенных под прямым углом друг к другу[24]. Первое из них представляет собой 12-метровый портик с серией расположенных сзади помещений. Главную часть второго составляет центральный зал, имеющий выход в сравнительно небольшой портик, за которым расположено два помещения. Колонны в обоих зданиях скорее всего были дубовыми. От них сохранились только базы и капители из серого туфа, украшения зданий (антефиксы в виде женских голов одного и того же типа и фризы, образованные четырьмя типами облицовочных рельефных плит) обрушились настолько удачно, что археологам удалось без особого труда восстановить внешний вид обеих построек. Весь их декор приходится только на фронтальные стороны зданий, выходящие в образованный ими двор. Антефиксы, расположенные в ряд, украшали оба здания. Что касается фриза, во втором здании использован только один тип рельефных плит: Геракл и критский бык в окружении второстепенных персонажей. Первое здание, напротив, использовало все четыре типа: помимо Геракла с критским быком, также рельефы с Гераклом и немейским львом (в окружении других персонажей), со сценами пира и с танцевальными сценами. Около двух тысяч фрагментов, по подсчетам исследователей, позволяют говорить по крайней мере о 59 антефиксах и 87 рельефных плитах (43 — первого, 10 — второго, 18 — третьего и 16 — четвертого типа). Однако полагают, что утрачена примерно треть материала[25].

Показав, что орнаментация, а подчас и схема дома соответствует, с одной стороны, архитектуре храма, с другой — погребальной архитектуре, раскопки Аквароссы подтвердили гипотезу, выдвинутую еще в ходе раскопок Тарквиний, Черветери, Орвието, что города мертвых мыслились этрусками в значительном сходстве с городами живых. Таким образом, ныне в реконструкции этрусского города могут быть использованы с полным основанием те обширные знания, которые накоплены исследованиями некрополей.

На возвышенности Поджо Чивитате[26] в коммуне Мурло, в местности с говорящим названием «Равнина сокровищ» американская археологическая миссия выявила обширную архаическую постройку, которая бесспорно является одним из наиболее значительных памятников общества и культуры Северной Этрурии. Здание прямоугольной формы (около 60 м каждая сторона) характеризуется двумя четко различаемыми периодами в промежутке от середины VII в. до 525 гг. до н.э. Первоначально архитектурный комплекс был интерпретирован как святилище[27]. Но затем выдвинувший эту интерпретацию ученый сформировал гипотезу о здании как религиозно-политическом центре северного союза этрусских городов[28]. Эту гипотезу с некоторыми оговорками поддержал Дж. Колонна, дополнивший ее новым доводом: Поджо Чивитате занимал центральное положение между городами Вольтеррой, Ареццо, Кьюзи, Рузеллами и Ветулонией, которые составляли, согласно Дионисию Галикарнасскому (III. 51), малую северную лигу этрусских городов[29]. В пользу этой гипотезы говорит также то, что постройка была разрушена с применением магического обряда, использовавшегося позднее при уничтожении Карфагена и Коринфа.

Структура здания соответствовала его назначению. Внутренний двор (8,5×6 м) был рассчитан

---

[24] *Östenberg P.* Case etrusche di Acquarossa. Roma, 1975; *Lundgren M.B., Wendt L.* Acquarossa III, Zone A // Acta Rom. Stockholm, 1982. № 38.3.

[25] Case e palazzi. P. 41—63.

[26] Само название Civitate применительно к изолированному и покрытому лесом холму, по высказанному задолго до раскопок предположению Р. Бьянки Бандинелли, говорило о том, что в древности здесь был расположен город: *Bianchi Bandinelli R.* Murlo (Siena). Monumenti archeologici del territorio // NS. 1926. P. 165 sg.

[27] *Phillips K.M.* Bryn Mawr College Excavations in Tuscany // AJA. 1970. V. 74. P. 79.

[28] *Phillips K.M.* Bryn Mawr College Excavations in Tuscany // AJA. 1972. V. 76. P. 249 f.

на прием делегаций других этрусских городов, сходившихся для обсуждения внутренних и внешних дел и совершения богослужений: во дворе имелось небольшое отдельно стоящее здание храма типа этрусской эдикулы. Портики укрывали делегатов от непогоды, обширные залы на юго-западной стороне дворца служили местом заседаний, в более мелких помещениях делегации могли размещаться во время своего пребывания.

Дворец был слишком хорошо укреплен и оборудован, чтобы думать, что он служит только местом собраний (они происходили не чаще раза в год). Видимо, дворец был резиденцией правителя (царя или высшего магистрата), а следовательно, также и местом культа. О том, что дворец был постоянной резиденцией правителя, а не только административным и политическим центром, свидетельствует осуществленный Э. Нильсеном и П. Варденом анализ найденных в нем предметов из слоновой кости, бронзы, железа[30].

Период расцвета комплекса (вторая четверть VI в. до н.э.) характеризуется наличием богатого декора с акротериями в виде сидящего сфинкса, антефиксами в виде горгоны с подчеркнуто звериными чертами (резко выступающие клыки), протомами леопарда и грифона. В самых разнообразных вариантах представлена украшающая колонны человеческая фигура — сидящая или стоящая, иногда бегущая. По всей видимости, это изображения богов. Дворец Мурло был также декорирован рельефными терракотами, представляющими четыре сюжета, но иные, чем в Акваросе: бег лошадей, собрание (людей и богов), пир с возлежащими фигурами, процессии магистратов[31].

Между 550 и 530 г. до н.э. дворец был преднамеренно разрушен и ритуально погребен: был вырыт ров и в него аккуратно сложены терракотовые украшения. Вместе с тем пространство, занятое дворцом, было окружено огромным валом из обломков разрушенных зданий. В 550—530 гг. в Италии не было внешнего врага, тем более такого, который стал бы использовать этрусский магический обряд уничтожения городов. Остается загадкой, какой из этрусских центров осуществил эту акцию.

Специфика данной серии, рассчитанной на зрительное восприятие явлений этрусской культуры, вынудила организаторов «Этрусского года» ограничиться лишь одной выставкой «Этрусские святилища», материалы которой были обобщены и осмыслены в томе с тем же названием[32]. Систематизация археологического материала определила соответствующие тематические разделы и постановку проблем, которые обычно выпадают из поля зрения авторов обобщающих трудов по этрусской религии[33]. Наибольший интерес представляют разделы «От дома к храму», «Городские святилища», «Святилища в некрополях», на которых мы останавливаемся.

Как и в других частях Италии и Средиземноморья в целом, храмовая архитектура Этрурии имеет своим истоком простейший дом (хижину) и развивается параллельно с эволюцией светской формы архитектуры. Дж. Колонна, автор вступительной статьи раздела «От дома к храму» полагает, что переход к более совершенному типу здания у этрусков в светской сфере осуществляется быстрее, чем в сакральной. К этому выводу Дж. Колонна приходит путем сопоставления примитивных храмовых построек с синхронными им «дворцами» в Акваросе и Мурло.

Согласно Сервию, правила этрусской «дисциплины» предписывали, чтобы город имел трое ворот, три улицы и три храма, посвященные Юпитеру, Юноне и Минерве (Aen. I. 422). Раскопки городских территорий этрусских центров показали, что внутри городских стен действительно находилось несколько храмов, которые, однако, не обязательно были посвящены этрусской триаде, существование которой ныне вообще ставится под сомнение[34]. Важнее оказалось само расположение храмов на территориях этрусских городов, которое может быть рассмотрено лишь с помощью археологических данных. Обобщая эти данные в предисловии к разделу «Городские святилища», Дж. Колонна констатирует, что храмы располагались на акрополе, на форуме и у городских во-

---

[29] *Colonna G.* Ricerche sull'Etruria interna volsiniese // SE. 1973. 41. P. 75 sg.

[30] *Nielsen E.O.* Lotus Chain Plaques from Poggio Civitate // Studi di Antichità in onore die G. Maetzke. Roma, 1984. P. 397 sg.; *Warden P.* Funds from Poggio Civitate (Murlo). 1974—1978. Roma, 1985.

[31] Археологическую и искусствоведческую интерпретацию сцены с пиром см. *Small J.P.* The Banquet Frieze from Poggio Civitate // SE. XXXIX. P. 25—61. Американский исследователь подтверждает датировку памятника второй четвертью VI в. до н.э., но предполагает, что на плите изображены женские фигуры, относящиеся по стилю скорее к кьюзинской, чем тарквинийской, сфере.

[32] Santuari d'Etruria / A cura di Giovanni Colonna. Milano, 1985.

[33] Так, в фундаментальном исследовании А. Пфиффига (Religio etrusca. Graz, 1975) ставятся такие вопросы, как архитектура этрусского храма, проблема его ориентировки, обряды основания и освящения, число всех храмов в этрусских центрах, небольших святилищ и алтарей (с. 51—70), но проблемы, представленные в рассматриваемом томе, отсутствуют.

[34] Впервые сомнение в существовании этрусской триады было высказано: *Banti L.* Il culto del cosidetto «tempio di Apollo» a Veii e il problema delle tria di etrusco-italiche // SE. 1943. XVII. P. 187 sg.

рот. При этом он приходит к выводу, что этруски при сооружении святилищ в городе отдавали предпочтение форуму, а не акрополю. Давая обоснование этому, как будто непреложному факту, Колонна обращается к проблеме формирования этрусского полиса и находит, что сооружение этрусских храмов на форуме может быть объяснено спецификой этрусской урбанизации. «В Этрурии отсутствовали исторические предпосылки, которые в греческом мире мотивировали преимущественное размещение культа богов-покровителей полиса, как преемника культа богов в царском дворце, на акрополе»[35]. На самом деле, в Италии бронзового века нет никаких следов царских дворцов, подобных дворцам микенских правителей в Микенах, Фивах и Афинах. Но значит ли, что это обстоятельство имело определяющее значение для предпочтения форума, как места строительства храмов? И вообще, можно ли говорить вслед за Дж. Колонной об этом предпочтении? Его статистика опирается на факты размещения храмов во всех этрусских городах, независимо от того, являлись ли они такими древнейшими этрусскими центрами, как Тарквинии, Цере, Вульчи, Рузеллы в собственно Этрурии или были поздними этрусскими колониями в Северной Италии и Кампании, как Марцаботто, Болонья, Помпеи. Между тем эпоха основания храма должна непременно учитываться при любом суждении социологического и исторического характера. Если исключить из подсчета колониальные этрусские центры, основанные в период усиленного развития ремесла, торговли и выделения торгово-ремесленной прослойки, то отпадет то, что Дж. Колонна считает «этрусской спецификой».

Том «Художественное ремесло в Этрурии. Северная Этрурия в эпоху эллинизма» под редакцией известного этрусколога А. Маджани[36], состоит из восьми разделов: погребальные урны; саркофаги; использование мрамора в Северной Этрурии; коропластика; бронза; монеты; керамика; циркуляция моделей. Уже этот перечень свидетельствует, что художественное ремесло этрусков, высоко ценившееся в Греции и вызывавшее восхищение римских коллекционеров, получило в рецензируемой серии всестороннее освещение.

Наряду с систематизацией урн по стилистическим особенностям и сюжетам ныне внимание историков искусства привлечено к таким вопросам, как центры производства урн, организация труда в мастерских, территориальное распределение урн с теми или иными сюжетами, циркуляция моделей и их авторство. Таков в целом круг вопросов самого обширного раздела тома «Погребальные урны»[37]. Изучение погребальных урн, вышедших главным образом из мастерских Вольтерры, дало ныне возможность понять изменения материала урн и в связи с этим их типологии в строгой хронологической последовательности. Первоначально (между 420—250 гг. до н.э.) преобладали туфовые урны, а число урн из алебастра было незначительным. Между 250 и 180 гг. до н.э. число алебастровых урн несколько превысило число туфовых урн. После 180 г. до н.э. наблюдается преобладание алебастровых урн. Из алебастра как более ценного материала изготавливались урны больших размеров (от 60 до 100 см в длину) с большей детализацией изображений, нередко с использованием позолоты. Только на алебастровых урнах встречаются надписи, — упоминаются не только аристократы, но и рабы. В целом иконографическая продукция из туфа более стандартизирована и носит черты спешки. На туфовых урнах редки сюжеты на темы греческой мифологии или связанные с жизнью местных общин, которые широко представлены на алебастровых урнах.

Огромная масса памятников (около тысячи экземпляров), вышедших из одного региона в хронологическом промежутке в 300 лет, позволила использовать статистические методы исследования. Одновременно появилась возможность понять организацию производства в художественных мастерских[38], роль руководителя мастерской и его помощников в подборе и первоначальной обработке материала, в его художественном оформлении, определить инструментарий, поставить проблему использования труда клиентов и рабов. В мастерской первоначально создавались заготовки нескольких типов, из которых заказчик мог выбрать тот, который в какой-то мере связан с биографией умершего (умершей), политической карьерой, обстоятельствами кончины и др. При этом подбиралась соответствующая крышка погребальной урны с изображением мужчины или женщины в стандартной позе с жертвенным сосудом в руках, учитывающая комплекцию покойного. Оставалось лишь придать мастерской рукой сходство лица-болванки с индивидуальными чертами умершего.

Продолжая начатое в прошлом веке исследование сюжетов этрусских художественных урн, А. Мад-

---

[35] Santuari d'Etruria. P. 68.

[36] Artigianato artistico. L'Etruria settentrionale interna in età ellenistica / A cura di Adriano Maggiani. Milano, 1985.

[37] Ibid. P. 32—118.

[38] Иллюстрацией производственного процесса служит изображение мастерской Дедала, как прародителя всех художников на погребальной урне из Музея Гварначчи (Вольтерра). Царица Пасифая, как нетерпеливая заказчица, посещает мастерскую Дедала, чтобы удостовериться, как идет работа над мелной коровой, которая поможет ей вступить в связь с быком. Дедал встречает царицу стоя. Его помощники, занятые изготовлением коровы, работают, не поднимая головы.

жани и другие итальянские и западноевропейские искусствоведы ставили целью выяснить их зависимость от социально-экономической, политической и культурной ситуации в каждом из производственных центров. Такой подход характеризует сдвиги в современной этрускологии и открывает большие возможности использования художественных урн как исторического источника. На самом деле, изображения на урнах — слепок духовной жизни общества, его культурных интересов и разносторонних связей. Иконография свидетельствует о знакомстве образованных этрусков как с эллинистической драмой и комедией, так и с латинским театром Невия, Энния, Пакувия. Она дает представление о распространении в Этрурии пифагорейских, стоических и эпикурейских идей, содержит реплики утраченных живописных и скульптурных произведений.

И все же наиболее интересны изображения религиозно-мифологического характера, связанные с этрусской и италийской мифологией. На урне из Археологического музея во Флоренции[39] изображен персонаж этрусско-римских мифов Как в облике музыканта и пророка, тогда как распространенная мифологическая версия рисует Как чудовищем и похитителем стад Геркулеса. С двух сторон Как окружают вооруженные юноши, этрусские герои братья Авл и Каиле Вибенна, видимо, стремящиеся пленить Как. Перед нами этрусская версия мифа о Каке, на которую в известной мере проливает свет рассказ Геллия (Noct. Att. 1.7—10) о Каке, отправленном в Италию фригийским царем Марсием и взятом в плен Тарханом.

На урне из музея Гварначчи в Вольтерре изображен герой, разящий врагов, как полагали старые исследователи, лемехом плуга, а по мнению А. Маджани, не лемехом, а серпом. Последняя трактовка позволяет видеть в персонаже не афинянина Эхетла, а афинского царя.

Обряд трупосожжения не смог в Этрурии полностью вытеснить обычай захоронения трупов. Последний, сохраняясь в районе Кьюзи, обусловил появление к III в. до н.э. художественно оформленных саркофагов из известняка, алебастра, реже — глины. Саркофаги из Кьюзи представляют собой ящики с художественно оформленными стенками и крышкой. На крышке изображался покойный (или покойная) в позе возлежащих вокруг стола с предметами домашнего обихода или свитками в свободной руке. На стенках саркофага имеются изображения мифологического или исторического характера.

Интерес к изделиям из мрамора, находимым на территории Этрурии, возник сравнительно недавно и вызвал появление монографического исследования А. Андрена[40]. В параграфе «Использование мрамора в Северной Этрурии» вводятся в оборот мраморные памятники, неизвестные Андрену, и ставится ряд вопросов, связанных с циркуляцией в Этрурии изделий из местного и импортного мрамора с участием в их создании греческих мастеров. Особого внимания заслуживают новые данные о мраморных изделиях из Паданской Этрурии: Андрену было известно пять памятников из этого региона, теперь же их насчитывается сто десять. Эти новые находки позволяют поставить вопрос о месте обработки мрамора в этрусском художественном ремесле эллинистической эпохи.

Ограничение хронологических рамок исследования эпохой эллинизма вынудило составителей тома оставить в стороне лучше всего изученный тип этрусской керамики — буккеро, распространенный в VII—VI вв. до н.э.[41] и ограничиться краснофигурной и чернофигурной керамикой[42].

Автор раздела, Ф. Джилета, связывает появление этрусской краснофигурной керамики с распространением влияния апулийских художественных традиций (предположительно через Кампанию и Лаций) и датирует первые сосуды этого стиля в Этрурии IV в. до н.э. Для него обычна форма кратера с колонками (келаб), горловина которого декорирована рядами ромбиков с крестом в каждом из них. Выпуклая часть сосуда (ниже ручек) имеет пальметки с изображением обнаженного атлетически сложенного человека (Геракла?).

Чернолаковая керамика распространяется в том же IV в. до н.э. по всему Апеннинскому полуострову, имитируя греческую, прежде всего аттическую, керамику. В Северной Этрурии выделяются три центра производства этой керамики: Ареццо, Кьюзи, Вольтерра, обеспечивающие своей продукцией многие районы[43]. Изучение наиболее массового керамического материала Вольтерры позволило установить несколько керамических мастерских IV—III вв. до н.э. Шире всего распространена продукция мастерской «Малакены», названная так по месту близ Монтериджоне, где была раскопана гробница Калисна Сепу, из которой было извлечено много сосудов этого типа.

---

[39] Artigianato artistico. № 68.

[40] *Andren A.* Marmora Etruriae // Antike Plastik. 1967. VIII. 1; обстоятельная рецензия на этот труд принадлежит Р. Бьянки-Бандинелли (см.: Dialoghi di archeologia. 1968. II. P. 227 sgg.).

[41] В нашей литературе см.: *Борисковская С.П.* О некоторых ранних формах этрусской керамики буккеро // СА. 1969. № 2. С. 43—44; *она же.* О центрах производства этрусского буккеро // ВДИ. 1975. № 4. С. 93—107.

[42] Artigianato artistico. P. 176—186.

[43] Чернолаковая керамика Вольтерры обнаружена в 70 пунктах Этрурии, Лация, Паданской Италии, а также изолированно — в Кампании и на островах Корсике и Ильве.

Формы чернолаковой керамики очень разнообразны: кратеры с волютами, амфоры, гидрии, канфары, килики, ойнохои, патеры с ручкой и др. Имитация прототипов из металла обеспечила сложную форму ряда сосудов, использовавших пластический декор. Остаются открытыми вопросы разделения труда на «фабрике» Малакены. Автор посвященного чернолаковой керамике раздела считает наиболее вероятным использование труда клиентов, работавших в небольших мастерских в разных этрусских центрах[44].

Проблема циркуляции моделей, используемых этрусскими художниками, рассматривается на примере одного сюжета — принесение в жертву троянских пленников[45]. Этот сюжет воспроизведен на восьми памятниках: апулийская краснофигурная амфора, расписной мраморный саркофаг «жреца» из гробницы Партуну в Тарквинии, фалискский сосуд из Сованы, фреска гробницы Франсуа в Вульчи, циста Ревил, кратер из Кабинета медалей в Париже, погребальная урна из Вольтерры.

Том «Романизация Этрурии: Территория Вульчи»[46] посвящен римскому завоеванию этрусских полисов и основанию колоний на их территории. Процесс романизации Этрурии рассматривается на материале Вульчи, хора которого лучше всего изучена. Раскопки расположенных на этой хоре поселений Козы и Гебы выявили уникальные для Средней Италии следы центуриации[47]. Центуриация придала территории рациональную организацию: деление полей, строительство дорог и мостов. Кроме того, она обеспечила контроль над гидрографией. Вполне возможно, что рабовладельческие виллы, поглотившие на протяжении I в. до н.э. ранее типичную для этого района мелкую собственность, использовали агриментсорную организацию, которая была рождена для иных целей, и она продолжала функционировать, увеличивая ценность земель[48].

Наслаивание рабовладельческих вилл на центуриированные земли, выявленное на различных территориях, еще не стало предметом специального исследования. Но применительно к землям Козы видно, что рабовладельческие виллы вписывались в предшествующую центуриацию, повторяя ее межи. Как это доказано на примере виллы «Le colonne», хозяйственные постройки, полностью не совпадая с ними, имеют ту же ориентацию. По большей части эти виллы занимают участки между холмами и центуриированной равниной. Таким образом можно было вести хозяйство на полях и расположенных за виллами землях, возможно, ранее не поделенных, оставленных под лесом и не тронутых плугом. Некоторые виллы, как, например, «Settefinestre», напротив, возникли на невысоких холмах, выступающих над равнинной территорией. В этом случае виллы удовлетворяли потребность в участках, назначенных под лес и под выпас скота.

Последующие разделы выставки и соответственно разделы тома иллюстрируют процесс римского «вмешательства» в жизнь этрусских центров, расположенных в долинах рек Фьера и Альбенья[49]. В ходе еще не завершенных раскопок Вульчи, начатых в 1957 г., было раскопано римское здание республиканской эпохи, получившее название «дом криптопортика», в структуре которого отчетливо виден вклад этрусской стадии римско-италийской архитектуры. Римская колония Вульчи сохраняет прямоугольный план старого этрусского города.

Девятый раздел тома[50] посвящен особому явлению в организации хозяйства на колонизированных римлянами территориях — введению римскими латифундистами ценных монокультур — винограда и оливкового дерева. Это приводило к вытеснению мелкого земледелия, в целом основанного на свободном труде, и к более широкому распространению рабства. Этот феномен изучен на материале недавно раскопанных вилл Сельвиччола, Тальята, Санта Либерата, Таламоне, Сеттефинестре.

Археологический аспект изучения древнейшей в Италии этрусской цивилизации, представленный семью рецензируемыми томами, открывает новые страницы социально-экономической и культурной истории этрусков, характеризует состояние изученности важнейших исторических проблем. Этрусский феномен раскрывается в контактах этрусков с многими народами Италии и Средиземноморья, в строгой хронологической последовательности, определяемой не только типологией памятников, но и точными археологическими данными.

А.И. Немировский

---

[44] Artigianato artistico. P. 183.
[45] Artigianato artistico. P. 208—212.
[46] La romanizzazione dell'Etruria: id territorio di Vulci / A cura di Andrea Carandini. Milano, 1985.
[47] *Castagnoli F.* La centuriazione di Cosa // Mem. Am. Ac. 1956. 24 P. 147 sg.; *Tozzi P.* Saggi di topografia storica. Firenze, 1974.
[48] *Gabba E.* Per un'interpretazione storica della centuriazione romana // Misurare la terra. Roma, 1983. P. 20 sg.
[49] La romanizzazione dell'Etruria. P. 57—143.
[50] La romanizzazione dell'Etruria. P. 145—175.

© 1993 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЯЛТИНСКОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Ялтинскому историко-литературному музею, который был создан в сентябре 1892 г., исполнилось сто лет[1]. Его основателями стали известные ученые, немало сделавшие для развития города: врач В.Н. Дмитриев, разработавший проблемы климатолечения на Южнобережье, и А.Л. Бертье-Делагард, выдающийся исследователь истории средневекового Крыма и монетного дела античных государств Северного Причерноморья. В музее хранятся материалы, связанные с памятью Александра Львовича, его фотографии, мемориальная мебель и личные вещи ученого.

Собрание археологических древностей Ялтинского музея сравнительно немногочисленно — около 11 тыс. экспонатов. Различные источники формирования коллекции определили ее разнообразие. С одной стороны, в ней представлены памятники античной художественной культуры, происходящие из национализированных в послереволюционное время частных собраний (приобретенные их бывшими владельцами в разное время в стране и за рубежом), с другой — многочисленные предметы, связанные с материальной культурой и историей населения Горного и Южнобережного Крыма, полученные в результате целенаправленного сбора материала, осуществляемого краеведами, случайные находки, а также материалы археологических раскопок в Южной Таврике.

Основу археологических фондов музея составили памятники античности, главным образом художественная, столовая и тарная керамика из коллекции Великого князя Александра Михайловича, владельца имения Ай-Тодор, который был известным собирателем древностей[2]. В стене его дома в Гаспре (ныне корпус санатория им. Р. Люксембург) осталось вмонтированное античное надгробие с изображением сцены пахоты. До 1984 г. в парке бывшего имения использовалось в качестве вазона для цветов монолитное известняковое обрамление колодца с рельефным изображением птиц с шейными повязками, сидящих по сторонам древа жизни, а также различных животных. Памятник, по мнению открывшего его В.А. Сидоренко, принадлежит к итало-византийской школе каменной пластики.

Известно, что для описания и систематизации своей коллекции А.М. Романов приглашал Э.Р. Штерна[3] и затем К.К. Косцюшко-Валюжинича. Директор Херсонесского музея занимался этой работой в 1907 г., незадолго до своей смерти[4]. На днищах многих античных ваз сохранились этикетки, на которых рукой К.К. Косцюшко-Валюжинича проставлены номера по описи и указано, где предметы располагались: «Кабинет», «Столовая».

От собрания античной керамики, в значительной степени уменьшившегося в годы второй мировой войны, в музее осталось более полусотни амфор (в подавляющем числе клейменых) и около пятисот форм парадной, туалетной посуды, терракот и светильников. В коллекции немало архаической коринфской и самосской керамики. На одной из чернофигурных ойнохой изображено шествие фантастических животных. Ко времени расцвета краснофигурного стиля относятся пиксида, гидрия и несколько пелик. Аттическая ойнохоя украшена прекрасной композицией из повернутых друг к другу голов юноши и девушки (рис. 1). Специальному изучению подверглась и была опубликована лишь небольшая часть сосудов — в основном аттические вазы керченского стиля и одна из редких

[1] Музей основан как естественно-исторический при Ялтинском отделении Крымско-Кавказского горного клуба. Позднее он переименовывался в краеведческий, в 1985 г. — в исторический, а с 1990 г. носит название Ялтинского государственного объединенного историко-литературного музея (ЯГОИЛМ).

[2] Записки Крымского горного клуба. № 11—12. 1896. С. 70.

[3] *Штерн Э.Р.* Краткое описание собрания Александра Михайловича в Ай-Тодоре // Археологические новинки. ЗООИД. 1904. Протоколы. С. 54—59.

[4] *Дьяков В.Н.* Древности Ай-Тодора // Труды Алупкинского историко-бытового музея. I. Ялта, 1930. С. 33.

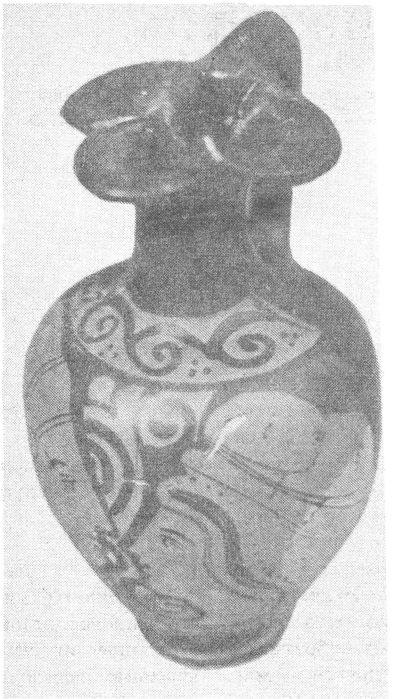

Рис. 1. Ойнохоя краснофигурная. Аттика. Конец V в. до н.э.

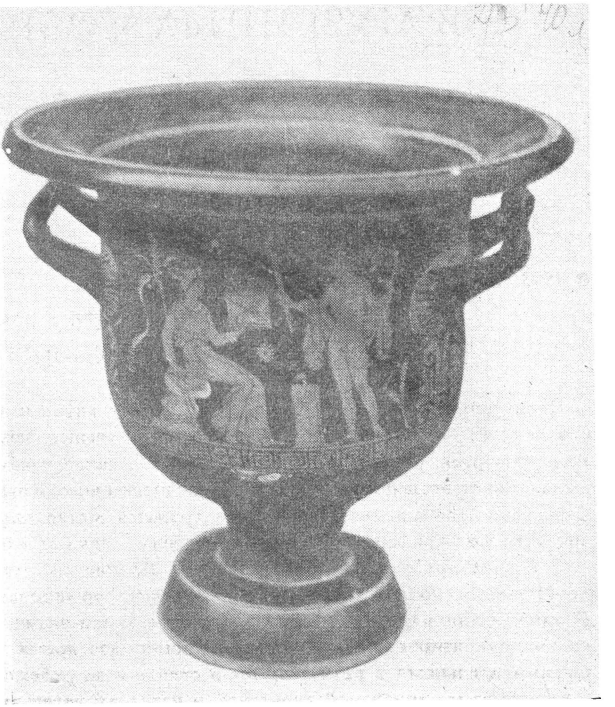

Рис. 2. Кратер краснофигурный. Южная Италия, Апулия. Середина IV в. до н.э.

амфор[5]. В Ялтинском музее имеется выдающаяся особенно крупными размерами краснофигурная пелика со сценами амазономахии, живописная манера росписи которой характеризуется уверенностью, свободой и динамизмом[6]. Значительное место в коллекции занимают сосуды из Южной Италии: кратер (рис. 2), пелика, скифос, гидриск, блюдо с изображением идущего Эрота (рис. 3). Из уцелевших после окончания войны памятников скульптуры замечателен выразительный бюст пожилого римлянина[7]. С историей аборигенного населения Горного Крыма связаны материалы раскопок таврского поселения на г. Кошка в Симеизе, проводившихся в 1950 и 1955 годах известным советским археологом П.Н. Шульцем[8].

В музее находится часть коллекции из многолетних раскопок укрепления Харакс, сооруженного древними римлянами и связанного с их присутствием в Южной Таврике с 60-х годов I в. н.э. до середины III в. Экспонаты, происходившие из дореволюционных и довоенных раскопок Харакса[9], сохранились не полностью. Среди них имеются глиняные трубы водопровода и духовного отопления терм, жернов, лутерий, приведенные в иллюстрациях к работе В.Д. Блаватского[10], а также кирпичи, плинфа и фрагменты черепицы с клеймами Равеннской эскадры и XI Клавдиева легиона Мезийской армии Рима. С некогда существовавшими возле римской крепости святилищем бенефициариев были связаны фрагменты посвятительных рельефов, утраченные в годы войны. В 1961 г.

---

[5] *Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. 19. С. 136—170; *Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953; *Зеест И.В.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. 83; *Шталь И.В.* Миф о пигмеях в Северном Причерноморье // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья в Цхалтубо. Тбилиси, 1985. С. 363, рис. 16; *она же.* Эпические предания древней Греции. М., 1969. С. 97.

[6] *Кобылина М.М.* Краснофигурная пелика Ялтинского музея // КСИИМК. 1947 XIV. С. 53.

[7] *Блаватский В.Д.* Римский портрет позднереспубликанской эпохи Ялтинского музея краеведения // Античный портрет. М.; Л., 1929. С. 31—35.

[8] *Шульц П.Н.* Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА. Киев, 1957. Вып. 7. С. 62—66.

[9] *Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. 40. С. 5; *Блаватский В.Д.* Раскопки Харакса в 1931, 1932, 1935 гг. // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 321—335.

[10] *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. 19. С. 250. Рис. 4.

Рис. 3. Блюдо краснофигурное с изображением идущего Эрота. Южная Италия, Апулия. 340—330 гг. до н.э.

случайно был обнаружен и поступил в музей новый вотивный рельеф с изображением фракийского Героя-всадника и сопровождающей его охотничьей собаки, преследующей вепря. На плитке имеется частично поврежденная надпись с именами дедикантов Аврелия Аксима и Клавдия Руфа[11]. Наиболее замечательными находками последнего десятилетия из раскопок Харакса стали две фрагментированные мраморные плиты, обнаруженные в 1984 г., одна из которых содержит посвятительную надпись[12].

В маленькой лапидарной коллекции музея выделяется мраморное надгробие из склепа Евресивия и Ареты. Этот памятник, связанный с дореволюционными раскопками Ольвии, долгое время считался утраченным[13].

За последнее время в связи с созданием в музее отдела археологии его археологические фонды увеличились более чем в пять раз. Новые поступления происходят не только из собственных раскопок музея, но также от экспедиций Института Археологии АН Украины, ведущих исследования в Горном Крыму. В музей переданы коллекции погребального инвентаря из позднеантичных и раннесредневековых некрополей, расположенных на мысе Ай-Тодор (раскопки К.К. Орлова)[14], в Лучистом под Алуштой и возле села Дружное Симферопольского района (раскопки А.Й. Айбабина)[15],

---

[11] *Соломоник Э.И.* Две случайные эпиграфические находки в Крыму // НЭ. 1965. V. С. 99—102.

[12] *Орлов К.К.* Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 21.

[13] *Соломоник Э.И.* Об одной утерянной ольвийской надписи // Античная культура Северного Причерноморья в первых веков н.э. Киев, 1986. С. 36—41.

[14] *Орлов К.К.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 106—130.

[15] *Айбабин А.И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII в. н.э. // Там же. С. 164—199.

Рис. 4. Деталь бронзового сосуда с изображением голов бодающихся козлов. I в. до н.э. — I в. н.э. Святилище у перевала Гурзуфское Седло, раскопки 1982 г.

в Верхней Ореанде и у подножия горы Мангуп (раскопки В.А. Сидоренко). Сотни раннесредневековых вещей обнаружены при исследовании захоронений в земляных склепах и подбойных могилах гото-аланского некрополя у пос. Голубой Залив (раскопки В.А. Сидоренко и В.М. Надикты), потревоженного в 1987 г. строительством. Богатейшая коллекция этого памятника содержит множество бронзовых и серебряных украшений, подобных находкам из Суук-Су и других известных раннесредневековых некрополей Крыма (орлиноголовые пряжки, двухпластинчатые фибулы, литые браслеты с расширяющимися концами), а также чернолощеные сосуды с зооморфными ручками, краснолаковую керамику, золотые височные кольца.

Самые большие поступления в археологическую коллекцию музея за последнее десятилетие связаны с исследованием святилища у перевала Гурзуфское Седло (раскопки автора)[16]. Предназначенное для отправления скотоводческого культа, оно существовало на протяжении тысячелетий, начиная с эпохи камня и заканчивая поздним средневековьем. Обнаружено огромное количество костей жертвенных животных — коров, быков, лошадей, домашних свиней, коз и овец. Особенно активно святилище функционировало в античную эпоху, представленную своеобразными ритуальными комплексами, а также значительным по ценности и числу найденных вещей набором вотивных приношений. Для наиболее раннего этапа его античной истории (VII—IV вв. до н.э.) характерным является использование в обрядах жертвоприношений вещей варварского облика: бронзовых проволочных браслетов, спиральных пронизей, булавок, скифского оружия, находящих аналогии в погребальном инвентаре таврских могильников из каменных ящиков. Неожиданным результатом раскопок явилось обнаружение в этом, казалось бы, затерянном районе, удаленном от оживленных античных центров, значительного количества привозных изделий, свидетельствующих о том, что начиная с IV в. до н.э. по первые века н.э. включительно в святилище поступал античный импорт. Впоследствии, в раннем средневековье, накануне сооружения первого христианского храма и в период

[16] *Novičenkova N., Novičenkov V.* Das Heiligtum auf dem Pab Gurzufskoe Sedlo // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 165—169.

Рис. 5. Статеры лисимаховского типа, чеканка Каллатиса и Византия. II—I вв. до н.э. Раскопки святилища у перевала Гурзуфское Седло 1983, 1984 гг.

его бытования сюда все еще доставлялись привозные вещи: стеклянные лампады, украшения, византийские монеты и т.д.

Коллекция этого памятника насчитывает около пяти тысяч предметов, не считая многочисленных фрагментов керамики и стекла. Некоторые материалы находятся еще в стадии научной обработки. Подавляющее большинство находок связано с периодом расцвета святилища, датирующимся I в. до н.э. — I в. н.э., и представляет собой в основном обычные для памятников Северного Причерноморья вещи. Их подбор приблизительно соответствует погребальному инвентарю некрополей городов и поселений древнего Крыма и отражает характерную для рубежа и первых веков н.э. общую нивелировку материальной культуры. Вместе с тем в коллекции святилища у перевала Гурзуфское Седло немало особенностей.

Выделяется италийская серебряная и бронзовая посуда (рис. 4). Найдены фрагменты стеклянных литых сосудов, которые наряду с импортными изделиями античной торевтики крайне редки в городах Северного Причерноморья. Осколки более поздних стеклянных изделий античного времени входят на памятнике в разряд массовых находок. Среди обнаруженных вещей — стили, стригили, амулеты, медицинские инструменты, детали весов, орудия труда, украшения из камней, цветных и драгоценных металлов, скифское, сарматское оружие. Интересны предметы римского вооружения, чрезвычайно редкие для памятников Северного Причерноморья.

Среди нумизматических находок имеются статеры лисимаховского типа (рис. 5), тетрадрахмы Митридата VI Евпатора (рис. 6), драхма Полемона Понтийского, монеты Вифинии, Каппадокии, Дионисополя, Хиоса, Амиса, республиканского Рима, кистофоры Марка Антония и Августа, денарии и ауреусы Тиберия, Клавдия, Нерона, Вителлия, Отона, Веспасиана, Траяна, монеты Ольвии, Боспора, Херсонеса. В нумизматической коллекции святилища содержатся уникальные экземпляры золотых монет государств Северного Причерноморья: херсонесский статер 95/96 г. н.э.[17], боспорские статеры — царицы Динамии 21/20 г. до н.э.[18], царя Аспурга 17 г. н.э.[19], два статера Митридата VIII 40 г., чеканенные одной и той же парой штемпелей[20].

Наиболее ценную часть коллекции древностей Ялтинского музея составляют найденные на Гурзуфском Седле античные серебряные и бронзовые статуэтки (рис. 7) — двадцать целых, а также фрагменты разбитых при совершении жертвенных обрядов. Их отличает высокий уровень художественного

[17] *Новиченкова Н.Г.* О находке нового херсонесского статера // СА. 1985. № 1. С. 260—262.

[18] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 78. № 148; *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204.

[19] *Анохин.* Ук. соч. С. 150.

[20] *Там же.* С. 151; *Фролова Н.А.* Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 1986. № 4. С. 54.

Рис. 6. Тетрадрахма Митридата VI Евпатора. Понт. Святилище у перевала Гурзуфское Седло. Раскопки 1985 г.

Рис. 7. Серебряные и бронзовые статуэтки Посейдона, Зевса, Исиды, Тюхе, Гермеса, Аполлона-Диониса из раскопок 1983 г. на Гурзуфском Седле, алтарик и подставка для размещения многофигурной композиции. I в. до н.э. — I в. н.э.

исполнения, а некоторые можно отнести к шедеврам античного искусства. В святилище обнаружены статуэтки Зевса (рис. 8), Посейдона, Гермеса, Аполлона, Ареса, Тюхе-Фортуны, Исиды, Кибелы, Артемиды, коня, змея, орла. Подавляющее большинство найденных на памятнике вещей имеет уникальную сохранность.

Святилище у перевала Гурзуфское Седло дает редкую возможность представить на примере коллекции единственного, к тому же небольшого по площади памятника основные вехи истории

Рис. 8. Серебряная статуэтка Зевса, I в. до н.э. Святилище у перевала Гурзуфское Седло. Раскопки 1983 г.

Крыма, его политическую и этническую историю, отразить развитие материальной и духовной культуры населения полуострова, показать связь найденных при раскопках святилища вещей с событиями истории древнего мира и многими культурными явлениями, с достижениями античной цивилизации, почему и необходимо организовать широкое экспонирование этой богатой коллекции. Из-за отсутствия помещений для создания полномасштабной археологической экспозиции музей демонстрирует археологические материалы выборочно, по частям, в рамках тематических выставок. В 1987 г. совместно с Институтом археологии АН Украины была подготовлена выставка «Таврика. Античность и средневековье», посвященная археологическим открытиям 1980-х годов, рассказывавшая об обнаруженных в Южнобережном и Горном Крыму археологических древностях. Все представленные на выставке экспонаты демонстрировались впервые.

На основе новейших археологических исследований была создана в 1990 г. экспозиция выставки «Люди и боги на древних монетах», сформированная исключительно из материалов раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Нумизматическая в своей основе, она содержала также множество других вещей: украшения, оружие, предметы быта, стеклянные и металлические сосуды, статуэтки — изделия античных центров и изготовленную в варварской среде продукцию местного производства, которые семантически связаны с изображениями на монетах и раскрывают смысл совершаемых в святилище обрядов жертвоприношений. Отдельные экспонаты из коллекции памятника в 1989—1991 гг. демонстрировались на выставках в Югославии, Венгрии, Финляндии, Италии, Великобритании, Испании, Германии.

Новые открытия древностей в Южнобережном и Горном Крыму свидетельствуют о том, что этот регион таит в себе богатейший, далеко еще не исчерпанный археологический потенциал.

Н.Г. Новиченкова

© 1993 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ БОСПОРА» (*Керчь, 1991 г.*)

15—19 октября 1991 г. в Керчи состоялась Международная научная конференция «Проблемы археологии и истории Боспора», посвященная 165-летию основания Керченского музея древностей. Конференция проводилась Керченским государственным историко-культурным заповедником. В работе конференции приняли участие сотрудники научных центров Симферополя, Севастополя, Одессы, Москвы, Петербурга, Анапы, Тбилиси, Афин, Констанца, Варшавы, Вашингтона, Нью-Йорка, Фаирфакса, Парижа, а также супруга посла Великобритании в России леди Брейтвейт. На заседаниях было прочитано 17 докладов. На основании представленных докладов составлен и издан сборник тезисов «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991).

Конференция была открыта докладом директора Керченского государственного историко-культурного заповедника д.и.н., проф. Э.В. Яковенко «Керченскому музею древностей 165 лет». В нем проанализирован процесс создания музея, роль общественных деятелей и ученых России 20-х годов XIX в. — П. Дюбрюкса, И.А. Стемпковского, И.П. Бларамберга и др. Основой коллекции музея стало частное собрание П. Дюбрюкса, которое постоянно пополнялось благодаря систематическим исследованиям античных и средневековых памятников. Особое внимание в докладе уделено идее «связи времен», сформулированной в среде ученых, связанных с Керчью еще в XIX в. и положенной в основу всей градостроительной концепции развития города.

В докладе *В.Н. Зинько* (Керчь) «Охранные археологические исследования Керченского заповедника» были подведены краткие итоги работы постоянно действующей археологической экспедиции, развернувшей охранные исследования при проведении строительных работ в городе. Совместно с научными организациями других городов проведены раскопки на более чем 10 объектах. По мнению автора возрастающий объем археологических исследований, необходимость координации усилий различных экспедиций требует создания единого Боспорского археологического центра. Доклад *В. Шуллера* (Констанц) «Романизация Черного моря» был посвящен анализу латинской надписи из Каллатиса, связанной с взятием Каллатиса Лукуллом. Подобные надписи (в настоящее время их известно 14) свидетельствуют о наличии в городе населения, говорившего по-латыни. *А.И. Айбабин* (Симферополь) в докладе «О датировке раннесредневекового некрополя Боспора» провел тщательный анализ фибул и пряжек, происходящих из раннесредневековых погребений. Полемизируя с И.П. Засецкой по вопросу хронологии этих находок, автор стремился доказать, что некрополь Боспора активно использовался и после первой половины VII в. Тезис о запустении города в этот период не согласуется и с результатами раскопок в районе церкви Иоанна Предтечи.

Интересные наблюдения о боспорских надгробных стеллах были приведены в докладе *Т.А. Матковской* (Керчь) «Жанры надгробного рельефа Европейского Боспора». Несмотря на сложившийся под влиянием религиозных представлений круг сюжетов, построенных по каноническим схемам, докладчица обратила внимание на множество примеров, когда мастера, используя разные жанры, находили оригинальные решения для воплощения бытовых, батальных сцен и др. В докладе *В.Н. Боровковой* (Керчь) «История комплектования коллекции краснофигурной керамики Керченского заповедника» были представлены сведения о составе собрания расписной керамики, времени поступления отдельных сосудов и путях формирования коллекции, насчитывающей 542 предмета. Определенный интерес вызвал доклад *Н.Ф. Федосеева* (Керчь) «Поселение Госпиталь». Приведенные автором сведения убедительно доказывают как временную датировку поселения, так и его хозяйственную направленность. Неоднозначно был воспринят доклад *А.Ю. Шастеля* (Одесса) «Конфигураторы знаний древних цивилизаций», посвященный двум многогранникам, найденным на Боспоре. Заявление автора, что многогранники с буквами являются закодированными знаниями древних о космосе не было аргументировано.

Вопросам организации обороны сельских территорий Европейского Боспора был посвящен доклад *А.А. Масленникова* (Москва) «Эволюция организации обороны хоры Европейского Боспора», в котором поэтапно прослеживалась защита хоры начиная с VI в. до н.э. по IV в. н.э. На основании данных новейших раскопок автор утверждал, что наиболее полно защита хоры проводилась при Асандре и строилась на сочетании фронтальной и очаговой обороны. Ее функционирование обеспечивалось особой организацией армии. Доклад *М.Ю. Трей-*

стера (Москва) «Римляне в Пантикапее» был основан на атрибуции новых находок из раскопок Пантикапея, которые, по мнению автора, свидетельствуют не только о торговых связях Боспора с Римом, но и дипломатических, политических, военных контактах. Доклад *Т.Н. Смекаловой* (Петербург) «Охранные археофизические исследования» — в соавторстве с *А.А. Масленниковым* (Москва) и *В.Л. Мынцом* (Симферополь) — был посвящен практическому использованию археофизических методов для решения специальных археологических задач, которые в ряде случаев носят экстренный характер. В докладе *В.А. Хршановского* (Петербург) «Грунтовые могилы I—II вв. н.э. на некрополе Илурата» были обобщены и проанализированы результаты исследований более 30 грунтовых могил северной части некрополя Илурата, раскопанных в 1987—1990 гг. На основе материала, полученного в результате исследования этого участка некрополя, докладчик касался вопросов, связанных с этнокультурной характеристикой основателей Илурата и его обитателей в I—II вв. н.э.

В докладе *Е.. Зинько* (Керчь) «Перспективы исследования пантикапейских расписных склепов» были намечены задачи по разработке комплексной программы исследования такого ценного археологического и исторического источника, как пантикапейские расписные склепы. Автор доклада считает, что необходимо создание специальной научной группы по исследованию и спасению сохранившихся расписных склепов. Детальному анализу и интерпретации найденному при охранных раскопках в 1990 г. красноглиняному поливному блюду был посвящен доклад *А.О. Иваниной* (Керчь) «Византийское блюдо из Керчи», которое она относит к изделиям константинопольских мастеров. Информацию о некрополе V—I вв. до н.э. содержал доклад *О.Д. Чевелева* (Керчь) «Античный некрополь на г. Хрони у с. Глазовка». Характерной особенностью некрополя автор доклада считает устройство погребений в выходе известняковой скалы. Сохранившийся инвентарь позволяет датировать погребения в простых ямах и плитовых могилах V—III вв. до н.э.; склепы, возникшие в IV в. до н.э., служили местом погребения по II—I в. до н.э. Деятельности Ю.Ю. Марти на посту директора Керченского историко-археологического музея был посвящен доклад *Р.Г. Синенко* (Керчь). В докладе *С.А. Шестакова* (Керчь) «О локализации боспорского города Гермесия» была предпринята попытка локализовать упомянутый Плинием Старшим город на мысе Ак-Бурун. По мнению автора, здесь существовала вторая, южная переправа на Таманский полуостров.

Интересные сообщения *В.П. Толстикова* (Москва) и *Н.З. Куниной* (Петербург) о результатах новейших раскопок Пантикапея и Нимфея были сделаны непосредственно на самих памятниках. Кроме этого участники конференции посетили археологические памятники Европейского и Азиатского Боспора, ознакомились с археологической выставкой, посвященной юбилею музея, с фондами заповедника и лапидарной коллекцией.

В заключение конференции был организован «круглый стол», на котором были подведены итоги конференции. В выступлениях участников конференции особенно подчеркивалась необходимость налаживания тесных международных связей, обмена информацией и литературой, публикации статей и каталогов, организации выставок и научного обмена. Для разработки программы сотрудничества был создан международный оргкомитет. Конференция приняла обращение к правительству Крымской республики о необходимости оказания безотлагательной помощи в деле сохранения уникальнейших археологических памятников Боспора.

В.Н. Зинько

© 1993 г.

XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО АНТИЧНОМУ РОМАНУ
(*Гронинген, 22 апреля 1992 г.*)

В г. Гронинген (Нидерланды) состоялся очередной XIII Международный коллоквиум по античному роману, организованный Отделением классических исследований филологического факультета Гронингенского университета. В коллоквиуме приняли участие антиковеды из университетских городов Германии, Италии, США и России. Бессменным руководителем и душой коллоквиума был и на этот раз проф. Х. Хофманн. После состоявшихся в Бангоре (Великобритания) и Дартмуте (США) конференций по античному роману Гронингенский университет стал своеобразным исследовательским центром по изучению проблематики, связанной с античным романом: помимо проводящихся дважды в год коллоквиумов, материалы которых в виде статей публикуются в сборниках Groningen Colloquia on the Novel (уже вышло пять выпусков), здесь создан Апулеевский кабинет, в котором собрана библиографическая информация по апулеевской тематике, а кроме того продолжается научно-исследовательская работа по изданию серии историко-филологических комментариев к тексту «Метаморфоз» (уже вышло 4 тома, см., например, L. Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A. Commentaries on Book III. Amsterdam, 1971).

Открывая коллоквиум, проф. *Х. Хофманн* в своем вступительном слове приветствовал собравшихся и, обратив их внимание на важность исследуемых в рамках коллоквиума вопросов, призвал к широкому обмену мнениями по поводу намеченных в программе докладов. С докладом «Греческий роман как элемент античной массовой культуры» выступил *В.Н. Илюшечкин* (Москва), который говорил, что хотя раскрытие аспектов греческого романа, отражающих социально-психоло-

гические черты мировоззрения «низового» читателя (или тем, родившихся вне литературы) и продвигает нас вперед в понимании античной массовой беллетристики, подобное толкование не покрывает греческий роман полностью (ср., например, роман Лонга) и даже в известной мере упрощает. Вместе с тем не случайно появление и распространение текстов на авантюрно-любовные темы наблюдается в относительно образованной среде ценителей. Тем самым один и тот же текст может выполнять по существу различные функции и восприниматься по разному в верхнем и нижнем слоях культуры.

Доклад *Д. Метцлера* (Мюнстер) «Восточный мираж: ахеменидская окрашенность греческих романов» был посвящен подробному рассмотрению «восточных» тем романов, связанных, как правило, с описанием отдельных бытовых штрихов из жизни персидских владык и картин придворных церемоний, игр, торжеств, туалетов государей и подданных и пр. в сопоставлении с дошедшим до нас изобразительным материалом археологических раскопок времен правления Ахеменидов. Автор доклада счастливо избежал произвольных параллелей, сосредоточив внимание на характерных особенностях жанра романтических историй в эпоху императорского Рима и пришел к выводу, что восточная тематика — далеко не второстепенный орнамент греческого романа, как жанра, а его органическая часть.

М. Райхель (Фрейбург) посвятил свой доклад «Новеллистические элементы в Киропедии Ксенофонта» конкретному анализу текста II книги (2.1—17). Основное внимание докладчика было обращено на влияние и роль сферы устного слова на «книжный» характер Киропедии, которая по своим жанровым особенностям вполне могла быть названа греческим романом (ср. вставные новеллы об Абрадате и Панфее, история ассирийца Гобрия и др.). Устные рассказы в Киропедии, или «солдатский юмор», вызывающий комический эффект, — анекдот сотника Гистаспа о том, как за обедом один из солдат был наказан за свою жадность, а также анекдот о непонятливом новобранце — и стали предметом рассмотрения в докладе М. Райхеля.

В докладе *А. Стрималья* (Бари) «Сверхъестественные сюжеты в греко-латинской беллетристике» на материале новонайденных папирусных фрагментов греческих романов («Финикийской истории» Лоллиана, Мичиганского папируса и др.) рассматривались особенности повествовательной поэтики позднегреческой (а отчасти и латинской) художественной прозы. Докладчик отмечал, что в II—III вв. весьма распространены сочинения, в которых речь шла о невероятных или труднообъяснимых с точки зрения естественных законов явлениях (духах, оборотнях, демонах и пр.); с одной стороны, занимательная беллетристика отражала возросшее легковерие читателей, с другой — стремление объяснить загадочные явления волею божества.

К. Коннорс (Сиэтл) выступила с докладом «Прошлое и действительность в романе Петрония», в котором подробно рассмотрела один из эпизодов «Сатирикона» — сцену в пинакотеке (гл. 83 и гл. 89), содержащую декламаторские упражнения Эвмолпа на тему о гибели Трои (весьма модный во времена Нерона сюжет), представляющие собой сокращенную парафразу Энеиды (ср. II. 199—212, а также Илиада VI. 503—511) и пародирующие текст вергилиевой (или лукановой?) поэмы. По мнению К. Коннорс, в рамках контекста Петрония сцена в пинакотеке приобретает антитетический смысл. Доклад *У.С. Смита* (Альбукерке) «Сочетание темы и содержания в Золотом осле» был посвящен в основном терминологическому и стилистическому анализу ряда эпизодов романа Апулея (I. 26; II. 26; IV. 35), а также словоупотреблениям sermo cotidianus в «Метаморфозах».

Все доклады вызвали оживленный обмен мнениями. В свое время Э. Роде в книге, посвященной греческим романам, пожалуй, впервые обратил внимание исследователей на эту разновидность античной художественной прозы. Время выявило в позиции Э. Роде опрометчивое и утопическое, но выявило и по-прежнему актуальное, судя по прошедшей дискуссии, которая, касаясь давних проблем, разгорелась как бы впервые. В частности, отмечалось, что круг поднятых докладчиками проблем столь широк и перспективен, что обсуждение их будет продолжаться и в дальнейшем. XIV Международный коллоквиум по античному роману прошел в Гронингене 30 октября 1992 г. и собрал исследователей из Германии (Н. Хольцберг, П. Хабермель, К. Зальман), Италии (К. Морескини, И.-Г. Байони), Королевства Нидерландов (Р.Т. ван дер Паардт), Великобритании (К. Дауден), США (Б. Эггер). Следующий, XV Международный коллоквиум намечено провести в Гронингене 23 апреля 1993 г.

В.И.

НОВЫЕ ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

(О работе I летней русско-латинской школы и конференции «Классическое образование в России. История и перспективы. Чтения памяти святого митрополита Всея Руси Алексея (1354—1378 гг.)», *Серпухов, 6—9 августа 1992 г.*).

По инициативе и при финансовой поддержке Международной академии экологической реконструкции, а также при активном участии издательства «КРУГЪ», Греко-Латинского кабинета Ю.А. Шичалина, Российской Академии наук, Отдела религиозного образования и катехизации Московской патриархии, а также городской администрации г. Серпухова 6—9 августа в Серпухове была проведена конференция на тему: Классическое образование в России. История и перспективы. Чтения памяти святого митрополита Всея Руси Алексея (1354—1378 гг.).

Конференция явилась одним из мероприятий в рамках работы I Летней русско-латинской школы, которая проходила с 24 июля по 9 августа 1992 г. на территории возрождаемого из руин Владычного монастыря под Серпуховом.

Школа была задумана несколькими московскими историками и филологами-классиками и, в соответствии с провозглашенным девизом «Ex fonte ipso bibere!» (Пить из самого источника!), ставила своей задачей возрождение гуманитарных ценностей русской культуры через обращение к античности как органическому элементу образования европейского общества, дополняя это изучением русской литературы, музыки и архитектуры. Школа мыслилась как международная, и целью ее выдвигалось создание базы культурного общения между молодыми людьми разных стран и обычаев.

Русско-латинская школа в Серпухове — древнем городе, сохранившем немало памятников старины, была задумана и осуществлена как практическое претворение в жизнь тех возможностей обновления общества, которые открываются ныне перед Россией. Пребывание на территории монастыря, основанного в 1360 г. митрополитом Алексеем, одним из зачинателей просвещения на Руси, было таким образом глубоко символично.

Не все получилось, как было задумано: сроки проведения школы сократились вдвое, не были в должной мере отреставрированы помещения для жилья и занятий, не удалось привлечь к работе школы всех предполагаемых преподавателей, не успели оформить приглашения иностранным участникам школы. И тем не менее Школа состоялась, и опыт ее проведения показывает, что она может и должна быть продолжена на постоянной основе.

Итак, целями школы, в работе которой приняли участие полтора десятка школьников из Москвы, Серпухова, Пущино, Протвино, а также из польского города Люблин и несколько преподавателей из Москвы, было углубление интереса к гуманитарным знаниям, к историко-филологическому и эстетическому развитию; отработка методов классического образования (древние языки, античная история, культура, мифология); углубленное изучение основ русской духовной культуры.

Аудиторные занятия чередовались с экскурсиями по Оке и по городу, прогулками в близлежащий сосновый бор, ежедневным купанием в озере. Во время экскурсий школьники знакомились с архитектурными и культурными памятниками, не пренебрегая в то же время занятиями, которые могли быть проведены и на пароходе, и в бору, и в парке старинной усадьбы.

В Школе, директором которой был Д.В. Сильвестров, изучались латынь, музыка, русская литература и архитектура.

Латинский язык преподавался каждый день. Преподаватель Л.Л. Кафанов использовал опыт работы, накопленный им в последние несколько лет в одной из московских гимназий: изучались основы латинской грамматики, читались и переводились несложные тексты, заучивались наизусть песни и крылатые выражения. За 17 дней удалось пройти полугодичный курс, читаемый в общегуманитарной гимназии. С тремя школьниками, изучавшими латынь до Летней школы на протяжении нескольких лет, велись индивидуальные занятия: они читали Катона, Цезаря, Феста и латинские надписи VII—I вв. до н.э. Кроме того, читались лекции по истории языка и истории культуры древнего Рима. Занятия строились следующим образом: утром в течение двух часов учащиеся занимались теорией и переводом, 1—1,5 часа после обеда выделялись для самостоятельной работы по переводу текстов и для грамматического анализа их с преподавателем.

Музыка (преп. Е.Ф. Федорова) изучалась в ее историческом развитии, начиная с наиболее ранних форм культового пения: григорианского хорала и знаменного распева.. Именно в них выявилось различие христианских культур Запада и Востока, но вместе с тем и их типологическая общность. История возникновения и развития основных жанров григорианского хорала осваивалась практически, т.е. в певческой практике. В занятиях использовалась методика профессора Парижской консерватории Егора Резникова, построенная на правильном, открытом дыхании, естественном способе извлечения звука, что приводит к эффекту предельно чистой интонации даже у людей с недостаточно развитым слухом. При исполнении ранних католических песнопений одновременно осваивались латинские тексты, что давало ощущение изучаемой «мертвой» латыни как языка живой многовековой культурной традиции.

Изучение русской музыки проходило на примере такого своеобразного явления, находящегося на грани устной и письменной культуры, как духовный стих.

Ряд ценных лекций по истории, теории и эстетике русской духовной музыки был прочитан приглашенным специалистом в этой области музыковедом-фольклористом Л.А. Игошевым.

Занятия по литературе (преп. В.И. Мильдон) велись в виде живых, свободных бесед и имели целью дать представление о русской литературе как целом. Русская литература (Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой, Чехов) рассматривалась в свете устойчивых образов, таких, как времена года, природные стихии, даль, дорога, дом. Анализ некоторых устойчивых структур художественного текста сообщал навыки по теории литературы, оттеняя различия в поэтике разных авторов, и раскрывал художественный опыт словесной культуры прошлого.

Форму семинара носили занятия по стиховедению, помогавшие освоить медленное, внимательное чтение стихов, реконструируя их поэтический смысл (преп. Г.С. Лебедева).

Наконец, лекции по архитектуре (преп. Д.В. Сильвестров) носили обобщающий, культурологический характер, перекликаясь, соотносясь с материалом, почерпнутым на занятиях латынью, литературой и музыкой. Это обеспечивалось согласованным изложением указанных дисциплин: преподаватели присутствовали на занятиях друг друга; атмосфера и композиционное построение занятий способствовали возникновению и поощрению диалога, вовлечению в него учащихся.

Завершение работы Школы было отмечено заключительным концертом перед участниками собравшейся в Серпухове конференции: выступлением хора, исполнившего произведения католической и православной духовной музыки, и спектаклем — пьесой в стихах дореволюционного русского литератора В.Ф. Саводника «Цицерон и Катилина», музыка к которой была написана одним из учащихся.

Опыт Школы можно считать исключительно интересным и многообещающим, что было отмечено самими детьми, их родителями, представителями народного образования и культуры г. Серпухова, участниками конференции.

Работу Школы предполагалось продолжить. В связи с этим намечено прежде всего проведение «зимней сессии» с тем же составом учащихся. Для этого преподавателями Школы разработан краткий учебный цикл, включающий продолжение латинских занятий и изложение ряда гуманитарных тем по уже изучавшимся в Школе предметам, с добавлением права и более систематических занятий спортом (лыжи).

Летом, при условии обеспечения элементарных удобств для проживания и занятий и наличии финансирования задумано продолжение работы школы как с уже имеющимся контингентом учащихся, так и с привлечением новых из Москвы, Петербурга и других городов, где налажено преподавание классических языков. Здесь планируется действительное превращение Школы в международную: есть сведения о детях, желающих приехать из Германии, Франции, Италии и других стран.

У энтузиастов и организаторов Школы много планов, куда входит и возможная организация постоянно действующего лицея и даже Серпуховского университета и т.д. Все эти планы органично вырастают из того опыта, который дала I Летняя русско-латинская школа.

Как уже было сказано, к финалу Школы была приурочена конференция по проблемам истории и перспектив классического образования в России. Посвящение конференции памяти Алексея не случайно. Помимо прямой связи, существующей между ним и Владычным монастырем, который он основал, существует также глубинная связь между его деятельностью в области образования и культуры и судьбами классического наследия в нашей стране.

Именно по инициативе Московского святителя Алексея, который «с неослабной энергией отстаивал значение Москвы как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли» (В.О. Ключевский), во второй половине XIV в. на Руси разворачивается активная литературная и переводческая деятельность. Появляются переводы греческих авторов, не связанные, как обычно, с южнославянской книжностью, а выполненные русскими переводчиками, воспитанными в многочисленных монастырях, основанных Алексеем, который и сам занимался переводами с греческого.

На конференции предполагалось рассмотреть проблемы, связанные с элементами классического образования во все периоды истории Русского (Российского) государства с древнейших времен до наших дней. Особое внимание при подготовке конференции решено было уделить следующим темам: степень знакомства в Киевской Руси с античной культурой; Митрополит Алексей и классическое образование его времени; судьбы классического наследия в допетровское время; XVIII век — становление европейской модели образования: трудности и достижения; проблемы классического образования в XIX в.; идеологическая борьба вокруг «классицизма» в школе; рецепция античности в культуре советского общества; возрождение классического образования как базиса общеевропейской интеграции: современное состояние и перспективы.

И хотя по ряду объективных причин не все заявившие о своем участии исследователи смогли приехать в Серпухов, тем не менее состав участников, уровень их квалификации, научное и практическое значение докладов и выступлений, общий настрой и энтузиазм собравшихся, хорошая организация работы конференции позволили ее участникам считать работу конференции успешной.

В открытии конференции, которая проходила в здании Серпуховского горсовета, участвовали глава администрации г. Серпухова Н.А. Адушев, Президент Международной академии экологической реконструкции Р.И. Фоков, зав. отделом религиозного образования и катехизации Московской патриархии игумен Иоанн (Экономцев) — филолог-классик по университетскому образованию,

атташе по культуре итальянского посольства проф. Витторио Страда, которые приветствовали участников конференции и Летней русско-латинской школы. Состав президиума отражал то соединение бизнеса, политики и науки, которое, по мнению участников конференции, наиболее плодотворно для разработки проектов, связанных с возрождением образования и культуры в нашей стране.

В течение двух дней было прочитано 14 докладов, которые в основном смогли отразить все стороны проблематики. Конференция началась с научно-практических докладов: был заслушан отчет о работе директора летней школы Д.В. Сильвестрова, который высказал ряд претензий к местной администрации, считая поддержку школе пока недостаточной. Был заслушан доклад зав. отделом культуры администрации г. Серпухова А.И. Редькина «Проблемы взаимоотношений государства и церкви в использовании культовых зданий», где использовался опыт таких взаимоотношений, накопленный в Серпухове.

В докладах нашли свое отражение различные аспекты истории классического образования в России: в древней Руси (Г.Н. Джаксон — «Центры учености в Скандинавии и на Руси в XI—XIII вв.»), при митрополите Алексее (Л.П. Жуковская — «Евангелие митрополита Алексея 1355 г.»), в XVI—XVIII вв. в Юго-Западной Руси (С.Г. Яковенко — «Латинская образованность в Восточной Европе (XVI—XVIII вв.)»), в XVIII и XIX вв. (Ю. Шеина «Литературный портрет Срезневского как переводчика Овидия»; В.А. Дунаевский «Кантонисты. Некоторые аспекты образования XVIII — середины XIX в.»; Г.А. Богатова — «Академик И.И. Срезневский и проблемы классического образования в России во второй половине XIX в.»; П.Г. Пустовойт — «Философско-этические импульсы в русской литературе XIX в.»).

Проблемы возрождения классического образования в наши дни обсуждались в докладах Ю.А. Шичалина «Проблемы возрождения классического образования в России» и А.В. Подосинова «Место латыни среди других дисциплин актиковедческого цикла в современной русской гимназии».

Ряд докладов был посвящен смежным историческим проблемам (В.Д. Назаров — «Серпуховское княжество в XV веке»; В.В. Дергачев "Славянин из Норика»; А.Н. Жилин — «Опыт совместной работы историка и художника в издании исторической литературы»).

Участники конференции живо обсуждали итоги работы Летней русско-латинской школы и всячески приветствовали это начинание, считая необходимым сделать ее ежегодной, традиционной и, возможно, международной. Положительным представляется тот факт, что в работе конференции участвовали представители и университетской, и академической науки, филологи и историки, профессора и студенты, люди разных поколений, русисты и филологи-классики. В программу Чтений входил концерт, подготовленный воспитанниками школы во время учебы в Летней школе; для участников конференции была проведена также экскурсия по территории Владычного монастыря и ряд экскурсий по городу и его окрестностям.

На заключительном заседании было решено в ближайшем будущем опубликовать доклады участников конференции в одном из изданий издательства «КРУГЪ»; было рекомендовано сделать конференцию ежегодной и международной, расширив круг участников.

А.В. Подосинов, Д.В. Сильвестров

© 1993 г.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ЭКОЛОГИЯ И АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО»

(*Анапа, 20 сентября 1992 г.*)

В сентябре 1992 г. Центром сравнительного изучения древних цивилизаций при содействии Академии экологической реконструкции в Анапе был проведен международный «круглый стол» «Экология и античное общество», в котором приняли участие историки, археологи, географы и геоморфологи. Круглый стол проходил на базе Анапской археологической экспедиции Института археологии РАН и Краснодарского историко-археологического музея-заповедника, руководителю которой, Е.М. Алексеевой участники выразили глубокую признательность за прекрасную организацию. Было решено посвятить круглый стол памяти А.С. Шавырина — основателя археологического заповедника «Горгиппия». Вел заседания *Г.А. Кошеленко* (Москва).

В докладе *И.М. Безрученко, В.К. Голенко* и *О.Н. Усачевой* (Москва) «Экологическая археология Европейского Боспора (к постановке проблемы и первый опыт исследования)» был обобщен первый опыт реконструкции палеоэкологической ситуации на Европейском Боспоре в античный период. В качестве примера были рассмотрены результаты исследований Восточно-Крымской, Южно-Боспорской экспедиций и Казантипского отряда. В результате комплексных исследований ряда районов Керченского полуострова (урочища Опук и прилегающих территорий, Караларского побережья и полуострова Казантип) были сделаны выводы о демографической, палеоэкологической и социальной ситуации в античный период.

В докладе *Б.А. Вахрушева* (Симферополь) «Экология и источники ресурсов питьевых вод, используемых античными и средневековыми поселениями Керченского полуострова» был сделан вывод

о большой роли конденсации в питании подземных вод. На основе водобалансовых расчетов докладчик определил предельную численность населения отдельных поселений, расположенных в районе горы Опук. Он привел описание конструктивных особенностей водозаборных сооружений — колодцев, галерей и т.п., рассмотрел экологические аспекты проблем водопользования.

В докладе *А.А. Клюкина* (Симферополь) «К вопросу о проникновении на Керченский полуостров экзотических пород в геологическое и историческое время» было отмечено, что часть обломков, встречающихся в морских отложениях пляжей, пересыпей и террас, принесена с плавником в основном из Кавказа и Малой Азии, а другая часть была привезена в качестве каменного балласта на кораблях, а также представляет собой якоря, зернотерки и другие каменные изделия античного времени.

В докладе *А.А. Малышева* и *М.Б. Медниковой* (Москва) «Проблемы демографии и хронологии по материалам Цемдолинского могильника» проанализированы материалы раскопок 1991 г. Памятник находится неподалеку от Цемесской бухты, где располагался, по данным античных авторов, боспорский город Баты. Установлен период наибольшей интенсивности функционирования могильника (вторая половина I — первая половина II в. н.э.) и связь погребального обряда с меотской культурой Прикубанья. Исследованность памятника позволяет провести палеодемографическую реконструкцию, в результате которой и учитывая географическое положение могильника (пограничный район Боспора), большой удельный вес погребений воинов-всадников можно предположить, что захоронения принадлежали военизированной группе из меотского населения, осуществлявшей охрану юго-восточных границ Боспора.

Фундаментальный доклад *Освина Меррея* (Оксфорд) «Экология и аграрная история древней Греции» содержал подробный обзор и критический анализ экологических концепций истории Греции (доклад в переработанном виде будет опубликован в ВДИ).

А.М Новичихин (Анапа) сделал сообщение о находках ювелирных изделий I—III вв. н.э. из охранных раскопок некрополя Горгиппии, проведенных Анапским археологическим музеем в 1987 г.

В обсуждении докладов приняли участие Г.А. Кошеленко, Л.П. Маринович, И.М. Безрученко, В.А. Головина, С.Г. Карпюк и В.И. Кац.

Л.В. Семенченко, С.Г. Карпюк

ПАМЯТИ НОННЫ ЛЕОНИДОВНЫ ГРАЧ

(1929—1991)

6 декабря 1991 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончалась Нонна Леонидовна Грач — старший научный сотрудник, зав. сектором Северного Причерноморья Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Мы потеряли талантливого ученого и близкого друга.

Нонна Леонидовна родилась 22 января 1929 г. в Ленинграде. Она оставалась в Ленинграде и в период Великой Отечественной войны. Будучи школьницей, она перенесла все тяготы блокады, была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

После окончания школы она поступила на исторический факультет Ленинградского университета, который окончила в 1952 г. В 1953 г. она была принята на работу в Отдел античного мира Эрмитажа. В 1979 г. Н.Л. Грач стала заведующей сектором Северного Причерноморья.

Будучи ученицей профессора В.Ф. Гайдукевича, крупного археолога-антиковеда, Нонна Леонидовна еще в студенческие годы проявила большую любовь и способности к полевой археологической работе. С первых же дней учебы она принимает участие в раскопках боспорских городов Илурата и Мирмекия и позднее становится одним из ведущих сотрудников Боспорской археологической экспедиции.

В Эрмитаже не менее энергично Н.Л. Грач занялась различными видами музейной деятельности: школьными кружками, экскурсиями, занятиями с экскурсоводами, экспозиционной и хранительской работой, что всегда было связано у нее с пристальным изучением коллекций.

Но едва ли не самой важной для нее была работа археолога. Из рядового сотрудника различных археологических экспедиций (Березанской, Боспорской, Ольвийской) Н.Л. Грач вырастает в руководителя Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, которую она возглавила в 1966 г. Под руководством Нонны Леонидовны эта экспедиция стала одной из самых значительных на Боспоре. Именно здесь проявились ее незаурядные организаторские способности: дар подбирать сотрудников, умение сплотить их в дружный коллектив, организовать быт в сложных полевых условиях. Все это сочеталось у Нонны Леонидовны с высочайшим профессионализмом в работе, с умением «видеть землю» на таком многослойном и стратиграфически сложном памятнике, как Нимфей. Развивая традиции В.Ф. Гайдукевича, Н.Л. Грач вела раскопки последовательно, широкими площадями. Такая работа дала свои плоды. Самым красноречивым результатом последних лет работы явилось открытие эллинистического храмового комплекса в южной части Нимфея. В 1992 г. здесь было обнаружено множество фрагментов полихромной стенной штукатурки, поверхность которой была испещрена многочисленными рисунками и надписями. Из этих фрагментов удалось воссоздать декор стен святилища. Неожиданным оказалось подробнейшее изображение крупного египетского корабля-триеры под названием «Изида». Нонна Леонидовна в ряде статей положила начало изучению этого уникального памятника — важного источника по истории Боспорского царства.

Под руководством Н.Л. Грач велись раскопки не только городища Нимфея, но и его некрополя (1966, 1973—1978 гг.), возобновленные после почти столетнего перерыва. Большая монографическая работа Нонны Леонидовны, посвященная нимфейскому некрополю, к сожалению, осталась неопубликованной. Комплексное изучение городища и некрополя дало возможность Н.Л. Грач создать собственную оригинальную концепцию истории Нимфея, что отразилось в ее полевых отчетах и статьях.

Круг научных интересов Нонны Леонидовны был разнообразен и широк: он отражал как ее археологическую деятельность, так и изучение музейных коллекций. Ею были написаны статьи, посвященные кургану Куль-Оба, памятникам скифского искусства, античным ювелирным изделиям, бронзовым зеркалам, греческой и местной боспорской скульптуре, античным терракотам, боспорским весовым системам, виноделию, культам и политической истории Боспора.

Н.Л. Грач была активным участником отечественных и международных научных съездов, конференций и симпозиумов, неоднократно выезжала за рубеж с эрмитажными выставками, ее научные заслуги получили широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом. Где бы ни оказалась эта красивая и обаятельная женщина, вокруг нее группировались ее коллеги: ей был присущ особый шарм, способность привлекать сердца. Ее щедрая и открытая манера общения никого не оставляла равнодушным.

В лице Нонны Леонидовны Грач мы потеряли не только талантливого ученого и музейного работника, но и прекрасного человека. Ее ум, широта, доброта, мужество в трудных ситуациях, замечательное чувство юмора всегда привлекали к ней людей. И такой она навсегда останется в наших сердцах.

Н.З. Кунина, О.Я. Неверов

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1993 г.

TATIANI

ORATIO AD GRAECOS

ТАТИАН

СЛОВО К ЭЛЛИНАМ

Перевод с древнегреческого,
вступительная статья и комментарии *Д.Е. Афиногенова*

Из христианских писателей II в., получивших общее наименование «ранних апологетов», особое место в истории церкви и христианской литературы приналлежит Иустину Философу (или Мученику) и Татиану. При этом все доступные источники, начиная с их собственных сохранившихся сочинений и кончая поздними церковно-историческими компиляциями, свидетельствуют о полной их противоположности друг другу во всем, что выходит за пределы основных положений христианского вероучения. Вместе с тем известно, что Татиан, ученик Иустина, относился к нему с неизменным почтением, и сведений о каких бы то ни было разногласиях между ними у нас нет.

И все же различия между этими двумя авторами настолько серьезны, что их невозможно игнорировать. Поэтому в качестве введения к новому русскому переводу сочинения Татиана целесообразно будет рассмотреть, насколько отраженные в нем взгляды и настроения характеризуют общее направление святоотеческой мысли, и не стоит ли за ним нечто большее, чем личный темперамент и пристрастия автора.

Если Иустин был чтим не только как мученик, отдавший жизнь за Христа, но и как один из главнейших богословских авторитетов доникейского времени (именно поэтому ему приписано множество более поздних сочинений), то Татиану досталась роль еретика и маргинала, хотя изрядная часть его литературной деятельности приходится на время до разрыва с кафолической общи-

ной. Как известно, Тертуллиан под конец жизни впал в ересь, но это не помешало его трудам снискать высочайшую оценку церкви — в случае же с Татианом этого не произошло.

Интересно, что в дошедшем до нас материале источников образ Татиана разделяется как бы на две части, соотносимые между собой, но все же отчетливо различающиеся. Во-первых, это Татиан Иринея Лионского, Климента Александрийского, Евсевия и Епифания — «патриарх» энкратитской ереси[1], отвергавший брак, мясную пищу и вино (даже в евхаристии, откуда название Татиановой секты «гидропарастати», т.е. освящающие на литургии воду). Деятельность этого Татиана проходит в Сирии и Месопотамии, на его родине: именно там он составляет согласованную версию четырех евангелий, так называемый Диатессарон, где весьма искусно устранено все, что противоречило вышеупомянутой энкратитской доктрине. Немаловажно и то, что Диатессарон, по всей вероятности, изначально был написан не по-гречески, а по-сирийски, и наибольшее распространение впоследствии получил именно в сироязычной среде.

«Второй» Татиан, которого мы знаем из его собственного единственного сохранившегося по-гречески произведения — «Слова к эллинам», живет в Риме, учится, как уже было сказано, у Иустина Философа, вместе с ним терпит преследования язычников и в общем и целом остается в рамках православного вероучения (Отделение Татиана от кафолической церкви произойдет лишь после смерти Иустина, около 172 г.). Но и тут он идейно противостоит своему учителю, на этот раз не в богословских воззрениях (здесь можно говорить лишь об отличиях и особенностях), а в том, что и составляет главный интерес данной публикации: в отношении к греческой языческой культуре. В то время как Иустин в своей «Апологии» ищет пути сближения и взаимодействия, с уважением говорит об эллинских мудрецах и видит в них искру Божественного откровения, Татиан отвергает греческую цивилизацию во всем ее объеме: начиная с философии и кончая изобразительным искусством, причем делает это с довольно злобным и ядовитым сарказмом, передать который было одной из труднейших задач настоящего перевода.

Таким образом, возникают два взаимосвязанных вопроса: каковы были мотивы Татиана (и в частности, есть ли его позиция результат персонального ressentiment или отражение более глубоких тенденций), а также насколько «второй» Татиан связан с «первым», иными словами, можно ли усмотреть какую-то связь между его яростной враждебностью к «внешней» культуре и позднейшим еретическим отклонениям?

Ответ на первый вопрос, казалось бы, лежит на поверхности. Татиан неприязненно относится к греческой цивилизации прежде всего потому, что сам он сириец, т.е., с точки зрения греков, варвар, с чем он и сам как будто бы согласен (Ad Graecos, 35 sq.)[2]. Такой же «простой» ответ напрашивается и на второй вопрос: Татиан более нетерпим ко всему нехристианскому в силу своего крайнего ригоризма. К сожалению, обе эти версии (исходящие, кстати говоря, в основном из личных, более или менее маргинальных особенностей нашего автора) не находят достаточного фактического подтверждения.

М. Эльце в своем основополагающем исследовании о Татиане[3] убедительно показал, что все средства, которые тот применяет для поругания греческой культуры, почерпнуты из ее же арсеналов, и что и у философских воззрений Татиана имеются вполне эллинские корни. Ни о каком столкновении двух культур, если под таковыми понимать греческую и сирийскую, в «Слове к эллинам» не может быть и речи. С другой стороны, известно, что основной пафос энкратитов был направлен не против греков, а против иудаизма. И хотя М. Эльце вряд

[1] Бл. Иероним, см. *Tatian.* Oratio ad Graecos and Fragments / Ed. M. Whittaker. Oxf., 1982. P. 82.

[2] Мы предпочитаем в этом месте чтение издателей καθ' ἡμᾶς.

[3] *Elze M.* Tatian und seine Theologie. Göttingen, 1960.

ли прав, настаивая на полном отсутствии в мировоззрении Татиана негреческого компонента, очевидно, что этот последний не проявляет себя столь же прямолинейно, как у людей нашего века их национальные пристрастия.

В статье о Татиане[4] мы уже попытались показать, что основное противостояние у Татиана происходит между эллинами и христианами, а не между эллинами и варварами, как это может показаться на первый взгляд. Но вот понимает Татиан эллинство и христианство довольно своеобразно. Для него и то, и другое есть «полития», то есть некоторая общность, охватывающая все стороны человеческой жизни (религию, обычаи, науку, искусство, литературу и т.д.), но конституирующаяся на юридической, законодательной основе. При этом понятие «закона» здесь совершенно абстрагировано от государства, однако приобретает известный религиозный оттенок.

Такая позиция влечет за собой вполне определенные последствия, если Иустин подчеркивает, что христиане — люди из всех народов (Апология, 1, 1; 15,6; 31,7; 40,7) и новая общность, снимающая всякую этносоциальную обособленность, так что они занимают среди варваров то же место, что среди эллинов философы (там же, 7,3), то для Татиана это лишь одна из «политий», но при этом единственная истинная. Поэтому он, свободно избрав вместо эллинской политии, к которой принадлежал прежде (Ad Graecos, 1), христианскую, считает себя обязанным отвергнуть и все содержание эллинства целиком, именно потому, что теперь все это, и философия, и риторика, и искусство, относится к чуждой политии и никак не может быть отделено от, например, почитания ложных богов. В христианскую же политию входит и собственная ученость, и философия, которые полностью заменяют эллинские. Становясь христианином, Татиан меняет не веру, а, скорее, закон (не случайно само слово «вера» встречается у него лишь 1 раз в гл. 15, тогда как «полития» — 7, и еще 3 раза «законодательство»). Разумеется, в этот религиозно окрашенный «закон» входит и вероучение — однако наряду со всеми прочими сферами жизни.

Истоки такого «законнического» и партикуляристского мировоззрения лежат, безусловно, в иудаизме, как бы неприязненно сам Татиан не относился к Ветхому Завету (что следует из свидетельства Климента Александрийского[5]). И как раз это стремление к обособлению, к замыканию в рамках самодостаточной политии, как кажется, и стало главной причиной разрыва Татиана с церковью, потому что каковы бы ни были доктринальные отклонения Татиана, инициатива в этом разрыве, по единодушному утверждению источников, исходила именно от него.

Итак, похоже, что взгляды и судьба Татиана могут служить хорошим примером того, насколько трудно давался христианам отказ от тысячелетнего наследия иудейской обособленности и сколь сильное тяготение к безоговорочному отвержению всего чужого нужно было преодолеть таким людям, как Иустин или Климент Александрийский, чтобы вступить в то исключительно плодотворное взаимодействие с языческой культурой, результаты которого наложили неизгладимый отпечаток на всю последующую святоотеческую мысль. С другой стороны, и позиция Татиана отнюдь не стала лишь достоянием истории: ее можно без труда распознать в воззрениях многих наших современников. Поэтому позволительно надеяться, что публикация нового перевода «Слова к эллинам» может представить не только чисто научный интерес.

---

[4] *Афиногенов Д.Е.* К кому обращена апология Татиана? // ВДИ. 1990. № 1. С. 167—174.

[5] *Clem. Alex.* Stromata 3. 12. P. 548, 16 / Ed. O. Stahlin. B., 1958.

Татиан

СЛОВО К ЭЛЛИНАМ[1]

1. Не будьте столь недоброжелательны к варварам, о мужи эллины, и не злобствуйте на их учения. Потому что какое занятие у вас не получило своего начала от варваров? Ведь гадательное искусство изобрели телмессяне[2], из тех, что поспособнее, карийцы — предсказания по звездам, по полету птиц — фригийцы и древнейшие исавры, киприоты — жертвоприношения, астрономию — вавилоняне, магию — персы, геометрию — египтяне, а грамоту — финикийцы. Так что перестаньте подражание называть изобретением. Ведь слагать и петь стихи научил вас Орфей, и он же — посвящениям в таинства, туски — лепить из глины, сочинять истории — египетские летописные записи, от Марсия же и Олимпа[3] вы взяли искусство игры на флейте — а они оба были фригийцы. Сельские жители придумали свирельный лад, тирренцы — трубу, кузнечное ремесло — киклопы[4], а науку писать письма (изобрела) женщина, некогда предводительствовавшая персами, как говорит Гелланик[5], имя же ее было Атосса[6].

Так что бросьте вашу надменность и не выставляйте благолепие слов, вы, которые хвалите самих себя и защитников берете из вашей же среды. Умным же людям следует подождать свидетельства других, да и в произношении слов быть согласными. Ныне же получается, что только вы не созвучны (сами себе) даже в разговоре. Ведь у дорийцев не тот говор, что у жителей Аттики, а эолийцы изъясняются несходно с ионийцами, и такой беспорядок царит там, где не следовало бы, что я недоумеваю, кого мне называть эллином. Да еще, что нелепее всего, вы уважаете неродственные вам выражения и, временами злоупотребляя варварскими речениями, внесли в ваше наречие полное смешение. Из-за этого мы распростились с вашей премудростью, сколь бы замечательные люди в ней не подвизались. Потому что все это, согласно комическому поэту

Пустоцветы, болтунишки, мразь
Сороки бестолковые, кропатели[7],

и приверженцы ее издают звуки, подобные вороньему карканью. Ибо риторику вы придумали ради доносов и несправедливостей, за мзду продавая свободу вашей речи и часто выставляя в дурном свете то, что только было справедливо[8]. А поэзию (вы придумали), чтобы сочинять сражения, любовные похождения богов и растление душ.

2. А что достойного произвели вы, философствуя? И кто из самых порядочных был свободен от хвастовства? Диоген из бочки, похвалявшийся своей самодостаточностью, съел сырого полипа и из-за своей невоздержанности умер от расстройства кишечника. Аристипп, расхаживая в багрянице, вполне достоверно развратничал. Философствующий Платон был продан Дионисием в рабство по причине чревоугодия, а Аристотель, невежественно положивший предел провидению и заключивший счастье лишь в том, что ему самому нра-

---

[1] Перевод выполнен по изданию: *Tatian.* Oratio ad Graecos and Fragments / Ed. M. Whittaker. Oxf., 1982 (в ряде случаев принимаются чтения других издателей). Примечания также отчасти основаны на этом издании.

[2] Было два города с названием Телмесс, в Карии и в Ликии, оба с оракулом Аполлона. Какой из них имеется здесь в виду, с уверенностью сказать невозможно.

[3] Марсий — сатир, соревновавшийся с Афиной, которая в наказание за дерзость содрала с него кожу; Олимп — полулегендарный фригийский музыкант.

[4] Киклопы были подручными бога-кузнеца Гефеста.

[5] Гелланик Лесбосский (V в. до Р.Х.) — древнегреческий мифограф.

[6] Имеется в виду не историческая Атосса, жена Дария, а некая мифическая правительница.

[7] *Аристофан.* Лягушки. 92—93.

[8] Скорее всего, аллюзия на старое обвинение в адрес софистов, что они делают «слабейшее слово сильнейшим», т.е. более слабую позицию на судебном процессе более сильной и наоборот.

вилось[9], весьма грубо льстил Александру, этому бешеному юнцу, который совсем по Аристотелю за нежелание поклоняться ему возил своего друга запертым в клетку, словно медведя или барса[10]. Так что он прекрасно слушался наставлений своего учителя, выказывая мужество и доблесть на пирах и пронзая копьем ближайшего и любимого друга, а потом плача и воздерживаясь от пищи под предлогом горя, чтобы его не возненавидели приближенные[11]. Можно посмеяться и над теми, кто до сих пор пользуется его учениями, кто, говоря, что подлунный мир не управляется провидением (тем не менее), сами, будучи ближе к земле, чем Луна и ниже круга ее обращения, предусматривают то, что провидению недоступно. А у кого нет красоты, богатства и телесной крепости, у тех, по Аристотелю, нет и счастья. Ну, пусть они философствуют.

3. Я бы не одобрил Гераклита, сказавшего «я сам себя выучил»[12], потому что он самоучка и гордец, и не похвалил бы его за то, что он спрятал свои сочинения в храме Артемиды, чтобы их появление потом выглядело таинственно. Ибо те, кого такие вещи занимают, говорят, что трагик Еврипид, спускаясь туда и читая эти темные Гераклитовы писания, по памяти малыми долями передал их знатокам. Так вот, его невежество обличила смерть, потому что, заболев водянкой и занявшись врачеванием с тем же успехом, что и философией, он обмазал всего себя испражнениями, а когда навоз «схватился» и стал раздирать тело, он скончался от судорог. Отвергнуть нужно и Зенона[13], утверждающего, будто после воспламенения те же люди воскреснут для тех же дел, то есть Анит и Мелет[14] — чтобы обвинять, Бусирис — чтобы убивать чужеземцев, а Геракл — чтобы снова совершать подвиги. В своем рассуждении о воспламенении он выводит больше негодяев, чем праведников вроде Сократа, Геракла и им подобных, которые редки и немногочисленны. Ибо злых получится гораздо больше, чем добрых, и Бог оказывается у него творцом зла, проявляясь в червях и канавах, и в тех, кто предается неудобосказуемому разврату. Хвастовство Эмпедокла обнаружили огненные извержения на Сицилии, потому что, не будучи богом, он оболгал то, что себе приписывал[15]. Посмеюсь я и над старушечьей болтовней Ферекида[16], и над наследником его учения Пифагором, и, пусть кое-кто и возражает, над подражающим тому Платоном. Ибо кто же станет свидетельствовать в пользу Кратетовой «собачьей свадьбы»[17], а не отвергнет скорее это надутое словоизвержение его и ему подобных и не обратится к поискам истинной мудрости?

Посему пусть вас не сбивают с толку торжества этих любозвонов, а не любомудров, которые провозглашают противоположное друг другу и каждый вещает, что ему вздумается. Да и нелады между ними изрядные — ведь один ненавидит другого, и держатся они противоположных взглядов, и по тщеславию ищут себе место повиднее. Льстить же начальствующим не следовало бы даже под предлогом царского достоинства, но ждать, пока вельможи сами придут к ним.

---

[9] Этика Аристотеля, считавшего, что для счастья необходимо внешнее благополучие, всегда оценивалась христианами резко отрицательно.

[10] Под этим «другом» не следует понимать самого Аристотеля.

[11] Имеется в виду убийство Клита.

[12] Неправильная цитата из фр. 101 Гераклита. В оригинале: «я исследовал самого себя».

[13] Основатель школы стоиков Зенон Китионский (335—263 гг. до Р.Х.) учил, что мир периодически погибает и возрождается в так называемых «воспламенениях», причем каждый следующий цикл в точности повторяет предыдущий.

[14] Обвинители Сократа.

[15] Эмпедокл (V в. до Р.Х.), по легенде, бросился в кратер Этны, чтобы своим внезапным исчезновением заставить людей думать, будто он причислен к богам. Однако одна из его медных сандалий была выброшена наружу, что выдало его замысел.

[16] Ферекид (VI в. до Р.Х.) считался первым философом, учившим о переселении душ (именно это учение «унаследовали» Пифагор и Платон).

[17] Киник Кратет (IV в. до Р.Х.) называл так свой брак с Гиппархией, также философом-киником.

4. Зачем же вы, мужи эллины, словно в кулачном бою хотите столкнуть с нами народы? И если я не хочу вместе с кем-то пользоваться его узаконениями, почему меня ненавидят, как последнего мерзавца? Император приказывает платить подать — я готов давать ее. Господин велит прислуживать и быть рабом — я признаю рабство. Ибо человека подобает почитать как человека, а бояться только Бога, который невидим человеческими очами и невыразим искусством. Вот от Него только если мне прикажут отречься, я не повинуюсь, но скорее умру, чтобы не оказаться лживым и неблагодарным. Бог, как мы Его понимаем, не имеет начала во времени как единственный безначальный и Сам начало всего. «Бог есть дух», не пронизывающий вещество, но Создатель вещественных духов и образов, невидимый и неосязаемый, Сам Отец чувственного и видимого. Мы знаем Его через творение и «невидимое силы Его постигаем в творениях» (Рим. 1,20). Я не хочу поклоняться творению, Им созданному ради нас. Солнце и Луна возникли ради нас — как же я буду поклоняться моим прислужникам? Как назову дерево и камни богами? Ибо дух, пронизывающий вещество, который, поскольку уподобляется веществу, ниже более божественного Духа, не следует почитать наравне с совершенным Богом. Но и неименуемого Бога нельзя подкупать, потому что Того, Кто не нуждается ни в чем, не должно представлять нуждающимся. Но я изложу наши воззрения яснее.

5. «Бог был в начале»[18], предание же учит, что «начало» есть сила Слова. Ибо Владыка вселенной, Сам будучи существованием всего, был один постольку, поскольку еще не совершилось творение, поскольку же с ним была вся возможность видимых и невидимых, Он, Сам вместе с Собою и Слово, Которое было в Нем, произвели все. Слово же исходит по воле простоты Его, и Слово, пройдя не через пустоту, становится первородным Его делом. Оно, мы знаем, и есть начало мира. Произошло же Оно разделением, а не отсечением; ибо отсеченное разобщено с тем, что было первоначально, а отделенное, приняв разделение для какой-то цели, не вносит недостатка туда, откуда было взято. Ибо как от одного факела можно зажечь много огней, свет же первого факела не уменьшается от зажжения многих других, так и Слово, произойдя от силы Отца, не сделало Родителя бессловесным. Ведь и я сам говорю, а вы слушаете, и из-за прехождения слова я, беседуя, не лишаюсь его, но, произнося звуки, я решил упорядочить в вас неустроенное вещество, и, подобно тому, как Слово, рожденное в начале, в свою очередь породило Само для Себя (видимое) нами творение, создав вещество, так же и я в подражание Слову, возродившись и придя к пониманию истины, преобразую сумятицу родственного вещества. Ибо вещество ни безначально, как Бог, ни равносильно Богу из-за своего безначалия, но оно возникло и стало быть благодаря ни кому иному, как только Создателю всего.

6. Поэтому мы верим, что будет и телесное воскресение после конца мира, не так, как утверждают стоики, будто одно и то же вечно появляется и исчезает без всякой пользы в соответствии с какими-то повторяющимися круговращениями[19], но когда наш век окончится раз и навсегда, воскресение произойдет только для людей ради суда. Судьи же нам не Минос или Радамант[20], до кончины которых, как баснословят, ни одна душа не была судима, но Сам Бог Творец будет нам испытателем.

Какими бы болтунами и «суесловами»[21] вы нас не считали, нам нет дела, ибо мы веруем в это. Ибо как я, еще не существуя, прежде чем появиться, не знал, кто я, но лишь пребывал в существе плотского вещества, а не так давно возникнув, через это возникновение удостоверился в своем бытии — тем же са-

[18] Ср. Ин. 1,1.

[19] См. прим. 13.

[20] Критские цари, после смерти ставшие судьями в царстве мертвых.

[21] Ср. Деян. 17, 18.

мым образом, возникнув и со смертью перестав быть и исчезнув, я снова буду как бы недавно возникшим, а затем родившимся. И если даже огонь уничтожит мою плоть, испарившееся вещество останется в мире, и пусть я истлел в реке или в море или был разорван зверями — я сохранен в кладовых богатого хозяина. И нищий и безбожник не знает о хранимом, но царствующий Бог, когда захочет, возвратит лишь видимое его существо в первоначальное состояние.

7. Ибо небесное Слово, будучи духом от духа и Словом от словесной способности, подражая породившему Его Отцу, сотворило человека образом бессмертия, чтобы, как нетление присуще Богу, тем же образом и человек, приобщившись к Божию уделу, имел бессмертие. Итак, Слово до сотворения человека становится создателем ангелов; каждый же из обоих видов творения получил свободу воли, не будучи благим по природе (что свойственно только Богу, людьми же достигается в свободном выборе), чтобы дурной человек был справедливо наказан, сам по себе став негодяем, а праведник получил достойную похвалу за свои подвиги, по свободной воле не преступив Божьего повеления. Вот как обстоит дело с ангелами и людьми: а сила Слова, имея предвидение о том, что сбудется благодаря не року, но свободному волеизъявлению и выбору, предсказывала будущие события, препятствуя злу запретами и восхваляя тех, кто остался добродетелен. И так как люди и ангелы последовали за неким, кто был умнее прочих из-за своего первородства, и провозгласили богом восставшего против закона Божия, сила Слова тогда отлучила зачинщика беззакония и его последователей от пребывания с Собою. И тот, возникший по образу Божию, когда покинул его более могущественный дух, стал смертен, а из-за грехопадения и безумия назван был первородным демоном, и все подражатели его. Видения же его превратились в бесовское воинство, и ради свободы воли преданы были своему скудоумию.

8. А предлогом для отпадения стали для демонов люди. Ибо показав людям описание положений звезд, они, словно игроки в кости, придумали весьма несправедливый «рок». Ведь и судья, и подсудимый (получается), появились благодаря року, и убийцы, и убиенные, богатые и бедные суть порождения того же самого рока — и все происходящее доставляет им развлечение, как в театре, так что, по словам Гомера, «подняли смех несказанный блаженные боги Олимпа»[22]. Ведь (если) кто, наблюдая поединок, соревнует каждый своему бойцу, кто женится, растлевает мальчиков, прелюбодействует, смеется и гневается, убегает и получает раны — разве его можно не считать смертным? Ибо тем, что они показали себя людям такими, каковы они есть, они побудили слышащих (об этом) на подобные же дела. Да как бы и сами демоны вместе с предводителем своим Зевсом не подпали року, одержимые теми же страстями, что и люди.

И вообще, как почитать тех, между кем такая противоположность в проявлениях? Ведь Рея, которую фракийские горцы называют Кибелой, положила законом усечение срамных частей из-за своего любовника Аттиса[23], а Афродита радуется брачным союзам. Артемида чародейка, а Аполлон лечит. И когда отрубили голову Горгоне, любовнице Посейдона, из которой вышли конь Пегас и Хрисаор, капли крови поделили Афина и Асклепий, но он с их помощью исцелял, а она, устроительница войн, тою же кровью пользовалась для человекоубийства. Мне кажется, что афиняне, не желая выдавать ее, приписали Гее плод ее связи с Гефестом, чтобы не думали, будто Гефест лишил ее мужества, как Мелеагр Аталанту[24]. Потому что хромец, изготовитель пряжек и крученых браслетов, похоже, обманул рожденную без матери сироту[25] своими безделушками. По-

[22] Илиада. 1. 599; Одиссея. 8. 326.

[23] См. 63 стихотворение Катулла.

[24] Аталанта — дева-охотница, устраивавшая для своих женихов состязание в беге и убивавшая тех, кто проигрывал. Мелеагр сумел жениться на ней, обогнав ее с помощью хитрости.

[25] Как известно, Афину после смерти ее матери Метиды донашивал сам Зевс в собственной голове, откуда она и появилась в полном вооружении.

сейдон — мореплаватель, Арес наслаждается войнами, Аполлон — кифаред, Дионис как тиран правит фиванцами, а Крон убивает тирана. Зевс сходится даже с дочерью[26], и та от него беременеет. А теперь свидетелем мне будет Элевсин, и таинственный дракон, и Орфей, говорящий: «для несчастных же двери заприте»[27]. Аидоней похищает Кору, и деяния его становятся таинствами — оплакивает дочь Деметра и кого-то обманывают афиняне. В храме сына Лето есть нечто, называемое «омфалом», а «омфал» — это могила Диониса. Тебя я хвалю ныне, Дафна — победив невоздержанность Аполлона, ты разоблачила его предсказания, потому что он, не предугадав, что будет с тобой, не получил никакой пользы от своего искусства. Пусть теперь расскажет мне Дальновержец, как Зефир убил Гиацинта. Зефир победил его, и, хотя трагик говорит, что «ветер — драгоценнейшая колесница богов», побежденный кратким порывом ветра, он потерял возлюбленного.

9. Таковы-то эти демоны, которые установили рок. Первоосновой же для них были животные[28]. Ибо земных пресмыкающихся, и водоплавающих, и горных четвероногих, с которыми они обитали, изверженные из пребывания на небе, они удостоили небесной чести, чтобы думали, будто и они сами живут на небе, и чтобы неразумную земную жизнь представить осмысленной через расположение звезд. Так что среди законодателей судьбы есть и гневливый, и трудолюбивый, и воздержанный, и распущенный, и нищий, и богач. Ведь очертание зодиакального круга есть творение богов, и свет одного из них, возобладав, как говорят, «превозмогает» остальных, а побеждаемый сейчас затем обычно снова берет верх, и семь планет ублажают сами себя, словно игроки в кости.

Мы же и рока выше, и вместо семи блуждающих демонов-планет узнали одного не заблуждающегося Владыку[29], и, руководимые не судьбой, отвергли ее законодателей. Скажи мне, ради Бога: Триптолем посеял пшеницу, и, окончив плач, Деметра облагодетельствовала афинян — почему же она не стала для людей благодетельницей, пока еще не потеряла дочь? Показывают на небе пса Эригоны, и скорпиона, помощника Артемиды, и кентавра Хирона, и половину корабля Арго, и медведя Каллисто. Но что же, прежде чем они заняли свои места, небо было в беспорядке? Кому не покажется смешным, что, по мнению одних, Треугольник был помещен среди звезд ради Сицилии, а согласно другим — потому что это первая буква имени Зевса? И отчего же тогда и Сардиния, и Кипр не почтены на небе? И почему те из Зевсовых братьев, что разделили царство[30], тоже не помещены среди звезд с помощью каких-нибудь буквенных сочетаний? И как Крон, будучи скован и свергнут с престола, стал распорядителем судеб? Как, уже не царствуя, он раздает царства? Итак, бросьте ваш вздор и не согрешайте несправедливой ненавистью к нам.

10. Баснословят люди о превращениях — а превращаются у вас даже боги. Рея становится деревом, Зевс, ради Ферсефассы, драконом, сестры Фаэтона — тополями, а Лето — презренным животным, из-за которого нынешний Делос зовется Ортигией[31]. Скажи мне, это Бог делается лебедем, и принимает облик орла, и хвалится мужеложеством, потому что Ганимед служит ему виночерпием? Зачем мне чтить богов — мздоимцев, которые гневаются, если не получают? Пусть в их власти будет судьба: поклоняться планетам я не желаю. Что за прядь Береники, и где были звезды ее, пока вышеупомянутая не умерла[32]?

[26] Имеется в виду Персефона.

[27] Orphica. Fr. 334.

[28] В оригинале ζώωσις. Речь идет о зодиаке, название которого происходит от слова ζῴδιον, т.е. «животное» (именем которого названо созвездие). Поэтому перевод М. Уиттакер giving of life не кажется нам верным.

[29] Игра слов, основанная на том, что по-гречески «планета» означает «блуждающая звезда».

[30] Т.е. Посейдон и Аид.

[31] Ὄρτυξ по-гречески означает «перепел».

[32] На самом деле созвездие Прядь Береники было названо так придворным астрономом Кононом в честь благополучного возвращения египетского царя Птолемея III, мужа Береники, из похода еще при ее жизни.

И как это умерший Антиной, красивый мальчик, утвердился на луне[33]? Кто возвел его, если только и о нем, как и об императорах, кто-нибудь подкупленный не заявил клятвопреступно, насмехаясь над Богом, будто он взошел на небеса, и не удостоился почестей и даров, когда этому поверили, провозгласив богом себе подобного[34]? Зачем вы ограбили моего Бога? И зачем бесчестите его творение? Закалываешь овна — и ему же поклоняешься, телец на небе — а ты забиваешь его образ. Злое животное прогоняет Коленопреклоненный[35] — и почитается орел, пожиравший человекотворца Прометея. Хорош лебедь, потому что был прелюбодеем, хороши и чередующиеся Диоскуры, похитители Левкипповых дочерей. Еще лучше Елена, «златокудрого Менелая» оставившая, последовавшая же за митроносным и златообильным Парисом. Праведен и целомудрен поместивший блудодейку на Елисейские поля. Но и Тиндарида[36] не получила бессмертия, и мудро поступил Еврипид, изобразив убийство этой женщины Орестом.

11. Так как же я приму судьбу по рождению, видя таковых ее распорядителей? Царствовать я не хочу, разбогатеть не желаю, от военачальства отказался, блуд возненавидел, мореплаванием по ненасытности не занимаюсь, за венки не соревнуюсь, от бешеного тщеславия свободен, смерть презираю, над любой болезнью возвышаюсь, и скорбь души моей не снедает. Если я раб, терплю рабство, если свободный — не хвалюсь благородством[37]. Я вижу солнце одно для всех, и одну на всех смерть — в наслаждениях ли, в нужде ли. Богач сеет, а бедняк получает от того же семени — умирают и богатейшие, и у попрошаек тот же предел жизни. Богатым больше надо, и они имеют добрую славу, потому что им верят — но и самый скромный бедняк, желая того, что по нему, живет еще легче.

Что же ты, если есть рок, бодрствуешь ради сребролюбия? Зачем, если суждено, многократно вожделея, многократно умираешь? Умри для мира, отрекшись от безумия его, «живи Богу»[38], постижением Его отвергая прежнюю судьбу. Мы родились не для того, чтобы умирать, а умираем по своей вине. Погубила нас свободная воля — мы, свободные, сделались рабами, грехом проданы в рабство. Ничто дурное не сотворено Богом, мы сами породили зло — а породив, можем и отвергнуть.

12. Мы знаем два различных рода ду́хов, из коих один называется душой, а другой более души, образ и подобие Бога — но и то, и другое было у первых людей, так что в чем-то они были вещественны, а в чем-то — выше вещества. Дело же вот в чем. Можно видеть, что все устройство мира и все творения возникли из вещества, а вещество произведено Богом так, чтобы некая его скудость и безо́бразность мыслилась до того, как оно получило различие, а устроение и упорядоченность — после происшедшего в нем разделения. Итак, есть в нем вещественное небо, и звезды на нем, да и земля, и все живое, ею рождаемое, имеет подобный состав, так что у всего общее происхождение. При том, что все это так, среди произведений вещества есть некое различие, так что нечто прекраснее, а нечто тоже хорошо, но уступает чему-то лучшему. Ведь как состав тела имеет единое устроение и причина возникновения связана с телом (как целым), но при всем том в нем есть некоторые различия

---

[33] Антиной, возлюбленный императора Адриана, после своей гибели был по его приказу причислен к богам.

[34] Имеется в виду процелура обожествления римских императоров, когда заранее назначенный человек под присягой свидетельствовал, будто видел, как умерший возносился на небо с погребального костра. Ср. *Светоний*. Август, 100.

[35] Созвездие трактовалось как Геракл с занесенной дубиной, придавивший коленом дракона, охранявшего сад Гесперид.

[36] Не ясно, кто имеется в виду: Клитемнестра, дочь Тиндара, которую действительно убил Орест, или ее сестра Елена, которую он, согласно трагедии Еврипида «Орест», лишь пытался убить.

[37] Ср. 1 Кор. 7, 21.

[38] Ср. Кол. 2.20 и Рим. 6, 10.

и есть глаз, есть ухо, есть прическа, есть устройство внутренностей и скрепление мозга, костей и жил, и одно, отличаясь от другого, в соответствии с замыслом образует гармоническое согласие — так же и мир, по силе Сотворившего его имея в себе что-то более блистательное, а что-то — несходное с тем, волею Творца получил долю вещественного духа. Подробности же может понять тот, кто не отбрасывает тщеславно божественнейшие толкования, которые, с течением времени излагаемые на письме, сделали внимающих им весьма боголюбивыми.

Однако же и демоны, которых вы так именуете, образовавшись из вещества и дух получив от него же, стали развратны и жадны, и (хотя) некоторые из них перешли в более чистое состояние, другие избрали худшее в веществе и ведут себя подобно ему. Им-то, мужи эллины, вы и поклоняетесь, происшедшим из вещества и далеким от правильного поведения. Ибо они, по глупости своей впав в тщеславие, взбунтовались и вознамерились стать похитителями божества, Владыка же всего оставил их роскошествовать, пока мир, придя к концу, не разрушится, и не приидет судия, и все люди, вопреки сопротивлению демонов стремящиеся к познанию Бога, не обретут трудами своими в судный день свидетельство совершенное.

Итак, есть дух в светилах, дух в ангелах, дух в растениях и водах, дух в людях, дух в животных, но, один и тот же, он имеет в себе различия. А так как мы говорим это не понаслышке, и не по догадке, и не от понятий и софистических построений, но пользуясь словами некоего божественного возглашения, поспешите научиться, кто желает — и те, кто не отвергает скифа Анахарсиса[39], не сочтите недостойным и теперь принять наставление от последователей варварского законодательства. Воспользуйтесь нашими учениями хотя бы как вавилонскими предсказаниями — услышьте наши речи хотя бы как вещего дуба[40]. И то, о чем говорилось раньше — уловки сумасшедших демонов, а наша ученость выше мирского постижения.

13. Душа, о мужи эллины, сама по себе не бессмертна, а смертна — но она же может и не умирать. Ведь она, не зная истины, умирает и распадается вместе с телом и воскресает позднее при конце мира, принимая вместе с телом смерть через наказание в бессмертии, — и наоборот, не умирает, даже отрешившись на время, если познает Бога. Ибо сама по себе она есть тьма, и нет в ней ничего светлого. Об этом и сказано: «Тьма свет не объяла» (Ин. 1.5). Ибо душа не сама спасла дух, но спасена им, и свет объял тьму в том смысле, что свет Божий есть Слово, а тьма — душа невежд. Поэтому, пребывая в одиночестве, она тяготеет вниз, к веществу, умирая вместе с плотью, а стяжав союз с духом божественным (уже) не беспомощна, но восходит туда, куда ведет ее дух. Ибо его обиталище вверху, ее же происхождение дольнее. Итак, дух изначально пребывал вместе с душою, но оставил ее, когда она не захотела последовать за ним. Она же, получив как бы искру его силы, и из-за разлучения не способная созерцать совершенство, взыскуя Бога, в заблуждении вообразила многих богов, следуя враждебным ухищрениям демонов. Дух же Божий есть не у всех, но, вселяясь в некоторых, живущих праведно, и переплетаясь с (их душою), он через предсказания возвестил сокровенное прочим душам — и одни, послушавшись премудрости, привлекли к себе самим родственный дух, а непослушные и отвергающие служителя страдавшего Бога оказались скорее богоборцами, чем богопоклонниками.

14. Вот и вы таковы, о эллины, на словах речистые, а представлениями нелепые. И вы упражняетесь в «многовластии» скорее чем в единоначалии, полагая, что следуете за демонами, которые будто бы могущественны. Ибо как разбойник,

---

[39] Греки приписывали Анахарсису различные изобретения и даже числили его среди семи мудрецов.

[40] Намек на оракул Зевса в Додоне, прорицающий шелестом листвы старого дуба.

будучи бесчеловечен, отвагой обычно одолевает себе подобных, так и демоны, далеко зайдя во зле, с помощью невежества и привидений обманули ваши оставшиеся в одиночестве души.

Умирают эти демоны не так легко, потому что лишены плоти, но вживе творят дела смерти, умирая и сами столько же раз, сколько научают греху своих последователей, так что теперешнее их преимущество, что они не умирают подобно людям, останется у них и при грядущем наказании, и они останутся непричастны вечной жизни, вместо смерти караемые в бессмертии. Но как мы, которым теперь легко выпадает умирать, снова получаем или бессмертие со блаженством, или скорбь с бессмертием, так и демоны, злоупотребляющие теперешней жизнью для преступлений, всю жизнь постоянно умирая, снова будут иметь то же самое бессмертие, подобное тому, которое они имели при жизни, по состоянию сходное с (уделом) людей, по доброй воле исполнивших то, что предписали им при жизни демоны. И притом у последователей их, по недолговечности, меньше процветает видов греха, а прегрешения упомянутых демонов отягчаются благодаря бесконечной жизни.

15. И в остальном следует нам снова искать то, что мы, имея, потеряли, и сочетать душу с духом святым, и осуществить богоугодное сопряжение. Так вот, душа человеческая многочастна, а не одночастна. Ибо она сложна, и потому проявляется через тело: ведь и она никогда не была бы видима без тела и плоть не воскресает без души. Ибо человек не есть, как учат каркающие вороньим голосом, разумное существо, восприимчивое к уму и знанию — ведь у них и бессловесные животные окажутся восприимчивы к уму и знанию — но лишь человек есть «образ и подобие Божие»[41] (я говорю не о человеке, творящем подобное животным, но о том, который далеко продвинулся от человечества к Самому Богу). Но об этом мы подробно написали в сочинении «О живых существах»[42], а сейчас нужно вкратце сказать, что это за образ и подобие Бога.

Несравнимо не что иное, как Само Сущее, сравнивается же не что иное, как подобное. Итак, совершенный Бог бесплотен, человек же есть плоть. Скрепа же плоти — душа, а плоть содержит душу, и если такого рода состав назвать храмом, то Бог желает обитать в нем через посредствующий дух. Если же такового жилища нет, то человек превосходит зверей лишь членораздельной речью, а в остальном ведет такую же жизнь, не будучи подобием Божиим. Демоны же все не имеют плотского начала, но состав их духовен, как пламя и воздух. Посему лишь для охраняемых духом Божиим зримы и тела демонские, остальным же — никоим образом (я имею в виду душевных). Ибо меньшее не в силах добиться постижения высшего. Поэтому-то в существе демонов нет места для покаяния, так как они суть отблески вещества и зла, а вещество захотело властвовать над душою и благодаря свободной воле они передали людям законы смерти, а люди, после утраты бессмертия, смертью через веру победили смерть, и от покаяния даровано им призвание, по слову сказавшего: «ибо немногим умалены перед ангелами»[43]. Всякому же побежденному возможно победить вновь, отказавшись от состояния смерти. А каково оно, легко будет увидеть тем, кто желает бессмертия.

16. Демоны же, предписывающие людям, не суть души человеческие. Ибо как бы они были способны к деятельности даже после смерти, если только не принять на веру, что при жизни человек был неразумен и бессилен, а став мертвецом, сделался уже причастен к более действенной силе? Но, как мы уже показали в другом месте, не так обстоит дело, и трудно думать, что бессмертная душа,

---

[41] Ср. Быт. 1, 26—27.

[42] От этого сочинения ничего не сохранилось.

[43] Пс. 8, 5; Евр. 2, 7 и 9.

скованная частями тела, после того как выселится из него, становится умнее. Ведь демоны, опьяняя людей своим злонравием, разнообразными и лживыми ухищрениями извращают их волю, тяготеющую книзу, чтобы та лишилась возможности воспарить к небесному странствию. Но и от нас не укрылись дела мира, и вам удобопостижимо будет божественное, если придет к вам сила, творящая души бессмертными.

Видят же демонов и душевные, когда те иной раз показывают себя людям, чтобы представиться чем-то или навредить словно врагу, друзья с недобрыми замыслами, или чтобы дать подобным им повод для поклонения себе. Ведь будь они в силах, они непременно совлекли бы и небо вместе с прочим творением; ныне же они вовсе этого не делают — потому что не могут — а воюют с помощью низшего вещества с подобным им веществом. И если кто хочет победить их, пусть отречется от вещества — ибо, вооружившись броней небесного духа, он сможет спасти все, облеченное ею. Бывают и болезни, и возмущения вещества, которое в нас: демоны же причину их, когда они случаются, приписывают самим себе, приступая, когда схватит недуг. Иногда же они и сами сотрясают телесное состояние бурею своего безумия. Тогда они удаляются в страхе под ударами слова силы Божией и больной исцеляется.

17. А о Демокритовых «симпатиях» и «антипатиях» что нам и сказать, кроме того, что абдерит говорит как абдерский глупец[44]. И как тот, из-за кого назвали город, друг Геракла, как говорят, был съеден конями Диомеда, таким же образом и хвалящийся магом Останом[45] в день конца будет предан в пищу вечному огню. И вы, если не перестанете насмехаться, понесете ту же кару, что и колдуны. Поэтому, о эллины, послушайте меня, взывающего к вам как будто с возвышенного места, и высмеивая мою недалекость, не переносите ее на глашатая истины. Страдание не исцеляется противоположным страданием, и беснующийся не исцеляется кожаными подвесками. Есть посещения демонов, так что и больной, и кто говорит, что влюблен, и ненавидящий, и желающий отомстить берут их в помощь. А устраивают они это так. Ибо как начертания букв и их ряды не могут сами по себе выражать значение, но люди сами создали себе знаки для понятий, по определенному их расположению зная, какой порядок положено иметь буквам, — примерно так и многообразие корней и сочленения костей и жил не действенны сами по себе, но суть вещественные носители коварства демонов, которые, определив то, в чем каждое имеет силу, когда видят, что люди принимают их помощь, уловляют их и заставляют служить себе. А как может быть благом — прислуживать прелюбодейству? И разве добропорядочно — помогать ненавидеть кого попало? И хорошо ли приписывать помощь, получаемую беснующимися, веществу, а не Богу? Своими уловками они отвращают людей от благочестия, заставляя их повиноваться травам и кореньям — а Бог, если бы приуготовил это для того, чтобы люди делали, что хотят, был бы творцом дурных вещей, тогда как Он сотворил все, что хотя бы чем-то хорошо, демонское же распутство воспользовалось тем, что есть в мире, для злодеяний, и зло как вид принадлежит им, а не совершенному Богу.

Да и каким образом, если я при жизни был менее всего зол, когда я буду уже мертвец, остаток, который во мне, не движущийся и не чувствующий, без всякого моего действия произведет нечто ощутимое? И как погибший жалкой смертью сможет послужить для чьего-либо наказания? Ведь если бы это было так, он, гораздо вероятнее, отомстил бы за себя собственному врагу — ибо, имея возможность помогать и другим, он тем более стал бы собственным мстителем.

(Продолжение следует)

---

[44] Жители города Абдеры славились своей глупостью. Ср. *Марциал.* 10.25, 4.

[45] Демокрит считался учеником легендарного персидского мудреца Остана, которому был впоследствии приписан целый корпус трактатов по магии и медицине.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
СА — Советская археология
AJA — American Journal of Archaeology
AEspA - Archivo Español de Arqueología, Madrid
ATL — *B.D. Heritt, M.F. McGregor, H.T.Wade-Gery.* Athenian Tribute Lists. Vols. I—IV. Cambridge Mass., 1939—1935
Busolt — Swoboda — G. Busolt, H. Swoboda. Griechische Staatskunde. Bd I—II. München, 1920—1926
Colin, Hypéride — Hypéride. Discours. Texte établi et publie par Gaston Colin. Paris, 1946.
Gernet, Antiphon — Antiphon. Discours, suivis des fragments d'Antiphon le Sophist. Text établis et traduit par L.Gernet. Paris, 1923
Gernet, DPC — L. Gernet. Démosthène. Plaidoyers civils. Vols, I—IV. Paris, 1954—1960.
IOSPE — Inscriptiones antique orea septentrionalis Ponti Euxini
JA — Journal asiatique
JHS — Journal of Hellenic Studies
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
LB — Linguistique Balkanique
Lipsius, AR — J.H. Lipsius. Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd I—III. Leipzig, 1905—1915
MacDowell, AHL — *D. MacDowell.* Athenian Homicide Law. Manchester, 1963
MAO, *Maidment — K.J. Maidment.* Minor Attic Orators. London, 1941
MEFR — Mélanges de l'École française de Rome, Paris
MM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Abt. Madrid), Heidelberg
NS — Notizi degli Scavi di Antichità. Roma
RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. Torino
SE — Studi Etruschi. Firenze
Tod, GHI — M.N. *Tod.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. V. II. Oxford, 1948
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Бехерт Х. (Геттинген) — Противоречия в датировке Паринирваны Будды и истоки тхеравадской хронологии 3
Грейс Э. Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву (окончание) 25
Смагина Е.Б. (Москва) — Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии 40

ПУБЛИКАЦИИ

Даньшин Д.И. (Москва) — Фанагорийская община иудеев 59
Карышковский П.О. — Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры 73

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Переход от античности к средневековью

Бласкес Мартинес Х.М. (Мадрид) — Характерные черты испанского общества в период Поздней Римской империи 97

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Кисель В.А. (С.-Петербург) — Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса 111
Баюн Л.С. (Москва), *Орел В.Э.* (Тель-Авив) — Лингвистическая и культурно-историческая интерпретация Ситовской надписи 126
Ульянова И.Л. (Москва) — Новые папирусные фрагменты комедий Менандра 136
Селезнев М.Г. (Москва) — Библия в эллинистическом мире (*Рассказ о творении мира и греческий ритор*) 142
Шабага И.Ю. (Москва) — Опыт исследования галльских панегириков количественными методами 147
Люйе М.-К. (Безансон) — Стратегии господства и регуляция политики в переходный период: создание образа императора в латинских панегириках 161

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Любин В.П., Куликов О.А. (С.-Петербург) — Евразия изначальная (*Последние открытия на Кавказе*) 173

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Карпюк С.Г. (Москва) — Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета 175
Тункина И.В., Фролов Э.Д. (С.-Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева (*Из неизданного научного наследия*). 182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Егоров А.Б. (С.-Петербург) — Обзор научной литературы по античности Петербургского государственного университета 195
Вяткин Р.В. (Москва) — Изучение научного наследия Сыма Цяня на Востоке и Западе (*Историко-библиографический обзор*) 204
Немировский А.И. (Москва) — Материалы для изучения этрусской цивилизации 212

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Новиченкова Н.Г. (Ялта) — Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея 222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зинько В.Н. (Керчь) — Международная научная конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991 г.) 229
В.И. (Москва) — XIII Международный коллоквиум по античному роману (Гронинген, 22 апреля 1992 г.) 230

Подосинов А.В., Сильвестров Д.В. (Москва) — Новые пути возрождения классического образования в России (О работе I летней русско-латинской школы и конференции «Классическое образование в России. История и перспективы. Чтения памяти святого митрополита Всея Руси Алексея (1354—1378 гг.)», Серпухов, 6—9 августа 1992 г.) 232
Семенченко Л.В., Карпюк С.Г. (Москва) — «Круглый стол» «Экология и античное общество» (Анапа, 20 сентября 1992 г.) 234
Кунина Н.З., Неверов О.Я. (С.-Петербург) — Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929—1991) 236

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татиан. Слово к эллинам. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии *Д.Е. Афиногенова* (Москва) 238

CONTENTS

H. Bechert (Göttingen) — The Controversy Concerning the Dates of the Buddha's Parinirvāna and the Rise of the Therevada Chronology 3
E. Grace — The «Altogether» Xenos as Killer in Attic Law 25
Ye.B. Smagina (Moscow) — Sources and Formation of the Conception of the King of Demons in the Manichaean Religion 40

PUBLICATIONS

D.I. Danshin (Moscow) — Phanagorian Community of Jews 59
P.O. Karyshkovsky — New Olbian Dedications of the First Centuries A.D. 73

DISCUSSIONS

J.M. Blázquez Martinez (Madrid) — Characteristics of the Hispanic Society of the Late Roman Empire 97

REPORTS AND COMMUNICATIONS

V.A. Kisel (S.-Petersburg) — Stylistic and Technological Attribution of the Silver Mirror from Kelermes 111
L.S. Bayun (Moscow), *V.E. Orel* (Tel-Aviv) — Linguistic and Cultural-Historical Interpretation of the Sitovo Inscription 126
I.L. Ulyanova (Moscow) — New Papyrus Fragments from Menander's Comedies 136
M.G. Seleznev (Moscow) — Bible in the Hellenistic World (*A Story of World Creation and a Greek Rhetor*) 142
I.Yu.Shabaga (Moscow) — Analysis of Gallic Panegyrics by Quantitative Methods 147
M.-C.L'Huillier (Besançon) — Strategics of Domination and Regulation of Politics within Transition: The Production of the Imperial Image by the Latin Panegyrics 161

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

V.P. Lyubin, O.A. Kulikov (S.-Petersburg) — Eurasia at the Beginning (*The Recent Discoveries in Caucasus*) 173

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

S.G. Karpyuk (Moscow) — The Case of the Appointment of a Professor of Greek Philology to the Staff of Moscow University 175
I.V. Tunkina, E.D. Frolov (S.-Petersburg) — Zhebelev's Historiographic Studies (*from unpublished scientific heritage*) 182

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

A.B. Yegorov (S.-Petersburg) — Review of the Collection of Articles issued by the Chair of the History of Ancient Greece and Rome of Petersburg University 195

R.V. Vyatkin (Moscow) — Studying of Ssuma Ch'ien's Scientific Heritage in the East and the West 204
A.I. Nemirovsky (Moscow) — Materials for the Study of the Etruscan Civilization 212

IN WORLD MUSEUM COLLECTIONS

N.G. Novichenkova (Yalta) — Archaeological Collection of the Yalta Museum of History and Literature 222

SCIENTIFIC EVENTS

V.N. Zinko (Kerch) — International Scientific Conference «Problems of Archaeology and the History of Bosporus» (Kerch, 1991) 229
V.I. (Moscow) — XIII International Colloquium on the Ancient Novel (Groningen, April 22, 1992) 230
A.V. Podosinov, D.V. Silvestrov (Moscow) — The First Russian-Latin Summer School «Classical Education in Russia» (Serpukhov, August 6—9, 1992) 232
L.V. Semenchenko, S.G. Karpyuk (Moscow) — «Round Table» «Ecology and Antique Society» (Anapa, September 20, 1992) 234
N.Z. Kunina, O.Ya. Neverov (S.-Petersburg) — In Memory of Nonna Leonidovna Grach (1929—1991) 236

SUPPLEMENT

Tatiani. *Oratio ad Graecos.* Introduction, Translation and Commentaries of *D.Ye. Afinogenov* (Moscow) 238

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 19.11.92 Подписано к печати 18.01.93 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 97,2 тыс. Уч.-изд. л. 26,7 Бум л. 8,0
Тираж 4576 экз. Зак. 3500 Цена 15 р.

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт всеобщей истории АН СССР, Тел. 938-19-12
Московская типография, №2 ВО «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

РОССИЯ, 101813 МОСКВА, ЦЕНТР ПРОЕЗД СЕРОВА 4
ТЕЛЕКС 411630 ZNANE SU ФАКС /007//095/ 923-78-23 ТЕЛЕФОН 924-55-20

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ "ЗНАНИЕ"

Международная научно-просветительская ассоциация «Знание» (МНПА) образована в ноябре 1991 года для распространения научных знаний, развития контактов между учеными и специалистами разных стран, для международного обмена научной информацией и иной интеллектуальной продукцией.

Ассоциация на добровольных началах объединяет неправительственные, неполитические просветительские общества, фонды, научные и культурные центры России, Украины, Беларуси, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Кыргызстана, Эстонии, Молдовы, Армении, Туркменистана, а также Италии, Монголии, Чехо-Словакии, Японии, Финляндии.

В Международную ассоциацию «Знание» вошли не только научно-просветительские организации, но и выдающиеся ученые, видные общественные деятели, представители деловых кругов. Среди них: Ханс Форсберг — президент Королевской Шведской академии инженерных наук, Хорхе Марио Аффани — директор Института неврологии Национального Совета по научным и техническим исследованиям (Аргентина), Такуми Уэда — президент Японского международного центра дружбы и обменов и многие другие.

Одно из важнейших направлений деятельности МНПА «Знание» — популяризация и распространение научных, технических и гуманитарных знаний с применением наиболее эффективных приемов перевода информации о новейших достижениях современной науки на простой и доступный всем язык.

Ассоциация сотрудничает с ЮНЕСКО, ЭКОСОС, ЮНИДО, ЮНКТАД, МОТ, ВОЗ и другими специализированными организациями ООН, с региональными межгосударственными организациями, содействует их участию в реализации научных, просветительских и образовательных программ.

«Через знание — к взаимопониманию, сотрудничеству и прогрессу» — это девиз Международной научно-просветительской ассоциации «Знание».

Международная научно-просветительская ассоциация «Знание» — неправительственное, неполитическое общественное объединение международных, региональных и национальных просветительских организаций, фондов, центров, формирований.

Международная научно-просветительская ассоциация «Знание» — продолжатель традиций просветительского общественного движения в России и других стран.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЖДЕТ ВАС!
НАША СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЗАЛОГ ВАШЕГО И НАШЕГО УСПЕХА!

Адрес МНПА «Знание»: 101913, Москва, Центр, проезд Серова, дом 4, подъезд № 8
Контактный телефон: 924-55-20 Телекс 411630 ЗНАНИЕ Факс (095) 923-78-23
(095) 206-82-74

ПЕРЕЧЕНЬ
основных международных научно-просветительских мероприятий Международной научно-просветительской ассоциации «Знание»

Научная конференция «Неореволюции в бывшем СССР и Восточной Европе (власть и собственность)	г. Рига	4—6 апреля 1993 г.
Коллоквиум по проблемам евроазиатской цивилизации	г. Алма-Ата	15—17 февраля 1993 г.
Симпозиум «Трансплантация человеческих органов: этический и правовой аспекты»	г. С.-Петербург	ноябрь 1993 г.
Семинар по проблемам смягчения последствий Чернобыльской катастрофы	г. Брянск	февраль 1993 г.
Семинар «СНГ и Восточная Европа: выбор пути и права человека»	г. Москва	31 мая—4 июня 1993 г.
Научный семинар по проблемам международного космического мониторинга Земли	г. Киев	май 1993 г.
Конференция «Выдающиеся мыслители Средней Азии и их вклад в мировую культуру»	г. Ташкент	октябрь 1993 г.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ASSOCIATION «ZNANIE»

The International Scientific and Educational Association (ISEA) «Znanie» was founded in November 1991 to disseminate scientific knowledge, develop contacts between scholars and specialists of various countries, exchange scientific information and other intellectual optput.

The Association unites on a voluntary basis non-governmental, non-political educational societies, foundations, scientific and cultural centres of Russia, Ukraine, Byelorussia, Uzbekistan, Kazakhstan, Georgia, Kirgizstan, Estonia, Moldova, Armenia, Turkmenistan, as well as those of Italy, Mongolia, Czechoslovakia, Japan and Finland.

Not only scientific and educational organizations but also outstanding scientists, prominent public figures, representatives of business circles have joined the International Association «Znanie». Among them are Hans Vorsberg, president of the Royal Swedish Academy of Engineering Sciences, Horhe Mario Affani, director of the Institute of neurology of the National Council for Scientific and Technical Studies (Argentina), Takumi Ueda, president of the Japanese International Centre of Friendship and Exchanges, and many others.

One of the main aims of the activities of the International Scientific and Educational Association «Znanie» is popularization and dissemination of scientific, technical and humanitarian knowledge with the use of the most efficient means of translating information on the latest achievements of contemporary science into a simple and easily understandable language.

The Association cooperates with UNESCO, ECOSOC, UNJDO, UNCTAD, JLO, WHO and other specialized agencies of the United Nations, with regional interstate organizations, it promotes their participation in the implementation of scientific, enlightening and educational programmes.

«Through knowledge to mutual understanding, cooperation and progress» is the motto of the International Scientific and Educational Association «Znanie».

The International Scientific and Educational Association "Znanie" is a non-governmental, non-political public association of international, regional and national educational organizations, foundations, centers and societies.

The International Scientific and Educational Association «Znanie» develops traditions of the educational public movement in Russia and other countries.

The International Scientific and Educational Association invites your participation. Our joint activity is the guarantee of your and our success.

Address of the ISEA «Znanie»: 101913, Moscow, Centre, proesz Serova, 4, entrance 8

Phone: 924-55-20

Telex: 411630 «Znanie»

Fax: (095) 923-78-23
(095) 206-82-74

Calendar of Principal International Events of the International Scientific and Educational Association «Znanie»

Scientific conferense "Neorevolutions in the former USSR and Eastern Europe" (power and property ownership)	Riga	Aprul [4-6 1993]
Colloquium on Eurasian civilization	Alma-Ata	February, [15-17 1993]
Symposium "Transplantation of Human Organs: ethical and legal Aspects"	St.Petersburg	November 1993
Seminar on lessening of the consenquences of the Chernobyl catastrophe	Bryansk	February 1993
Seminar: "The CIS and Eastern Europe: the choise of the way and human rights"	Moskow	May 21—June 4 1993
Scientific seminar on the international space monitoring of the Earth	Kiev	May 1993
Conference "Outstanding thinkers of Central Asia and their contribution to world culture	Tashkent	October 1993

Международный фонд Российско-эллиниского духовного единства образован 31 января 1991 г. по инициативе видных ученых и деятелей культуры и духовенства. Главой попечительского совета фонда является патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Фонд является общественной, неправительственной организацией, основанной на принципах самоуправления для развития международного сотрудничества неформальных организаций, ученых, деятелей литературы и искусства, бизнесменов. Будучи общественной организацией, фонд осуществляет свою деятельность на мировотворческой и благотворительной основе, сотрудничает со всеми общественными, культурными и религиозными организациями как внутри страны, так и за рубежом.

Основными задачами фонда являются:

— Активное развитие неправительственных связей между русской, украинской, белорусской, армянской, греческими диаспориями мира, церковными приходами, семьями, разделенными в прошлом, фирмами, предприятиями, учреждениями, отдельными предпринимателями, деятелями церкви, писателями, учеными, деятелями искусства, медицины, спорта, педагогики, молодежными коллективами и др., на территории которых происходит реализация программ и проектов во имя консолидации всех сил и движений, способных внести вклад в укрепление взаимопонимания между народами и странами на основе высоких принципов духовности и нравственности.
— Всемерное развитие и поощрение акций, способствующих стабилизации национальных отношений как внутри страны, так и за рубежом.
— Поощрение всевозможных форм сотрудничества с бизнесменами, частными лицами, фирмами, государственными предприятиями, фермами, банковскими кругами, объединениями ученых и деятелей культуры для решения задач, предусмотренных уставом фонда.
— Развитие инициативы по созданию международного Университета Российско-эллинского духовного развития, а также международного банка социального и духовного развития.

Широкое участие в международных, всесоюзных и республиканских научно-исследовательских, экологических, религиозных программах, выставках искусства и бизнеса.

— Изучение мирового опыта по технологиям социального развития, создание и отработка механизмов, их практическое апробирование и реализация

В этой связи фонд оказывает финансовую помощь обществам и гражданам, участвующим в создании и реализации его программ. Фонд получает и передает в дар российско-эллиниские духовные ценности, хранит и пропагандирует их в музеях страны и за рубежом, широко освещая эту благородную деятельность в средствах массовой информации. Фонд содействует реставрации и других культурных архитектурных памятников, способствует восстановлению монастырей и церквей, памятников искусства, мемориалов и других объекотв, связанных с национальным возрождением всех россиян как внутри страны, так и за пределами.

Фонд оказывает помощь всем заинтересованным лицам, учреждениям, организациям в научно-исследовательской и поисковой работе в области изучения русского, украинского, белорусского, греческого, латинского, древнерусского языков, истории, религии, культуры, литературы, архитектуры, медицины, искусства, археологии, этнографии, прикладных и технических наук.

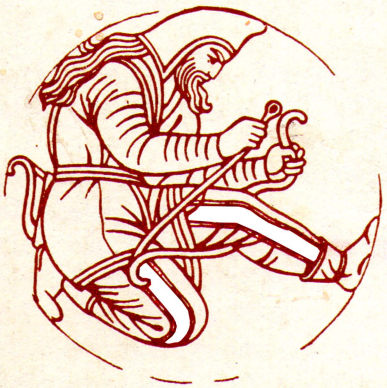
— Содействует изданию и распространению журналов, газет, художественной, научной и религиозной литературы, произведений искусства и живописи, скульптуры, организует концерты мастеров искусств; демонстрирует, приобретает и продает произведения искусства, художественные и документальные фильмы, архивные материалы по тематике фонда, проводит научно-практические конференции и другие мероприятия как внутри страны, так и за ее пределами.

— Вступает в международные неправительственные объединения, деятельность которых не противоречит международным нормам права и уставным задачам фонда; командирует за рубеж специалистов.

В составе фонда действует Попечительский совет, возглавляемый патриархом Московским и Всея Руси Алексием II, Совет экспертов, Комитет по планированию и прогнозированию фонда, а также различные отделы по направлениям деятельности культуры, искусства, религии. Президентом фонда является Г.Е. Трапезников.

Фонд открывает в различных регионах мира свои представительства, руководить которыми могут видные деятели культуры, науки, искусства и деятели церкви, проживающие в этих странах. С их помощью фонд надеется проводить различные мероприятия, направленные на улучшение взаимопонимания, на усиление неформальных межличностных контактов как между соотечественниками, проживающими за рубежом, так и со всеми лицами, желающими укрепить взаимопонимание с нашей страной на основе христианской морали и нравственности.

15 р.
Индекс 70119

Фонд «СКИФ».

Фонд учрежден акционерным обществом Всероссийский научно-промышленный концерн «Скиф Троицк».

Фонд разрабатывает и способствует научной разработке проблем культуры скифо-сармато-аланского мира, этногенеза и истории ираноязычных народов и их роли в судьбах населения евразийских цивилизаций.

Фонд направляет свою деятельность на:

1. Финансирование, организацию и проведение исследований по вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.
2. Организацию и проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», а также осуществление издательской деятельности; помощь в работе историко-археологических экспедиций.
3. Установление и развитие культурных и деловых связей с российскими и зарубежными учеными, научными центрами и ассоциациями и другими научно-культурными организациями по направлениям деятельности Фонда.
4. Содействие в подготовке квалифицированных исследователей в области науки и культуры.

Почетным Председателем Фонда является выдающийся ученый, профессор В. И. Абаев.

Фонд оказывает спонсорную помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

103031, Москва, а/я 53; Телефон: 198-24-13

«НАУКА»

ISSN 0321-0391 Вестник древней истории, 1993, № 1